

Э.Карр

8

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

**Социализм
в одной
стране
1924-1926**

Том 3(2)

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

8

СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ СТРАНЕ

1924 — 1926

Том 3

Часть 2

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

8

SOCIALISM
IN ONE COUNTRY
1924—1926

Volume three

Part II

London
Macmillan
1964

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ _____ 2

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

8

СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ
СТРАНЕ
1924 — 1926

Том 3

Часть 2

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междоусобица. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926».

Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

СОДЕРЖАНИЕ

Часть V ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ (продолжение)

Б: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОСТОК

	<i>Стр.</i>
<i>Глава 37.</i> Политика на Востоке	9
<i>Глава 38.</i> Ближний Восток	32
а) Турция	32
б) Персия	35
в) Арабский мир	39
г) Афганистан	43
<i>Глава 39.</i> Южная Азия	45
а) Индия	45
б) Индонезия	53
<i>Глава 40.</i> Революционный Китай	57
а) Пекин и Кантон	57
б) Начало брожения	77
в) Силы реакции	93
г) Две революции	104
<i>Глава 41.</i> Внешняя Монголия	132
<i>Глава 42.</i> Япония и Корея	174

В: СТРУКТУРА КОМИНТЕРНА

<i>Глава 43.</i> Организация	191
а) Центральный аппарат	192
б) Партии, входящие в Коминтерн	200

	<i>Стр.</i>
<i>Глава 44. Массовые организации . . . . .</i>	<i>217</i>
а) Красный Интернационал Профсоюзов	<i>218</i>
б) Международная рабочая помощь	<i>225</i>
в) Международная красная помощь	<i>225</i>
г) Крестьянский Интернационал	<i>228</i>
д) Красный Интернационал Спорта	<i>231</i>
е) Международное кооперативное движение	<i>240</i>
ж) Международный женский секретариат	<i>244</i>
<i>Глава 45. Коммунистический Интернационал Молодежи . . . . .</i>	<i>252</i>
<i>Глава 46. Программа Коминтерна . . . . .</i>	<i>260</i>
Приложение А. Советско-германское военное сотрудниче- ство	<i>269</i>
Приложение Б. Ленинские школы	<i>275</i>
<i>ПРИМЕЧАНИЯ . . . . .</i>	<i>279</i>

Часть V

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ

(продолжение)

Б: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОСТОК

ГЛАВА 37

ПОЛИТИКА НА ВОСТОКЕ

Первая стадия восточной политики Советского правительства и Коминтерна нашла свое типичное выражение на Бакинском конгрессе в сентябре 1920 г. Эта политика была сосредоточена в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке и главным образом направлена против Британской империи и британского империализма. Она достигла вершины успеха к 1921 г.; после того как в марте 1921 г. было заключено советско-английское соглашение (торговое), можно сказать, что первая волна революционного энтузиазма в отношении восточных народов спала. III конгресс Коминтерна, состоявшийся в июне — июле 1921 г., почти полностью игнорировал восточный вопрос¹. До этого времени Дальний Восток играл лишь небольшую и непостоянную роль в расчетах большевистских лидеров. Во время Бакинского конгресса в ИККИ обсуждалась идея аналогичного конгресса для народов Дальнего Востока². Но время для этого еще не пришло; оно не наступило вплоть до весны 1921 г. — полного разгара кампании против Унгерна — Штернберга во Внешней Монголии³, которую Дальневосточное бюро секретариата Коминтерна в Иркутске начало под руководством Шумяцкого, официального представителя Сибирского бюро Центрального Комитета партии, расположенного в Омске⁴. В июле 1921 г., после окончания III конгресса Коминтерна и успешного завершения Красной Армией своей операции против Унгерна — Штернберга во Внешней Монголии, ИККИ дал задание Радеку, Попову и Трилиссеру договориться с представителями стран Дальнего Востока о созыве конгресса народов Дальнего Востока под названием «Конгресс трудящихся Дальнего Востока»⁵. Первоначально было решено провести конгресс в Иркутске в ноябре 1921 г. Однако он был перенесен в Москву, где и начался 21 января 1922 г.⁶. Дальневосточный двойник Бакинского конгресса оказался жалким подобием своего предшественника и не привел к быстрому росту интереса Москвы к дальневосточным делам. По-видимому, за переводом конгресса в Москву последовала ликвидация Иркутского секретариата, который, разделив участь европейских секретариатов Коминтерна, прекратил свое существование в начале 1922 г.⁷.

Идея открытия нового окна для советской политики и рево-

люционной деятельности на Востоке вызревала в Москве медленно. В ноябре 1922 г., накануне IV конгресса Коминтерна, Сафаров хвастался образованием коммунистических партий во всех странах Востока, несмотря на то что они все были вынуждены работать нелегально⁸. В основном докладе конгрессу Зиновьев позволил себе увлечься некоторыми избитыми описаниями оптимизма⁹. Бухарин в своей длинной речи по проекту программы Коминтерна свел колониальный вопрос к одному маленькому параграфу, традиционно отметив, что ему нужно уделять больше внимания, чем прежде; а Радек на вопросы делегатов с Востока, которые жаловались на отсутствие интереса к их работе, цинично бросил реплику: «Интерес порождается делами»¹⁰. Конгресс принял длинную аналитическую резолюцию эклектического характера по восточному вопросу, но не призывал прямо к революционным действиям¹¹. В то же время резолюция по организационным вопросам предусматривала создание восточного отдела, который должен был стать первым региональным отделом в штаб-квартирах Коминтерна¹². Третий конгресс КИМа, последовавший сразу за конгрессом Коминтерна, создал «малую комиссию» для восточных и колониальных стран; однако ей не в чем было отчитаться, за исключением деятельности в Китае и Внешней Монголии. Что касается колоний, у нее не было «ничего реального, одни проекты»¹³.

В этот начальный период вялая деятельность Коминтерна на Дальнем Востоке была заслонена активностью Профинтерна. Поскольку Профинтерн не достиг в Европе даже частичного успеха или иллюзии успеха, как это удалось Коминтерну, и поскольку МФПС, которая воздвигла непреодолимый барьер Профинтерну в Европе, никогда не уделяла большого внимания рабочим стран Востока, естественно, что усилия Профинтерна должны были повернуться в этом направлении. Перед созданием Профинтерна в июле 1921 г. Межсовпроф разделил свою работу между пятью географическими секциями, одна из которых занималась восточными странами, и организовал бюро при Дальневосточном секретариате Коминтерна в Иркутске; однако считается, что его контакты с Дальним Востоком были ограниченными¹⁴. По случаю учредительного конгресса Профинтерна Лозовский выступил с предостережением о том, что рабочее движение приобретет шовинистические черты, если на Востоке оно будет слишком тесно связано с национально-освободительным движением, и высказался за движение, основанное на строго классовой базе¹⁵. Конгресс принял довольно поверхностную общую резолюцию «Профсоюзное движение на Ближнем и Дальнем Востоке и в колониях»¹⁶. Во время съезда трудящихся Дальнего Востока в Москве в январе 1922 г. исполнительное бюро Профинтерна создало специальную секцию для рассмотрения вопроса о профсоюзном движении в восточных странах. По-видимому, эта комиссия работала независимо от конгресса, и она не была упомянута в отчете о засе-

даниях. Комиссия работала на протяжении трех дней. В течение двух часов Лозовский выступал перед ней, говоря о важности профсоюзного движения, а некоторые из делегатов осветили позицию профсоюзов в своих странах. После доклада состоялись дебаты, в которых приняли участие делегаты профсоюзов Китая, Индонезии, Кореи и Японии. Важность этого события заключалась в том, что это было практически первое установление контакта между Профинтерном и зарождающимся профсоюзным движением на Дальнем Востоке¹⁷. В начале марта 1922 г. вторая сессия Центрального совета Профинтерна решила, что в связи с ускоряющейся индустриализацией Дальнего Востока Профинтерном должно быть создано специальное бюро для прямой агитации среди рабочих Дальнего Востока; ответственными за эту работу были назначены Рейнштейн и Катаяма; Семауну было поручено представлять Профинтерн в Индонезии¹⁸. 2 марта 1922 г., в то время как заседал совет, Международный Пропагандистский Комитет (МПК)¹⁹ транспортных рабочих созвал конференцию транспортных рабочих Дальнего Востока, на которой присутствовали делегаты от индонезийских железнодорожных рабочих и морских рабочих Китая, Японии и Индии; одному из делегатов было поручено вести работу среди японских моряков²⁰.

В это же время еще одна сторона проявила инициативу. В июне 1922 г. Австралийский совет профсоюзов — также, без сомнения, воодушевленный примером дипломатической конференции в Вашингтоне — решил созвать в июне 1923 г. в Сиднее конференцию профсоюзов тихоокеанских стран: Японии, Китая, Австралии, Индии, Явы, США, Канады и Филиппин²¹. Хотя из этого предложения ничего не получилось, можно предположить, что его не приветствовали в Москве именно потому, что Советская Россия была фактически исключена из состава участников. IV конгресс Коминтерна, состоявшийся в ноябре — декабре 1922 г., попытался перехватить австралийское лидерство, выдвинув в своей резолюции по восточному вопросу предложение о том, чтобы «представители революционного пролетариата тихоокеанских стран собрались на Тихоокеанскую конференцию для разработки правильной тактики и поиска соответствующих организационных форм для действительного объединения пролетариата всех рас на Тихом океане»²². В соответствии с этой подсказкой собравшийся сразу за этим II конгресс Профинтерна подхватил эту инициативу. Его основная резолюция в разделе, посвященном МПК, обращала внимание на необходимость организовать «транспортных рабочих вообще и транспортников стран Тихого океана в особенности» и создать «портовые бюро, которые были бы связующим звеном между революционными моряками всего мира»²³. Специальная резолюция, посвященная «профсоюзам на Востоке и в колониальных и полуколониальных странах», завершалась решением «созвать одновременно со следующим конгрессом Профинтерна как можно более широкую конференцию революционных профсоюзных орга-

низаций колониальных и полуколониальных стран всего мира». Пока же создание портовых бюро в главных портах служило бы связующим звеном между Западом и Востоком: это должно было быть задачей «особого совещания транспортников при участии Профинтерна»²⁴. Конференция МПК транспортных рабочих была проведена одновременно с конгрессом. На ней впервые в состав членов комитета вошли делегаты профсоюза китайских моряков, а также профсоюзов китайских и индонезийских железнодорожных рабочих²⁵; а в июне 1923 г. Центральный совет Профинтерна выпустил очередную инструкцию для МПК транспортных рабочих по работе в портовых бюро²⁶. По-видимому, это был наиболее многообещающий подход к рабочим Востока.

Положение рабочих в странах, имеющих колониальные владения или получающих выгоду от эксплуатации колониальных или полуколониальных территорий, подняло очень деликатную проблему. В 1920 г. на II конгрессе Коминтерна, когда восточный вопрос впервые был подвергнут серьезному обсуждению, британские делегаты признались, что большинство британских рабочих будет враждебно относиться к «революционной борьбе колониальных народов против британского империализма»²⁷. Но осложнения, вызванные этим мнением, как для коммунистов, так и для профсоюзов империалистических стран были игнорированы или недооценены в Москве. Коммунистические партии также не пожелали таскать каштаны из огня. «Комитет колониальных исследований» был образован в ФКП — частично благодаря настойчивости молодого аннамита Нгуен Ай Куока²⁸ — и даже выпустил призыв к «коренным жителям колоний»²⁹. Но это было редкое исключение. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре — декабре 1922 г. тунисский делегат упрекнул ФКП за ее равнодушие к освобождению колоний и процитировал резолюцию Алжирской секции партии, которая утверждала, что освобождение может быть только результатом революции во Франции, что обрекает коренное население на пассивную роль³⁰. Конгресс впервые включил в свою резолюцию по восточному вопросу параграф о «задачах партий метрополий в колониях». Коммунистическим партиям в странах, имеющих колонии, были даны инструкции оказывать систематическую поддержку «рабочим и революционным движениям в колониях» и учредить «постоянные колониальные комиссии», чтобы «непрестанно разъяснять широким трудящимся массам всю важность борьбы с империалистическим господством в отсталых странах»³¹. В декабре 1922 г. II конгресс Профинтерна в своей основной резолюции сформулировал новый подход к профсоюзной работе на Дальнем Востоке:

«В связи с перенесением центра тяжести мировой политики на берега Тихого океана особенно большое значение приобретает создание революционных профсоюзов и установление связи с Профинтерном в прилегающих к Тихому океану странах. Главная работа здесь должна лечь на революционные союзы империали-

стических держав, которые должны установить тесную и неразрывную связь с профсоюзами колониальных стран для совместной борьбы против угнетения и эксплуатации отсталых и слабых народов»³².

Это положение нашло дальнейшее развитие в специальной резолюции по профсоюзам в восточных странах:

«Революционные национальные объединения и меньшинства стран, имеющих колонии... должны выделить особый орган для связи с профдвижениями своих колоний. Особенно крупная роль выпадает на долю Японии, находящейся в непосредственной близости со своими колониями и полуколониями (Корея, Китай и др.)»³³.

Однако, когда Центральный совет Профинтерна собрался через шесть месяцев, в июне 1923 г., он был вынужден зафиксировать, что для осуществления директив по Дальнему Востоку, принятых II конгрессом, ничего не было сделано; а ВКТ Франции как сильнейшая профсоюзная организация в странах, имеющих колонии, и филиал Профинтерна подверглась критике за недостаточность своей работы среди колониальных народов³⁴. Ясно, что к этому времени коммунистические партии и профсоюзы Британии и Франции или не оказывали никакой поддержки, или оказывали очень небольшую помощь в стимулировании национального освобождения и пролетарской революции на территориях, находящихся в британском и французском владении.

1923 г. был отмечен значительными изменениями. Ленин в одной из последних своих опубликованных работ «Лучше меньше, да лучше» подчеркивал, что Восток «пришел окончательно в революционное движение... и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения», напоминал, что «Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения»; он в то же время возродил в новом революционном контексте давнюю историческую тему России как моста между Западом и Востоком:

«Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских... могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»³⁵.

Несколько недель спустя, 23 апреля 1923 г., на XII съезде партии Сталин высказался с типичной осторожностью:

«Либо мы глубокий тыл империализма — восточные колониальные и полуколониальные страны — расшевелим, революционизируем и тем ускорим падение империализма, либо мы промажем здесь, и тем укрепим империализм, и тем ослабим силу нашего движения. Так стоит вопрос»³⁶.

Это изменение не было обусловлено только тем, что среди советских лидеров росло осознание жизненной важности восточного вопроса. Сам восточный вопрос изменил свой облик в связи со смещением акцента с Турции, Персии, Афганистана и советской Средней Азии, где он фокусировался в 1917—1921 гг., на Дальний Восток, который впервые появился на сцене с Вашингтонской конференцией и Конгрессом трудящихся Дальнего Востока в январе 1922 г. и который стал главной сферой интереса в связи с миссией Иоффе в 1922—1923 гг. Летом 1923 г. в авторитетной статье «Мы и Восток», по-видимому написанной Чичериным, подробно рассматривались Персия, Афганистан, Турция, и только три строчки было посвящено Китаю, а Япония проигнорировалась полностью³⁷. Приезд Карахана в Пекин в сентябре 1923 г. и Бородин в Кантон в следующем месяце³⁸ открыли долгий период, в котором Дальний Восток стал важной заботой советской и коминтерновской политики, а Китай — главным фактором на Дальнем Востоке. Ослабление внимания к Японии в связи с сентябрьским землетрясением 1923 г. оказалось временным. Однако Япония уже никогда не вернулась к положению, которое она занимала в первые годы революции, как наиболее важное и перспективное поле для советских действий на Дальнем Востоке. В то же время произошло другое значительное изменение. Когда Ленин писал «Лучше меньше, да лучше», в феврале или в первые дни марта 1923 г., он ассоциировал Германию и Восток с двумя характерными факторами революционной обстановки. Неудача в Германии в октябре 1923 г. убрала ее со сцены. Сталинский диагноз в апреле 1923 г. — или Восток, или ничего — начал казаться более правдоподобным. Подъем Гоминьдана и поражение германской революции в сумме придали восточному вопросу новое значение в глазах Москвы. В XIX веке руководители русской внешней политики не раз обращали свои взоры к Азии, стремясь компенсировать свои поражения в Европе; а русские писатели, принадлежавшие к различным течениям, провозглашали, что судьба России находится на Востоке. Неудивительно, что повторение тех же самых подходов, правда, в другом виде можно найти в политике Советского правительства и Коминтерна.

С 1923 г. восточный вопрос не только стал играть видную роль в советских внешних отношениях, но и объединил в себе все старые неясности «национального и колониального вопроса», с которым он теперь стал идентифицироваться³⁹. Эти неясности коренятся в теории Маркса, предположившего наличие стадии, на которой пролетариат «должен подняться до положения ведущего класса нации, сам должен составить нацию» и за которой следует стадия, когда пролетариат преодолет фетиш национализма и создаст настоящее интернациональное общество⁴⁰. Эти две стадии соответствуют двум главным этапам революции в марксистской схеме — буржуазной, или капиталистической, революции и

пролетарской, или социалистической, революции; так национальная проблема становится частью спорного вопроса о возможности, обсуждавшейся самим Марксом в контексте русской крестьянской общины⁴¹, того, что менее развитые страны могут выиграть от победы пролетарской революции в более развитых странах, чтобы самим миновать капиталистический этап революционного развития. В дискуссии по национальному и колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. Ленин впервые применил этот аргумент к проблеме национализма, указав на возможность того, что отсталые страны с помощью «победившего революционного пролетариата» смогут «осуществить переход к советскому строю, и от него через определенные этапы развития, к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁴². А Сталин в своей речи на X съезде партии в марте 1921 г. попытался возвести этот принцип в ранг политики по отношению к народам, которыми он в то время главным образом занимался:

«Дело в том, что целый ряд главным образом тюркских народностей — их около 25 миллионов — не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм. Для того, чтобы эту тяжелую, но отнюдь не невозможную операцию произвести, необходимо учесть все особенности экономического состояния, даже исторического прошлого, быта и культуры этих народностей»⁴³.

Тактической задачей, которая стояла за этими теоретическими дискуссиями, был вопрос, по которому спорили Ленин и Рой на II конгрессе Коминтерна, о степени поддержки, которая должна быть оказана буржуазно-демократическим национальным движениям и пролетарским, или коммунистическим, движениям в восточных странах. Но неясность политики, направленной на поддержку или буржуазно-демократических, или пролетарско-революционных движений, была менее очевидна на Востоке, чем на Западе. На Востоке, как в России в 1905 г., оба эти движения были движениями оппозиции существующему порядку, они были потенциально революционными и преследовали одни и те же ближайшие цели. Таким же образом различие между функциями Наркоминдела и Коминтерна, хорошо известное на Западе, было мало уместно для применения на Востоке.

«Наша политика, — писал Чичерин, — была направлена на облегчение процесса возникновения и приобретения самосознания буржуазии в странах Востока, как силы, способной создать мощный барьер против империалистических амбиций британского и другого капитала»⁴⁴.

Создание в октябре 1923 г. Крестьянского Интернационала

помогло прояснить другую неясность в восточной политике и установить еще одну связь между Советской Россией и крестьянским миром Востока. Учредительный конгресс сам выпустил призыв к «трудящимся крестьянам колониальных стран»⁴⁵; а в первом номере его журнала в апреле 1924 г. были статьи Катаямы и Нгуен Ай Куока, посвященные крестьянским движениям в их странах⁴⁶.

Неясности проявились и в отношениях восточных стран к Советскому Союзу. На первых революционных лидеров Востока сначала оказал влияние Запад, и первое время они больше воспринимали преемственность революционных традиций между Западом и Россией, чем различия между ними. Поэтому эти лидеры пытались как можно дольше балансировать между Западом и Советским Союзом и маневрировать между ними, а не становиться решительно на ту или другую сторону. В же время, когда в этих восточных странах революционное движение возникало после 1917 г., оно не имело глубоких западных корней и было склонно принимать советское руководство без каких-либо оговорок. Турция, Персия, Индия, Япония и, более сомнительно, Китай оказались в первой категории, Индонезия и другие страны Юго-Восточной Азии, Египет, а также большинство арабских стран — во второй. Но даже в первой группе стран западные державы, и особенно Великобритания, наталкивались на препятствия, с которыми Советский Союз не мог встречаться. Прошлая история наложила на эти державы пятно «империализма», от которого они не могли избавиться до тех пор, пока удерживали остатки своих привилегированных позиций в восточных странах и свою традиционную веру во врожденное превосходство «европейских» и «белых» наций и людей над «азиатами» и «цветными». Постепенный рост мощи Советского Союза дал ему решающее преимущество над западными странами и позволил за их счет постепенно увеличить свое влияние и поднять престиж во всей Азии. Целью революции на Востоке было не просто национальное освобождение, но и социальный и экономический прогресс на основе индустриализации. В этом смысле она не вступила в противоречие, а продолжила процесс, получивший первоначальный импульс от империалистических держав. Но эта преемственность приняла формы и условия, которые неизбежно поворачивали острие новой революции против Запада.

V конгресс Коминтерна собрался в июне 1924 г., когда всходила советская звезда на Востоке. Подписание Советско-китайского договора 31 мая 1924 г., означавшего официальное признание Советского правительства Китаем, было отмечено статьей Чичерина в «Правде», в которой он изобразил Китай идущим по стопам Турции, Персии и Афганистана и приветствовал договор как «крупный успех на пути освобождения... колониальных и полуколониальных народов»⁴⁷. Прочный союз, установленный с

Сунь Ятсеном в Кантоне, по-видимому, обеспечил Москве сильное влияние в китайском национальном движении. В то же время роль французской и британской коммунистических партий в колониальном вопросе была еще в основном пассивной. Резолюция Лионского съезда ФКП в январе 1924 г. говорила о «братском пролетариате колоний», объявляя в то же время, что ФКП должна поддерживать «любую национальную группу, борющуюся за освобождение от европейской опеки». Но ФКП не столкнулась с потенциальными расхождениями, заложенными между этими двумя позициями, и воздержалась от прямого и открытого требования независимости колоний⁴⁸. В докладе ИККИ V конгрессу Коминтерна в 1924 г. было признано, что Восточный отдел ИККИ не имел контактов с Французской Северной Африкой, а деятельность ФКП была определена как «не отвечающая требованиям»⁴⁹. Незадолго до конгресса хорошо известный английский профсоюзный лидер сказал советскому журналисту, что «у английских профсоюзов нет выбора в вопросе о колониальной политике»⁵⁰.

В этих условиях конгресс занял неопределенную позицию по восточному вопросу. В приветственной речи конгрессу от имени Профинтерна Лозовский иронически напомнил пренебрежительный намек Гильфердинга на конгрессе в Галле в 1920 г. на «революционный романтизм на Востоке» и красноречиво заключил, что «нет другого выхода у человечества, нет другого выхода у эксплуатируемых, нет другого выхода у народов Востока, кроме мировой революции»⁵¹. Когда в конце своего первого заседания конгресс решил обратиться с официальной прокламацией «к рабочим мира», Нгуен Ай Куок предложил добавить «и к колониальным народам»⁵². Однако Зиновьев не упомянул о восточном вопросе ни в своем основном докладе, ни в заключительном слове по итогам дискуссии; ссылки на восточный вопрос во время дискуссии приняли форму жалоб по поводу того, что он игнорируется⁵³. На обвинение Нгуен Ай Куока в том, что колониальная политика ФКП является вялой, Треинт смело заявил, что «борьба за национальную независимость колоний должна быть связана с классовым движением пролетариата метрополий»⁵⁴. Официальная резолюция по докладу ИККИ включала в себя большой отрывок, требующий как «усиления непосредственной связи исполнительного комитета (то есть ИККИ) с национально-освободительными движениями Востока», так и «более тесной связи партий империалистических стран с колониями этих государств»; было признано, что борьба против «империалистической колониальной политики буржуазии» в этих странах «еще очень слаба». Основная резолюция конгресса по тактическим вопросам содержала самый короткий из всех разделов, который был озаглавлен «Запад и Восток» и который считал важным «обратить гораздо больше, чем до сих пор, внимания на Восток в самом широком смысле этого слова» и «поддерживать движение всех угнетенных национальностей, направленное против империализма»⁵⁵.

Однако восточный вопрос еще раз возник во время происшедшего позже обсуждения доклада Мануильского по национальному и колониальному вопросу, который в целом говорил об обязательстве поддерживать буржуазные национальные движения в колониальных странах⁵⁶. Рой ответил Мануильскому пространной речью. Он не поднял эту проблему в своем коротком выступлении в ходе общей дискуссии, которое было в основном посвящено критике Коммунистической партии Великобритании (КПВ)⁵⁷. Однако сейчас он объяснил, что безуспешно пытался добиться в редакционной комиссии поправки к тому месту резолюции по докладу ИККИ, где рекомендовалось поддерживать более тесную связь с «национально-освободительными движениями Востока», которую он считал противоречащей решениям II конгресса в 1920 г. Эта связь с национально-освободительными движениями Востока до настоящего времени не принесла никаких результатов, за исключением максимум того, что она способствовала дружеским отношениям между национальным правительством и Советским государством. Национально-освободительные движения не могут быть поддержаны безотносительно вопроса, какой класс ими руководит:

«Если мы признаем право на самоопределение наций, а не масс производителей, это не означает, что мы тем самым неизбежно признаем право на самоопределение буржуазии или доминирующего класса за счет масс производителей».

Он специально остановился подробно на недавней забастовке бомбейских текстильщиков, которая явилась выражением классовой борьбы индийского пролетариата против индийского национального капитализма: уровень развития местного капитализма в Индии был наиболее высоким в Азии. «Подъем в колониях», заключил Рой, «может быть, сыграет решающую роль в проблеме мировой революции»⁵⁸. Нгуен Ай Куок, который уже выступал в ходе общей дискуссии, теперь привел цифры о населении колониальных стран, подобранные таким образом, чтобы в целом привлечь к этим странам большее внимание. Он, в частности, осудил игнорирование этого вопроса ФКП («то, что наши партии сделали в этом отношении, практически равно нулю»), об этом же он писал в своей статье в газете «Юманите»⁵⁹. Делегат КПВ считал, что Рой «слишком высоко оценивает значение пробуждения индийского пролетариата», и отказался поверить, что индийское националистическое движение «действительно находится в процессе такого быстрого упадка, как он безосновательно утверждает». В целом он оправдал вялость работы британской партии в колониях малым числом ее членов⁶⁰. В своем заключительном слове по итогам дискуссии Мануильский не предпринял серьезной попытки рассмотреть аргументы Роя. Однако он сослался на точку зрения Роя как на «уклон», обвинил его в «преувеличении социального движения в колониях в ущерб национальному движению» — что явилось повторением его спора с Лениным на II

конгрессе — и определил его позицию как «отражение нигилизма Розы Люксембург»⁶¹. Вероятно, частично из-за сложности примирения этих противоречащих друг другу взглядов предусмотренная резолюция по колониальному вопросу на Востоке никогда не увидела света⁶². Коминтерн все еще главным образом интересовался в национальном вопросе тем, как он воздействует на Европу; а единственным решением по восточному вопросу было решение создать постоянную комиссию, о которой впоследствии никто ничего не слышал⁶³. Среди выпущенных конгрессом, хотя, по-видимому, не обсужденных призывов, был призыв к «Братским народам восточных стран и колоний». Он был адресован «многочисленным массам, населяющим огромные пространства Ближнего, Среднего и Дальнего Востока», и содержал приветствие от имени Коминтерна коммунистическим и другим близким им партиям региона, включая Гоминьдан и Монгольскую народную партию⁶⁴. IV конгресс КИМа, последовавший за конгрессом Коминтерна, провел отчетливое различие между двумя категориями колониальных стран, то есть теми, где буржуазные движения за национальное освобождение были еще на стадии подъема, и теми, где начало развиваться движение местного пролетариата. Его резолюция по восточным странам содержала раздел, написанный в сильных выражениях, о необходимости работы в империалистических странах по восточному и колониальному вопросам⁶⁵.

В то время подход к Востоку через Профинтерн и профсоюзы еще давал лучшие перспективы, чем подход через Коминтерн и коммунистические партии. Но то, что было сделано, являлось скорее результатом местной инициативы, чем директивы из Москвы. Доклад исполнительного бюро III конгрессу Профинтерна в июле 1924 г. о своей деятельности между II и III конгрессами об организации работы в восточных странах был туманным и сомнительным. В нем говорилось, что Профинтерн «главным образом опирается на коммунистические партии и местные группы» и его деятельность часто объединялась с работой Коминтерна. Трудно было найти квалифицированных работников, которые знали бы необходимые восточные языки, или набрать постоянных представителей для этих стран; более того, правительства принимали репрессивные меры против местных рабочих и представителей Профинтерна. Тем не менее было заявлено, что представителям Профинтерна удалось «проникнуть туда, куда это было полезным, и выпустить директивы финансовые и организационные»⁶⁶. За 1923 г. по вопросу созыва конференции рабочих Тихоокеанского региона никакого прогресса достигнуто не было⁶⁷. Но в феврале 1924 г. исполнительное бюро Профинтерна, обсуждая работу портовых бюро, действующих под эгидой МПК транспортных рабочих, продвинулось вперед в этом вопросе и рассмотрело «сообщение о революционном движении среди транспортных рабочих

стран Тихоокеанского региона». В нем отмечалось, что транспортные рабочие Китая, Японии и Индонезии «создали самые крупные организации на Дальнем Востоке», и специально приветствовалась «классово-революционная точка зрения» железнодорожных рабочих Китая и Явы. Воодушевленное этими событиями, исполнительное бюро «постановило созвать в июне текущего года конференцию транспортников Китая, Японии, Голландской Индии и Филиппин»⁶⁸. Это была наиболее практичная и управляемая форма первоначального предложения по пантихоокеанской конференции; а вопрос о месте ее проведения опять был оставлен открытым. Следующий этап ее подготовки неизвестен⁶⁹. Однако в последнюю неделю июня 1924 г., во время работы V конгресса Коминтерна в Москве, в Кантоне, единственном крупном городе Дальнего Востока, где мероприятие такого рода было гарантировано от полицейского вмешательства, собралась конференция транспортных рабочих Тихоокеанского региона. Она продолжалась шесть дней, и на ней присутствовали делегаты (всего 23 или 25 человек) от Северного и Южного Китая, Индонезии и Филиппин; японским делегатам не удалось приехать. Хотя манифест конференции⁷⁰ приписал инициативу ее созыва Профинтерну, не известен ни один представитель Профинтерна, который бы на ней присутствовал; по-видимому, присутствовал Войтинский, но он, вне всяких сомнений, был представителем Коминтерна⁷¹.

Помимо организационных вопросов, главной темой конференции было образование единого фронта против китайских милитаристов и иностранных империалистов; Войтинский определил антиимпериалистический фронт как «душу конференции». В выступлении представителя Гоминьдана прозвучала тревожная нота, он настаивал на том, что «еще не пришло время, когда пролетарская революционная партия может сама возглавить трудящиеся массы в борьбе против империализма и капитализма». Делегаты Филиппин⁷² и делегаты профсоюза моряков из Гонконга образовали правое крыло конференции и поддержали альянс с Гоминьданом; делегаты китайских и яванских железнодорожных профсоюзов образовали левое крыло и были настроены враждебно по отношению к Гоминьдану, считая его недостаточно революционным. Главным документом конференции был манифест, адресованный трудящимся массам Востока и рабочим Европы и Америки. Он заклеймил генерала Двайера за Амритсар и У Пэйфу за расстрел рабочих; не были забыты и страдания Явы и Филиппин «под пятой «демократической» Америки». За осуждением империалистических держав, так же как и «местных феодалов, милитаристов и капиталистов, которые сотрудничают с империалистами», последовал призыв к массам Востока организовывать профессиональные и крестьянские союзы, а транспортные рабочие призывались сплотить свои уже существующие профсоюзы и присоединиться «к революционным транспортным рабочим мира»⁷³. Было послано приветствие на имя Зиновьева и Лозовского, адре-

сованное V конгрессу Коминтерна, проходившему в то время в Москве, и приближающемуся конгрессу Профинтерна, которые приветствовались как «штаб мировой революции»⁷⁴. Конференция приняла решение создать бюро в Кантоне с пятью секретарями (из Китая, Индонезии, Филиппин, Японии и Индии) для работы среди транспортных рабочих, без сомнения, в первую очередь среди моряков⁷⁵. III конгресс Профинтерна приветствовал это решение без чрезмерного энтузиазма (может быть, из-за недостатка подробной информации):

«Созданное в Кантоне бюро должно служить организационной связью стран Востока между собой, с одной стороны, этих стран с Профинтерном — с другой. Но этого бюро недостаточно. Профинтерн должен в ближайшее время создать новые опорные пункты в главнейших портах Востока».

Эта резолюция призывала созывать «периодические, собираемые Профинтерном конференции стран Ближнего и Дальнего Востока»⁷⁶. Независимо от истоков Кантонской конференции, состоявшейся в июне 1924 г., и независимо от сдержанности по ее поводу в Москве, эта конференция, видимо, послужила важной вехой в дальнейшем развитии рабочего движения на Дальнем Востоке и в повороте мыслей Профинтерна в этом направлении. Лозовский сказал, что кантонское бюро было «призвано сыграть огромную политическую роль в ближайшие годы» и что оно было «необходимо нам, чтобы взять на себя ответственность за эту важную отрасль — морской транспорт»⁷⁷.

Следующим фактором, который стимулировал советский интерес к Дальнему Востоку в то время, был американский иммиграционный закон 1924 г., принятый в конце мая и вступивший в силу 1 июля 1924 г.: одной из его наиболее важных и фактически общепризнанных целей было ограничение иммиграции в США из азиатских стран, особенно из Китая и Японии. Председатель научного общества русских ориенталистов и редактор журнала «Новый Восток» Павлович с удовлетворением писал о «будущей японо-американской войне», в которой США будут сражаться «вместе с Великобританией, Австралией, Голландией»⁷⁸; а Радек отметил свершение предсказания Маркса от 1851 г. о сдвиге мирового центра тяжести с Атлантики на Тихий океан⁷⁹. Но быстрое ухудшение в конце 1924 г. отношений с Западной Европой больше, чем что-либо другое заставило Советы обратить свой взор на Восток. Мрачность международной обстановки, нарисованной Чичериным на сессии ЦИКа в октябре 1924 г., была сглажена только обнадеживающими перспективами на Востоке, где «постепенное усиление колониальных и полуколониальных народов» укрепляло «тесные узы, связывающие Советское правительство с народами Востока с момента его существования»⁸⁰, а в резолюции сессии по внешней политике говорилось со ссылкой на

Советско-китайский договор от 31 мая 1924 г. об «урегулировании отношений Союза ССР с китайским народом» и о «развитии и углублении его дружбы с народами Востока»⁸¹. После поражения британского лейбористского правительства и дела по поводу письма Зиновьева британская враждебность к Советскому Союзу стала открытой и незамаскированной; поэтому исчезла какая-либо причина, по которой Советский Союз или Коминтерн должны были бы маскировать антибританскую пропаганду в Азии и Африке или отказываться от нее. Национальные движения подняли голову в Египте и Марокко, достигнув кульминации в одном случае в связи с убийством британского генерал-губернатора, в другом — с организованным вооруженным столкновением с испанскими и французскими властями. Советский Союз полностью симпатизировал этим движениям и поддерживал их. На VI съезде советских профсоюзов в ноябре 1924 г. Лозовский в присутствии британской делегации в разгар кампании за профсоюзное единство⁸² пожаловался, что «европейские рабочие много лет вообще чувствовали себя чем-то вроде высших существ в отношении рабочих Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, колониальных и полуколониальных стран» и что никакой подлинно профсоюзный интернационал не может существовать, не включая в себя профсоюзы Китая, Японии, Индии и других стран⁸³. Возвращаясь к своей излюбленной теме в статье, озаглавленной «Европа не весь мир», Рой утверждал, что ошибки ревизионизма, так же как отрицание Марксовой теории прогрессирующего обнищания, были обречены на провал, учитывая то, что происходило вне Европы⁸⁴.

Советско-японский договор, подписанный в январе 1925 г. и юридически ведущий к признанию Советского Союза Японией, еще больше укрепил советские позиции на Дальнем Востоке⁸⁵. Он послужил поводом для карикатуры в «Правде», на которой был изображен Чичерин, стоящий рядом с компасом, под заголовком: «Стрелка поворачивается на Восток»⁸⁶. Редактор «Известий» Стеклов подхватил лозунг, который только что стал популярен в коминтерновских кругах⁸⁷, и написал передовую статью ««Большевизация» Азии». Конечно, писал Стеклов, «образ Советского Союза, единственной надежды всех угнетенных народов, завоевывающего все более и более прочные позиции в Азии, не может особенно радовать империалистических грабителей». Но именно сами империалистические правительства своей политикой насилия «большевизируют Азию»⁸⁸. На сессии ЦИКа, состоявшейся в марте 1925 г., Рыков сказал, что «наш вес, наше влияние на всем Востоке неуклонно возрастают, в то время как влияние буржуазных государств прогрессивно падает», и что «восточные народы находят в лице Советского Союза своего друга, своего союзника»⁸⁹. Общая резолюция сессии ЦИКа отмечала «ускоряющийся рост влияния Союза ССР на Востоке, который все отчетливее видит, какая глубокая пропасть отделяет нашу политику братских отношений с трудящимися от политики колониального

угнетения»⁹⁰. Доклад Чичерина на III съезде Советов, проходившем двумя месяцами позже, заслуживает внимания из-за его нового акцента на Китай, эту «старшую среди наций», которая «теперь представляется молодым человеком»; затем он проанализировал силу советских позиций на Востоке:

«Наша сила заключается в том всем известном факте, в факте, известном всем народам Востока, что мы не ищем никакого скрытого или явного, политического или экономического господства или влияния. Мы ни в коей мере не стремимся каким-либо путем эксплуатировать более отсталые в экономическом отношении восточные народы. Именно это корень нашего реального влияния на Востоке, который не имеет ничего общего с тем, что называют влиянием капиталистические страны»⁹¹.

Медленно, с некоторой неохотой лидеры Коминтерна начали работу по приспособливанию политики и теории к новой ситуации. Пятый расширенный пленум ИККИ, состоявшийся в конце марта 1925 г., выдвинул несколько достаточно путаных соображений по этому поводу. В основном докладе Зиновьев сказал, что многие марксисты были удивлены тем, что пролетарская революция началась в России. С 1917 г. они предполагали, что она через Германию распространится на Европу. Возможно, теперь необходимо пересмотреть этот вердикт:

«Только сейчас настойчиво встает вопрос, была ли эта точка зрения на дальнейшее продвижение пролетарской революции как на единственно возможный путь развития, как на единственно возможное направление ее географического распространения правильной... Возможно, что дальнейший маршрут необязательно будет проходить через Германию, что Германия может не быть ее следующим этапом. Мы должны учитывать другие возможности».

Затем Зиновьев осторожно отошел от темы, но косвенно вернулся к ней по ходу своей речи, отметив, что «восточная проблема назревает с быстротой, которую мы ранее себе не могли представить», и что установление общей границы между СССР и Китаем было «событием мировой исторической важности»; он также процитировал случайные замечания Ленина, относящиеся к 1911 и 1923 гг., о важности Азии в революции⁹². Бухарин коварно впледел восточную тему в свой доклад по «крестьянскому вопросу», связав таким образом новую ориентацию Коминтерна с благосклонным поворотом к крестьянству в советской политике. Он указал на то, что подавляющее большинство населения мира составляют крестьяне и что это является особенно справедливым по отношению как к Советскому Союзу, так и к Азии. Таким образом, «в ходе мировой пролетарской революции колониальный вопрос играет очень большую роль»; в частности, Бухарин предсказал «возможное восстание китайских крестьян против иностранного финансового капитала»⁹³. Однако последующие дискуссии не пролили дополнительного света на этот вопрос, несмотря на то что британский делегат Галлахер отметил, что Киплинг, «глу-

пый патриотический проимпериалистический британский поэт», просчитался без Коминтерна и что «под знаменем Коммунистического Интернационала встретились Восток и Запад»⁹⁴. Все основные резолюции пленума, за исключением одной-двух обычных рекомендаций, целиком игнорировали колониальный вопрос. На съезде Международного Крестьянского Совета, который последовал за расширенным пленумом ИККИ в апреле 1925 г., на аграрный аспект восточного вопроса был сделан соответствующий акцент. Совет выпустил «Воззвание к крестьянам колоний и Востока» и специальный призыв к китайским крестьянам⁹⁵. Каменев использовал восточную перспективу в качестве поправки к популярной в то время в Коминтерне теме стабилизации, определив «встающую зарю революционного пламени колониальных народов Востока в Китае, Индии и Персии» как «один из факторов, подрывающих стабилизацию капитализма»⁹⁶, а Сталин со свойственным ему безупречным чувством момента адресовал Коммунистическому университету трудящихся Востока обзор, который охватывал как восточные народы СССР, так и проживающие за его пределами⁹⁷. Даже ежегодная конференция Международной организации труда (МОТ), проходившая в мае — июне 1925 г. и понимавшая изменение обстановки, приняла по предложению индийского делегата резолюцию, предписывающую организации «собирать и опубликовать всю доступную информацию, касающуюся условий труда в азиатских странах»⁹⁸.

Двумя событиями, которые летом 1925 г. усилили внимание советских лидеров к «колониальному» вопросу в Азии и Африке, были война в Марокко, начавшаяся в начале мая, и волна беспорядков в Китае вслед за инцидентом со стрельбой в Шанхае 30 мая 1925 г. Вначале первое казалось более важным. Под умелым руководством Абд Аль-Керима марокканские повстанцы одержали несколько замечательных побед над французскими войсками, которые произвели необычайное впечатление в Москве⁹⁹. Но распространение волнений против иноземцев и возбуждение в Китае скоро сделали Азию главным предметом интереса. 1 июля 1925 г. группа китайских, индийских и аннамитских революционеров встретилась в Кантоне и создала Международную ассоциацию угнетенных народов, которая провела две конференции¹⁰⁰. В конце июня 1925 г. Зиновьев в своей часто цитируемой статье «Эпоха войн и революций»¹⁰¹ поставил Китай на первое место и многозначительно повторил лозунг Бакинского конгресса 1920 г.: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, объединяйтесь!» В начале июля 1925 г. Сталин в интервью японскому корреспонденту подчеркнул, что происходит «усиление революционного движения в Китае, Индии, Персии, Египте и других восточных странах» и что «близко то время, когда западные державы похоронят себя в той яме, которую они сами себе вырыли на Востоке»¹⁰². Каменев оживил старую идею о России как о передаточном звене европейской культуры в Азию на приеме, данном

Московским Советом в честь зарубежных гостей, прибывших на празднование юбилея Академии наук в сентябре 1925 г., где он охарактеризовал Москву как «стык между Европой и Азией, пункт, через который, несомненно, произойдет приобщение сотни миллионов новых народов к дальнейшей научной мысли»¹⁰³. В октябре 1925 г. в статье, посвященной международной обстановке, Зиновьев поставил «движение в Китае» первым среди выдающихся событий прошлого лета¹⁰⁴. Двумя месяцами позже, на XIV съезде партии, он приветствовал «события нынешнего года в Шанхае» как «без всяких преувеличений самые важные события в мировой истории за этот год»¹⁰⁵. Знаменитая пьеса Третьякова «Рычи, Китай!», которую Бухарин назвал «мощным шагом на пути создания подлинно революционного театра»¹⁰⁶, была поставлена в Москве в январе 1926 г. Поэтому зимой 1925/26 г. опасение, что западный мир начнет войну против Советского Союза, вызванную соглашениями в Локкарно, превращало каждый луч света, идущий с Востока, в маяк надежды.

Когда в феврале — марте 1926 г. в Москве снова собрался расширенный пленум ИККИ, никаких свежих решений о политике или о перспективах принято не было; в последние месяцы лидеры были слишком озабочены своей внутренней враждой, чтобы обратить внимание на любую проблему, какая бы ни была им навязана. Однако в ходе заседаний выявилось кое-что из новой ориентации. На открытии присутствие «многочисленных делегаций с Востока» было особенно заметным¹⁰⁷, а приветственные речи были произнесены представителями Коммунистической партии Китая, Гоминьдана и Монгольской народно-революционной партии¹⁰⁸. Зиновьев начал основной доклад как обычно и обрисовал перспективный маршрут революции сначала через Европу, затем через Восток и, наконец, в Америку: было важно отметить, что приоритет Европы не мог больше считаться очевидным, и требовалось прямое заявление об этом. Далее в своей речи Зиновьев подшутил над приписываемым одному из лидеров британских тред-юнионов утверждением, что мир должен быть разделен между двумя профсоюзными интернационалами: одним — в Амстердаме для Европы, другим — в Москве для Азии¹⁰⁹. Однако это предложение содержало в себе неудобный элемент реализма: теперь часто можно было слышать хвастовство, что, несмотря на то что, может быть, Амстердам еще доминирует в Европе, растущее профсоюзное движение в Азии надежно повернулось к Профинтерну. Лозовский заявил, что новые революционные манифестации китайского пролетариата являются «наиболее важным событием со времени Октябрьской революции»¹¹⁰. Несмотря на то что основная резолюция все еще сильно перевешивала в пользу Европы, она содержала важный параграф по восточному вопросу:

«Пробуждение национально-освободительных движений на Востоке и усиление там рабочего движения является новым фак-

том первостепенной важности. Приковать к нему внимание рабочих Европы и Америки, объяснить им важность этого движения в борьбе за освобождение пролетариата, приучить рабочих Запада и Америки к идее о необходимости помогать и сотрудничать с Востоком является одной из наиболее важных задач нашего времени».

Тревожная нота была добавлена по поводу недавних усилий II Интернационала, поддержанных МОТ, «которая была намерена подчинить реформистскому влиянию рабочее движение в Японии, Индии и Китае», интересам «империалистической буржуазии». В резолюции по вопросам профсоюзного движения утверждалось, что движение в колониальных и полуколониальных странах начало в прошлом году «играть исключительно большую роль в национально-освободительной борьбе»; индийские и китайские профсоюзы назывались «особенно важными» в этом смысле ¹¹¹. Была образована восточная комиссия под председательством Роя, в которой работало пять подкомиссий, и каждая из них представила проекты резолюций. Однако, по-видимому, на этом этапе заботы возросли. Хотя Зиновьев первоначально рассчитывал на то, что комиссия примет «серию резолюций по Китаю, Японии, Индии и т. д.», единственной из этих резолюций, формально принятой на пленарном заседании и опубликованной в материалах, была резолюция по Китаю ¹¹². Резолюция о «реорганизации работы ИККИ» подчеркивала, что «в соответствии с их новой огромной важностью проблемы восточных народов в будущем должны занимать большее место в работе Исполкома, чем это было до сих пор».

Однако в этом пункте желание обогнало возможности. Соединение сил инерции крупных предпринимателей и недостаток подходящего восточного персонала противодействовали любому значительному изменению. Когда после конгресса началась реорганизация ИККИ, ни один представитель Азии не был назначен ни в Оргбюро, ни в Секретариат; а из 11 секций, на которые, согласно резолюции президиума, разбивалась работа ИККИ, только одна должна была заниматься «Дальним и Ближним Востоком (Китаем, Кореей, Малайзией, Турцией, Персией, Египтом, Сирией, Палестиной)» ¹¹³. Прошло много времени, прежде чем эти недостатки были устранены. Коминтерн как организация никогда не играл в Азии подобной важной и независимой роли, как в первые годы своего существования в Европе. Но к весне 1926 г. мир в глазах Москвы стал принимать новые очертания. Советское внимание не было больше главным образом сосредоточено на Европе, СССР больше не рассматривал Азию и «колониальные» народы как подходящий инструмент или побочное средство для политики в Европе. Новый мир Азии будет источником стольких же затруднений, ошибок и разочарований, как и старый мир Европы. Но после 1926 г. он постоянно будет занимать главное место в советских расчетах.

Внешняя торговля играла значительную, хотя и не главную роль в советской политике на Востоке. В 1913 г. торговля, осуществляемая через восточные границы, составляла менее 10% русской внешней торговли. Только 8,7% экспорта направлялось в азиатские страны, исключая Японию (в основном текстиль и другие товары обрабатывающей промышленности, сахар и нефтепродукты); из этих стран шло 11,1% импорта (в основном меха, шкуры, чай и рис)¹¹⁴. Как и с другими странами, организованная торговля с Востоком прекратилась в связи с революцией и последующими событиями. Что-то сохранилось в форме приграничной торговли, которая была вне контроля центральных властей и по этой причине допускалась ими, если не было других причин; эта терпимость продолжалась даже после того, как везде утвердилась монополия внешней торговли¹¹⁵. Однако в первые годы существования режима внешняя торговля означала торговлю с западными странами. Первый советский таможенный тариф, введенный в феврале 1922 г., был исключительно «таможенным тарифом для европейской торговли»¹¹⁶. Официальные данные о внешней торговле с 1918 г. по сентябрь 1923 г. (то есть к концу рассматриваемого нами девятимесячного периода) относились исключительно к торговле через западные или морские границы¹¹⁷.

Серьезное внимание торговле с Востоком как составной части советской внешней политики начало уделяться в 1923 г. Даже в торговых вопросах Советский Союз и восточные страны чувствовали себя перед лицом общей угрозы эксплуатации со стороны более могущественных капиталистических стран Запада. На конференции в Генуе и на других Советская Россия болезненно реагировала на стремление западных банкиров и правительств навязать ей «полукOLONиальный» статус. Несмотря на то что торговля с экономически слабыми странами Востока могла меньше дать, она по крайней мере не таила в себе угрозы; аналогичным образом у этих стран не было никаких оснований бояться господства встающей на ноги советской экономики. К концу 1922 г. было решено учредить в Москве Русско-восточную торговую палату, которая начала работу в феврале 1923 г.¹¹⁸ К этому времени, несмотря на то что приграничная торговля фактически не контролировалась, торговля с восточными странами, как и другая внешняя торговля, номинально относилась к обычным операциям Внешторга. 29 марта 1923 г. Внешторг выпустил приказ, освобождавший торговлю с Персией от лицензионных формальностей; постепенно этот прецедент распространился на другие азиатские страны¹¹⁹. Среди декретов этого периода был один, освобождавший от таможенных пошлин торговлю зерном и сеном через границы Маньчжурии и Монголии, а также другой, предоставлявший налоговую скидку на экспорт хлопковой пряжи в Персию¹²⁰. Первое признание в международных документах особого статуса советской торговли с Азией было зарегистрировано в торговом соглашении, подписанном РСФСР с Данией 23 апреля

1923 г., в котором было специально обусловлено, что привилегии, предоставляемые РСФСР азиатским странам, граничащим с Россией, так же как и привилегии, предоставляемые Данией другим Скандинавским странам, не должны рассматриваться как противоречащие принципу наибольшего благоприятствования¹²¹; подобная оговорка появилась в торговом соглашении СССР со Швецией от 15 марта 1924 г.¹²² С этого момента такая оговорка стала характерной чертой советских торговых соглашений. В 1923 г. была образована смешанная советско-германская компания «Рус-транзит» для осуществления транзитной торговли между Германией и Персией и предположительно другими восточными странами через территорию Советского Союза¹²³. Но эта компания оказалась нежизнеспособной: Советское правительство никогда не стремилось облегчить торговлю между своими соперниками в Европе и странами Азии¹²⁴.

В январе 1924 г. конференция представителей Внешторга по торговле с азиатскими странами набросала серию тезисов, которые подчеркивали различия между этими странами и странами капиталистического мира. В азиатских странах советская держава не боялась никакой конкуренции и надеялась найти союзников; СССР мог позволить себе продолжать политику «экономического сотрудничества и активной поддержки в увеличении их производственных мощностей». Поскольку целью советской политики было поощрение восточных торговцев перейти границу с торговыми целями, а «не настаивать на положительном торговом балансе в сделках с восточными странами», облегчить проблему лицензий или совсем освободить от них и в целом вводить «режим лицензионного либерализма» в торговле через азиатские границы¹²⁵. В том же месяце положение было урегулировано принятием преференциального тарифа для торговли через азиатские сухопутные границы, подчеркивая таким образом принципиальную разницу между восточной и заморской торговлей¹²⁶. Торжественная сессия Русско-восточной торговой палаты 15 февраля 1924 г. отметила первую годовщину этой организации. На ней председательствовал нарком внутренней торговли Лежава, среди прочих ей направили приветствия Чичерин, Фрумкин (заместитель наркома внешней торговли Красина во время его заграничной командировки), а также дипломатические представители Турции, Персии, Афганистана и Внешней Монголии. Мы заинтересованы, пояснил Чичерин, «чтобы Восток не был поработен экономически мировым капиталом, так же как и восточные страны заинтересованы в нашей независимости от мирового капитала». Представитель ВСНХ, признав, что прежде всего восточные страны нуждаются в «продукции нашей промышленности», обрисовал будущую помощь «в форме оборудования и развития промышленности, строительства новых заводов и предприятий» на Востоке и подчеркнул, что торговля с Востоком может вестись на более либеральных условиях, чем торговля с Западом, поскольку она не несет в себе

никакой угрозы «эксплуатации иностранным капиталом»¹²⁷. Была сделана попытка обойти финансовые препятствия восточной торговле или с помощью прямых кредитов Госбанка или Внешторгбанка, или организовав в восточных странах банки со смешанным капиталом для развития торговли с Советским Союзом¹²⁸.

Характер советской торговли с азиатскими странами через наземные границы заключался во внимании, уделяемом ежегодным международным ярмаркам в Баку и Нижнем Новгороде. Бакинская ярмарка, предназначенная исключительно для восточной торговли, была основана в 1922 г., и ее товарооборот увеличился с 1,5 млн. рублей в 1922 г. до 16 млн. рублей в 1925 г.¹²⁹ В этой сумме внешняя торговля составляла почти 9 млн. рублей, больше, чем объем торговли с Персией, составлявший 8 млн. рублей. Впервые турецкие торговцы появились на ярмарке в 1925 г.; в отношении турецких товаров, поступавших на ярмарку морским путем, был издан декрет, распространявший на них льготы, предоставляемые наземной торговле с азиатскими странами¹³⁰. На ярмарке в Нижнем Новгороде товарооборот с восточными странами составил в 1925 г. 13,5 млн. рублей, причем по его объему страны располагались следующим образом: Персия, Синьцзян, Афганистан, Турция и Внешняя Монголия¹³¹. По-видимому, ярмарка в Свердловске также привлекала некоторую часть восточной торговли¹³². Основными импортными товарами, поступавшими на ярмарки из восточных стран, были шерсть, хлопок и шкуры, а меха, сахар, текстиль и продукция легкой промышленности были главными экспортными товарами¹³³. Традиции караванной торговли и освобождение от пошлин и других ограничений сделали ярмарки важными пунктами контактов со странами, где большие расстояния, отсутствие транспорта, за исключением самого примитивного, и полное отсутствие кредитных учреждений или средств платежа делали торговлю в обычном понимании сложной¹³⁴. В 1925 г. 22% всей советской внешней торговли с восточными странами и 24% советской торговли с Персией осуществлялись на Бакинской и Нижегородской ярмарках¹³⁵.

Маловероятно, чтобы статистика советской торговли с восточными странами, которая велась в таких условиях, была полной или точной¹³⁶. Однако таможенная статистика показывает, что в середине 20-х годов баланс советской торговли со всеми азиатскими странами, кроме Турции и Японии (с которыми он был положительным), был отрицательным, а в 1924—1925 и 1925—1926 гг. он был пассивным со всеми странами Азии.

Эти статистические данные показывают, что к 1924—1925 гг. советская торговля с восточными странами, исключая Японию, уже представляла немного более высокую долю всей советской внешней торговли, чем до войны (9,1% экспорта и 10,7% импорта), и эта доля еще больше возросла в последующие годы¹³⁸. Однако к концу 1925 г. пассивный баланс советской торговли с

Страна	1923—1924 гг. (в млн. руб. в ценах 1913 г.)		1924—1925 гг. (в млн. золотых руб.)		1925—1926 гг. (в млн. золотых руб.)	
	экспорт из СССР	импорт в СССР	экспорт из СССР	импорт в СССР	эк- спорт из СССР	импорт в СССР
Турция	24,2	0,9	10,0	3,7	17,7	9,8
Персия	7,5	22,3	28,6	50,7	35,2	43,6
Афганистан	0,07	1,3	0,5	1,6	2,5	3,2
Монголия	}	2,1	2,8	3,6	3,6	3,7
Тува			0,4	0,2	0,6	0,2
Китай	}	11,1	9,0	16,9	16,8	30,8
Синьцзян			2,6	4,5	6,0	10,3
Япония	13,7	1,9	12,6	1,2	9,3	2,4
Всего:	52,3	39,6	66,5	82,4	91,7	104,0 ¹³⁷

азиатскими странами, за исключением Турции и Японии, начал волновать власти. Распоряжением Внешторга от 23 октября 1923 г. был разрешен импорт без лицензии из Афганистана риса, сухофруктов, скота и лошадей, пера, зерна, мяса, молочных продуктов и ковров и безлицензионный экспорт всей продукции советской промышленности, кроме сахара, нефти, пера, ковров и товаров, экспорт которых запрещен вообще¹³⁹. Однако, по-видимому, цель уже заключалась не в том, чтобы снять ограничения, а в том, чтобы навязать торговле минимум правил, от которых она до этого была вообще свободна. 30 января 1926 г. Внешторг издал распоряжение, снова устанавливающее лицензионную систему для всех товаров, импортируемых Советским Союзом из Персии, за исключением хлопка¹⁴⁰. В следующем месяце еще одно распоряжение наложило те же торговые ограничения на торговлю через другие азиатские границы¹⁴¹. Может быть, эти шаги были вызваны растущей важностью восточных рынков для советской экономики. Но они были и признаками растущей экономической мощи; было важно, что цель советской торговли с Востоком теперь должна была определяться в условиях, которые больше не заставляли делать упор на равенство, а привлекали внимание к советскому промышленному превосходству. Теперь советская торговля с Востоком стремилась к тому, чтобы осуществить, говоря словами полуофициального журнала, «реальное соединение советских заводов с восточным сырьем, советских потребителей с продукцией крестьянства стран Востока, потребителей в восточных странах с социалистическими производителями»¹⁴². Более поздняя статья объясняла, что Восток находится «на перекрестке двух политических систем, основанных на двух

борющихся концепциях мировой экономики», и «для Востока было невозможно создать свою национальную экономику и в то же время сохранить свою политическую независимость, не соединяя свою национальную экономику с экономикой Советских республик»; именно советские торговые организации должны были «помочь восточным странам миновать капиталистический этап экономического развития»¹⁴³. Однако в этот период советская торговля с Востоком оставалась не столь организованной и управляемой, как с Западом. После того как не удалось ратифицировать¹⁴⁴ советско-персидское соглашение от 3 июля 1924 г., до 1927 г. никаких подобных соглашений не было заключено ни с одной восточной страной; по-видимому, только около 1930 г. в этой области стала полностью осуществляться монополия внешней торговли.

ГЛАВА 38

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

а) Турция

1923 г. был одним из тех, когда в советско-турецких отношениях возрастала напряженность. Конференция в Лозанне выявила нежелание турецкого правительства однозначно встать на сторону Советской России и оказаться противопоставленным западным державам в вопросе о проливах¹, а возобновившаяся волна преследований турецких коммунистов оживила одно из хронических препятствий для ведения дел с режимом Кемаля². Однако политика, провозглашенная вновь назначенным советским полпредом в Турции Сурицем в интервью в прессе в декабре 1923 г., была тверда и недвусмысленна: «Взаимоотношения между СССР и Турцией в настоящее время определяются борьбой за национальную независимость, которую ведет Турция, и поэтому еще не могут рассматриваться как сложившиеся»³. Гурко-Кряжин, советский эксперт по восточным делам, определил тех, кто поддерживал Кемаля, как «потенциальную буржуазию, производящую первоначальное накопление путем использования государственного аппарата»⁴. В 1923 г. Турция была провозглашена республикой, и столица переместилась в Анкару. 3 марта 1924 г. был упразднен Халифат, а 20 апреля 1924 г. была официально принята республиканская конституция. Экономически и политически было трудно оспаривать мандат режима Кемаля как революционное и прогрессивное, хотя и буржуазное явление. V конгресс Коминтерна, состоявшийся в июне—июле 1924 г., еще раз показал, насколько трудной была стезя турецких коммунистов.казалось, что решение ИККИ о создании турецкой комиссии⁵, принятое в марте 1924 г., обещает активную политику, а немногие высказывания о Турции, сделанные на конгрессе, указывали на то, что там ожидался поворот влево. Некоторые турецкие товарищи, связанные обязательством поддерживать Кемаля как победителя национально-освободительного движения, предложили, по словам Мануильского, «поддерживать развитие внутреннего капитала против иностранного капитала» — политику, которую Мануильский заклеил как «струвизм», «который на практике вставал на позиции примирения пролетариата и буржуазии». Турецкий делегат попытался опровергнуть это обвинение, сравнив положение в Турции с положением в Китае. Он обратился с просьбой

к программной комиссии о ясных директивах и утверждал, что «пролетариат должен участвовать в борьбе против империализма и реакции»⁶. На последовавшем затем III конгрессе Профинтерна два делегата, представлявшие противоположные лагеря в турецкой партии, столкнулись по этому вопросу; один из них призывал пролетарский элемент в партийной политике и настаивал на поддержке Кемаля до тех пор, пока он сражался «против империализма и остатков феодальной системы»; другой подчеркивал важность пролетарского движения и необходимость сплочения рабочих «против буржуазии»; и хотя, по-видимому, не было вынесено никаких формальных вердиктов, сторонник Кемаля был осужден другим делегатом «за сдвиг вправо»⁷. Но урок, который турецкие коммунисты должны были вынести из этих заседаний, был далеко не ясен. В течение 1924 г. говорили, что турецкая партия сделала ошибку, «переоценив свободы Кемаля», а перевод большинства ее органов на полулегальное положение, допустимый в то время, облегчил последующие репрессии против них⁸.

К осени 1924 г. международная обстановка изменилась еще раз в связи со столкновением Великобритании и Турции за право владения нефтеносным районом Мосул. В октябре 1924 г. Чичерин мог заверить ВЦИК в том, что «конфликт между Турцией и Англией по поводу Мосула принимает форму открытых военных действий», что ссылка на Лигу Наций маловероятно приведет к «стабильному решению»⁹. В 1925 г. нарастающее напряжение в отношениях с Великобританией приблизило на дипломатическом фронте турецкое правительство к Советскому Союзу. Укрепляющаяся советско-турецкое сотрудничество и менее воинственная линия, принятая V расширенным конгрессом ИККИ в марте 1925 г. (которому просто нечего было сказать по поводу Турции), дали Кемалю гарантию свободы рук по отношению к турецким коммунистам. 5 марта 1925 г. были закрыты две турецкие коммунистические газеты, а деятельность партии еще раз была переведена на нелегальное положение. Через два месяца начались аресты коммунистических лидеров. Летом 1925 г. состоялся массовый судебный процесс, на котором 13 августа 17 коммунистических лидеров, в том числе четверо заочно, были в общей сложности приговорены к 159 годам заключения¹⁰. Суровость этих репрессий вызвала неприятный шок в Москве. Однако британское давление на Турцию и советские симпатии в отношении жертв британского империализма росли быстро. Под прикрытием общественной озабоченности конференцией в Локарно и ее последствиями переговоры между двумя сторонами проходили за кулисами; 17 декабря 1925 г., в день, когда Лига Наций объявила о своем решении включить Мосул в подмандатную англичанам территорию в Ираке, Чичерин и Тевфик, министр иностранных дел Турции, подписали в Париже советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете.

Значение договора подчеркивалось секретностью, которой было окружено его заключение; о договоре было объявлено лишь спустя пять дней после подписания¹¹. Его содержание отражало советские опасения, вызванные Локарно. Каждая из двух сторон взяла на себя обязательство не только воздерживаться от любого акта агрессии друг против друга, но и от участия в любых союзах, соглашениях или враждебных действиях против другой стороны, включая финансовые и экономические действия, предпринимаемые по инициативе одной или нескольких держав. В случае военных действий против одной из сторон другая должна четко придерживаться нейтралитета¹². Перед возвращением Чичерина в Москву Литвинов в заявлении для прессы предположил, что соглашение «должно рассеять всякие сомнения и опасения в прочности советско-турецкой дружбы у общественности обеих стран». Он также назвал его «шагом по пути упрочения всеобщего мира» и объявил о желании Советского правительства заключить аналогичные договоры с другими странами, с которыми оно поддерживает нормальные отношения¹³. Газета «Известия» в редакционной статье, озаглавленной «Анти-Локарно», назвала договор «пактом Анти-Локарно в том смысле, что он был подписан с мирными, а не военными целями», и привела его в качестве примера пути, по которому, «не прибегая к помощи Лиги Наций... народы СССР и Востока, вдохновленные исключительно мирными намерениями, чуждые всем агрессивным планам, будут в будущем строить свои отношения в интересах культуры и прогресса»¹⁴. Впоследствии советско-турецкий договор приветствовался в Москве как краеугольный камень советской системы безопасности, свободной от нежелательных черт женевской системы. В советско-турецких отношениях его непосредственная задача заключалась в том, чтобы зафиксировать и стабилизировать существующую ситуацию, в которой Турция перестраховывалась в Москве от западного давления. Оптимистическое исследование турецкой экономики в полуофициальном журнале «Новый Восток» привело к выводу о том, что «из прежней полуколонии иностранного империализма, не имевшей собственной экономической политики, Турция через Лозанну идет к самостоятельной экономической политике и возрождению своего отсталого в течение столетий народного хозяйства»¹⁵.

Тем не менее советско-турецкая дружба оставалась непрочной и тревожной. Через несколько недель после подписания договора в Москве почувствовали опасение, что английские уступки Турции «для спасения лица» могут сдвинуть Турцию с советской ориентации¹⁶. В то время эти опасения были неоправданными, и заключение 22 апреля 1926 г. турецко-персидского соглашения о нейтралитете на тех же условиях, что и советско-турецкий договор, приветствовалось как «логическое продолжение и развитие недавнего советско-турецкого договора» и как «один из последних примеров той новой системы мирных международных договоров,

которую СССР противопоставил пресловутому духу Локарно, имеющему целью подготовку новых войн»¹⁷. Однако проявления советско-турецкой дружбы, как обычно, не сопровождались никакими послаблениями в кампании против турецкого коммунизма. В начале 1926 г. пришло сообщение, что Кемаль успешно сдвинул турецкие профсоюзы с их первоначальных коммунистических позиций и твердо поставил их под свое националистическое руководство¹⁸. Через год докладчик в ИККИ сослался на «диалектические противоречия исторического процесса», в результате которых «Кемаль параллельно вел борьбу против остатков феодализма и против империализма и одновременно душил коммунистическое движение внутри страны и преследовал рабочих и крестьян»¹⁹. Приблизительно в то же время Сталин сказал, что турецкая революция «застряла на „первом шаге“, на первом этапе своего развития, на этапе буржуазно-освободительного движения, не пытаясь даже перейти во второй этап своего развития, в этап аграрной революции»²⁰.

б) Персия

Ни в одной из стран Ближнего Востока советская политика в 20-е годы не была такой противоречивой, как в Персии, где личность Резы-хана ставила трудную проблему. Во время первого года подъема Резы к власти (он стал военным министром в феврале 1921 г.) естественно было приветствовать его как прогрессивного поборника реформ и национального освобождения от британского империализма²¹. Однако долгая историческая традиция создала в Персии более сильное чувство национального единства и национального правящего класса, чем в любой из стран Ближнего Востока, за исключением Турции. Реза быстро проявил нетерпение чего-либо, похожего на советское опекуновство; и после того как он стал премьер-министром и диктатором страны в конце октября 1923 г., он был достаточно уверен в себе, чтобы занять независимую торгашескую позицию между Великобританией и Советским Союзом. В это время советские усилия были направлены на развитие советско-персидской торговли²², а ультиматум Керзона, по-видимому, привел к временному затишью в пропаганде против британского империализма²³. Однако Реза продолжал вызывать симпатию и поддержку в Москве. Сильным фактором в его пользу было то, что он был готов использовать свою военную мощь для создания сильного национального государства и разбить децентрализованные амбиции местных феодальных шейхов, которые пользовались британским покровительством. Несмотря на это, одна из хвалебных статей в советской прессе, в которой приветствовался его приход к власти, называлась «Через военную диктатуру к национальному государству»²⁴. Утверждалось, что волнения в южной Персии в начале 1924 г. были инспириро-

ваны «британским империализмом, прикрытым флагом II Интернационала», а сам Реза был «руководителем национально-освободительного движения Персии»²⁵. Личная антипатия Резы к шаху расценивалась как свидетельство его просвещенной враждебности к монархии как институту власти. Когда в апреле 1924 г. Реза был принужден своими противниками временно отказаться от поста премьер-министра, Шумяцкий, полпред в Тегеране, в интервью в Москве определил отставку Резы как «лишь эпизод в борьбе прогрессивных элементов... с силами распада и феодально-окраинной анархии»²⁶. После убийства американского консула в июле 1924 г., когда дипломатический корпус заявил Резе протест и потребовал более сильного правительства (что должно было означать возврат власти шаха), Шумяцкий отказался принять участие в этом демарше²⁷.

Тем временем компартия Персии оставалась слишком слабой и малочисленной, чтобы представлять серьезную трудность для режима. Промышленное развитие полностью зависело от иностранного капитала. Частная промышленность, основанная на местном капитале, практически не существовала; небольшой, но растущий персидский пролетариат состоял из неквалифицированных рабочих, занятых на иностранных предприятиях — в основном крупных нефтяных компаний — или на государственных и муниципальных предприятиях. Прежние формы организации рабочей силы были больше похожи на средневековые цехи, чем на профсоюзы: они были теперь «совершенно устарелыми» и «переживали период разложения». Профсоюзное движение находилось на начальной стадии своего развития. В 1922 г. в Тегеране было зарегистрировано 10 профсоюзов, объединявших 8250 членов; они включали учителей и почтовых работников, а также работников физического труда²⁸. По-видимому, эти профсоюзы не могли быть полностью коммунистическими; зависимость экономики Персии от иностранного капитала означала, что любое движение, направленное против капиталистической эксплуатации, принимало антииностраный и националистический оттенок. В докладе ИККИ V конгрессу Коминтерна в июне 1924 г. утверждалось, что коммунистическая партия Персии приняла активное участие в «интенсификации борьбы национально-демократических сил против феодализма и поддерживающего его британского империализма». Однако в нем признавалось, что партия была «слабой и малочисленной», что ее члены были в основном сосредоточены в Тегеране, Тебризе и нескольких других городах и что «попытки партии установить связи с нефтяными районами южной Персии (где было занято более 50 000 рабочих) до сих пор проваливались»²⁹. Когда КИМ в резолюции по национальному вопросу, принятой его IV конгрессом в июле 1924 г., провел различие между колониальными и полуколониальными странами, имеющими «относительно развитый промышленный пролетариат с растущим классовым сознанием», и теми, в которых «абсолютное большинство

населения прежде всего заинтересовано в политическом освобождении от ярма иностранного империализма», он без колебаний отнес Персию ко второй группе³⁰.

Растущий личный авторитет Резы продолжал представлять проблему для Москвы. С одной стороны, его антипатия к квазинезависимым феодальным шейхам и самому шаху и стремление модернизировать государственный аппарат выделяли его как прогрессивного реформатора буржуазно-националистического толка. С другой стороны, он не выражал никакой склонности связывать себя обязательствами с советским лагерем и, по-видимому, собирался вступить в отношения с англичанами на своих условиях. В то время не было никакой безопасной альтернативы политике сочувствия и поддержки³¹. Когда в октябре 1925 г. он наконец сверг шаха и взял в свои руки как внешние атрибуты власти, так и реальную власть, в Москве возникли опасения³². Журнал, издаваемый Коминтерном, писал о Резе как о «претенденте» на трон, приписывая его династические амбиции английским вдохновителям, которые считали, что Реза, посаженный на персидский престол с их помощью, будет менее страшен для них, чем Реза — президент, основывающий свою силу на народной поддержке. Статья заканчивалась уверенной надеждой, что Реза, провозгласив себя президентом персидской республики, поставит себя во главе и национально-революционного движения³³. Однако, когда вместо объявления ожидаемой республики Реза решил взойти на престол и в декабре 1925 г. был провозглашен шахом и основателем новой династии, эта резкая перемена не вызвала немедленного прекращения симпатий Москвы. В день восшествия на престол передовая статья газеты «Известия» оказала новой династии в Персии осторожно благожелательный прием. Разочарованный в своих надеждах на республику, журнал Коминтерна тем не менее издал благодушную ноту:

«Нет ничего удивительного в том, что, подготавливая провозглашение себя шахом, Реза-хан раньше всего обрушился на небольшую коммунистическую партию и ликвидировал ее полулегальное существование»³⁴.

Другая статья в коминтерновской прессе объясняла успех Резы отсутствием какой-либо достаточной основы для буржуазного республиканского движения; настрой Резы на современное антифеодальное централизованное государство мог найти солидную опору только в военной силе³⁵. Юренев, который сменил Шумяцкого на посту советского полпреда в Тегеране в июне 1925 г., вручил свои верительные грамоты как «чрезвычайный посланник» при новом шаху 27 декабря 1925 г.³⁶ В начале 1926 г. в докладе ИККИ еще могла быть выражена надежда на то, что национальная буржуазия в Персии может оказаться достаточно сильной, чтобы придать «цезареву решению»³⁷ Резы демократическое содержание. По-видимому, отношения между Советским Союзом и Персией начали улучшаться. 20 февраля 1926 г. была заключена

тщательно разработанная конвенция о регулировании и совместной эксплуатации водных путей на советско-персидской границе³⁸; а месяцем позже в Москве было объявлено об утверждении советско-персидской консульской конвенции³⁹.

Приблизительно в то же время советский эксперт по восточным вопросам Гурко-Кряжин оказал защиту Резе в передовой статье в полуофициальном «Новом Востоке». По-видимому, три года эффективного правления Резы создали не только регулярную армию в 50 тыс. человек, которая превратила Персию в централизованное государство, но и обеспечили рост персидской буржуазии «с персидским торговым капиталом». Это «усиление торгового капитала» шло в ногу с «политико-экономическим ослаблением помещичьего класса». «Новая персидская буржуазия и интеллигенция» были буквально сравнены с турецкой; Реза соответственно был персидским Кемалем. В статье признавалось, что существование «военной группировки», основанной на регулярной армии, является «совершенно новым социальным фактором», однако утверждалось, что «сдвиг персидской буржуазии и интеллигенции к диктатуре» был оправдан необходимостью противодействовать реакции класса лендлордов, находившихся под британским покровительством. Короче говоря, Реза установил «бонапартистскую монархию, которая удовлетворяла потребность буржуазии, и в особенности милитаристов, в военной диктатуре» и которая поддерживалась «демократическими силами, даже самыми радикальными»⁴⁰. Однако эту ноту энтузиазма нельзя было держать долго. Реза не только проявил бескомпромиссную враждебность к коммунистам, профсоюзам и левым политическим группам, он, очевидно, хотел торговаться и тянуть время с британским империализмом. В феврале 1926 г. доклад ИККИ определил восшествие Резы на трон как «только эпизод на пути превращения Персии в буржуазно-демократическую республику» и утверждал, что «национально-освободительное движение не может оставаться на этом этапе»⁴¹. В конце 1926 г. критическая статья в «Новом Востоке» осуждала Гурко-Кряжина как либерала и указывала, что бонапартизм основывался на базе мелкого крестьянского землевладения, в то время как монархия Резы «представляет лендлордов»⁴². Более рассудительный Ротштейн пытался примирить новую позицию со своим бывшим восхвалением Резы, занять промежуточное положение между этими враждебными крайностями. Реза был представителем «торгового капитала в форме лендлордов, занимающихся торговлей, и купцов»; правое крыло старого феодального режима, основанное на натуральной экономике, было изолировано. Новый режим не мог быть назван «буржуазной монархией», он был «первым серьезным шагом в развитии капитализма в Персии». Основной проблемой стал теперь вопрос, сможет ли Персия миновать «стадию медленного вызревания капитализма и период абсолютной монархии» и непосредственно перейти к «демократии всех трудящихся»⁴³.

Но развитие власти Резы в течение последующих нескольких месяцев или лет мало подтверждало оптимистический ответ на этот вопрос, и проблема отношения к правительству Резы была отложена до лучших времен.

в) Арабский мир

В 20-е годы арабоязычные страны Ближнего Востока привлекали сравнительно небольшое внимание Москвы. Этот регион мира был поделен мирными договорами на английскую и французскую сферы влияния, причем Великобритании выпала его львиная доля; советское отношение к ним определялось в первую очередь вкладом, который они могли бы внести в борьбу против английского и французского империализма. Египет стоял в стороне от других арабоязычных стран в силу своего большого богатства и активной борьбы против британского господства, которая продолжалась с новой силой после условного признания независимости Египта в конце 1922 г. Палестина находилась в особом положении и представляла собой уникальную проблему как арена еврейского национального дома под британским мандатом. Сирия ставила Францию, и так уже находившуюся в сложной структуре западного империализма, в положение то сообщника, то соперника Великобритании. Другие арабские страны возникали на горизонте лишь от случая к случаю.

Принятие Египетской коммунистической партии в Коминтерн после IV конгресса в конце 1922 г.⁴⁴ подняло вопрос о ее отношении к египетскому национальному движению, выдающейся фигурой которого был Заглул, лидер партии Вафд. В то время как в Москве Заглул еще многими рассматривался как перспективный национальный борец против британской эксплуатации, Рой, партнер Кемаля из Турции, критиковал Заглула как лидера «центристской партии», не хотевшего ничего большего, как «соглашения с британским империализмом»⁴⁵. Такая возможность никому не приходила в голову, пока после победы Вафда на выборах Заглул не сформировал правительство и не стал премьер-министром в январе 1924 г. Когда весной 1924 г. в Каире начались забастовки, Заглул превзошел Кемаля в угнетении и преследовании коммунистов. Но это не предостерегло Коминтерн от следования той же линии, что и в Турции: египетские коммунисты должны были «разоблачать» непоследовательность Заглула, но в то же время они должны были быть готовы поддержать его в осуществлении буржуазного, национально-освободительного движения с целью освободить Египет от британского господства⁴⁶. Сталин подчеркнул это еще более категорично:

«Борьба египетских купцов и буржуазных интеллигентов за независимость Египта является... борьбой объективно **революци-**

онной, несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание лидеров египетского национального движения, несмотря на то, что они против социализма»⁴⁷.

На V конгрессе Коминтерна в июне—июле 1924 г. Рой возражал против того, что Заглул пришел к власти, играя на национальных чувствах масс, и, не дав им ничего взамен, плохо обошелся с ними: весь Центральный Комитет коммунистической партии Египта находился в тюрьме⁴⁸. Мануильский попытался неубедительно разрешить парадокс, который заключался в том, что, хотя приход Заглула к власти был осуществлен с согласия британского правительства, он тем не менее был прогрессивным явлением⁴⁹; конгресс не принял никакой резолюции по этому вопросу.

Затруднения в выработке позиции по отношению к Заглулу возросли под влиянием драматических событий, которыми осенью 1924 г. были отмечены британо-египетские отношения. 25 сентября 1924 г. Заглул прибыл в Лондон для переговоров с британским правительством. Переговоры провалились, и 8 октября 1924 г. Заглул выехал в Каир. К этому моменту переговоры были прерваны из-за падения британского лейбористского правительства. В Москве считали, что неудача Заглула подтвердит «полную бесцельность и безнадежность борьбы с английским империализмом на легальной юридической почве» и необходимость ведения египетского революционного движения на «широкой социальной базе»⁵⁰. 19 ноября 1924 г., когда консервативное правительство прочно обосновалось в Лондоне, египтянин убил Ли Стака, британского губернатора Судана. Тремя днями позже командующий британскими войсками Алленби послал египетскому правительству ультиматум, который включал в себя требование вывода всех египетских сил из Судана. 24 ноября 1924 г. Заглул ушел в отставку, а его болезненный преемник Зивар принял британские условия. Эти события не происходили сами по себе. Пока Заглул был в Лондоне, в Каире шел суд над 11 коммунистами, которые были приговорены к различным срокам заключения от 6 месяцев до 3 лет. Это вызвало послание ИККИ арестованным коммунистам, где подчеркивалось, что «национальное» правительство Заглула «никим образом не отличается от своих предшественников, прямых наемников и агентов британского империализма, в своих непрекращающихся репрессиях»⁵¹. Но скоро ход событий призвал к другой ориентации. 28 ноября 1924 г. в Баку проходил митинг протеста против британского ультиматума. На митинге выступил турецкий консул, а также представители Туркестана, Дагестана и Персии; на нем было создано общество «Руки прочь от Египта» (о котором, по-видимому, в дальнейшем ничего не было слышно⁵²). Приблизительно в то же самое время Дальневосточное бюро Коминтерна издало протест против британского ультиматума и «недостойного поведения египетского правительства»⁵³. Заглул, опять находившийся в оппозиции, был

на пути превращения в мученика за национальное дело. Но в других вопросах Зивар верно следовал линии, намеченной Заглулом. В течение этого года 18 коммунистов были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения⁵⁴. Перспективы революции в Египте были явно несостоятельными. Даже национальный конгресс оппозиционных групп, собравшийся в ноябре 1925 г., чтобы высказать протест против режима Зивара, с уважением выслушал призыв Заглула остаться в рамках конституционной процедуры⁵⁵. Тем не менее надежды на действие, которое сломило бы статус-кво в Египте, явно зависели от буржуазного национализма Вафда, а не от пролетарского социализма в Москве; и, когда в 1927 г. Заглул умер, в советском журнале ему был посвящен некролог-индульгенция как борцу против империализма⁵⁶.

На судьбы коммунизма и на форму советской политики в Палестине сначала оказала влияние сильная антипатия сионизму, преобладавшая среди русских социал-демократов, и частично наследство еврейского Бунда. Затем в 1920 г. на II конгрессе Коминтерна делегат Мережин предложил резолюцию по сионизму, которая пыталась провести различие между буржуазным и социалистическим сионизмом и утверждала, что последний является прогрессивным и революционным. Но эта точка зрения вызвала сильные возражения у других делегатов, и резолюция не была принята. Основная резолюция конгресса по национальному и колониальному вопросам включала в себя параграф, сурово осуждающий «палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм», который «под видом создания еврейского государства в Палестине фактически отдаёт в жертву английской эксплуатации арабское население Палестины, где трудоспособные евреи составляют лишь незначительное меньшинство»⁵⁷. В этом же году в Палестине была образована «еврейская коммунистическая партия», однако она являлась частью еврейской организации Поалей Цион; и только в 1924 г. она учредила свою независимость, впервые приняла араба своим членом и присоединилась к Коминтерну как палестинская коммунистическая партия⁵⁸. Тем временем сионистская профорганизация Гистадрут вошла в 1922 г. в ВФП; это побудило небольшое меньшинство левого крыла еврейских профсоюзов вступить в Профинтерн. В начале 1924 г. Профинтерн выступил с призывом к «арабским рабочим Палестины» сплотиться против «альянса англо-сионистского капитала»; это могло вызвать решение Гистадрута, принятое вскоре после этого, изгнать союзы арабского меньшинства как «врагов еврейского народа и еврейского рабочего класса»⁵⁹. С ростом числа и влияния еврейского пролетариата Гистадрут в силу необходимости все больше заботился о защите еврейских рабочих от конкуренции со стороны дешевой арабской рабочей силы.

Коммунистическая политика в Палестине продолжала вращаться вокруг связанных тем: отмены британского мандата как выражения британского империализма и буржуазного сионизма как его инструмента⁶⁰ и попытки соединить еврейских и арабских рабочих в одних организациях и по одним проблемам. Периодически поддержка оказывалась арабским националистическим требованиям, которые, как считалось, должны были включать в себя отмену декларации Бальфура, амнистию для политических заключенных и учреждение Великой арабской федерации⁶¹. Восстание в Сирии в 1925 г. и одновременно война в Марокко вызвали новую вспышку интереса к арабскому национализму. Чувствовалось некоторое опасение, что замена Самуэля Плюмером в июле 1925 г. на посту британского верховного комиссара в Палестине могла бы предвещать поворот в британской политике по отношению к арабам и, таким образом, подорвать советскую позицию. Но с удовлетворением подчеркивалось, что Плюмер продолжал подавлять арабские демонстрации и что еврейская иммиграция не ослабевала⁶². 1 мая 1920 г. арабы и евреи впервые приняли участие в рабочих процессах, некоторые из них были процессиями бастующих железнодорожников⁶³. Однако, несмотря на отдельные демонстрации, ни советская политика, ни коммунистическая пропаганда не обеспечили себе ни одного реального плацдарма в Палестине на протяжении рассматриваемого периода.

До восстания 1925 г. советские политические деятели и пропагандисты уделяли Сирии мало внимания. Франция осуждалась за попытки вбить клин между Сирией и другими арабскими странами, включая Египет, путем борьбы с панарабскими тенденциями сирийской интеллигенции⁶⁴. В мае 1924 г. ИККИ выпустил манифест, направленный против французского империализма в Сирии; хотя, по-видимому, это было связано с попыткой побудить ФКП к более активной колониальной политике, а не с чем-то, происходившим в самой Сирии⁶⁵. Летом 1925 г. по всей Сирии прошли широкие выступления против французской администрации, достигшие пика с бомбардировкой Дамаска французскими войсками 19—20 октября 1920 г. Эти события вызвали ряд протестов и заявлений со стороны ФКП⁶⁶. Однако, вероятно, Москвы достигала скудная прямая информация о ситуации в Сирии, а сирийское восстание в основном рассматривалось как придаток войны в Марокко и дальнейший удар в борьбе против французского империализма. Сирийская коммунистическая партия, которая впервые была представлена на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г., по-видимому, была образована в 1925 г. как нелегальная партия⁶⁷. Однако в 20-х годах в Сирии нельзя было обнаружить никаких следов ее деятельности.

Из арабских правителей, которые как лидеры восстания против Турции пользовались британским покровительством и суб-

сидиями во время войны, наиболее удачным и важным был Хусейн, король Хиджаза. Ибн Сауд, султан Неджда, пользовавшийся необычайной британской щедростью в меньшем объеме, был более мелким властелином. Когда зимой 1924/25 г. Ибн Сауд повел успешную войну против Хусейна, заставил его отречься от трона и провозгласил себя королем объединенного королевства Хиджаз и Неджд, которое было затем переименовано в Саудовскую Аравию, это вызвало затруднения для британской политики. Но то, что было нежелательно для Лондона, автоматически с удовлетворением приветствовалось в Москве⁶⁸. Несмотря на то что «экономические и политические отношения» с Хиджазом были установлены в августе 1924 г.⁶⁹, советские эмиссары были способны ослабить преобладающее британское влияние при дворе короля Хусейна. В то же время на британские попытки привлечь на свою сторону Ибн Сауда смотрели с подозрением и думали, что они должны провалиться⁷⁰. В феврале 1926 г. обмен нотами между Советским правительством и Ибн Саудом привел к взаимному дипломатическому признанию⁷¹; а Ибн Сауд был на время превознесен в советской прессе, как Кемаль и Аманулла-хан, в качестве прогрессивного правителя и освободителя нации. Но ситуация в арабском мире была слишком изменчива, а советские интересы там слишком ненадежны, для того чтобы брать на себя какие бы то ни было серьезные или долговременные обязательства.

г) Афганистан

Афганистан был единственной страной Ближнего Востока, где советская политика не осложнялась существованием даже малейшего рабочего движения или национальной коммунистической партии; а король Аманулла-хан мог получить безусловную поддержку как защитник национальной свободы против поползновений британского империализма. В решительных мерах не было необходимости, и они не предпринимались. Однако традиционная британская политика считать страну зоной британского влияния обеспечивала значительные благоприятные возможности для советской дипломатии представлять Советский Союз в качестве друга маленького и угнетенного народа. В 1923 г. действия британского министра были заклеены как пример британской «провокации»⁷². Двумя месяцами позже приезд нового афганского представителя в Москву, совпавший с праздником шестой годовщины афганской революции, дал возможность для выражения советской симпатии борьбе за освобождение Афганистана от империалистического ярма⁷³. Весной 1924 г. Советское правительство предложило свою поддержку «прогрессивному правительству» Амануллы против восставших племен, которых подозревали или которым приписывалось тайное использование британской

поддержки⁷⁴. По этой причине советские аэропланы с советскими пилотами, которые помогли подавить восстание, остались в Афганистане в распоряжении афганского правительства, были также начаты переговоры о строительстве телеграфных линий, радиостанции и дорог⁷⁵. Нет никаких сомнений в том, что это внимание к улучшению коммуникаций служило упрочению связей между Афганистаном и Советским Союзом, облегчая отношения и обмен между ними; а сравнительная близость советской железнодорожной системы к советско-афганской границе была благоприятным фактором⁷⁶. По-видимому, в 1926 г. афганские воздушные силы состояли из 12 самолетов, которые были бесплатно предоставлены Советским правительством, и 30 пилотов, большинство из которых были русскими⁷⁷. Сообщая, что советско-афганские торговые переговоры начались в январе 1925 г. в Кабуле⁷⁸, однако, по-видимому, никакого официального соглашения заключено не было. Пограничный спор о владении островом на Амударье, ранее принадлежавшим Бухаре, аннексированным Афганистаном и недавно занятым советскими войсками, был разрешен дипломатическим соглашением от 28 февраля 1926 г., когда на острове произошла торжественная встреча советских и афганских подразделений и советские силы его покинули⁷⁹.

ГЛАВА 39

ЮЖНАЯ АЗИЯ

а) Индия

В расчетах тех, кто в первые послереволюционные годы определял восточную политику Советского правительства и Коминтерна, Индия занимала большее место, чем показали последующие события. Один из первых советских публицистов писал в 1918 г., что «если Россию справедливо считают цитаделью мировой революции, то Индию можно смело назвать цитаделью революции на Востоке»¹, а проект манифеста, представленный Троцким I конгрессу Коминтерна в марте 1919 г., упоминал Индию и страны Ближнего Востока, но не Китай². В тезисах, представленных III конгрессу Коминтерна в 1921 г., Ленин писал о колониальных и полуколониальных странах, где массы под воздействием мировой войны и русской революции стали «активным фактором всемирной политики и революционного разрушения империализма», и продолжал:

«Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан»³.

В ленинских работах этого периода, где Индия и Китай были связаны как потенциальные активы революции в Азии, Индия всегда шла первой⁴; а в тезисах IV конгресса Коминтерна по восточному вопросу Индия возглавляла список стран, который включал (в следующем порядке) Месопотамию, Египет, Марокко, Китай и Корею⁵.

Значение, придаваемое Индии в этих ранних высказываниях, было частично обусловлено тем, что она представлялась ахиллесовой пятой наиболее могущественной капиталистической страны, а также частично более глубокими причинами. Индия была колониальной страной, где местный капитал, стимулированный примером Европы и европейским обучением, продвинулся наиболее далеко в процессе промышленного развития. Было не случайно, что ленинский тезис о единстве коммунизма и буржуазно-националистических движений в отсталых странах должен был подвергнуться на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. возражениям со стороны докладчика из Индии. Противоречие между Лениным

и Роем по отношению коммунистов к национальным движениям, которое высветилось на конгрессе и полностью не было там улажено⁶, осталось вечным яблоком раздора в подъеме индийского коммунизма; что касается Роя, то он не устал настаивать, часто преувеличивая, что экономическая структура Индии больше не является феодальной и что сильная национальная индийская буржуазия имеет существенную заинтересованность в поддержании капиталистического общества⁷. С личной точки зрения выглядело парадоксальным, что Рой, который пришел к коммунизму через национализм и был новоиспеченным марксистом, когда он впервые в 1920 г. приехал в Москву, столь энергично отвергал требования национализма в Азии ради слабого и неопределенного коммунизма. Но в Индии это была жизненная политическая проблема. Индийский национальный конгресс, основанный в 1885 г., создал долгую традицию мягкого и демократичного национализма. До своего отъезда из Индии в 1915 г. Рой, со своим блестящим и нетерпеливым умом, восставал против этой политики умеренности; между Роем и большинством лидеров Конгресса и представителей в Европе преобладал недостаток симпатии. Если бы в результате принятия ленинских тезисов Коминтерн сделал ИНК центром своей политики в Индии, для Роя больше не нашлось бы места в советах Коминтерна. В одно время переговоры фактически начались с представителями Конгресса в Берлине, которые посетили Москву весной 1921 г. и были приняты Лениным и Радеком, но не смогли произвести должного впечатления⁸. Рой продолжал говорить в Москве от имени индийского коммунизма, хотя, как показала деятельность III и IV конгрессов Коминтерна, его взгляды никогда не получали полного признания⁹, и провал его попыток создать серьезную индийскую коммунистическую партию, внутри или вне Индии, должно быть, ослабил его престиж. То, что он удерживал свои позиции так долго, было данью личности Роя или отсутствием возможных альтернатив.

Зиму 1920/21 г. Рой провел в Ташкенте, где он был назначен членом Центрального азиатского бюро Коминтерна. Немногочисленные индийцы в Ташкенте были разделены, согласно подсчетам Роя, на две или, возможно, три конфликтующие группы. Первая индийская коммунистическая партия была сформирована там на основе этого малоутешительного материала, но, видимо, долго не просуществовала¹⁰. В самой Индии была предпринята попытка в 1920 г. организовать слабое и разрозненное профсоюзное движение, создав Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП); президент Ладжпат Рай был в 1917 г. помощником Роя в Нью-Йорке, но он был националистом, а не экстремистом в социальной политике¹¹. По-видимому, с этим движением Москва не имела никаких контактов до ноября 1921 г., когда объявление о II конгрессе ВИКП вызвало длинный призыв к индийским рабочим исполнительного бюро Профинтерна. Написанный в первые месяцы существования Профинтерна, призыв показал не большую

склонность к компромиссу с национализмом. Он заклеил «бри-танский империализм», но так же неуважительно отозвался о «ваших национальных лидерах» и особенно нападал на таких «националистических лидеров, как, например, Ладжпат Рай, которые пытаются использовать ваш революционный энтузиазм в интересах своей национальной борьбы». Таких лидеров надо поддерживать до определенного момента; но «вы должны решительно препятствовать их вступлению в ваши пролетарские организации» — загадочная фраза, которая в дальнейшем не разъясняется¹². Призыв не содержал никакого приглашения к вступлению в Профинтерн. Даже в это раннее время главной целью политики Профинтерна было установить аванпосты в «реформистских» союзах и настроить их против своих лидеров. Единственным результатом призыва была резолюция симпатии в отношении к Советской России и ссылка в речи секретаря на перспективу «прихода большевизма в Индию», если условия труда там не изменятся¹³. IV конгресс Коминтерна, состоявшийся в ноябре 1922 г., направил послание ВИКП, сессия которого проходила в то время в Лахоре, с выражением «симпатии» и «полной поддержки» и добавлением о том, что «экономическое освобождение индийских рабочих и крестьян зависит от политической свободы нации»¹⁴.

Тем временем Рой после III конгресса Коминтерна обосновался в Берлине; и там в марте 1922 г. он начал выпускать журнал «Авангард индийской независимости» (вскоре он стал называться «Авангард прогресса», а позже — «Массы Индии»), много экземпляров которого тайно переправлялось в Индию. К этому времени, по крайней мере внешне, Рой вроде бы примирился с коминтерновской политикой попытаться проникнуть в ИНК. Осенью 1922 г. в письме к одному из своих немногочисленных надежных сторонников в Индии он писал о легальной и некоммунистической массовой левой партии, чтобы создать блок внутри Конгресса, и о нелегальной коммунистической партии, которая будет движущей силой за кулисами¹⁵. Рой подготовил и опубликовал в «Гвардии прогресса» «программу для ИНК» в ходе подготовки к его ежегодной сессии, которая должна была состояться в Гайе 26 декабря 1922 г. Это была весьма радикальная, но не специфически коммунистическая программа, с «полной национальной независимостью», поставленной на первый план ее требований. Когда собрался Конгресс в Гайе, основной спор шел между Ганди, который хотел бойкота выборов в новые законодательные советы, предложенные по реформам Монтэгю — Челмсфорда, и умеренным либералом Дасом, который хотел принять в них участие. Однако обе стороны решительно отвергали политику насилия, а программа Роя была игнорирована и дискредитирована. Призыв к Конгрессу от секретариата Коминтерна признать необходимость применения «насильственных средств, без которых иностранное господство, основанное на насилии, не может быть прекращено», постигла та же участь¹⁶. Позже Рой признал, что «мы старались

усилить левых, однако сумели только запугать их», но он нашел утешение в соображении, популярном в кругах Коминтерна того времени, что такая тактика служила для выявления нереволуционного характера лидеров Конгресса¹⁷. Уроки этого периода истории индийского коммунизма были извлечены шестью годами позже на VI конгрессе Коминтерна:

«Это первое крупное антиимпериалистическое движение в Индии (1919—1920) закончилось изменой индийской буржуазии делу национальной революции, что главным образом было вызвано страхом перед нарастающей волной крестьянских восстаний, а также забастовками рабочих против туземных предпринимателей»¹⁸.

Теперь Рой серьезно приступил к созданию коммунистической партии. 15 февраля 1923 г. «Авангард индийской независимости» (ему было возвращено первоначальное название) впервые поместил под своим заголовком слова: «Центральный орган Коммунистической партии Индии». В передовой статье утверждалось, что «создание партии рабочих и крестьян стало насущной необходимостью», хотя в ней также объявлялось, что «мы будем сражаться как часть Национального конгресса». Отношение Роя к Конгрессу, и особенно к его либеральным и «прогрессивным» крыльям, высветило ту же самую противоречивость, как и в отношении Коминтерна к Лейбористской партии Великобритании. С одной стороны, он охарактеризовал Даса как «сентименталиста, а не революционера», чьи идеи были так же вредны, как и идеи Ганди; с другой — он приветствовал группу Даса как «зачаток массовой революционной партии, которая является настоящей необходимостью дня, и только она одна спасет Конгресс»¹⁹. В марте 1923 г. ИККИ и центральный совет Профинтерна выпустили совместный протест против суда и приговора 172 индийцам, признанным виновными в руководстве бунтом, который привел к убийству нескольких полицейских²⁰. В июне 1923 г. Рой был в Москве на сессии третьего расширенного ИККИ. На нем колониальные вопросы не обсуждались, и никакой резолюции по ним не выдвигалось. Однако Рой, выступая в рамках общей дискуссии, отстаивал свой обычный пункт с несколько другой точки зрения. Он разглядел изменение тактики «британского империализма» в колониальных странах. Он «считал выгодным для себя прийти к компромиссу с буржуазией этих стран», чтобы нанести поражение «влиянию русской революции». Приход британского капитала в Индию «совпадает с интересами индийской буржуазии», которая уже больше не имела никаких причин для борьбы против империализма²¹. Однако все глаза в Москве были обращены тогда на угрожающий Европе кризис, и замечаниям Роя было уделено мало внимания. Предположительно, по инициативе Роя 14 июня 1923 г. ИККИ направил письмо намечаемой в Индии конференции, которая должна была создать легальную рабоче-крестьянскую партию. В нем утверждалось, что рабочие и крестья-

не не могут «больше оставаться придатком буржуазного национализма» и должны «пойти вперед как независимая политическая сила и принять на себя лидерство». Однако индийская буржуазия должна быть признана «революционным фактором»:

«Возглавляя это движение, политическая партия рабочих и крестьян должна действовать в союзе с буржуазными партиями в той мере, в какой они тем или иным путем борются против империализма, и оказывать им полную поддержку»²².

Эта формула, насколько Рой был заинтересован, отражала по меньшей мере сущность тактики. Ничего не произошло такого, что могло бы убедить его в революционном характере индийской буржуазии или поколебать его убеждение в необходимости нелегальной и законспирированной коммунистической партии.

Однако подобные амбиции были далеки от реализации. Даже предложенная конференция никогда не состоялась. Британская разведка решила вмешаться, и несколько агентов и связных Роя были арестованы летом 1923 г. В феврале 1924 г. восьми лицам, включая самого Роя (заочно), было предъявлено обвинение в «тайной деятельности, направленной на организацию в Индии ветви революционной организации, известной как Коммунистический Интернационал». Поскольку этот факт, видимо, имел место спустя несколько недель после прихода к власти первого лейбористского правительства в Великобритании, то он вызвал огненное письмо протеста Роя, написанное от имени индийской коммунистической партии, «Рамсею Макдональду Оливеру, лейбористскому правительству и британскому рабочему классу»²³. В апреле 1924 г. четверо из обвиненных были преданы суду в Канпуре и после долгого слушания, в ходе которого была оглашена обширная перехваченная корреспонденция, в основном от Роя, были приговорены к четырехлетнему заключению. Приблизительно в то же время Сталин выразил надежды, еще существовавшие в Москве, на союз между индийской революцией и индийским национализмом:

«Не исключено, что цепь [империализма] может прорваться, скажем, в Индии. Почему? Потому, что там имеется молодой боевой революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение»²⁴.

Тем временем сам Рой был выслан в январе 1924 г. из Берлина, вероятно, по просьбе британского правительства, усиленной растущей враждебностью германского правительства к коммунизму после неудавшегося переворота в октябре 1924 г. Он переехал, увезя с собой «Авангард индийской независимости», сначала в Швейцарию, а позже, в 1924 г., во Францию.

Такова была ситуация, когда в июне 1924 г. в Москве собрался V конгресс Коминтерна. Доклад ИККИ конгрессу содержал весьма оптимистическую оценку роли «коммунистических групп» в Индии, порекомендовал Коммунистической партии Индии действовать в направлении «восстановления национально-освободитель-

ного движения на революционной основе» и создания как «национальной народной партии», так и «партии пролетарского класса»²⁵. В своем докладе конгрессу по национальному вопросу Мануильский вскользь сослался на недавнюю забастовку текстильщиков Бомбея, которая «закончилась кровавой бойней», и назвал вице-короля Ридинга «известным палачом британской Индии»²⁶. Он не рассматривал политику Коминтерна в отношении Индии. Но под этим можно было бы подразумевать (по аналогии с отношением к Гоминьдану в Китае), что Коминтерн поддерживает сотрудничество с ИНК; и боязнь этого, очевидно, объясняет резкость тона некоторых отрывков продолжительного участия Роя в дискуссии. Рой основывал свою косвенную критику политики сотрудничества с ИНК на глубоком анализе бомбейской стачки, которую он определил как социальное, а не национальное явление. Забастовка была направлена против местных индийских капиталистов и эксплуататоров рабочей силы и показала контрреволюционную позицию индийской национальной буржуазии. Резкое осуждение Мануильским позиции Роя и его ссылка на спор между Лениным и Роем на II конгрессе сделали ясным, что даже без формальной резолюции Рой потерпел поражение²⁷. Провал попытки насадить в Индии какое-либо серьезное коммунистическое движение, должно быть, начал к этому времени подрывать доверие к Рою; а в Москве 1924 г. уже считалось бестактным выступать против Ленина. На V конгрессе Коминтерна престиж Роя заметно упал.

В Индии, где суд в Канпуре оборвал все контакты Роя, осенью 1924 г. была предпринята попытка создать легальную индийскую коммунистическую партию, которая, воздерживаясь от насилия и верности Коминтерну, могла бы оставаться в рамках официальной терпимости. Но число ее членов было незначительно, и, по-видимому, в Европе о ней ничего не было слышно почти в течение года²⁸. В январе 1925 г. французское правительство, солидарное с побуждениями британского правительства взять более строгую линию против коммунизма²⁹, выслало Роя из Парижа. Это, по признанию самого Роя, «прекратило наше дело» и в конце концов также разрушило его брак, поскольку его жена осталась в Париже, чтобы издавать журнал, который был единственным живым символом его коммунистической партии в изгнании³⁰; к этому времени его название поменялось на «Массы Индии». Рой не присутствовал на V расширенном пленуме ИККИ в Москве в марте — апреле 1925 г., и колониальный вопрос на нем не обсуждался. Однако была создана комиссия по колониальному вопросу; она разработала проект резолюции по Индии, которая, судя по ее резюме, представленному пленарному заседанию председателем комиссии Фостером, вроде бы склонила чашу весов против хорошо известных взглядов Роя:

«По мнению комиссии, в настоящее время коммунистам необходимо продолжать их деятельность в Национальном конгрессе

и в левом крыле партии Сварадж. Все националистические организации должны быть слиты вместе в революционную массовую партию и всеиндийский антиимпериалистический блок. Лозунги национальной партии, основные пункты программы которой — освобождение от гнета империи, демократическая республика, всеобщее избирательное право и уничтожение феодализма, — лозунги, которые провозглашены и распространяются индийскими коммунистами, правильны»³¹.

В статье Войтинского в журнале Коминтерна, которая также цитировала индийскую резолюцию, подчеркивалось, что, хотя отклонения от правильной линии могут происходить как вправо, так и влево, «последние отклонения» в этом вопросе были влево³². Таким образом, суммировались обвинения против Роя.

Тем временем возникла новая сложность в делах индийской коммунистической партии Роя и его отношениях с Коминтерном. Резолюция V конгресса призывала не только к прямым контактам между ИККИ и национально-освободительными движениями, но также к «более тесному контакту между секциями в империалистических странах и их колониях». Это постановление не имело специальной ссылки в отношении Индии; оно было направлено против широко распространенного подозрения, что британская, французская и голландская коммунистические партии мало интересовались освобождением народов, которыми управляли их собственные страны. Однако из британских владений Индия в то время громче других требовала независимости или самоуправления и подвергалась наиболее суровым репрессиям. На VI ежегодном съезде КПВ в мае 1924 г. Белл протестовал против «суда над товарищем Роем и индийскими рабочими Канпура», хотя никакой резолюции принято не было³³. Резолюция V конгресса Коминтерна помогла обратить внимание КПВ на ее обязанности. Она уже создала колониальное бюро. По-видимому, в 1924 г. она начала проводить работу с матросами индийских судов в английских портах³⁴. В начале 1925 г. она направила эмиссара по фамилии Глэйдинг для изучения прогресса коммунистического движения в Индии. Три месяца спустя Глэйдинг вернулся с сообщением, что «никакой индийской коммунистической партии вообще не существует»³⁵. Озабоченная этим неприятным сообщением, КПВ попробовала новый подход. Три индийских профсоюзных лидера, достаточно умеренные в своих взглядах, чтобы получить разрешение или поддержку правительства представлять индийских рабочих на ежегодной конференции МОТ в мае — июне 1925 г., посетили Лондон на обратном пути из Женевы; представители КПВ обсудили с ними проект «восточной конференции», которую предстояло провести предположительно в Лондоне в сентябре 1925 г. и на которую были бы приглашены представители национальных движений в Азии³⁶. Рой не был извещен ни о миссии Глэйдинга, ни о предполагаемой конференции. Можно предположить, что он направил жалобу в Москву; угроза противоре-

чивых курсов была явной. Ситуация осложнялась присутствием на влиятельных постах в КПВ двух индийцев — Саклатвали, коммуниста — депутата парламента, и Палма Датта, быстро становившегося ведущим теоретиком партии³⁷; ни тот, ни другой не были друзьями Роя. 11—12 июля 1925 г. на нейтральной территории в Амстердаме проходила конференция, пытавшаяся урегулировать сложности. На ней присутствовали два представителя КПВ, Рой, его жена и несколько индийцев из различных групп. От имени Коминтерна на заседаниях председательствовал Маринг. Рой набросился на доклад Глэйдинга, заявив, что у него имеются «документальные свидетельства» о коммунистических группах в Индии, отверг идею «восточной конференции» как бесполезную и утверждал, что требование КПВ контролировать партийную работу в Индии «попахивает империализмом». Менее серьезным поводом для взаимных обвинений послужил статус индийского национального бюро в Лондоне, глава которого рассматривался Саклатвалой как «шпион» — подозрение, которое не разделяли другие члены КПВ и резко оспаривал Рой. По-видимому, конференция не выработала никаких решений и не была уполномочена это сделать. Однако, как признал сотрудник и посредник Коминтерна, она ознаменовала этап в переходе власти в отношении индийского движения от Роя и КПВ³⁸. Позиция Роя еще более ослабла, когда вскоре после этого его жена вернулась в Соединенные Штаты³⁹. К этому времени в Индии, как и в Москве, популярность Роя начала снижаться: стали раздаваться жалобы на то, что он роскошно жил в Европе, в то время как движение в Индии остро нуждалось в средствах.

КПВ была повергнута в смятение арестом и заключением в тюрьму ее лидеров в октябре 1925 г.; последовавшей за этим зимой ничего не было слышно о ее работе среди индийцев. Рой и его группа продолжали издавать «Массы Индии» и время от времени публиковали заявления от имени индийской коммунистической партии⁴⁰. Осенью 1925 г. локаут на текстильных предприятиях Бомбея, чтобы навязать снижение заработной платы, длился 10 недель; сопротивление рабочих, по-видимому, было успешным и дало свежий импульс созданию профсоюзов. Это дало повод Рою в очередной раз вернуться к своему любимому тезису о силе и реакционном влиянии местного индийского капитализма⁴¹. В декабре 1925 г. легальная Коммунистическая партия Индии⁴² провела свой I съезд в Канпуре, на котором присутствовали некоторые из бывших последователей Роя. Однако осторожное определение съездом своего отношения к Коминтерну как всего лишь «симпатии и духовной близости» и его утверждение, что «индийский коммунизм не является большевизмом», породили в Москве подозрение, что он обязан своим существованием «изобретательности индийской секретной полиции»⁴³. Рой заклеивал эти заседания как «детские». Раскол в партии Сварадж, в результате которого образовалась «Рабочая партия Сварадж», при-

ветствовался более тепло⁴⁴, хотя Рой использовал этот предлог для написания другой статьи в журнале Коминтерна под заголовком «Новая экономическая политика британского империализма», которая заканчивалась замечанием, что «индийская буржуазия убедилась, что ее экономическое развитие вполне возможно в рамках британского империализма»⁴⁵. VI ежегодный конгресс ВКП, который открылся в Мадрасе 9 января 1926 г., получил обычное послание Профинтерна, равно как и поздравительную телеграмму от центрального совета советских профсоюзов⁴⁶. Однако вопреки стимулу, данному бомбейским локаутом, он занял очень умеренную позицию, выставив на первый план такие требования, как самоуправление в рамках империи и арбитраж промышленных конфликтов, и отклонив присоединение и к Амстердаму, и к Профинтерну⁴⁷. В феврале 1926 г. Рой председательствовал на «восточной комиссии» VI расширенного конгресса ИККИ, которая предложила важную резолюцию по китайскому вопросу⁴⁸. Это было первое появление Роя в Москве как докладчика по китайскому вопросу; в сочетании с переходом курирования Индии к КПВ это знаменовало фактический конец долгого периода, в течение которого Рой принимался в Москве как лидер индийского коммунистического движения. В течение следующих трех лет Индию полностью заслонил Китай в шкале приоритетов Коминтерна и Советского правительства. В 20-х годах индийский национализм быстро рос и начинал принимать революционные формы, которые автоматически привели бы его к Москве. Но потенциально революционные силы в Индии были еще в основном вовлечены в ненасильственную кампанию Ганди и его идеологию, которые в своей основе были противоположны коммунизму; а собственно коммунистическое движение в Индии переживало еще период младенчества.

б) Индонезия

1923 и 1924 годы были годами растущей напряженности в Индонезии и роста активности малочисленной Коммунистической партии Индонезии (КПИ). После неокончательных решений IV конгресса Коминтерна в Москве⁴⁹ произошел разрыв непростых отношений между КПИ и националистической Сарекат ислам. В феврале 1923 г. Сарекат ислам раскололась сама; под влиянием коммунистов диссиденты образовали новую организацию, названную Красный Сарекат ислам, которая проповедовала светский национализм и обвинялась в стремлении уничтожить мусульманскую религию⁵⁰. В апреле 1924 г. конференция в Бандунге между представителями КПИ и этой организации, на которой, по-видимому, первые были доминирующей силой, выработала систему будущих отношений между двумя партиями, которая была одобрена на съезде КПИ в Батавии в июне 1924 г. Красный Са-

рекат ислам, переименованная к этому времени в Сарекат райат (или Народный союз), должна была быть массовой организацией сторонников, подчиненных узкой дисциплинированной элите руководителей КПИ⁵¹. Эта схема, которая напоминала роль, предназначавшуюся Коммунистической партии Китая в Гоминьдане и еще раньше — запасным партиям в профсоюзном движении, имела то преимущество, что она примиряла потребность в массовой поддержке с требованием теоретической ортодоксальности и дисциплины. Съезд в Батавии, на котором в отсутствие Семауна, находившегося в Москве, господствовал Дарсоно⁵², бросил воинственный клич, потребовав революционных действий для уничтожения капитализма и образования советов на заводах и в деревнях⁵³. Один из лидеров Сарекат райат, Хаджи Мишбах, по-видимому, соединял религиозные и анархистские склонности и начал террористическую деятельность, которая еще больше скомпрометировала партию; в конце июля 1924 г. он был арестован и депортирован в Новую Гвинею⁵⁴. V конгресс Коминтерна, который проходил во время этих событий, уделил мало внимания КПИ, несмотря на то что Семаун снова неудачно пытался получить от датской коммунистической партии практическую поддержку⁵⁵. Но здесь, как и везде, конгресс, по-видимому, призвал к действиям. В отсутствие местного капитала и буржуазии развитие буржуазного национализма не могло пойти далеко; словами Семауна, «любое националистическое движение с непролетарской программой и тактикой (как Сарекат ислам) неминуемо потерпит поражение»⁵⁶.

Урок, извлеченный летом 1924 г. из съезда КПИ в Батавии и V конгресса Коминтерна, видимо, стимулировал прямые и независимые действия КПИ. Во второй половине года упор был сделан на создание молодежных организаций (включая «Рэд бойз Скаутс»), партийных школ Сарекат райат и партийных ячеек, или «групп десяти», в государственных учреждениях, на фабриках и всяческих ассоциациях. Одновременно усилилась кампания против Сарекат ислам⁵⁷. Следующий съезд партии в декабре 1924 г. в Джокьякарте был ареной яростной полемики: говорят, что имели место прямые призывы к терроризму⁵⁸. По-видимому, наиболее спорным вопросом была проблема статуса Сарекат райат; она включала в себя отношение партии к крестьянству, которое составляло 75% членов Сарекат райат, а остальная часть была представлена в основном торговцами и ремесленниками. Большинство центрального комитета партии, считая Сарекат райат мелкобуржуазной партией, предложило распустить ее и реорганизовать крестьян в кооперативы. Это радикальное предложение вызвало возражение Дарсоно и тех, кого защищал Сарекат райат как основную базу массовой поддержки коммунистической партии. Спор закончился компромиссом, по которому Сарекат райат осталась существовать, но действовала в направлении перевода своих некрестьянских членов в партию, преобразовывая затем чисто крестьянскую Сарекат райат в кооперативы. Это означало, как за-

метил комментатор-критик, что «Сарекат райат умрет естественной смертью»⁵⁹. На языке Коминтерна того времени, это могло звучать или как похвальный поворот влево, или как недооценка революционного потенциала крестьянства.

Среди решений, принятых на съезде в Джокьякарте, было одно предложение — «работать и агитировать» среди рабочего класса с помощью профсоюзов⁶⁰. Профсоюз железнодорожных рабочих на о. Ява уже имел революционные традиции. В октябре 1921 г. «революционный профсоюзный центр» на Яве, состоявший в основном из железнодорожных рабочих, объявил о своем вступлении в Профинтерн⁶¹; профсоюз железнодорожных рабочих был представлен на III конференции ИПК транспортных рабочих, проходившей в Москве в декабре 1925 г.⁶² По-видимому, забастовка железнодорожных рабочих на Яве в мае 1923 г. была вызвана арестом Семауна, который был председателем профсоюза⁶³. Конференция транспортных рабочих Тихоокеанского региона в Кантоне в июне 1924 г., где был представлен и индонезийский профсоюз⁶⁴, дала дальнейший импульс развитию профсоюзного движения в Индонезии, результатом которого было учреждение в Сурабае, главном промышленном центре Явы, секретариата Красного профсоюза для Индонезии, вошедшего в состав только что образованного Тихоокеанского секретариата в Кантоне и через него в Профинтерн⁶⁵. По-видимому, съезд, представлявший 5000 индонезийских портовых рабочих и моряков, проходил в декабре 1924 г. в Сурабае и учредил национальный профсоюз транспортных рабочих, моряков и докеров. Все его руководители были членами КПИ. Была предпринята попытка создать общую организацию с союзом индонезийских рабочих на датских судах, созданным Семауном в Нидерландах и объединяющим 1300 человек⁶⁶. В это время также говорили о зарождавшемся союзе рабочих сахарных плантаций⁶⁷. Видимо, профсоюз транспортных рабочих и 70% других профсоюзов полностью находились в руках коммунистов. В декабре 1924 г. 25 тыс. индонезийских рабочих присоединились к Профинтерну, а к августу 1925 г. их число увеличилось до 35 тыс. Эти данные включают в себя коммунистов и сочувствующих им в некоммунистических профсоюзах⁶⁸.

В то время события в Индонезии вызвали небольшой интерес в Москве. V расширенный пленум ИККИ в феврале — марте 1925 г. принял резолюцию, направленную на поддержание единого фронта с крестьянами путем обеспечения независимости Сарекат райат. КПИ подверглась критике за то, что занимала слишком левые позиции и игнорировала необходимость объединенного антиимпериалистического фронта.

«Аргументация некоторых руководящих товарищей [говорилось в резолюции], которые утверждают, что, пока на Яве не существует никакой национальной буржуазии, национально-освободительное движение не может развиваться, неправильна».

Были высказаны сомнения в тесных связях КПИ с Сарекат райат, чьи организации «начали сливаться с коммунистической партией», и КПИ были даны инструкции «укрепить свою классовую пролетарскую базу», равно как и определить свое отношение к революционному движению в стране в целом⁶⁹. К тому времени КПИ насчитывала не более 2500 членов и утверждала, что, несмотря на свою небольшую численность, она ведет за собой 70 тыс. членов Сарекат райат⁷⁰. Однако в 1925 г., по мере того как революционные приметы стали более благоприятными для «колониальных» народов, эти задачи стали менее важными. Говорили даже, что Сарекат ислам поддерживала восстановление Абд Аль-Керима в Марокко⁷¹. Гораздо более важным было влияние событий в Китае — особенно после расстрела в Шанхае 30 мая 1925 г. Растущий подъем революционных волнений в Китае чувствовался в Индонезии, где 800 тыс. китайцев уже работали, большинство из них по контракту⁷². Во второй половине 1925 г. волна забастовок начала распространяться с Явы на Суматру и более мелкие острова⁷³, что вызвало ряд репрессивных мер со стороны правительства. В начале 1925 г. Коминтерн издал протест против «белого террора» в Индонезии⁷⁴. В августе 1925 г. Дарсоно вместе с другими руководителями профсоюзного движения был арестован; это вызвало протест Профинтерна⁷⁵. Значение развития профсоюзного и стачечного движения в Индонезии заключается в том, что, по-видимому, оно обеспечивало возможный базис для революционных действий пролетариата, которые компенсировали бы провал буржуазного националистического движения стать эффективным. Теоретически Индонезия была наиболее продвинутой из всех азиатских стран в этом отношении. Тем не менее в Москве, где индонезийскую партию порицали за то, что она не работает над привлечением крестьянства в националистическое движение, продолжали чувствовать беспокойство и предупреждали, что невыполнение инструкций V пленума ИККИ изолирует партию от масс⁷⁶. Приблизительно в конце 1925 г., как сообщают, на конференции в Соло руководителями КПИ было принято решение в пользу вооруженного восстания и немедленного учреждения советского правительства, хотя, по-видимому, это прошло не без возражений других секций партии⁷⁷. Однако в Москве это откровенно осудили «как ярчайший пример» левого уклона и приписали его недооценке важности крестьянства⁷⁸.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КИТАЙ

а) Пекин и Кантон

1923 год был годом нарастания анархии в Китае, хотя изменений в расстановке основных милитаристских сил не произошло. В центральных провинциях У Пэйфу являлся основным милитаристом, он пытался более или менее успешно оказывать влияние на пекинское правительство, которое по-прежнему продолжало номинально, только номинально, говорить от имени единого Китая. На Севере Чжан Цзолинь был полуавтономным вассалом Японии. На Юге Кантон был центром сепаратного территориального объединения, внутри которого боролись за власть суньятсеновская партия Гоминьдан и ряд независимых милитаристских лидеров. В течение этого года, который был годом миссии Иоффе на Дальний Восток¹, советская политика в Китае по-прежнему была нерешительной и неопределенной. Усилия Иоффе в Пекине зашли в тупик, и, когда в феврале 1923 г. У Пэйфу в ответ на растущую угрозу со стороны профсоюзного движения в Китае расстрелял забастовку рабочих на Пекин-Ханькоуской железной дороге, это было оценено как серьезный удар по революции в Китае и вызвало пессимистические настроения в коммунистических кругах и в Китае, и в Москве². Несколько позднее, в том же году, Иоффе, находясь в Японии, дал понять, что Советское правительство могло бы однажды обойти Чжан Цзолиня, заключив прямое соглашение с его патронами о режиме в Маньчжурии. Однако наиболее очевидным успехом его миссии было соглашение с Сунь Ятсеном в январе 1923 г., хотя и казавшееся тогда неясным и временным; и когда в последующие месяцы власть Сунь Ятсена и Гоминьдана была восстановлена в Кантоне за счет местных милитаристов, была создана прочная основа для советского влияния. Так как Сунь Ятсен теперь связал себя ориентацией на Советы, советская политика взялась поддерживать Сунь Ятсена.

Однако в то время было преждевременным говорить о каких-либо определенных или исключительных обязательствах по отношению к Сунь Ятсену со стороны советских лидеров. Насколько готовы они были держать все подходы открытыми, свидетельствует двойное назначение по завершении миссии Иоффе: Карахана в качестве дипломатического представителя к пекинскому правительству — в Пекин и Бородина как представителя и советника —

к Сунь Ятсену³. Спустя два дня после отъезда Карахана из Москвы, 4 августа 1923 г., в «Известиях» была опубликована статья о его миссии под заголовком «События в Китае и русско-китайские переговоры». «Со стороны Советского Союза, — заявлялось там, — сделано все зависящее для сближения двух народов — России и Китая. И если начало переговоров почему-либо затянулось бы, то это отнюдь не по нашей вине и вопреки нашим стремлениям»⁴.

Первая остановка Карахана была в Харбине, где он встретился с Афанасьевым, прежним «белым» генералом, теперь генеральным директором Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Затем он без должной поспешности проследовал в Мукден, штабквартиру Чжан Цзолиня, куда прибыл 18 августа 1923 г. Это было примечательно. Накануне отъезда Карахана из Москвы Чжан Цзолинь заявил о своем намерении взять в свои руки управление КВЖД. Карахан в интервью, опубликованном, когда он был в пути, вновь подтвердил все права Советов на КВЖД до заключения нового соглашения и возложил ответственность за любые нарушения на «преступные действия» «белогвардейских элементов»⁵. Карахан был хорошо принят в Мукдене, где он презентовал Чжан Цзолиню саблю с драгоценными камнями. Взамен он, казалось, рассчитывал на установление контакта, который будет полезен впоследствии⁶. Он направился в Пекин, где первую неделю сентября давал интервью, выступал с речами, был на приемах. В заявлении для прессы в связи со своим прибытием он подчеркнул, что политика Советского Союза полностью противоположна политике «всех других государств без исключения». Европейские державы хотели видеть Китай слабым и разобщенным, Советский Союз — «сильным и единым, осуществляющим свою собственную национальную политику»⁷. Но Карахан не стремился ограничивать свою миссию официальными отношениями с пекинским правительством. Ясно показав своим визитом в Мукден, что отношения с Чжан Цзолинем являются частью его миссии, он тут же направил письмо Сунь Ятсену в Кантон: «Я надеюсь на Вашу поддержку, д-р Сунь, старый друг новой России, в моей ответственной миссии по установлению тесных контактов между двумя нашими народами»⁸.

Сунь Ятсен ответил приветственной телеграммой, в которой характеризовал пекинское правительство как «политическую группу... совершенно не представляющую китайский народ» и «руководствующуюся более интересами и желаниями определенных иностранных держав, чем подлинными интересами Китая как независимого и суверенного государства»⁹. Он сопроводил ее конфиденциальным письмом от 17 сентября 1923 г., информируя Карахана, что одной из целей миссии Чан Кайши в Москву было «заняться с Вашим правительством и военными экспертами предложением о военной акции моими силами внутри и вокруг районов северо-западнее Пекина и далее», то есть открытое признание

националистического плана военной кампании против северного района. В этот момент проездом в Пекин прибыл Бородин, чтобы занять место советника при Сунь Ятсене, и продолжил свой путь с рекомендательным письмом Карахана к Суню, датированным 23 сентября 1923 г.¹⁰

И, хотя Карахан внешне стремился показать, что он является старшим по рангу представителем Советского правительства во всем Китае, его непосредственной заботой было установление официальных отношений с пекинским правительством. 7 сентября 1923 г. он сделал первую попытку в своей кампании в Пекине, потребовав от китайского правительства юридического признания Советского правительства в качестве предварительного условия переговоров по конкретным вопросам. Веллингтон Ку (Гу Вэйцзюнь), который еще надеялся получить за признание более существенные уступки, отклонил требование и предложил начать переговоры по всем спорным вопросам¹¹. Карахан в ту минуту молча уступил. До тех пор два основных препятствия стояли на пути советско-китайского соглашения — вопросы о КВЖД и Внешней Монголии¹². В интервью, опубликованном в «Известиях» во время его отъезда из Москвы, Карахан назвал «решение вопроса о КВЖД» первой задачей своей миссии и совсем не упоминал о Внешней Монголии¹³. С. Т. Ван, который был назначен китайским делегатом на этих переговорах, лично проявил готовность действовать в соответствии с указанным условием. В течение всего остатка года обсуждения в Пекине велись в основном по проблемам Маньчжурии. Они начались успешно с создания смешанной комиссии для урегулирования пограничных инцидентов¹⁴. Но это не предотвратило постоянного потока нот протеста Карахана в адрес МИД Китая в связи с якобы совершавшимися нападениями на советских граждан или их имущество в Маньчжурии¹⁵. В качестве нового канала расхождений было использовано обращение директоров нескольких основных китайских педагогических институтов к Карахану с просьбой использовать русскую часть боксерской контрибуции, от которой отказалось Советское правительство, как и части некоторых других держав, на поддержку дела образования в Китае. Карахан, неоднократно повторявший, что Советское правительство не претендует на эти суммы, теперь безосновательно утверждал, что китайское правительство не имеет права односторонне распоряжаться ими, и протестовал против использования их для поддержки «белогвардейцев или прежних царских представителей»¹⁶.

Пока продолжалась эта упорная торговля, не было недостатка в намеках на желание советской стороны пойти на компромисс по центральному вопросу — о КВЖД. В ноте от 30 ноября 1923 г. Карахан подытожил свою позицию следующим образом: «Исходя из того, что права собственника дороги, как коммерческого предприятия, принадлежат Советскому Союзу, я готов обсуждать на конференции любое Ваше предложение, включая предложение о

передаче всех прав на дорогу Китаю на условиях, установленных на конференции. Но я также могу подтвердить то, что было сказано еще четыре года тому назад, — что суверенитет Китая на территорию дороги нами полностью признается и что мы не будем настаивать ни на одной из привилегий, которые имело царское правительство и которыми и сегодня располагают в полосе отчуждения другие иностранные державы»¹⁷.

Неизвестно, что произошло потом за кулисами, но, несомненно, западные державы использовали свое влияние на пекинское правительство, чтобы помешать соглашению. Ответ Вана на ноту Карахана не доставлялся до 9 января 1924 г. В нем подчеркивалось, что имело место «неправильное понимание» сторонами бывших между ними разговоров, «недоразумения» и пр. Было упомянуто спорное место из советской декларации от июля 1919 г., касающееся КВЖД; торжественные заявления Карахана об «искренних чувствах» СССР в отношении Китая встретили резкий отпор, так как, как подчеркивалось, войска «Вашего правительства все еще остаются на китайской территории, а именно во Внешней Монголии». И в заключение: «Я поэтому искренне надеюсь, что Вы пересмотрите весь вопрос и дадите мне знать, как можно скорее, о сроке открытия конференции, которая разрешит все спорные вопросы»¹⁸.

Извлечение пугала Внешней Монголии было безусловным симптомом задуманного прекращения переговоров, ибо никак нельзя было представить, что Советский Союз откажется от своей сферы влияния во Внешней Монголии. Но даже и здесь советская дипломатия горела желанием умиловить китайцев формальными уступками. Ответ Карахана последовал 17 января 1924 г. В большой и хорошо аргументированной ноте отмечалось, что Советский Союз считает Монголию «частью Китая» и что «мы готовы вывести части Красной Армии, размещенные в Урге, как только китайское правительство даст необходимые гарантии безопасности наших границ». Нота завершилась повторением требования восстановить нормальные дипломатические отношения между двумя странами¹⁹.

Январь 1924 г. принес весть об установлении нормальных дипломатических отношений между СССР и Монгольской Народной Республикой. Васильев, вновь назначенный полпред в Ургу, сделал со своей стороны враждебный жест в отношении Китая, он особо подчеркивал, что «существующие условия не разрешают нам говорить или ссылаться на «независимость Монголии» и что статусом страны является «автономия»²⁰. Но, казалось, подобные намеки не воздействовали на обстановку в Пекине, где измученное и безвольное китайское правительство все еще колебалось, пойти ли ему на такой решительный шаг, как признание Советского правительства.

В течение февраля 1924 г., когда в прессу очень мало или почти ничего не просачивалось о переговорах, климат в Пекине за-

метно изменился, частично, возможно, под влиянием того, что Британия признала Советское правительство²¹, но в основном потому, что в Пекине не хотели позволить Сунь Ятсену монопольно получать помощь из Москвы²². Карахан почувствовал эти перемены и возобновил переговоры, направив ноту в более жестком тоне, чем его предшественники. Она была почти исключительно посвящена КВЖД, предупреждала китайское правительство против нарушения советских прав, поскольку «всякое, даже незначительное, изменение существующего положения может иметь самые серьезные последствия для Китая»²³.

За этим последовала страстная статья в «Известиях» под заголовком «Китайская агрессивность», в которой шла речь «о враждебных акциях китайской администрации в отношении русских граждан и интересов Советской России на Дальнем Востоке». Она завершилась требованиями, что, «если современные руководители Китая хотят дружить с Советской Россией, они должны «отказаться от своей антисоветской политики в Маньчжурии», если они предполагают и далее «продолжать эту агрессивную политику», они должны объявить об этом открыто»²⁴. Эта тактика сокрушительных нападок была вознаграждена. Несмотря на протест французского посланника в Пекине, выступавшего в защиту французских интересов в Русско-Азиатском банке, основного пайщика КВЖД²⁵, советско-китайский договор, чреватый серьезными последствиями, был подписан Караханом и Ваном 14 марта 1924 г.

Договор должен был обеспечить всестороннее урегулирование разногласий (спорных вопросов) и прочную основу китайско-советских отношений в будущем. Первая, наиболее важная с точки зрения Советов статья предусматривала установление нормальных дипломатических отношений и возвращение зданий миссии и консульства, прежде принадлежавших царскому правительству. Вторая статья — проведение в течение месяца после подписания договора конференции для определения подробных мероприятий, направленных на осуществление принципов, заложенных в последующих статьях. Изложение этих «принципов» составляло основное содержание договора. Китай выразил готовность отказаться от всех соглашений с третьими странами, затрагивающих суверенные права и интересы Советского Союза; Советский Союз сделает то же самое с договорами, заключенными царским правительством. Советский Союз признал Внешнюю Монголию «составной частью» Китая и обещал вывести свои войска, как только необходимые условия будут согласованы на предстоящей конференции. КВЖД признавалась «чисто коммерческим предприятием» и, за исключением «деловых операций», находилась под китайским управлением; дорога могла быть впоследствии выкуплена китайским правительством на средства китайского капитала на условиях, которые будут разработаны в дальнейшем. Однако будущее дороги должно быть определено соглашением между Китаем и СССР, «исключая любую третью сторону или стороны». Остальные

статьи сообщали об отказе Советов от особых прав и концессий в Китае, от экстерриториальности, боксерской контрибуции. Договор вступал в силу со времени его подписания²⁶.

Подписание договора от 14 марта 1924 г. было встречено с большим удовлетворением в Москве²⁷ и явилось ударом для западных дипломатов в Пекине и связанных с ними китайских официальных лиц. Кабинет по совету Веллингтона Ку, министра иностранных дел, принял решение объявить договор недействительным, ссылаясь на то, что Ван превысил свои полномочия при подписании документа, не подлежащего ратификации²⁸. 16 марта 1924 г. Карахан направил короткий и грубый ультиматум Вану, потребовав ратификации договора в течение трех дней. 18 марта Ван направил Карахану в качестве ответа заявление кабинета министров Китая. В нем игнорировался факт подписания документа 14 марта, он рассматривался как проект, и наряду с выражением горячего желания заключить соглашение с Советским правительством предлагалось продолжить переговоры по неуточненным пунктам, которые были подняты китайским правительством.

19 марта 1924 г. Карахан направил большую аргументированную ноту Вану, ее заключительный абзац повторял ультиматум от 16 марта²⁹. В тот же день Ку как министр иностранных дел направил Карахану ноту, где отвергал и договор, и ультиматум³⁰. В результате скорее Ку, а не Карахан был деятелем, который переусердствовал. Теперь Ку сам заменил Вана на переговорах, и в ноте от 1 апреля 1924 г. потребовал изменить договор по трем пунктам: отказ Советского правительства от соглашений с Внешней Монголией (по договору отменялись лишь соглашения, подписанные царской Россией), немедленный вывод советских войск из Внешней Монголии и ограничение передачи имущества Русской православной церкви³¹. С тех пор в течение двух месяцев сохранялось полное молчание о переговорах. Побочные сведения проливают свет на закулисное давление, оказанное на Ку нотой министра США от 3 мая 1924 г., в которой вновь подтверждались права акционеров и кредиторов КВЖД, оговоренные резолюцией Вашингтонской конференции 1922 г.; в ноте также отмечалось, что «США не намереваются помешать заключению китайско-русского соглашения», но скорее руководствуются желанием предотвратить трудности китайского правительства в будущем, напоминая о правах и интересах, которые он обязан уважать³². Однако на этот раз замыслы иностранных держав были обойдены с помощью секретности. Как заметил Чичерин, «дипломатия великих держав блокировала наше первое соглашение с Китаем и блокировала бы и на этот раз, если бы не соответствующая предосторожность, предпринятая сторонами»³³. 31 мая 1924 г. без предварительного заявления советско-китайский договор был подписан Караханом и Ку.

Текст договора с небольшими изменениями был аналогом его отвергнутой версии от 14 марта 1924 г. Но он сопровождался

семью декларациями, наиболее важные из которых имели силу статей договора. Одна из них предусматривала, что, хотя бывшие земли и сооружения Русской православной церкви передаются теперь Советскому правительству, они в соответствии с китайскими законами должны стать собственностью частных лиц китайской национальности или китайских организаций. Статья договора, согласно которой Советское правительство аннулировало соглашения, заключенные царским правительством, осталась неизменной. Но к договору была теперь приложена декларация, по которой китайское правительство не признавало силы за «любыми договорами, соглашениями и т. д.», заключенными Россией со времени царского режима с третьей стороной или сторонами и нарушающими суверенитет или интересы Китайской Республики. Следующая декларация предусматривала, что русская часть боксерской контрибуции, от которой отказался Советский Союз, должна быть направлена на улучшение дела просвещения китайского народа. Наконец, были сделаны приложения в виде обмена нотами, по которым китайское правительство решило «прекратить службу бывших подданных Российской империи, ныне состоящих в китайской полиции и армии». Отдельное соглашение, подписанное одновременно с договором, предусматривало создание «временной администрации КВЖД» до ее окончательной замены китайским правительством. Руководить КВЖД должно было правление из 10 человек, 5 из которых назначались китайским правительством, 5 — советским. Старший китайский член правления был одновременно директором-распорядителем КВЖД; главным управляющим назначался советский гражданин. Договор от 31 мая 1924 г. со всеми приложениями вступил в силу со времени его подписания³⁴.

Заключение договора сопровождалось обменом нотами, согласно которым «начиная с 31 мая 1924 г. возобновляются нормальные дипломатические сношения между Советским правительством и правительством Китайской Республики»³⁵. 17 июня 1924 г. Карахан направил ноту Ку, где подчеркивал, что существующий статус иностранных дипломатических представителей в Пекине на уровне посланников дает право рассматривать Китай как «неравноправную державу», и заявил торжественно, что правительство СССР считает своим долгом довести до сведения правительства Китайской Республики о своей готовности учредить в Пекине посольство СССР, а также принять в Москве посольство Китайской Республики. В своей ответной ноте Ку принял это предложение³⁶; и 31 июля 1924 г. Карахан представил свои верительные грамоты в качестве советского посла президенту Китая Цао Куню³⁷. Эта акция автоматически сделала Карахана дуайеном дипломатического корпуса в Пекине, так как другие иностранные представители продолжали пребывать в ранге посланников. Это была отнюдь не сладкая пилюля для иностранных держав, тем более что результатом подписания договора с Советским Союзом был подъем антииностранных настроений в Китае. 13 июля 1924 г. в Пекине

на публичном митинге большое число депутатов парламента, сенаторов и представителей левых организаций³⁸ положили начало Лиге борьбы с империализмом. Среди других она приняла призыв ко всем угнетенным народам Азии, Африки к совместной борьбе против Великобритании, Франции, Японии и Америки, «главных империалистических держав»³⁹, и были направлены протесты иностранным державам против неравноправных договоров, навязанных Китаю⁴⁰.

После продолжительной дискуссии из-за враждебности дипломатического корпуса, а не китайского правительства Карахан официально вступил во владение зданием прежней царской миссии в Пекине 12 сентября 1924 г.⁴¹ Советское правительство реализовало свои основные цели на основе советско-китайского договора от 31 мая 1924 г. А достижение китайских целей зависело от решений предстоящей советско-китайской конференции, созыв которой вследствие нестабильности в стране и неавторитетности пекинского правительства откладывался уже многие месяцы⁴². Приблизительно в это же время были предприняты и другие действия в целях укрепления советской позиции. Поскольку предписания пекинского правительства не распространялись на Маньчжурию, соглашение от 31 мая 1924 г. в части, касающейся КВЖД, имело незначительную практическую ценность. Хорошие отношения с Чжан Цзолинем, начало которым было положено годом раньше, во время визита Карахана в Мукден, ныне дали плоды⁴³. 20 сентября 1924 г. Советское правительство заключило с «автономным правительством трех восточных провинций» соглашение об управлении КВЖД, аналогичное (в части, касающейся КВЖД) соглашению, подписанному в Пекине 31 мая 1924 г., но оно содержало ряд новых статей, наиболее важная из которых — сокращение срока русской концессии с 80 до 60 лет. 80-летний срок был первоначально определен соглашением 1896 г.⁴⁴ Тем самым была более чем ясно продемонстрирована прагматическая готовность Советского правительства вести дела с любой силой, обладавшей эффективной властью в любой части Китая⁴⁵.

Достижения первого года миссии Карахана в Пекине были сравнимы с еще более ярким успехом миссии Бородина на Юге. Прибытие Бородина в Кантон в начале октября 1923 г. было началом эпизода, имевшего решающее значение для советской политики в Китае для последующих четырех лет, и привело к широким последствиям. Во время его прибытия власть национального правительства была неустойчивой в самом городе, в провинциях Гуандун и Гуанси его полномочия зависели от молчаливого согласия местных милитаристов. Позиции Гоминьдана (ГМД) как политической партии были слабы. Гоминьдан был большим, аморфным движением, державшимся почти исключительно благодаря личности Сунь Ятсена и его авторитету. Съезды Гоминьдана не созывались, не было официальной программы, организационная структура была в зародыше. Три принципа, впервые обнародован-

ные Сунь Ятсеном в 1905 г. и впоследствии принятые в качестве идеологической основы Гоминьдана, переводились как «национализм» («правление народа»), «демократия» («права народа») и «социализм» («народное благоденствие») ⁴⁶. Но суньятсеновская демократия имела очень небольшое или вовсе никакого сходства с западной буржуазной демократией, как и его «социализм» — с марксизмом. Только один из его принципов — национализм — в полной мере был понятен западным и советским обозревателям и, казалось, был основой его программы. Гоминьдан был партией, ставящей своей целью изгнание привилегированных иностранцев из Китая и всех тех китайских властей, которые преклоняются перед ними. В качестве таковой она располагала полной симпатией и поддержкой Москвы; и союз в какой-то форме мог, видимо, укрепиться между Гоминьданом и Москвой, как только установилась бы связь между ними.

Место микроскопической Коммунистической партии Китая (КПК) в этом союзе было мелкой, но щекотливой проблемой. До 1925 г. КПК была группой интеллектуалов, имевшей незначительные контакты с рабочими или вовсе никаких, и, по словам более позднего доклада ИККИ, являлась в основном пропагандистской организацией ⁴⁷. Ее начальный период, однако, совпал с подъемом профсоюзного движения в Китае. Всекитайский рабочий секретариат был основан в Шанхае в августе 1921 г. с отделениями в Пекине, Ханькоу и Кантоне для создания и объединения профсоюзов китайских рабочих; коммунисты, как говорили, принимали участие в организации этого секретариата ⁴⁸. Гонконгская забастовка 1922 г. ⁴⁹ дала новый импульс рабочему движению и привела к формированию мощного профсоюза моряков, который в следующем году насчитывал 45 тыс. членов ⁵⁰. 1 мая 1922 г. в Кантоне состоялся I Всекитайский съезд профсоюзов. Он принял ряд резолюций по программным и организационным вопросам профсоюзного движения ⁵¹. Съезд не смог, очевидно, создать действенную постоянную организацию; рабочий секретариат, созданный в Шанхае в августе предыдущего года, был переведен в Пекин ⁵². В декабре 1922 г. делегаты пекинского профсоюза железнодорожников и профсоюзов моряков Кантона приняли участие в III конференции революционных рабочих-транспортников в Москве ⁵³. Однако свидетельств о прямом участии коммунистов в рабочем движении в указанное время очень мало. Основное развитие КПК пошло в другом направлении. Предложение, что члены КПК должны индивидуально вступать в Гоминьдан, очевидно, исходило от Сунь Ятсена и было навязано Чэнь Дусю и другим лидерам КПК в августе 1922 г. Марингом, эмиссаром Коминтерна. Но в Москве в то время отнеслись к этому приему, изобретенному на месте, без энтузиазма ⁵⁴.

Одним из результатов этого решения было основание партийного еженедельника (журнала) «Сяндао чжоубао», который начал выходить в Шанхае в сентябре 1922 г. В резолюции ИККИ от

12 января 1923 г. указывалось, что ГМД является единственной национальной революционной группой в Китае и что китайский рабочий класс еще не является достаточно сильным, чтобы стать независимой социальной силой, и по этой причине оправдывалась политика «координации» действий КПК и ГМД и поощрялось, чтобы члены КПК оставались в рядах ГМД. КПК должна была независимо выполнять задачу организации рабочих и создания профсоюзов «как база массовой коммунистической партии». Одновременно она должна была поддерживать ГМД в «борьбе против европейских, американских и японских империалистов»⁵⁵.

В течение нескольких недель картина организованного развития рабочего движения была нарушена насильственным эпизодом. На Пекин-Ханькоуской железной дороге разразилась спорадическая и плохо организованная забастовка. У Пэйфу вызвал свои войска, арестовал и расстрелял нескольких вожakov и подавил забастовку, запугав массы. Несмотря на то что конечный результат этих событий имел следствием подъем профсоюзного движения, их непосредственным эффектом, по свидетельству того времени, было распространение чувства депрессии и пессимизма в рядах КПК; казались необоснованными предположения, что партия будет способна консолидировать свои ряды, создать и руководить эффективным китайским пролетарским движением⁵⁶. Этот эпизод мог объяснить определенные изменения акцентов в директивах ИККИ в мае 1923 г. к предстоящему съезду КПК. Ныне крестьянский вопрос представляется как кардинальный в Китае. КПК должна содействовать «союзу рабочих и крестьян» при руководящей роли рабочего класса; это могло быть достигнуто только на базе «лозунгов аграрной революции», включая конфискацию помещичьих земель, конфискацию земель монастырей и церквей и их свободное распределение среди крестьян. Коммунисты должны бороться за «усиление коммунистической партии, превращение ее в массовую партию пролетариата» и «собирать силы рабочего класса в профсоюзах». Касаясь отношений с ГМД, ИККИ объявил о поддержке Сунь Ятсена в его войне против «северных милитаристов», вместе с тем требовал от ГМД «вести систематическую пропаганду и агитацию» за «независимость, объединение и демократизацию страны», а также инструктировал КПК «толкать ГМД в сторону аграрной революции». Этот акцент на основную социальную проблему подкреплялся предостережением о том, что «мы должны в ГМД бороться против военных комбинаций Сунь Ятсена с милитаристами», которые «угрожают вырождением гоминьдановского движения в движение одной милитаристской группировки против другой». Имея в виду эту опасность, КПК должна добиваться быстрее созыва съезда ГМД с целью создания «широкого национально-демократического движения». Замечание о работе в Гоминьдане имело в виду политику вступления в ГМД членов КПК, но она прямо не упоминалась в резолюции — еще один симптом пассивности или разделения мнений в Москве⁵⁷.

III съезд КПК, которому эта директива была адресована, состоялся в Кантоне в июне 1923 г. Очевидно, без особых трудностей прошло решение о вступлении членов партии в ГМД, принятое в августе ЦК КПК. Принятие этой формы союза между двумя партиями, столь различными по характеру, вероятно, определялось частично исключительной организационной слабостью ГМД и частично тем, что КПК в то время еще была всего лишь сектой, имевшей всего лишь горсть членов партии в Кантоне, штаб-квартире ГМД. Наиболее спорным вопросом, отражавшим недостаток уверенности партии после инцидента 7 февраля 1923 г., был вопрос о том, следует ли организовывать рабочие массы внутри ГМД или организовывать их независимо от ГМД⁵⁸. Возобладала первая альтернатива; в резолюции было записано, что целью КПК является усиление влияния ГМД среди рабочих и крестьянских масс и содействие в превращении ГМД в действительную политическую партию. В заявлении, принятом съездом, утверждалось, что ГМД «должен быть центральной силой национальной революции и должен возглавить ее», хотя также осуждались два основных недостатка ГМД: склонность полагаться на иностранную помощь (помимо советской) и концентрация усилий на военных действиях, «пренебрегая пропагандистской работой среди народа»⁵⁹. То ли из-за безразличного отношения к крестьянству в самой КПК или боязни мощных враждующих элементов внутри ГМД съезд не выполнил директиву ИККИ о выдвижении лозунга аграрной революции и конфискации земель⁶⁰, этому вопросу суждено было остаться камнем преткновения во всех отношениях КПК с ГМД.

В Китае, как и везде, в первые годы революции выделялось молодежное движение, и оно было склонно занять позицию на левом крыле КПК. В ноябре 1921 г. была основана Китайская социалистическая молодежная лига (Социалистический союз молодежи). В мае 1922 г. она проголосовала на съезде за вступление в Коммунистический Интернационал Молодежи⁶¹. Через год после образования лига заявила, что насчитывает 4000 человек, и издавала двухнедельный журнал. Состоящая в основном из студентов лига активнее, чем КПК, работала среди рабочих и крестьян и поэтому, можно сказать, была более тесно связана с массами⁶². Были ли официальные связи между лигой и КПК, неизвестно. Но решение о вступлении членов КПК в ГМД распространялось и на членов лиги. В подтверждение этого решения лига на II съезде в августе 1923 г. подчеркнула как подчинение директивам КПК, так и свою решимость сохранять свою собственную «определенную и независимую организацию»⁶³. Хотя общая численность КПК и молодежной лиги в 1922—1923 гг. оставалась незначительной, лига, очевидно, росла быстрее партии и по численности в два раза превосходила КПК⁶⁴.

Такова была обстановка, когда Бородин приехал в Кантон 6 октября 1923 г.⁶⁵ Задачи его миссии точно определить трудно, но, казалось, они были триедиными. Во-первых, это была полуофициальная дипломатическая миссия, соответствующая миссии Карахана при китайском правительстве в Пекине; когда Карахан в своем рекомендательном письме (данном Бородину) к Сунь Ятсену писал, что просит рассматривать его «не только как представителя правительства, но и как моего личного представителя», последнее было проявлением, видимо, личного тщеславия, а первое — технической неточностью⁶⁶. Во-вторых, это была военная миссия, аналогичная миссии Чан Кайши в Москву, целью которой было получение советского оружия и советской технической помощи для суньятсеновской армии и, таким образом, превращения в серьезную боевую силу того, что до сих пор было лишь популярным массовым движением. О советской заинтересованности в такой реорганизации и трансформации свидетельствовало присутствие в составе миссии Бородина советского генерала такого высокого ранга, как Блюхер, появившегося в Кантоне под военным псевдонимом Галин в сопровождении значительной группы офицеров. В-третьих, задачей Бородина была дальнейшая реорганизация ГМД и решение без конца обсуждаемого вопроса об отношении в будущем ГМД к КПК и мировому коммунистическому движению; и так как организация партии оставалась в глазах большевиков неотъемлемой и важной частью подготовки революции, и так как собственная карьера Бородина делалась как карьера чиновника Коминтерна, то не удивительно, что эта третья функция приобрела в глазах Бородина первостепенное значение. Но первая беседа Бородина с Сунь Ятсеном обнаружила военный характер основной озабоченности Суня, который твердил о своем стремлении объединить Китай путем захвата Севера и говорил о Монголии, граничившей с советской территорией, как о хорошем плацдарме для военных действий. Бородин, казалось, игнорировал эти крайние проекты и убеждал его в необходимости создания сильной национальной армии в Гуандуне. С этим Сунь Ятсен согласился. Было очевидно, что гоминьдановский лидер в первую очередь беспокоился о военной помощи и поставках вооружения из СССР⁶⁷.

Бородин теперь принялся усиливать Гоминьдан по образцу большевистской партии, снабдив его четкой программой и придав ему определенную организацию. 25 октября 1923 г. Сунь Ятсен учредил комитет из 9 членов ГМД, включая члена КПК Тань Пиншаня⁶⁸, для создания проекта организации. Бородин, хотя и не был членом комитета, но был, безусловно, его душой. Основное столкновение произошло по вопросу экономической политики — суньятсеновский принцип «народное благоденствие» стал ареной битв правых и левых группировок в ГМД.

13 ноября 1923 г. Бородин внес в исполком ГМД предложения о конфискации помещичьих земель и их распределении между крестьянскими общинами, о введении 8-часового рабочего дня на

предприятиях и установлении минимума зарплаты на фабриках⁶⁹. Спустя три дня Бородин обратился непосредственно к Сунь Ятсену, которого, хотя он и согласился с остальной программой, уговаривала упорная правая оппозиция Гоминьдана отказаться от предложения о конфискации земли. Было найдено компромиссное предложение на основе плана: снизить арендную плату за землю на 25% и создать крестьянские союзы⁷⁰.

Возможно, в это время Сунь Ятсен решил создать «крестьянскую секцию» в ЦИК ГМД⁷¹. С небольшими возражениями прошло предложение о том, что организация сильной партии должна предшествовать военным приготовлениям. Эта точка зрения была убедительно изложена Чичериным в письме к Сунь Ятсену от 4 декабря 1923 г.: «Мы думаем, что основной целью гоминьдановской партии является создание великого мощного движения китайского народа и что поэтому пропаганда и организация в широчайших масштабах — ее первейшая необходимость. Наш пример был существенным: военным успехам предшествовало длительное время, когда мы организовывали и воспитывали наших последователей, создавали большую организованную партию по всей стране, которая способна побеждать всех своих врагов. Вся китайская нация должна понимать разницу между Гоминьданом, популярной организованной массовой партией, и милитаристскими диктаторами различных частей Китая»⁷².

Бородин, очевидно, быстро приобрел власть над Сунь Ятсеном, который убедился в существенном сходстве целей у ГМД и русской коммунистической партии⁷³. В начале декабря 1923 г. Сунь получил от 11 членов гуандунского отделения ГМД «петицию поставить под сомнение КПК» на основе отношений неподчиненности между партией и молодежной лигой, и из пометок на полях документа становится ясным, что фактически он не находит «никакой разницы между принципом народного благоденствия и коммунизмом» и думает, что большевики после шести лет нахождения у власти «познали, что вопрос о национализме фактически требует максимальных усилий и внимания». Он оправдывал «фанатичное и беспредельное преклонение части китайской студенческой молодежи перед русской революцией» и в заключение мудро сказал, что, «если Россия хочет сотрудничать с Китаем, она должна сотрудничать с нашей партией, а не с Чэнь Дусю». Если «молодежь» не будет подчиняться дисциплине, ей откажут в признании, «если Чэнь Дусю послушается, он будет исключен»⁷⁴.

13 декабря 1923 г. Бородин был официально назначен советником при Гоминьдане⁷⁵. Отчеты о подготовке проекта программы и манифеста I съезду ГМД в январе 1924 г. отличаются в деталях. Но все соглашаются, что Бородин при полной поддержке Сунь Ятсена играл ведущую роль. Его активным сотрудником был Ван Цзинвэй, который стал в то время известен как лидер левого крыла ГМД и наиболее пылкий сторонник сотрудничества с коммунистами⁷⁶. Чэнь Дусю, который ранее был против плана

вступления в ГМД ⁷⁷, также поддержал новую политику, хотя впоследствии кисло отмечал, что успех Бородина определялся обещанием существенной военной помощи, которая пришла к ним ⁷⁸.

I съезд ГМД открылся в Кантоне 20 января 1924 г. вступительной речью Сунь Ятсена. В наиболее важном месте говорилось о необходимости строгой партийной дисциплины и принесения в жертву своей личной свободы членами Гоминьдана ⁷⁹. Из 200 делегатов, очевидно, 40% были коммунистами ⁸⁰. Первой задачей съезда было утверждение проекта манифеста, который был фактически программой или платформой партии. В окончательном виде это было приспособление сунъятсеновских трех принципов к большевистской идеологии. Принцип национализма неразрывно связывался с борьбой против иностранного империализма: «Смысл независимости означает не что иное, как освобождение от империалистической агрессии... цель борьбы за национальную независимость не что иное, как антиимпериализм». Манифест требовал отмены неравноправных договоров, иностранных концессий, права экстерриториальности для иностранцев, иностранного контроля над таможенными. Приобрел большевистскую окраску и принцип демократии. Манифест признал прямую верховную власть народа. Он отверг «современную систему народного правления» как инструмент угнетения простого народа и ограничения прав «искренне настроенных против империализма лиц и организаций», исключая из числа предателей своей страны тех, кто «испытывает чувство верности к империалистам и милитаристам». Статьи манифеста по социальному и аграрному вопросам хотя и распространялись о страданиях «бедствующих крестьян и эксплуатируемых рабочих», противоречили первоначальным требованиям Бородина, были неясными и двусмысленными. Целью объявлялись «уравнение земель» и «контроль над капиталом», однако средства их достижения терялись в стилистике рассудительного компромисса. В заключение манифест объявил ГМД «центральным органом контроля над политической властью», призвал рабочих и крестьян спланиваться в революционной борьбе за национальное освобождение и заявил, что Гоминьдан пользуется поддержкой четырех традиционных китайских классов — интеллектуалов, рабочих, крестьян и купцов ⁸¹.

После утверждения манифеста подавляющим большинством конституция (устав. — *Ред.*) партии была принята без возражений. Ее модель близко повторяла структуру русской коммунистической партии с ее иерархией местных, областных, сельских, провинциальных и национальных съездов и исполнительных комитетов. Национальный съезд партии должен собираться каждые два года; центральный исполнительный комитет осуществлял высшую власть между съездами и в свою очередь выбирал «постоянный комитет из 5—9 членов, который исполнял функции ЦИК между его заседаниями и был ответствен перед ЦИК», что соответствовало рус-

скому Политбюро. Правила партийной дисциплины были уже привычными. Необычное положение устава (конституции) заключалось в том, что Сунь Ятсен становился постоянным председателем партии, национального съезда, Центрального исполнительного комитета⁸². Эти решения, как делегаты КПК позднее сообщали в Коминтерн, были «результатом общих усилий наших товарищей и „левого крыла”»⁸³. Группа в ГМД, которая уже протестовала против приема членов КПК в ГМД, возобновила свои возражения, но безуспешно.

Ли Дачжао, который вместе с Чэнь Дусю был основателем КПК, выступил с примирительным заявлением, пояснявшим, что члены КПК вступают в ГМД «не совместно как партия, а индивидуально» и признают двойную ответственность, проистекающую из их статуса ординарных членов ГМД и из союза между ГМД и мировым революционным движением⁸⁴. Из 24 членов, избранных съездом в первый Центральный исполнительный комитет ГМД, трое: Тань Пиншань, Юй Шидэй и Ли Дачжао — были коммунистами, шестеро из 17 кандидатов в члены ЦИК были коммунистами и среди них — Мао Цзедун. Коммунисты также получили ключевую позицию, когда Тань Пиншань был назначен главой орготдела ГМД⁸⁵. Мао Цзедун, который со времени съезда партии в июне 1923 г. стал членом ЦК партии в Шанхае, ныне стал членом исполнительного бюро ГМД в Шанхае вместе с Ван Цзинвэем и Ху Ханьмином⁸⁶. На заключительной стадии съезда ГМД была получена во время заседания поздравительная телеграмма от Каракхана из Пекина; это было соответственно подтверждено Сунь Ятсеном в телеграмме от 24 января 1924 г.⁸⁷ После завершения работы съезда Сунь Ятсен с запозданием ответил на письмо Чичерина от 4 декабря 1923 г., подтверждая, что «основной целью» ГМД является организация «мощного движения, одновременно революционного и конструктивного», и что «организация и пропаганда» являются существенно важными для достижения этой цели. Поэтому «мы желаем и ждем от Вас и других товарищей консультаций и поддержки»⁸⁸. Значение съезда, по оптимистической оценке коммунистов, заключалось в том, что он был поворотом для части гоминьдановских лидеров от концепции захвата власти военной силой к концепции завоевания поддержки масс в союзе с КПК⁸⁹.

Однако, несмотря на это изменение акцента, которое во всяком случае ограничивалось левой частью ГМД, наиболее важное последствие I съезда ГМД произошло в сфере не политической, а военной организации. В декабре 1923 г. Чан Кайши вернулся в Кантон из своей поездки в Москву⁹⁰, где он обсуждал события в Китае со всеми основными советскими руководителями. 24 января 1924 г., в период работы съезда, Чан Кайши был назначен Сунь Ятсеном главой комиссии семи по организации так называемой «партийной академии», хотя выбор ясно показывал, что цель была военная. Хотя ни одного русского или члена КПК не было в со-

ставе комиссии, обсуждение вопроса о военном учреждении недалеко продвинулось без согласования с Бородиным и его военными советниками. Скоро начались трения. Позднее Чан Кайши ссылаясь на случай от 21 февраля 1924 г., когда он предложил свою отставку, видимо, чтобы путем давления на Сунь Ятсена обеспечить себе его поддержку против Бородина; и говорят, что Чан написал письмо Ляо Чжункаю 14 марта 1924 г., в котором он поносил русскую коммунистическую партию, выражал сомнение относительно дальнейшего сотрудничества ГМД с КПК и писал, что по содержанию русские слова «интернационализм» и «мировая революция» — синонимы «империализма»⁹¹.

Несмотря на эти трудности, работа продолжалась, и 16 июня 1924 г. Сунь Ятсен открыл новую военную академию в Вампу (Хуанпу), в пригороде Кантона, для подготовки офицерского корпуса новой армии Гоминьдана. Чан Кайши был назначен начальником и Ляо Чжункай — представителем ГМД с полномочиями как у политического комиссара Красной Армии Советского Союза. Блюхер (под фамилией Галин) стал главой штаба при начальнике; военная подготовка в основном велась советскими военными советниками; политическая работа была возложена также на Ван Цзинвэя и Ху Ханьминя. В первом наборе насчитывалось 460 курсантов, была введена строгая военная дисциплина⁹². Была полная зависимость не только от советской военной техники, но и советских финансов. Говорят, что Советское правительство выделило 3 млн. руб. на первые расходы академии⁹³. Бородин, снабдивший Гоминьдан хорошей партийной организацией, теперь намеревался превратить его в военную силу.

Не было недостатка в причинах для трений в ходе трудных переговоров о советско-китайском сотрудничестве в Кантоне летом 1924 г. Этот год был годом нарастания социальной напряженности, возникающей из подъема организованного движения китайских рабочих. В феврале 1924 г., в годовщину расстрела на Пекин-Ханькоуской железной дороге⁹⁴, съезд рабочих-железнодорожников в Пекине основал Всекитайскую федерацию железнодорожных рабочих. Был обнародован манифест, призывавший рабочих всего Китая к единому фронту и «укреплению уз с другими профсоюзными организациями и международными рабочими организациями»; федерация объявила о присоединении к Международной федерации транспортных рабочих⁹⁵. 1 мая 1924 г. демонстрации железнодорожников состоялись в основных центрах. В Ханькоу демонстрация была посвящена памяти кровавой расправы с лидерами рабочих в феврале 1923 г. Пять ее организаторов, включая трех коммунистов, были арестованы У Пэйфу за принадлежность к тайной организации; говорили, что генерального секретаря профсоюза железнодорожников выпороли. Эти действия спровоцировали резкий протест конгрессов Коминтерна и Профинтерна в Москве в июне — июле 1924 г.⁹⁶ Китайские железнодорожники выделялись на кантонской конференции в июне 1924 г.⁹⁷ Эти собы-

тия свидетельствовали о переходе от периода успешного подавления китайского рабочего движения к периоду агитации и восстаний⁹⁸. Хотя КПК, казалось, не принимала активного участия в движении на данном этапе, первоначальный подъем классового сознания китайского пролетариата был явно рассчитан на изменение характера партии и осложнение ее отношений с исконно буржуазным и националистическим ГМД⁹⁹.

Дипломатические дела были другим потенциальным источником раздоров. Вызывающий раздражение вопрос о Внешней Монголии вроде бы был решен совместной декларацией от 26 января 1923 г., в которой Иоффе от имени Советского правительства отверг какое-либо намерение отделить Внешнюю Монголию от Китая, а Сунь Ятсен — немедленно вывести русские войска из Внешней Монголии¹⁰⁰. Но на III съезде КПК в июне 1923 г., как отметил комментатор, вновь неожиданно оказалось, что КПК признает «независимость» Монголии, Тибета и Восточного Туркестана, а Гоминьдан — нет¹⁰¹. Более серьезным камнем преткновения были настойчиво поддерживаемые официальные отношения Москвы с пекинским правительством. 2 февраля 1924 г. Сунь Ятсен в письме Карахану, выражая мнение, что Советское правительство больше не нуждается в сохранении отношений с «непредставительной, антинациональной и проиностранный группировкой» в Пекине, интересовался, не следует ли вместо них установить формальные отношения с Кантоном¹⁰². Но настроения были противоречивыми. Пекинское отделение ГМД организовало демонстрацию протеста против отказа пекинского правительства от первоначального текста советско-китайского договора от 14 марта 1924 г.¹⁰³ Когда Войтинский, глава Восточного бюро Коминтерна, приехал в Кантон летом 1924 г., вскоре после подписания в Пекине советско-китайского договора от 31 мая 1924 г., ему сообщили, что некоторые члены Гоминьдана рассматривают это как «не вполне лояльный акт» по отношению к кантонскому правительству: «Кантон находится во враждебных отношениях с Пекином, а мы заключили договор с Пекином». С другой стороны, Сунь Ятсен, которому Войтинский нанес визит вместе с Ляо Чжункаем, тактично воздержался от каких-либо упреков, он показал, что глубоко понимает «значение подписания договора СССР с китайским правительством и его важность для интересов китайского народа»¹⁰⁴. На Сунь Ятсена союз с Москвой произвел большее впечатление, чем на некоторых его последователей; и, несомненно, под его влиянием ГМД в июле 1924 г. опубликовал манифест, приветствовавший китайско-советский договор, хотя и там тоже использовался случай обвинить пекинское правительство в том, что оно «рассматривает важные национальные дела исключительно с точки зрения своих собственных корыстных интересов»¹⁰⁵.

В этой атмосфере несовместимые партнеры вряд ли могли избежать взаимных обвинений. В декабре 1923 г. Сунь Ятсен уже отклонил протест Гуандунского отделения ГМД по поводу дейст-

вий КПК и Социалистического союза молодежи¹⁰⁶. 18 июня 1924 г. три члена контрольного комитета ГМД направили второй официальный протест в ЦИК ГМД против преступлений коммунистов — членов ГМД. Индивидуальное членство, отмечалось там, — чистая фикция; члены КПК вступили в ГМД и другие организации как группа, образовали фракции для проведения коммунистической политики и остались целиком чужды духу ГМД¹⁰⁷. Бородин, которому протест показали, не отрицал существования фракций или партийных директив, но подчеркивал, что все члены КПК, так же как и молодежной лиги, получили указание вступить в ГМД и работать во имя его целей¹⁰⁸. Провокации со стороны коммунистов, однако, имели место. Когда Бородин защищал отношение КПК в Кантоне, Мануильский, выступая на V конгрессе Коминтерна в Москве, с сожалением признавался, что на последнем пленуме ЦК КПК «сильной критике подверглась деятельность товарищей, работавших в ГМД», как противоречащая официальной политике¹⁰⁹. Официоз, еженедельник КПК, открыто критиковал ГМД¹¹⁰. И Войтинский в органе Коминтерна обвинил Сунь Ятсена и левое крыло ГМД в «идеалистическом» подходе к проблеме революции с точки зрения освобождения китайского «народа», вообще игнорируя классовые разногласия в ГМД и закрывая глаза на махинации правых¹¹¹.

В такой ненадежной обстановке прочность партнерства основывалась почти полностью на неограниченной власти и престиже Сунь Ятсена, который и не думал отказываться от своего личного руководства гоминьдановской организацией. 11 июля 1924 г. Сунь Ятсен, открыто игнорируя ЦИК и его Постоянный комитет, предусмотренные только что принятым уставом, назначил своей собственной властью и под собственным председательством политический совет, чьи функции были определены так, что перекрывали большую часть функций ЦИК и ПК¹¹². Пока был жив Сунь Ятсен, ГМД оставался его личным детищем. На открывшейся 15 августа 1924 г. сессии ЦИК ГМД были рассмотрены отношения между ГМД и КПК и принята резолюция, которая полностью одобрила позицию коммунистов. Ссылаясь на конституцию ГМД, резолюция декларировала, что членом ГМД может быть каждый, признающий принципы партии и исполняющий ее решения. В резолюции подчеркивалось также, что если члены ГМД будут пренебрегать ее принципами или отказываться от участия в революционном движении на базе трех принципов или не будут выступать против милитаризма и не будут поддерживать трудящиеся массы, они будут наказаны независимо от класса, к которому принадлежат.

Это заявление, как могло сразу показаться, угрожало скорее правому крылу в ГМД, чем коммунистам. Указанная резолюция изображала КПК продуктом «классовой борьбы индустриального пролетариата, только что появившегося в Китае», и «частью политической организации мирового пролетариата». Если ее даже и

уничтожить, то китайский пролетариат уничтожить нельзя, и он организуется вновь¹¹³. Эта резолюция была вершиной союза КПК — ГМД. Никогда до и после этого заявления значение союза не принималось столь сердечно¹¹⁴.

Растущая эффективность союза между Кантоном и Москвой вызвала опасения и гнев в кругах более мощных, чем правое крыло ГМД. Весной и летом 1924 г. так называемый купеческий корпус, под прозвищем «бумажные тигры», был организован для защиты собственности иностранцев и китайцев в Кантоне¹¹⁵. Его создал главный компрадор Гонконг-Шанхайского банка; корпус пользовался едва завуалированной помощью англичан из Гонконга. По завышенным оценкам, он насчитывал до 50 тыс. человек. 10 августа 1924 г. для него была доставлена морем партия оружия в 10 тыс. винтовок. Она была сначала пропущена, потом задержана властями, но в конце концов арест, очевидно, был снят. Но отношения достигли критической стадии, купеческий корпус начал захватывать части города и воздвигать баррикады. Тогда Сунь Ятсен выступил с предостережением, что по ним будет открыт огонь, если они не разойдутся¹¹⁶. 29 августа 1924 г. генеральный консул Великобритании от имени консульского корпуса направил ультиматум с угрозами санкций с моря, если будет открыт огонь в какой-либо части города. 1 сентября 1924 г. Сунь Ятсен издал «Заявление иностранным державам», в котором объявлялось, что купеческий корпус с помощью англичан поднял восстание, и выражалось возмущение по поводу того, что лейбористское правительство Великобритании предпринимает попытку свергнуть национальное правительство Кантона. 10 сентября 1924 г. Сунь Ятсен направил телеграмму протеста в Лондон «правительству Макдональда»¹¹⁷. Лига борьбы с империализмом в Пекине также включилась в борьбу направив телеграммы Макдональду с требованием отозвать ультиматум и не вмешиваться в китайские дела и Сунь Ятсену — с пожеланием успеха в борьбе¹¹⁸. Первая неделя сентября 1924 г. была объявлена в Пекине «антиимпериалистической неделей», а 7 сентября, годовщина «21 требования» Японии 1915 г., — «днем национального унижения». Неделя должна была сопровождаться бойкотом иностранных товаров и коммерческих сделок с иностранцами¹¹⁹.

Рост напряженности получил быстрый отклик из Москвы, где 4 сентября 1924 г. ИККИ опубликовал воззвание; Макманус, Трейнт и Амтер отправили телеграмму Сунь Ятсену от имени английской, французской и американской коммунистических партий, обличая «высокомерный заговор англо-франко-американского империализма»¹²⁰. Президиум Центрального совета профсоюзов, собравшись 5 сентября 1924 г., принял решение организовать общество «Руки прочь от Китая» — образец для подобных обществ, создаваемых повсюду. Были приняты призывы к рабочим Советского Союза и рабочим всех стран и отправлена телеграмма Томскому, делегату на британском конгрессе тред-юнионов в Гулле¹²¹,

с предложением организовать совместную кампанию советских и британских рабочих «за независимость и автономию тружеников Китая»¹²². С британской стороны отклика не последовало. А московское общество приступило к работе¹²³; 21 сентября оно организовало большую студенческую демонстрацию, к которой обратился Войтинский; на следующий день в Большом театре состоялось собрание, где выступили Радек и несколько иностранных коммунистов¹²⁴. Профинтерн направил своим сторонникам в основных европейских странах и США циркулярное письмо с призывом поддержать общество «Руки прочь от Китая» и создать подобные общества в своих странах¹²⁵. Крестинтерн также опубликовал воззвание¹²⁶. Реальной помощи не было, только красноречивые слова. 7 октября 1924 г. впервые груз со снаряжением для национального правительства был доставлен на советском военном корабле из Владивостока в Кантон¹²⁷. В такой обстановке китайские власти приняли решение разгромить купеческий корпус, пренебречь иностранным вето. В ночь на 14 октября 1924 г. отряд из войск под руководством Чан Кайши, других частей, лояльных правительству, курсантов из Хуанпу атаковал ставку корпуса в Кантоне и после некоторого сопротивления одержал полную победу. Лидеры корпуса, потерпевшие поражение, бежали в Гонконг. Этот инцидент способствовал консолидации власти национального правительства и, видимо, укрепил престиж Чан Кайши¹²⁸. Он знаменовал первый этап усиления враждебности Британии по отношению и к Кантону, и к Москве, достигшей своего пика после падения лейбористского правительства.

1924 г. поражал масштабами и темпами распространения влияния Советов во всем Китае, укрепления их авторитета. На Севере было обеспечено признание Советского Союза и восстановление дипломатических отношений с пекинским правительством, которое, хотя и было неэффективным, признавалось великими державами как китайское правительство. С Чжан Цзолинем было заключено отдельное соглашение по очень важному вопросу — о КВЖД. На Юге образован союз с восходящей властью — ГМД, властью, которая во многом полагалась на советскую военную помощь и политические советы. Под патронажем Москвы китайское рабочее движение, центром которого были железнодорожники и моряки, начало приобретать четкие очертания. Более того, антииностранные и антиимпериалистические настроения росли и усиливались во всех классах; это движение все больше сплачивалось вокруг Советского Союза, по мере того как оно все громче заявляло о себе. Новый Китай начал привлекать живое, полное заботы внимание Москвы и затмевать Индию в качестве основного маяка революционной надежды на восточном горизонте. Троцкий в своей речи в Университете трудящихся Востока 21 апреля 1924 г. сказал, что хотел бы знать, Индия или Китай является «наиболее типичной» колонией¹²⁹. Войтинский выразил надежду, что «китайский народ начи-

нает понимать суть сражения между красной дипломатией и мировым империализмом на китайской земле»¹³⁰. Другой советский публицист предсказывал, что ответ на вопрос о победе социализма или выживании капитализма «будет дан Азией, и прежде всего Китаем, его эволюцией в ближайшее же десятилетие»¹³¹. С этого времени Китай постепенно становился основным центром и событий, и внимания как Советского Союза, так и Коминтерна в Азии. Прочный успех 1924 г. прокладывал путь к более драматическим и впечатляющим событиям, которые произошли в следующем, 1925 г.

б) Начало брожения

Осенью 1924 г., когда Карахан был принят послом в Пекине и авторитет Сунь Ятсена и дипломатия Бородина укрепили союз Гоминьдана и Советского Союза в Кантоне, важное событие изменило калейдоскоп китайской политической жизни. В течение трех лет в Центральном Китае фиктивное китайское правительство в Пекине держалось на военном превосходстве У Пэйфу. Здесь с 1923 г. Цао Кунь, марионетка У Пэйфу, считался президентом. Но эта власть, хотя она и поддерживалась Великобританией и США, основывалась на зыбком фундаменте. Власть и амбициозные претензии У Пэйфу ныне объединили против него двух сильнейших врагов — Чжан Цзолиня, японским патроном которого также не нравилось превосходство протеже британских и американских хозяев, и Сунь Ятсена, чьи антипатии к Великобритании и США были сильнее, чем в Японии. Он считал У Пэйфу основным символом китайского милитаризма и иностранного империализма¹³². 18 сентября 1924 г., через два дня после того, как начались военные действия между У Пэйфу и Чжан Цзолинем, Сунь Ятсен выступил от имени ГМД с воззванием (впоследствии оно получило известность как «декларация о карательном походе на Север»), в котором говорилось, что «наши союзные армии в Чжэцзяне объявили войну Цао Куню и У Пэйфу, что Мукден (имя Чжан Цзолиня было опущено) предпринял «совпадающие действия» и что эта война направлена не только против милитаризма, но и против «империализма, этой опоры, поддерживающей существование милитаристов»¹³³. Возможно, это было совпадением, но именно в тот момент было достигнуто соглашение между Караханом и Чжан Цзолинем об управлении КВЖД¹³⁴. В данном случае война на Севере была непродолжительной, и войска националистов не вступали в бой. Все решило дезертирство так называемого христианского генерала Фын Юйсяна, главного помощника У Пэйфу на Севере. Фын Юйсян в течение последующих полутора лет занимал загадочное положение в китайских делах. Отношения с ним, как говорили, установил Иоффе во время своей миссии в Китай в 1922—1923 гг., их поддерживал или восстановил Карахан¹³⁵. Воз-

можно, в то время он уже получал финансовую поддержку из Москвы, и это подталкивало его к тому, чтобы покинуть У Пэйфу. Но в тот момент, хотя и претендуя на самостоятельность действий, Фын, казалось, переметнулся в лагерь Чжан Цзолиня¹³⁶. 23 октября он по собственной инициативе захватил Пекин, реорганизовал свои армии, назвав их национальной армией, или народной, что свидетельствовало о его симпатиях к национальному делу¹³⁷. Спустя несколько дней он посадил главой временного правительства в Пекине Дуань Цижуя, члена дискредитировавшей себя «клички Аньфу», которая правила в Пекине до осени 1920 г.¹³⁸, когда была низложена У Пэйфу; Дуань известен дружбой с Японией и Чжан Цзолинем. В Москве этот поворот событий был воспринят с изумлением. В статье, опубликованной в прессе, Иоффе писал, что Фын Юйсян, имея «30 000 отлично организованных, хорошо вооруженных и дисциплинированных солдат» под своим командованием, решил сыграть самостоятельную роль, но для этого ему понадобились «аньфуисты, Чжан Цзолинь, в еще большей степени Сунь Ятсен, а в первую очередь и, возможно, главным образом поддержка Советского Союза»¹³⁹. Определенные сомнения в надежности Фын Юйсяна как союзника можно было прочесть между строк.

Сунь Ятсен с энтузиазмом отнесся к поражению У Пэйфу и возвышению Фын Юйсяна и теперь решает — видимо, с одобрения или согласия Бородина — ехать на Север, чтобы критически оценить новую ситуацию¹⁴⁰. Это была первая возможность с 1911 г. для Сунь Ятсена нанести визит в Пекин, и он рассчитывал, что будет там принят не как бунтовщик, а как национальный лидер. Накануне отъезда из Кантона он выпустил 10 ноября 1924 г. манифест, в котором вновь подтвердил враждебность ГМД «милитаризму» и «империализму», выступил с официальным предложением о созыве национального собрания [народной конференции] для «разработки средств по объединению и перестройке Китая»: подготовку к этому собранию (конференции) следовало осуществить на подготовительной конференции с участием представителей от всех групп, партий и армий, противостоящих Цао Куню и У Пэйфу¹⁴¹, которая бы определила основные положения, срок созыва, порядок выборов и характер других дел, связанных с национальным собранием. Сунь Ятсен направился морем, через Кобе, где он выступил с речью, в которой изложил свою позицию: «Россия провозгласила и проводит в жизнь политику «живи и дай жить другим». Цель других держав — доминировать среди так называемых слабых наций. Мы, азиаты, должны освободить Азию и угнетенные государства Европы и Америки от европейского и американского давления. Япония и Китай должны совместно и гармонично возглавить борьбу азиатов за великую Азию и таким путем ускорить дело мира во всем мире»¹⁴².

Прибыв в Тяньцзинь в начале декабря 1924 г., он почувствовал себя нездоровым; болезнь позже определили как рак печени. В последний день 1924 г. он прибыл в Пекин и вскоре был помещен

в госпиталь, из которого более не вышел. В это же время на Север ездил и Бородин, возможно, для установления отношений с Фын Юйсяном. Неизвестно, были ли у него на этот счет инструкции Москвы или таково было пожелание Сунь Ятсена. Тем временем непредсказуемый Фын отошел в декабре 1924 г. в холмистый пригород Пекина западнее столицы, а затем, назначенный Дуань Цижую губернатором Северо-Западных провинций, — в Калган. Были ли эти передвижения симптомом далеко идущих замыслов или просто свидетельством слабости и нерешительности — записи об этом ничего не говорят ¹⁴³.

Избегавший вначале встреч с Бородиным, он принял его в Калгане, вероятно, в январе — феврале 1925 г. После тяжелых переговоров, что, возможно, объясняется в какой-то мере несовместимостью христианства и национализма, Фын Юйсян отказался официально присоединиться к ГМД, но обещал разрешить гоминьдановским людям вести агитационную работу в своей армии в националистическом духе ¹⁴⁴. Возможно, эта сделка была совершена под влиянием некоторой финансовой помощи или благодаря обещанию оказать финансовую помощь из Москвы.

Эти мероприятия, и особенно очевидная готовность Сунь Ятсена и Бородина вести переговоры с милитаристами, подобными Чжан Цзолиню и Фын Юйсяну, породили глубокое недоверие к ним среди тех членов КПК, которые были уже недовольны связью с ГМД ¹⁴⁵. Политика компромисса на Севере усиливала подозрения, что в жертву приносятся независимость и интересы партии ¹⁴⁶. Но отрицание Сунь Ятсена означало бы полный разрыв союза с ГМД, а это было невысказано, потому что ГМД был единственным надежным союзником СССР и Коминтерна в Китае и потому что единый фронт с другими партиями был существенной особенностью политики Коминтерна того времени. В момент отъезда Сунь Ятсена на Север КПК опубликовала заявление, в котором, хотя и были элементы тревоги, формально одобрялась политика Суня. В заявлении содержалось предостережение против умиротворения Дуань Цижую и японского империализма; оно начиналось с замечания о том, что «политические перемены в Пекине отражают, как и в прошлом, конфликты между Мукденом и чжилийской кликой, между англо-американским и японским империализмом». Но в заявлении поддерживался призыв Сунь Ятсена к созыву национальной конференции и высказывалась надежда на «поддержку всех классов, как и вооруженных сил, которые непосредственно не связаны с империалистами», — очевидный намек на Фын Юйсяна. Предлагалось поддержать временное национальное правительство, «даже если это не будет правительством левых», при условии что оно предоставит политические свободы массам и будет пресекать контрреволюционную военную деятельность. Заявление завершалось перечнем требований партии, причем требования социального и национального свойства умело приглушались ¹⁴⁷. Но в январе 1925 г., когда Сунь Ятсен и Бородин были на Севере, в Кантоне

состоялся IV съезд КПК. Он принял резолюцию, в которой критика звучала сильнее.

«Организации рабочих, — провозглашала резолюция, — должны строиться на основе экономической классовой борьбы и не только быть независимыми от Гоминьдана, но и не допускать любые другие организации в свои ряды, дабы не создать путаницы в сознании рабочего класса. Это важно потому, что после завершения национальной революции у него есть своя собственная цель — пролетарская революция. Поэтому организации рабочего класса должны быть независимыми в национальном движении и всегда быть готовы сделать следующий шаг в борьбе, в борьбе за пролетарскую революцию.

Наша партия — пролетарская партия. Мы должны не только завоевывать революционные элементы на сторону нашей партии, но и распространять руководство нашей партии на движение рабочих в целом. Мы должны стремиться взять под свое руководство те профсоюзы, которые входят в Гоминьдан, чтобы превратить их в классовые организации и под нашим руководством привести их к участию в национальной революции».

Далее в резолюции говорилось: «Пропагандируя национальную революцию среди рабочих, мы должны исходить из интересов рабочего класса и проповедовать коммунизм. Мы не должны пропагандировать доктрину Гоминьдана. Мы должны сказать им: „Выиграв национальную революцию, Китай продвинется вперед по пути пролетарской революции”»¹⁴⁸.

Эта резолюция имела целью снять обвинения с КПК в ее подчинении интересам ГМД. Но она, в сущности, выражала философию тех членов партии, которые совершенно отрицали союз с ГМД.

Сунь Ятсен умер в Пекине 12 марта 1925 г., до того как успех или поражение северной политики стали очевидными. Он оставил два документа, подписанные им в последние дни жизни. Первый, говорят, написан под его диктовку верным помощником Ван Цзин-вэем и считается его завещанием — краткое прощальное послание, в котором он увещевает ГМД продолжать дело революции и реконструкции и особенно добиваться созыва народной конференции [национального собрания] и аннулирования неравноправных договоров¹⁴⁹. Второй, более обстоятельный документ, возможно подготовленный и не лично Сунь Ятсеном, но точно отражавший его настроения, — прощальное письмо, адресованное ЦИК СССР. Он обращается в нем к Советскому Союзу как «наследию, которое бессмертный Ленин оставил угнетенным народам мира». В нем выражалась уверенность, что Гоминьдан «завершит свою историческую работу по освобождению Китая и других павших жертвами агрессии государств от империалистического строя», и в заключение выражалась надежда, что «настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных

наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются свободы»¹⁵⁰.

В день смерти Сунь Ятсена в телеграмме ЦИК ГМД «товарищам Зиновьеву и Сталину», представлявшим соответственно Коминтерн и русскую партию, выражалась убежденность, что «вы, как верные последователи Ленина, разделите вместе с нами наследие Сунь Ятсена»¹⁵¹. ЦК КПК, чтобы не отстать, заверил ЦИК ГМД в неизменной поддержке со стороны КПК, китайских рабочих, мирового пролетариата и других партий, входящих в Коминтерн¹⁵². Ответ, подписанный Сталиным как секретарем русской партии и Зиновьевым, председателем ИККИ, так же как и воззвание ИККИ к «китайскому народу» и «рабочим всех стран»¹⁵³, не оставляли сомнений в том, что Москва придает важное значение союзу с ГМД. Послание Зиновьева заканчивалось выражением уверенности в том, что «Коммунистическая партия Китая вместе с ГМД будет решать исторические задачи, стоящие перед страной». На V расширенном пленуме ИККИ, открывшемся спустя 10 дней после кончины Сунь Ятсена, Зиновьев говорил о смерти деятеля, который, хотя и не был коммунистом, являлся «честным союзником революционного пролетариата». В своем основном докладе он говорил о том, что «события на Востоке развиваются очень быстро», «рост партии Гоминьдан... до известной степени нам сочувствующей, имеет для Коминтерна огромное значение...»¹⁵⁴. Выступая месяц спустя на открытии XIV конференции РКП(б), Каменев превознес Сунь Ятсена как лидера колониальных народов, который «понимал, что борьба против империализма возможна только в союзе с коммунизмом, только в условиях сотрудничества с первым в мире пролетарским государством»¹⁵⁵. Официальная оценка ситуации, какой она виделась в Москве, была изложена Сталиным в общих выражениях 18 мая 1925 г. в КУТВе¹⁵⁶. В Китае национальная буржуазия раскололась по национальному вопросу, часть ее уже перешла на сторону империалистов, поэтому единый фронт рабочих и буржуазии был невозможен. Рабочей альтернативой был «революционный блок рабочих и мелкой буржуазии». Этот блок принимает форму «рабоче-крестьянской» партии (поскольку идентичность мелкой буржуазии и крестьянства считается доказанной), хотя такая «двухсоставная партия» может преуспеть только в том случае, если она облегчает «дело фактического руководства революционным движением со стороны компартии»¹⁵⁷. Однако этот анализ мало что давал для прояснения ситуации в Китае, ибо в ГМД было больше купцов и интеллектуалов, а не крестьян, а в КПК — больше студентов, чем рабочих.

18 мая 1925 г. ЦИК ГМД собрался в Пекине у временного мавзолея Сунь Ятсена, чтобы почтить его память. В заявлениях, изданных тогда же, провозглашалась верность ГМД политике союза с Советским Союзом, указанной в завещании вождя и его прощальном письме в ЦИК. ЦИК еще раз подтвердил линию на допуск коммунистов в ГМД, важность централизации всех револю-

ционных сил в ГМД и тесных связей китайской революции с мировой революцией. В заключение ЦИК ГМД исключил нескольких лидеров правого крыла за нарушение партийной дисциплины¹⁵⁸. Казалось, всеми разделялась иллюзия, что память о Сунь Ятсене может укрепить союз между КПК и ГМД. После совершения ритуала ЦИК ГМД вернулся в Кантон, где вскоре ему предстояло принять более важные решения.

Смерть Сунь Ятсена открыла дорогу новым группировкам и обнаружила скрывавшиеся ранее чувства неприязни между правыми и левыми в ГМД, между ГМД и КПК, которые ранее он (Сунь Ятсен) и Бородин совместно держали в узде. Но, прежде чем что-то существенное случилось в Кантоне, произошло эпохальное событие в Шанхае. В первые месяцы 1925 г. обычным явлением стали забастовки на фабриках всего Китая¹⁵⁹. Поскольку крупные фабрики почти все прямо или косвенно принадлежали иностранным владельцам, это движение было одновременно антииностранным и антикапиталистическим.

30 мая 1925 г. состоялась массовая студенческая демонстрация против ареста нескольких их товарищей, оказавших поддержку забастовке на японской хлопчатобумажной фабрике. Демонстрацию расстреляла шанхайская муниципальная полиция под английским командованием. 12 демонстрантов были убиты. В Шанхае была объявлена всеобщая забастовка. И «движение 30 мая» воспламенило ряд забастовок и беспорядков, охвативших большинство договорных портов. Отряды войск с иностранных кораблей были высажены на берег для поддержания порядка. Все сразу поняли, что случилось что-то серьезное. 19 июня 1925 г. в Кантоне была объявлена всеобщая забастовка, через четыре дня британские войска на территории британской концессии в Шамяне открыли огонь по демонстрации рабочих, студентов, курсантов Академии Хуанпу (Вампу). Было много жертв. В ответ на «резню в Шамяне» была объявлена забастовка китайских рабочих в Гонконге, вскоре начался бойкот иностранных товаров, наиболее длительный и значительный со времени бойкота 1922 г.¹⁶⁰

Значение «движения 30 мая» заключалось в том, что впервые на сколь-либо широкой основе произошло объединение восстания националистов против иностранного господства и стачки рабочих против условий труда на иностранных капиталистических предприятиях. Быстрый подъем китайского рабочего движения, особенно среди моряков Кантона и железнодорожников на Севере, приходился именно на 1924 г.¹⁶¹ 1 мая 1925 г. в Кантоне состоялся II Всекитайский съезд профсоюзов. 200 делегатов представляли 570 тыс. рабочих¹⁶². Профинтерн направил съезду обращение, в котором выражалась солидарность с революционным рабочим движением¹⁶³. Одной из задач съезда было объединение профсоюзных организаций — 200 сепаратных профсоюзных организаций объеди-

нялись в группы¹⁶⁴. Но именно Шанхай и города бассейна Янцзы, а не преимущественно торговый и мелкобуржуазный Кантон были центрами китайской промышленности и зарождающегося китайского пролетариата. И распространение этого движения на Шанхай и на новые категории рабочих впервые придало ему специфически социальный и пролетарский характер. Примечательно, что это движение в Кантоне принимало преимущественно форму бойкота иностранных товаров, в Шанхае — промышленной забастовки. Гонконгская забастовка, по словам советских комментаторов, «носит исключительно политический характер, являясь чистым выражением национально-освободительной борьбы, ведущейся революционными методами»¹⁶⁵.

В Шанхае это движение олицетворяло собой пролетарский подъем, ярко выраженное классовое восстание. Примечательно также, что с самого начала КПК была связана с восстанием. Цай Хэсэню, члену ЦК и редактору ее еженедельника, приписывается не только то, что он внес предложение, приведшее к демонстрацией 30 мая, но и инициатива учреждения в тот же вечер Центральным Комитетом партии «комитета действия», организовавшего всеобщую забастовку в Шанхае, а также создание под руководством КПК 31 мая 1925 г. Генерального совета профсоюзов, который объединял 200 тыс. организованных рабочих. Ли Лисань, молодой член КПК, ставший председателем профсоюза и руководителем забастовки, достиг высоких постов в партии¹⁶⁶. В этот критический период забастовки общая враждебность к иностранному империализму объединяла массы рабочих с мелкой буржуазией и «революционной интеллигенцией» вокруг программы, которая включала такие демократические требования, как представительство китайцев в муниципальном совете и отмена смешанных судов. Бок о бок с Генеральным советом профсоюзов «борьбу против империализма» проводил «объединенный комитет», в котором участвовали рабочие, студенты и мелкая буржуазия. Войска, направленные для наведения порядка в этом городе, братались с рабочими, коммунисты-студенты вели пропагандистскую работу среди солдат. Китайские коммерческие палаты и студенческие организации делали взносы в фонды забастовщиков, и даже Дуань Цижуй из Пекина пожертвовал 100 тыс. долл. Генеральному совету профсоюзов. Медовый месяц сотрудничества рабочих и буржуазного национального движения в Шанхае продолжался в течение июня и июля 1925 г.¹⁶⁷

Неожиданным и важным следствием волнений в промышленности летом 1925 г. было распространение их на крестьянство. Организация крестьянского движения в восточных районах Гуандуна восходит к 1922 г. и связана с именем Пэн Бая, сына местного землевладельца, как говорят, члена КПК с 1920 г. и известного члена Социалистического союза молодежи¹⁶⁸. II съезд КПК, состоявшийся летом 1922 г., указал, что 95% крестьян живут в условиях фактической бедности, и пришел к такому выводу:

«Если эти беднейшие крестьяне надеются избавиться от нищенского состояния, у них есть только один путь — революция. И следует верить, что китайская революция быстро добьется успеха, если большинство крестьян объединится с рабочими»¹⁶⁹.

Крестьянская секция ГМД не была достаточно активной, и все же, как говорят, она организовала конференцию, к которой 28 июля 1924 г. обратился Сунь Ятсен¹⁷⁰. Однако энергичные члены КПК и особенно Социалистического союза молодежи, которые одновременно были членами ГМД, вели активную пропаганду среди крестьян. Летом 1925 г. в англоязычной прессе с беспокойством сообщалось, что выпускники Хуанпу «говорили по всему Гуандуну о том, что нужно учить большевизму и организовывать среди крестьян всех возрастов, как они называли, крестьянские лиги и обучать крестьянскую молодежь для вступления в крестьянские отряды Красной армии»¹⁷¹. В 1924 и 1925 гг. для всего Гуандуна были свойственны крестьянские волнения и репрессивные акции местных землевладельцев и местной полиции; в декабре 1924 г. и январе 1925 г. были зарегистрированы убийства крестьянских лидеров¹⁷². Во время работы II Всекитайского съезда профсоюзов в Кантоне 1 мая 1925 г.¹⁷³ 117 делегатов крестьян, представлявших 210 тыс. крестьян провинции Гуандун, собрались отдельно и приняли решение создать крестьянский союз, охватывающий всю провинцию¹⁷⁴. Гуандунский крестьянский союз начал свою деятельность на съезде, который принял резолюцию в поддержку Кантонского революционного правительства (в то же время потребовав от него эффективной борьбы с контрреволюцией), а также резолюции о вступлении в Гоминьдан и Крестьянский Интернационал в Москве¹⁷⁵. Мао Цзэдун, ушедший со своего поста в ЦИК ГМД, в конце 1924 г. возвратился в свою родную Хунань, где «крестьяне стали очень воинственны» после событий 30 мая 1925 г. и приступили к организации крестьянских союзов¹⁷⁶.

Первые сведения о вооруженных крестьянских отрядах, известных как «Красные пики», относятся к этому времени¹⁷⁷. Говорили, что лозунг «Объединимся с Крестинтерном» появился на плакатах в китайских деревнях, а Интернационал крестьянских союзов опубликовал воззвание «К крестьянам и крестьянкам Китая»¹⁷⁸. В июне 1925 г. три члена ГМД, среди которых один был прежде губернатором провинции Хунань, а другой характеризовался как недавний выпускник Оксфордского университета, посетили штаб-квартиру Крестинтерна в Москве и обсуждали меры, которые должен предпринять ГМД для содействия массовому движению китайского крестьянства¹⁷⁹. Осенью 1925 г. крестьяне, как снова сообщалось, открыто воевали с помещиками в 6 или 7 уездах провинции Гуандун¹⁸⁰. Крестьянское движение на территории, не контролирувавшейся национальным правительством, развивалось медленнее. Лишь после весны 1926 г. состоялась первая крестьянская конференция в провинции Шаньдун, которая приняла резолюцию о вступлении в Крестинтерн¹⁸¹.

Прямым последствием «движения 30 мая» в Шанхае было ухудшение отношений СССР с Западом, и особенно с Великобританией, где антисоветские настроения достигли пика в последних числах июня 1925 г. В то же время советские лидеры, разочарованные бесперспективностью в Европе и ободренные новой революционной волной в Азии и Африке, удвоили свой интерес к национальному восстанию против империалистических держав в Китае. В мире, где у Советского Союза было мало союзников, ставилось все более необходимым наносить удар по наиболее уязвимым пунктам врага.

5 июня 1925 г. от имени ИККИ, исполкома Профинтерна и исполкома КИМ был опубликован манифест, в котором ставился знак равенства между расстрелами 30 мая в Шанхае и расстрелами русских рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. В нем были заклеены как преступники японские и англо-американские империалисты¹⁸².

10 июня 1925 г. состоялась первая демонстрация, организованная обществом «Руки прочь от Китая», против «кровавой бани» в Шанхае¹⁸³. «Правда» и «Известия» регулярно публиковали сообщения о взносах советских и иностранных профсоюзов для помощи бастующим рабочим Китая. В июле 1925 г. конференция молодежных коммунистических лиг в Берлине призвала все лиги «оказать всемерную помощь национально-революционной борьбе китайского народа» и «связать эту кампанию с событиями в Марокко под общим лозунгом „Против угрозы империалистической войны“»¹⁸⁴. Во второй половине 1925 г. пропаганда постоянно разоблачала роль империалистических держав в Китае и горячо поддерживала многочисленные националистические призывы, раздававшиеся из офисов Коминтерна, Профинтерна и Крестинтерна, о ликвидации неравноправных договоров. Непартийная поддержка была даже более ценной, чем партийная. Организация, известная как МРП, или Международная рабочая помощь, под влиянием расстрелов в Шанхае и Кантоне направила представителя в Китай, который организовал отделения МРП в наиболее крупных городах и центральный комитет в Пекине. В движении участвовали интеллигенция, студенты, деятели профсоюзов; на массовом митинге в Пекине 30 июля 1925 г., где присутствовало 200 тыс. рабочих, выступили ораторы из Индии, Японии, Китая и Формозы¹⁸⁵.

В центре МРП в Берлине был собран 1 млн. золотых марок в помощь китайским стачечникам и организован большой митинг в Берлине 16 августа 1925 г. в поддержку движения «Руки прочь от Китая»¹⁸⁶. Британский ежегодный съезд профсоюзов в Скарборо в сентябре 1925 г. принял резолюцию протеста против «кровавых преступлений над китайскими товарищами»¹⁸⁷. Тем временем было принято решение открыть в Москве в честь покойного гоминьдановского лидера Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. В отличие от Коммунистического университета трудящихся Востока, который был основан в 1921 г.¹⁸⁸ и сейчас носит имя Сталина,

Университет Сунь Ятсена предназначался для непартийных китайских студентов и особенно для молодых членов Гоминьдана, которые учились там делу национализма при поддержке Советского Союза. Первым ректором нового университета, который начал прием 1 сентября 1925 г., был Радек — признак скорее дипломатического, чем партийного характера этого заведения. Весной 1926 г. там уже обучалось 280 студентов (из них 46 женщин), большинство из которых ранее училось в китайских, германских или французских университетах. Студенты жили в общежитии, срок обучения — два года, лекции читались на русском, немецком, французском и английском языках¹⁸⁹.

Общность интересов в оказании сопротивления британскому империализму также укрепляла союз со стороны Гоминьдана. Заявления Чан Кайши не оставляли сомнений в том, что он считал британский империализм основным врагом. Письмо Чан Кайши того времени выражало уверенность, что, «кроме применяющихся мирных способов (таких, как бойкот британских товаров), наша партия для длительной борьбы с Британией должна начать военные приготовления и закончить их в течение полугода»¹⁹⁰. 14 июня 1925 г. Политический совет подтвердил полномочия, переданные ему год назад усопшим лидером¹⁹¹, и решил организовать национальное правительство «по комитетской системе», видимо, прямо подражая Советам. Официально было создано национальное правительство 1 июля 1925 г., которое выступило с рядом соответствующих заявлений¹⁹². Правительство возглавил Ван Цзинвэй, министром иностранных дел стал Ху Ханьминь¹⁹³, как ведущие представители соответственно левых и правых они отражали равновесие этих двух группировок в ГМД. В то же время Военный совет был назначен высшим военным органом националистической армии, то есть аналогом Революционного военного совета Советского Союза. Однако еще сильно чувствовались страх и боязнь перед военной властью, и формальное подчинение военной власти политической было точно определено¹⁹⁴. Ван Цзинвэй, глава Политического совета, был также главой Военного совета; из восьми первых членов большинство были гражданскими лицами, и все, кроме Чан Кайши, были также членами Политического совета¹⁹⁵.

Реконструкция политической и военной власти в Кантоне летом 1925 г., несомненно, проходила под влиянием Бородина и советских военных советников, хотя достоверная информация об этом скудна. Последние сведения о том, что Бородин обеспечил назначение Ван Цзинвэя председателем Политического и Военного советов и главой правительства, а не кандидата правых Ху Ханьмина и не альтернативного кандидата левых Ляо Чжункая, который считался менее податливым коммунистическому движению, чем Ван¹⁹⁶, — эти сведения могут отражать последующие попытки дискредитировать Вана в качестве инструмента коммунизма. Более очевидным было влияние военных советников, поскольку

гоминьдановская армия зависела от них в техническом военном искусстве, в отношении снаряжения, военных поставок из Советского Союза. Военная подготовка, кажется, с самого начала осуществлялась под наблюдением советских офицеров, которые участвовали в военных операциях. Согласно документу от июля 1925 г., Рогачев, который, очевидно, возглавил военную миссию после отбытия Галина, официально исполнял обязанности члена Военного совета, начальника Генштаба и инспектора по морским и авиационным делам¹⁹⁷. В докладе Кисанько (который прибыл, чтобы возглавить миссию в конце октября 1925 г.) отмечаются недостатки в работе советников, оказавшихся неспособными занять все доступные для них посты в армии и в военных школах, а также полное отсутствие компетентных переводчиков, что нарушало общение. Среди особых пожеланий, сообщаемых им (Кисанько), указывалось на необходимость усиления политической работы в армии, создания централизованной военной академии вместо четырех существующих армейских учебных школ и создания эффективного генштаба, который бы обуздал независимые полномочия генералов¹⁹⁸. Несомненно, частично в результате советского давления были заново определены функции политкомиссаров в армии и органа, контролирующего их, а Академия Хуанпу была реорганизована в Центральную военно-политическую академию¹⁹⁹. К началу 1926 г. «национально-революционная армия» (это название присвоил ей Чан Кайши)²⁰⁰ была превращена, в основном благодаря указаниям и помощи Советов, в хорошо укомплектованную офицерским составом и организованную боевую силу.

События лета 1925 г., характеризовавшиеся усилением зависимости Гоминьдана как от коммунистических групп в самом ГМД, так и от внешнего союза Кантона с Москвой, способствовали расколу левых и правых группировок в ГМД, которые далеко разошлись в своем отношении к их развитию. «Движение 30 мая» дало сильный импульс для дальнейшего роста численности КПК. Под влиянием событий 30 мая количество членов партии возросло до 4 тыс. (а в январе 1925 г. их было менее 1 тыс.); членство молодежной лиги возросло до 9 тыс.²⁰¹ Благодаря численному росту произошли изменения в характере КПК и ее организации. Вступившая в ГМД в 1923 г. партия была небольшой группой, состоящей преимущественно из интеллектуалов. Новый приток в партию после 30 мая 1925 г. произошел за счет рабочих; и КПК впервые начала приобретать пролетарский оттенок. Точных данных за 1925 г. нет, но удельный вес студентов среди членов Коммунистического союза молодежи Китая, до «30 мая» 1925 г. доходивший до 90%, снизился до 49%²⁰². На V съезде КПК (апрель 1927 г.) было зарегистрировано 57 967 членов, и 35 тыс. — в Коммунистическом союзе молодежи; утверждалось, что насчитывается 9720 тыс. организованных крестьян, а тираж партийного еженедельника составляет 50 тыс. экземпляров. Из общего числа членов

партии в то время 53,8% относились к рабочим, 18,7 — крестьянам, 19,1% — интеллигенции, остальные — к другим категориям ²⁰³. Эти быстрые изменения не означали создания массовой коммунистической партии ²⁰⁴. Но они говорили о вступлении в партию впервые значительного числа рабочих и установлении прямой связи КПК с растущим профсоюзным движением; так как большинство новых членов было из Шанхая, преобладание Шанхая в партийной организации возросло ²⁰⁵. Осложнения, которые случались между политикой КПК и политикой ГМД, усугубились территориальным соперничеством между Шанхаем и Кантоном. В то же самое время крайности борьбы с империализмом, укрепляя связи, объединявшие Кантон с Москвой, невольно и неумолимо толкали ГМД и его политику влево. Наиболее впечатляющей иллюстрацией этого процесса была гонконгская забастовка. Она была организована не Гоминьданом, а комитетом рабочих, в котором влияние коммунистов было или быстро становилось преобладающим. Забастовка оказалась наиболее эффективным оружием, имевшимся у националистов в их борьбе с британским империализмом, и ГМД оставалось лишь приветствовать и поддерживать забастовку. Вслед за резолюцией политсовета ГМД в июле 1925 г. «продолжать забастовку» было принято решение Военного совета, согласно которому генштаб должен был принять меры для усиления блокады Гонконга, но одновременно предупреждался против «ускорения любого конфликта с британскими вооруженными силами» ²⁰⁶. И все же для преуспевающих китайских купцов и служащих эта стачка особенно неприятна как из-за ее ближайших, так и отдаленных последствий. Таким образом, рост левых тенденций в ГМД, сопровождавшийся и стимулировавшийся растущим влиянием Бородина и КПК, породил сильные опасения у мощного правого крыла ГМД, которое представляло имущественные интересы китайской буржуазии.

В тот момент, когда не стало тактического и примиренческого руководства Сунь Ятсена, успех и развитие «движения 30 мая», которое в выступлениях пролетариата нашло свежий источник сопротивления иностранному империализму, также усилило борьбу между правыми и левыми группировками в Гоминьдане. Сунь Фо, который после смерти своего отца вернулся в Кантон, снова покинул его; с ним отправился и американский советник при кантонском правительстве Норман, плохо определенные функции которого померкли и поблекли при восходящей звезде Бородина ²⁰⁷. Это был, очевидно, период наибольшего влияния КПК в Гоминьдане. Мао Цзэдун, прибывший в Кантон из Хунани, где он поднимал крестьян на восстание, был назначен главой агитационно-пропагандистского отдела Гоминьдана и редактором его журнала; два других коммуниста — Тань Пиншань и Линь Байчу — были руководителями ответственных (рабочего и крестьянского) отделов ²⁰⁸.

Скрытый кризис стал явным, когда 20 августа 1925 г. был убит Ляо Чжункай, министр финансов и политкомиссар Академии Хуанпу, лидер левого крыла ГМД, человек, которому более, чем кому-либо другому, подошла бы политическая мантия Сунь Ятсена²⁰⁹. Для расследования преступления был создан специальный «комитет трех», в него вошли Ван Цзинвэй, Сюй Чунчжи, военный министр, и Чан Кайши. С первого взгляда это было делом рук правых. На основании полученных сведений комитет утверждал, что преступники получили английские деньги из Гонконга (Ван Цзинвэй впоследствии назвал сумму в 2 млн. долл.) и что это убийство было частью заговора, направленного на свержение национального правительства. Эта точка зрения разделялась советскими обозревателями и комментаторами. Ван Цзинвэй и Чан Кайши поспешили выступить с заявлениями, что это убийство было целиком и полностью в интересах империализма²¹⁰, но никак не коммунизма. Некоторые подозреваемые были арестованы, другие бежали. Подозрение в конце концов пало на Ху Ханьминя, брат которого был прямо замешан. Чан Кайши уже убедил Бородину в вине Ху Ханьмина²¹¹ и теперь осуществил два важных шага, которые можно было представить как удары по правым, хотя они служили исключительно личной амбиции. Во-первых, Сюй Чунчжи был обвинен за соучастие в антигоминьдановских вооруженных силах, все еще действовавших в Гуандуне; армия, находившаяся под его командованием, была разоружена, а ему позволили удалиться в Шанхай. Во-вторых, Ху Ханьминь, очевидно с одобрения Бородина, был отправлен с почетной миссией в Москву, что удалило его с политической сцены на продолжительное время²¹². Ван Цзинвэй, ближайший ученик Сунь Ятсена, занял место убитого Ляо Чжункай в качестве политического комиссара Хуанпу, а Т. В. Сун, банкир с американским образованием, непартийный деятель, стал министром финансов. Наибольший выигрыш от этих событий получил Чан Кайши. Благодаря устранению Сюй Чунчжи он стал фактически главнокомандующим, хотя номинально оставался всего лишь командующим 1-й армией. Удаление Ху Ханьмина сделало его сильным человеком в партии, вторым после слабого и непрактичного Ван Цзинвэя. В сентябре 1925 г. Чан Кайши начал кампанию против Чэнь Цзюньмина, милитариста, который изгнал Сунь Ятсена из Кантона в 1922 г. и все еще играл независимую роль в Восточном Гуандуне. Кампания, целиком поддерживавшаяся советскими советниками, увенчалась блестящим успехом и установила неоспоримую власть кантонского правительства по всей провинции Гуандун²¹³. Это также укрепило личный авторитет Чан Кайши и подняло его власть на новую высоту. Его позиции в ГМД стали прочными. Осталось только проследить, как он использует это.

В то время как яркие события лета 1925 г. изменили ситуацию в Шанхае, Кантоне и во всем Южном Китае, на Севере име-

ли место важные военные перемены. Они концентрировались частично вокруг энергичной личности и позиции Фын Юйсяна. В октябре 1924 г. Фын нанес сокрушительный удар У Пэйфу, перейдя в критический момент его борьбы с Чжан Цзолинем на сторону последнего; и после того как Дуань Цижуй утвердился в Пекине, быстро растет движение гоминьцзюнь, или национальных армий. Весной 1925 г. неопределенная территория, находящаяся между владениями У Пэйфу, который все еще удерживал центральные провинции, и Чжан Цзолиня в Маньчжурии, контролировалась тремя или четырьмя независимыми национальными армиями, командиры которых для сохранения своей независимости от У Пэйфу и Чжан Цзолиня, крупных милитаристов и протекте империалистических держав, естественно, склонялись к ГМД или Советскому Союзу как по идеологическим симпатиям, так и в поисках материальной поддержки. Наиболее важной из этих армий была 1-я национальная армия, под командованием Фын Юйсяна, базировавшаяся в северо-западных провинциях, и 2-я — под командованием Ху Цзинь, которая дислоцировалась в Хэнани, 3-я — под командованием Сунь Юэ, в Чжили.

Гоминьцзюневские (национальные) армии в период их наибольшей силы насчитывали до 300 тыс. человек, но фактически только 1-я армия была основательно организована. Гоминьцзюневское движение не имело единой организации, официальной политической платформы; по словам советского комментатора, оно «не стояло прочно на платформе ГМД, но объективное развитие событий толкало армии на общий фронт с революционным движением»²¹⁴. О гоминьцзюневских лидерах в коммунистических кругах иногда говорили как о «левых милитаристах»²¹⁵, но действительность была более сложной. Многие, даже высшие, чины гоминьцзюня были низкого происхождения, часто из крестьян, они насковзь пропитались традициями и обычаями милитаризма, а их «народность» или «национализм» были преходящими.

Гоминьцзюневские генералы, хотя и стремились утвердить свою власть в противовес крупным милитаристам, по своим склонностям противились социальным и политическим новшествам. Лишь Фын Юйсян обладал обостренным восприятием подходящих источников поддержки и руководствовался скорее выгодой, чем убеждениями, заявляя о «левацких» связях и союзах. Но он настороженно относился к любой попытке вести политическую пропаганду в его собственной армии и, как говорили, закрыл школу военной разведки, приданную его армии, так как опасался, что она станет «рассадником пропагандистов»²¹⁶. На своей территории ни одна национальная армия не воспитывала действенную народную поддержку. Зимой 1925/26 г. У Пэйфу фактически смог использовать крестьянские «Красные пики» против 2-й национальной армии в Хэнани, командир которой попытался подавить крестьянские организации²¹⁷.

Несмотря на неоконченный эксперимент Бородин с Фын Юйсяном зимой 1924/25 г., гоминьцзюневское (национальное) движение продолжало привлекать пристальное внимание и интерес Советского правительства. В начале апреля 1925 г. советская военная миссия, по своему составу сравнимая с миссией, приданной миссии Бородин, прибыла в Пекин во главе с офицером, которого можно опознать только по китайской форме его фамилии — Жэнь Дэцзян²¹⁸. Первоначально миссию хотели направить во 2-ю национальную армию в Хэнани, в то время, возможно, самую крупную и активную из этих подразделений. Но неожиданная смерть ее командира Ху Цзиньши 10 апреля 1925 г. и нерешенность вопроса с его преемником изменили прежнее намерение. Через 10 дней миссия прибыла в ставку Фын Юйсяна в Калгане. Примерно в это же время значительная партия вооружения и боеприпасов прибыла в Калган из Советского Союза²¹⁹. Бородин приехал из Кантона, чтобы принять участие в первоначальных обсуждениях с Фын Юйсяном, номинально, как представитель кантонского правительства. Официально миссия Жэнь Дэцзяна была подотчетна Фрунзе, нарком по военным и морским делам, и Карахану, советскому послу в Пекине. После первых обсуждений Бородин отбыл²²⁰. В том же году Жэнь вернулся в Советский Союз, возможно, после ссоры с Фын Юйсяном; его место занял советник под именем Генри А. Линь. Однако отказ Фын Юйсяна принять советского политического советника мешал Линю выполнять в Калгане функции генерального политического наблюдателя, которые осуществлял Бородин в Кантоне.

Основная трудность для работы советской группы проистекала из неясности относительно характера Фын Юйсяна и его намерений. Он отказался вступить в ГМД, а его заявления о лояльности по отношению к национальному движению звучали неискренне. Он стремился получить советскую военную помощь и хорошо относился к присутствию советских военных советников: с ними хорошо обращались и позволяли носить форму гоминьцзюневских сил. В то же время он проявлял нежелание принять советского политического советника и уклонялся от любых политических обязательств. Было заметно, что он остается на дружеской ноге с «американскими миссионерами» и что японские официальные лица, представляемые в качестве «советников», также открыто появляются в Калгане²²¹. Многие явно говорили о допуске эмиссаров ГМД для ведения пропагандистской работы в его армии и в районах, ею контролировавшихся. Этому упорное сопротивление оказывал Фын, но оно в конце концов преодолевалось. После «движения 30 мая» в Шанхае гоминьдановские агенты, которые одновременно были членами КПК, активно действовали в национальных армиях и среди крестьян этих районов. В это время отношения между Фыном, с одной стороны, и рядом представителей ГМД, КПК и советской военной властью — с другой, являли собой картину

постоянного и широкого сотрудничества, умеряемого острым взаимным недоверием. В мае 1925 г. Жэнь Дэцзян направил сумбурный доклад Фрунзе, в котором неоспоримо доказывал, что, «до того как мы начнем нашу работу»²²², необходимо решить основной вопрос — «является ли Фын действительно нашим товарищем по национально-освободительному движению, насколько ему можно доверять и является ли он непримиримым врагом Чжана и будет бороться с ним до конца».

В то время как весь Китай бродил, Пекин был местом застоя; президент и правительство продолжали выполнять формальные функции, полностью оторванные от реальностей власти. Именно в таких условиях 26 августа 1925 г.²²³ должна была открыться советско-китайская конференция, предусмотренная советско-китайским договором от 31 мая 1924 г., но, так как Карахан должен был вот-вот уехать в Москву, охотно согласились отложить конференцию до его возвращения. Когда Карахан после двухлетнего безвыездного пребывания в Пекине уехал 27 августа 1925 г. в Москву, китайские дела, все еще в высшей степени неустойчивые и запутанные, приняли оборот, неблагоприятный для советских надежд, и служили желанным противовесом упадку советской безопасности и авторитета в Европе. Союз с Гоминьданом предоставил советским властям прочный плацдарм в Южном Китае. В новом пролетариате быстро развивающейся китайской промышленности «движение 30 мая» в Шанхае открыло сильный потенциальный центр сопротивления иностранному империализму и симпатий к Советскому Союзу. Считали, что нет никакой немедленной революционной перспективы ни в Кантоне, ни в Шанхае. Но вроде было заложено солидное основание советской дружбы и влияния на будущее. В Северном Китае впервые как будто появилась военная сила в форме национального движения, которая не зависела ни от Великобритании, ни от США, ни от Японии, а поэтому была потенциально дружественна к СССР и враждебна к империалистическим державам. Курс, который теперь вырисовывался сам собой, заключался в том, чтобы уговаривать эту новую силу и связать ее с существующей базой советского влияния на Юге — Гоминьданом и националистическим правительством. После падения власти У Пэйфу в Центральном Китае наиболее серьезным препятствием на пути распространения советского влияния в Китае и реализации советских целей была власть Чжан Цзолиня в Маньчжурии. Сильная рука Чжана доминировала над ненадежной и изменчивой обстановкой в Пекине и вокруг него, и ее влияние чувствовалось даже в далеком южном Шанхае. Это теперь представлялось уязвимой точкой советской политики в отношении Китая.

в) Силы реакции

Следующей стадии революционного движения в Китае — расколу национального и социального аспектов революции и ослаблению отношений между Гоминьданом и коммунизмом (в форме и структурных связей с КПК, и союза с Москвой) — положили начало события в Шанхае. На волне энтузиазма, порожденного «движением 30 мая», ЦК КПК и молодежная лига 10 июня 1925 г. издали обращение, в котором китайская буржуазия (подразумевалось правое крыло Гоминьдана) обвинялась в измене делу национальной революции²²⁴. Обвинение, возможно, и преждевременное, но не совсем необоснованное. К августу 1925 г. «движение 30 мая» в Шанхае прошло свой пик, и волна забастовочного движения начала спадать²²⁵. Решающим был момент, когда забастовочное движение, руководимое советом профсоюзов и КПК, со многих иностранных предприятий перекинулось на новые фабрики, принадлежавшие китайскому капиталу. Это вызвало вражду китайской буржуазии, разделило Гоминьдан и привело к «определенному расколу среди студентов». Не предпринималось никаких явных попыток вовлечь в это движение крестьянство²²⁶. Визит советской делегации профсоюзов в Шанхай и Кантон в августе — сентябре 1925 г.²²⁷ вдохновил крайних сторонников Советского Союза, но не смог остановить спада движения в целом. Китайские торговцы и предприниматели не меньше, чем иностранные, отвернулись от движения, а последующая провокация левых могла послужить предлогом для интервенции одного из милитаристов. Именно при этих обстоятельствах ставка Коминтерна в Москве забила тревогу и решила вмешаться²²⁸. Как раз в это время Коминтерн выступал в целом против «ультралевых» и против революционных планов прямых действий²²⁹. В Шанхае обстановка подходила под этот случай; в то время когда «отсталая» часть рабочих на любых условиях была готова вернуться на фабрики, «левые течения» демонстрировали свое стремление «форсировать события», «отыскать «величественный», «революционный» путь выхода из нетерпимой и сложной ситуации». Эти ультралевые советы отчаяния могли привести только к краху, и им нужно было противопоставить твердое руководство²³⁰. Данный случай упоминается Зиновьевым на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г.

«Было время, когда перед Коммунистической партией Китая, выросшей в последнее время и играющей сейчас крупную роль в движении, — когда перед ней встал вопрос: куда же вести дальше революционные массы? Китайской партии давалась директива, которая предлагала совершить известный спуск на тормозах. Были моменты, когда молодая КПК и лидеры шанхайских профсоюзов выдвинули тезис об обострении движения... Коминтерн выступил с директивой, направленной против этих настроений, предлагая проделать постепенный спуск на тормозах. Мы говорили, что дело не в том, чтобы теперь, когда шанс на успех ничтожно мал,

довести движение до вооруженного восстания, а в том, чтобы отступить вовремя, чтобы движение выиграло время, дабы опыт движения стал перевариваться пролетариатом, и уже не сотнями тысяч, а миллионами народных масс»²³¹.

КПК, попритерзанная таким образом, объявила отбой, который прямо оправдывала нежеланием вызывать враждебность мелкой буржуазии и рисковать разгромом профсоюзного движения: рабочим рекомендовали ограничить свою агитацию минимальными экономическими требованиями и надолго отложить революционную программу²³². Сообщение от 30 августа 1925 г. Шанхайского совета профсоюзов советским профсоюзам гласило, что революционные элементы Китая представлены рабочими, крестьянами, частью студентов и мелкими торговцами. Однако в нем также отмечалось, что «забастовка торговцев провалилась» и что «студенческое движение идет на убыль»²³³. Армия приняла попытку расправиться с профсоюзами и «объединенным комитетом» борьбы против империализма. Китайские железнодорожники направили в Профинтерн и Интернационал транспортных рабочих протест против кровавой бойни в Шанхае 7 сентября 1925 г.²³⁴ Наконец 18 сентября 1925 г. по приказу Чжан Цзюлиня войска решительно выступили против рабочих, разгромили Генеральный совет профсоюзов, созданный после 30 мая, или заставили его уйти на нелегальное положение и арестовали Ли Лисаня²³⁵.

«Движение 30 мая» в Шанхае выдвинуло в острейшей форме социальные проблемы, которые раскололи Гоминьдан и породили стойкую враждебность его правого крыла к союзу с КПК. В это время большое внимание гоминьдановских кругов привлекла к себе серия брошюр Дай Цзитао, видного гоминьдановского теоретика и бывшего члена КПК²³⁶. Дай Цзитао применял марксистскую терминологию, когда говорил об освободительном движении угнетенных наций, но выхолащивал его социальное содержание: национальная революция становилась у него лишь просто революцией. Три принципа Сунь Ятсена были единственной доктриной, а Гоминьдан — единственной партией, необходимыми для спасения. Дай поддерживал союз с СССР и даже союз с КПК как с самостоятельной партией. Но если коммунисты не признают национальную революцию реальной целью, значит, они не признают трех принципов Сунь Ятсена, значит, для них нет места в ГМД. Фактически Дай Цзитао предлагал изгнание коммунистов из Гоминьдана до заключения «внешнего» союза между этими двумя партиями. Это была важная кампания, потому что она отражала волю значительной части членов Гоминьдана и потому что Дай Цзитао был известен как друг Чан Кайши, чьи помыслы в тот период были направлены на усиление личных позиций и контроля над армией и заставляли его воздерживаться от демонстрации политических намерений.

Дай Цзитао придавал определенную форму взглядам правого крыла Гоминьдана, которое хотело осуществить националистические цели без вовлечения в радикальную социальную политику и поэтому избегало затруднений, связанных с блоком с КПК. Значительно, что, когда писались эти статьи, Дай Цзитао работал в гоминьдановском центре в Шанхае: за пределами Кантона союз Гоминьдана с КПК мало что значил для любой из сторон. В открытом письме от 30 августа 1925 г., опубликованном 18 сентября 1925 г. в журнале КПК, Чэнь Дусю обвинил Дай Цзитао в том, что его статьи могут служить только целям реакционеров. Они оставались в течение определенного времени важным показателем коренного раскола в Гоминьдане и его усугубления последующими событиями лета 1925 г.²³⁷

В начале октября 1925 г. в беспокойной обстановке в Пекине не состоялся расширенный пленум ЦК КПК. Случившееся, безусловно, останется частично предположительным. Очевидно, что никому не нравились существовавшие отношения с ГМД и никто не верил, что в таком виде они могут продолжаться долго. Мнения разделились между теми, кто хотел выйти из союза сейчас же, и теми, кто предлагал подготовиться и отложить разрыв на будущее. Хотя, может быть, никто серьезно и не думал о возможности разрыва в существующих условиях. Коминтерн был против каких-либо действий, направленных на углубление раскола в сотрудничестве. Резолюция ЦК по этому вопросу не публиковалась. И это, очевидно, лишь только иллюстрирует внутреннее недовольство КПК по поводу зависимости партии, обусловливаемой альянсом Гоминьдана с Москвой²³⁸. Резолюции по другим вопросам, принятые на заседании, предписывали КПК «принять платформу, на основе которой рабочий класс и его союзники — крестьянство, мелкая буржуазия городов и революционная интеллигенция — могут продвинуться по пути установления национальной революционной власти, по пути объединения всего Китая, его борьбы за независимость страны против империалистов; о превращении КПК в массовую партию; о признании важности работы среди крестьян»²³⁹.

На пленуме была создана крестьянская комиссия, которая весьма смело зафиксировала мнение о том, что «партии пора начать популяризировать идею конфискации земли». Однако сам ЦК на пленарном заседании не захотел пойти дальше негативного заключения о том, что выдвигаемые сейчас от имени крестьян частичные требования не могут «эффективно привлечь крестьянство на сторону революции и сделать его оплотом революционно-демократической власти»²⁴⁰. В конце пленума, 10 октября 1925 г., ЦК опубликовал «Письмо к крестьянству», в котором осуждалось противоречивое отношение национального правительства к крестьянству провинции Гуандун, а крестьянство призывалось к борьбе, при поддержке коммунистов, за создание крестьянских союзов и вооруженных отрядов самообороны²⁴¹. Был образован крестьян-

ский отдел в ЦК КПК, а в Кантоне — гоминьдановский Крестьянский учебный институт пропаганды²⁴². Ответственным за эту работу был поставлен Мао Цзэдун²⁴³. Примечательно, что вслед за разочарованием по поводу очевидного краха рабочего движения в Шанхае особое значение стало придаваться роли крестьян; это совпадало и с тогдашней линией Москвы.

Однако пекинский пленум ЦК КПК уделил много внимания совершенно иной теме, которую он совсем не был склонен игнорировать, — военному положению в Северном и Центральном Китае. В течение лета 1925 г. Фын Юйсян умудрялся балансировать между своими все укреплявшимися отношениями с Гоминьданом и СССР, с одной стороны, и своим союзом с Чжан Цзолинем в Мукдене и его креатурой Дуань Цижунем в Пекине — с другой. Это ненадежное равновесие было прервано вторжением чжанцзолиневских войск в Шанхай, которое окончательно подавило забастовки и привело «движение 30 мая» к закономерному концу. Эта акция, либо подсказанная японскими патронами Джана, либо вызванная его собственным страхом перед распространением «движения 30 мая» на Север, видимо, поставила его на сторону империалистических держав, не только против китайских коммунистов, но также против Гоминьдана и Советского Союза. Эта акция поставила перед тяжелым выбором Фын Юйсяна, когда под постоянным советским и гоминьдановским нажимом ему нужно было открыто заявить о своей позиции. Он больше не мог обходиться без советской помощи. Говорят, уже в июне — июле 1925 г. он направил телеграмму Чжан Цзолиню «в связи с шанхайскими событиями», которая толковалась как шаг против Чжан Цзолина и принесла Фыну поздравления Карахана²⁴⁴.

В середине октября 1925 г. делегация Фын Юйсяна в составе начальника его штаба и других офицеров прибыла в Москву и была принята с соответствующими почестями. Фын был представлен как «главнокомандующий Китайскими национальными армиями». Делегация, видимо, нанесла визит Сокольскому, наркому финансов, и «провела с ним переговоры по финансовым вопросам»²⁴⁵. Вместе с тем Фын с характерными для него нерешительностью и коварством открыто выступить против Чжана отказался, а предпочел вести закулисные интриги с подчиненными генералами, готовившими, как было известно, мятеж против последнего²⁴⁶.

Было общеизвестно о неизбежном взрыве враждебности к Чжан Цзолиню, когда открылся расширенный пленум ЦК КПК в начале октября 1925 г. ЦК в своих «политических тезисах» трактовал появление национальных армий (гоминьцзунь) и неизбежную войну с Чжан Цзолинем как симптом усиления противоречий между империалистическими державами и с оптимизмом отмечал, что эти армии «сближались с национально-революционным движением, по мере того как это движение развивалось и углублялось». Задача ГМД и КПК состояла в том, чтобы «направлять их на путь национально-революционного движения, не-

смотря на возможность возникновения время от времени противоречий между национальными армиями и рабочим движением в стране»²⁴⁷. ЦК опубликовал призыв к «рабочим, крестьянам, студентам и солдатам» выступить против Чжан Цзолиня и «всей его мукденской клики» как «наемников империалистов». Национальные армии, говорилось в нем, поддерживаются рабочими массами. Вместе с тем лидеры этих армий «должны создать подлинный общий фронт борьбы с врагом» и «обнародовать свою политическую программу». Настоятельная необходимость заключается в том, что национальное революционное правительство «должно завершить революцию 1911 г.». Итогом поражения мукденской клики должен был быть созыв Всекитайского национального собрания. Это было в полном смысле националистическое, а не коммунистическое официальное заявление, и в нем не было ни намека на разрыв с Гоминьданом²⁴⁸. Борьба против империалистов, среди которых Чжан Цзолинь тогда представлялся наиболее сильным и выдающимся китайским помощником, все еще главенствовала над всеми другими аспектами китайской политики в расчетах Москвы.

Первым открыл военные действия Сунь Чуаньфан. 14 октября 1925 г. он объявил о своей независимости от Чжан Цзолиня, взял без труда гарнизоны в Шанхае и Нанкине, а затем с одобрения У Пэйфу двинулся в Ханькоу. 20 октября 1925 г. центральные комитеты КПК и Коммунистической лиги опубликовали совместный «Манифест об антимукденской войне», требуя от масс поддержать войну против Чжан Цзолиня, чтобы превратить ее в национально-освободительную войну. Гоминьдан также выпустил прокламацию в поддержку национальных армий (гоминьцзюня) и с обвинениями в адрес Чжан Цзолиня и Дуань Цижуня. Несколько дней позже Го Сунлинь, возможно, не без участия Советов, откололся от Чжана и объявил о верности Фыну²⁴⁹. Возбуждая этим общественность, Фын наконец направил 25 октября 1925 г. всем заинтересованным циркулярную телеграмму, требуя отставки Чжана²⁵⁰. Для Фына непосредственным результатом этого шага должно было быть зарождение длительной враждебности к Чжан Цзолиню и У Пэйфу, которых он бросил одного за другим²⁵¹, и закрепление своей полной зависимости от Советского правительства — отныне его единственного потенциального казначея и источника снабжения. Но для Москвы не было чуждо желание использовать оба обстоятельства. На митинге общества «Руки прочь от Китая» 11 ноября 1925 г. Ху Ханьминь, клеймя У Пэйфу и Чжан Цзолиня «как врагов революции и угнетателей рабочего класса», говорил с одинаковым недоверием к Фыну о «нашем друге сегодня», хотя «мы не знаем, каким он будет завтра»²⁵². Через три дня Карахан отбыл из Москвы в Пекин. 25 ноября он остановился в Мукдене, где был принят Чжан Цзолинем, хотя в интервью для прессы он подчеркнул, что визит не имеет ника-

кого политического значения, и говорил исключительно о советской дружбе с Японией²⁵³. Тем временем положение Фын Юйсяна стало все больше ухудшаться. 28 ноября 1925 г. в Пекине состоялась большая демонстрация. Говорили, что она была организована левыми гоминьдановцами, а ее цель — свержение Дуань Цижуя и замена правительственной системы комитетом — здесь, как и в Кантоне, представляющим китайский эквивалент Советов. Пресса в Москве объявила о крахе пекинского правительства и отставке Дуань Цижуя, учитывая некоторые свидетельства о «намерениях Фын Юйсяна»²⁵⁴. Настойчивые призывы к Фыну деятелей разных направлений оказались бесполезными. После того как был нанесен небольшой материальный ущерб, войска по распоряжению Дуань Цижуя сумели восстановить порядок. В то время как и ГМД и КПК выпустили воззвание, одобряя восстание и требуя свержения Дуань Цижуя, Фын первоначально прикрылся нейтралитетом, а потом открыто поддержал Дуаня. Окончательный результат этого плохо продуманного и плохо спланированного дела должен был усилить положение Дуань Цижуя и его патрона Чжан Цзолиня и уничтожить престиж Фын Юйсяна. Если Фын действительно стремился к власти, он должен был или предотвратить восстание, или добиваться его успеха²⁵⁵. Провал пекинской демонстрации привел к возобновлению кампании против коммунистов и Карахана, который подозревался, хотя без очевидных улик, в том, что подстрекал к восстанию в целях «большевизации Китая».

Несколько недель «антимукденская» (антиманьчжурская) война шла извилистым путем. В начале декабря 1925 г. Чжан Цзолинь находился в отчаянном положении и был изгнан из своей столицы восставшими. Эту весть с восторгом приняла Москва. «Мукденский авантюрист», заявила «Правда», окончил свою карьеру. Радек расценил падение Чжана как «начало полного поражения Японии на Дальнем Востоке»²⁵⁶. Карахан, несмотря на свой недавний визит в Мукден, дал интервью японской прессе, в котором выразил удовлетворение поражением «лидера продажной милитаристской группировки» и врага советско-японской дружбы. Он также отрицал наличие особых отношений между Советским правительством и Фын Юйсяном²⁵⁷. Но за этим преждевременным празднеством быстро последовали сообщения, свидетельствующие вполне доказательно об отправке японских воинских подкреплений в Мукден²⁵⁸. Столь же быстрые перемены вскоре произошли повсюду. 22 декабря 1925 г. войска национальной армии (гоминьцзуня) после подготовки, в которой принимали участие советские военные советники, оккупировали Тяньцзинь²⁵⁹. Но спустя два дня Го Сунлин потерпел поражение от мукденской армии, был захвачен и казнен. В связи с нестабильностью режима Чжана японцы своевременно вмешались в события, введя свои войска. Фын Юйсян более, чем раньше, не хотел принимать участие в этом опасном потоке, он сложил с себя командование 1-й на-

циональной армией (гоминьцзюнь), передоверил ее подчиненным ему генералам и ушел со сцены, направившись на запад провинции Суйюань ²⁶⁰.

В конце 1925 г. в центре внимания Москвы — в том, что касалось проблем Китая, — была запутанная и потенциально беспокойная ситуация на Севере, где власть Чжан Цзолина угрожала советским интересам в Маньчжурии и затрудняла советско-японские отношения. Не меньшее беспокойство представляло положение в Кантоне, где все еще эффективно, но без новых перспектив продолжалась забастовка против Гонконга, и даже обычные трения между ГМД и КПК, казалось, шли обычным порядком. Когда Карахан прибыл в Москву в начале сентября 1925 г., в интервью прессе он говорил о расколе в ГМД под влиянием недавних событий, но удовлетворенно отмечал, что «освобождение от правых элементов» идет «быстрым темпом» ²⁶¹. Коминтерновский журнал нашел простой критерий для политики КПК:

«Политика Советского Союза уже сейчас превратила первую страну пролетарской диктатуры в политического союзника китайского освободительного движения, дав Китаю мощную поддержку в его борьбе. КПК должна поэтому в своей тактике стремиться к постоянному учету международного положения СССР, согласовывая соответственно свою тактику с тактикой РКП».

Так был проложен путь к оправданию участия КПК в Гоминьдане и его «директивных органах» и созданию «единой национальной демократической армии» ²⁶². Но эти надежды базировались на вполне преднамеренном нежелании видеть мощь других сил. В течение осени 1925 г. правое крыло Гоминьдана, которому не нравилось сотрудничество с КПК, становилось все воинственнее. Зловещим признаком стал раскол курсантов Академии Хуанпу на две враждующие фракции: одну, назвавшую себя Обществом защиты Сунь Ятсена и выступившую в защиту истинных принципов ГМД, против коммунистического проникновения и подрывного воздействия, другую — Лигу молодых воинов, которая объединила членов КПК и сочувствовавших им левых гоминьдановцев. Между двумя группами случались открытые столкновения; упоминалось об одном из них, когда Чан Кайши на банкете в октябре 1925 г. «стукал по столу и распекал их» ²⁶³ за ссоры. Но трудности не ограничивались этой экспансивной молодежью. 23 ноября 1925 г. 15 правых диссидентов — о них известно, что все они были либо членами ЦИК, либо членами Центрального контрольного комитета ГМД, — созвали у мавзолея Сунь Ятсена на Западных (Сишаньских) холмах, вблизи Пекина, сепаратное совещание, объявили себя полномочным квorumом ЦИК и приняли от его имени ряд решений. Дай Цзитао был в их числе. В первый же день совещания было объявлено об исключении всех коммунистов из

Гоминьдана. Вместе с тем заявлялось, что, до тех пор пока Советский Союз будет проводить антиимпериалистическую политику, возможно объединение с ним во имя общих революционных интересов²⁶⁴. Через два дня было опубликовано контрзаявление, очевидно, Пекинским комитетом КПК. В нем осуждались разгул антикоммунистической и антисоветской пропаганды, захват раскольниками пекинской штаб-квартиры Гоминьдана и популярность «дайцитаоизма» как проявление растущей силы реакционеров. Они концентрировались на Севере, где отсутствовали «сильные и организованные пролетарские массы». Пекин был «национальным центром политической реакции». Борьба в Гоминьдане является борьбой не между коммунизмом и антикоммунизмом, а между революцией и контрреволюцией. Коммунистов в Гоминьдане призвали оказывать поддержку левым против правых и таким образом создать «сильное левое крыло широких масс в союзе с коммунистами»²⁶⁵. Сишаньская конференция (на Западных холмах), продолжавшаяся до 5 декабря 1925 г., приняла на своей заключительной стадии серию решительных резолюций: об исключении из состава членов и кандидатов в члены ЦИК ГМД всех коммунистов, расторжении контракта с Бородиным как советником Гоминьдана, роспуске Политического совета и исключении Ван Цзинвэя из Гоминьдана на 6 месяцев. Тем временем ЦИК ГМД в Кантоне 12 декабря 1925 г. издал циркулярное письмо, адресованное всем членам Гоминьдана. В нем обвинялись лидеры Сишаньской конференции и объявлялось о созыве II национального съезда (конгресса) ГМД в Кантоне в январе 1926 г.²⁶⁶ Чан Кай-ши только что консолидировал свою военную власть в Гуандуне, укрепил личный авторитет среди других гоминьдановских лидеров и еще был признателен за лояльную поддержку, которая позволила достигнуть этих результатов. На банкете 11 декабря 1925 г. в честь победы над Чэнь Цзюньмином²⁶⁷ Чан отдал должное мудрости Сунь Ятсена, взявшего курс на союз с Советами, превозносил роль советских военных советников, неожиданно сравнив ее с ролью союзного командования под началом Фога в годы первой мировой войны, и напомнил слова Сунь Ятсена о совпадении взглядов Бородина и его самого²⁶⁸. В своем следующем циркулярном письме от 25 декабря 1925 г. Чан обвинял группу сишаньцев, взяв под защиту политику сотрудничества двух партий в Гоминьдане и восхвалял Бородина и советских советников за их искреннюю преданность Гоминьдану²⁶⁹. Власть национального правительства теперь распространилась целиком на провинции Гуандун и Гуанси, и это правительство становилось сильнее и эффективнее. Начало войны на Севере силами национальных армий (гоминьцзюня) против Чжан Цзолина, само собой, казалось новой победой дела националистов, приближая освобождение и единство. Борьба и надежды, которые она породила, заслонили распри и противоречия между ГМД и КПК, и еще раз воцарились дружеские отношения. Только одна серьезная проблема виделась на горизонте —

сдерживание и наказание диссидентов сишаньской группировки, которая бросила открытый вызов партии.

II съезд Гоминьдана открылся в Кантоне в доверительной атмосфере 2 января 1926 г. Общее число членов Гоминьдана тогда составило 400 тыс. человек, 87 тыс. из них жили за рубежом²⁷⁰. На съезде их представляли 256 делегатов, из которых 90 были коммунисты, возглавляемые Тань Пиншанем и Чжан Го-тао²⁷¹. Ван Цзинвэй открыл заседания политическим отчетом, который фактически суммировал события со времени предыдущего съезда в январе 1924 г. В нем не упоминалась КПК и не делалось никаких предложений²⁷². Социальные аспекты еще раз оказались самыми деликатными. 6 января, в дни работы съезда, Крестьянский союз провинции Гуандун созвал собрание делегатов съезда для обсуждения крестьянского вопроса. Когда Пэн Бай председательствовал, один делегат союза представил отчет об опыте и претензиях крестьянства за последние два года. В заключение он сказал с предупреждением: «Есть люди, которые говорят, что у крестьян нет необходимости сражаться и воевать с землевладельцами, что землевладельцы, живя в мире с крестьянами, смогут предоставить им определенные блага. Но все крестьяне Гуандуна, которые к этому времени приобрели некоторый жизненный опыт, не верят в это»²⁷³.

Ван Цзинвэй сделал пространный доклад съезду по крестьянскому вопросу. Он утверждал, что всего в Гуандунском крестьянском союзе 720 тыс. человек²⁷⁴. Его доклад лег в основу резолюции, которая более настойчиво повторила тезис I съезда, что национальная революция — «в сущности крестьянская революция» и что она может победить, только если будет опираться на крестьянство. Был составлен подробный список пожеланий — политических, экономических и в области образования. Должны были быть распущены вооруженные организации, которые использовались для борьбы с крестьянством, крестьянам предоставлены средства для самообороны. Была установлена максимальная арендная плата и созданы организации взаимопомощи, чтобы воспрепятствовать получению непомерных доходов. Лишь одно требование блистательно отсутствовало в программе: конфискация и перераспределение земель²⁷⁵. В соответствующей резолюции о промышленных рабочих говорилось о необходимости для ГМД создать свою прочную основу в рабочем движении. Резолюция призывала к введению правительственного законодательства, 8-часового рабочего дня, охраны труда и других условий, обычных для развитых капиталистических стран. Отсутствовали требования о национализации промышленности и рабочем контроле²⁷⁶. Специальная резолюция была посвящена подъему организованного рабочего движения, которое со времени «движения 30 мая» 1925 г. прошло этап от чисто экономической борьбы к политической. Гоминьдану следовало воспользоваться этой возможностью для революционной пропаганды среди рабочих, помогая развитию Всекитайской фе-

дерации профсоюзов и поддерживая рабочих «против империалистов и их пособников, милитаристов, крупных торговцев и компрадоров»²⁷⁷. Неспособность съезда одобрить чисто социалистические требования по аграрному или рабочему вопросам могла бы показаться двусмысленной. Но в целом резолюции свидетельствовали, что был сделан шаг в сторону левых, и это с удовлетворением отмечалось коммунистическими обозревателями.

Специфически политические решения съезда были сформулированы яснее и более уверенно. В адрес съезда пришла приветственная телеграмма XIV съезда ВКП(б), который только что закончил свою работу. Нельзя не обратить внимание на то, что в послании отсутствовало какое-либо упоминание КПК, приветствовался «многомиллионный народ Китая» и выражалась уверенность, что ГМД, если укрепит союз рабочих и крестьян для совместной борьбы, успешно сможет сыграть «на Востоке ту же роль», которую русская партия выполнила в России²⁷⁸. Ответ, очевидно, был направлен в форме телеграммы в адрес Советского правительства (в Кантоне не видели различия между партией и правительством). В ней выражалась уверенность, что обе стороны будут и далее тесно сотрудничать во имя общей цели — свержения империализма. Советский Союз назывался «авангардом и защитником угнетенных народов». В телеграмме подчеркивалась решимость «довести до конца национальную революцию и ускорить освобождение угнетенных народов»²⁷⁹. Съезд опубликовал манифест, где провозгласил, что китайская революция является частью мировой революции и что ее цель — ниспровержение империализма и всех его пособников. Съезд также обращался к угнетенным народам мира, заявляя о своем намерении совместно со всеми угнетенными народами и классами идти к единой цели — национальной революции, мировой революции и обеспечению мира во всем мире²⁸⁰.

Особое обращение было адресовано японскому народу. В нем выражались надежда на сотрудничество в решении «общей задачи уничтожения империализма», а также протест против оказания военной помощи со стороны японского правительства Чжан Цзолиню — «врагу нашей земли»²⁸¹. Съезд вновь подтвердил «политику покойного лидера относительно членства коммунистов в Гоминьдане для решения общей задачи». Споры должны решаться открытыми обсуждениями между партиями, и никому не позволено прибегать к «клеветническим измышлениям», которые могли бы «поставить под угрозу основную политику концентрации революционных сил»²⁸². Ораторы от КПК вновь подтвердили свою преданность делу национальной революции²⁸³. Ван Цзинвэй в соответствии с коммунистическими источниками прямо заявил, что, «если мы хотим бороться с империалистами, мы не должны выступать против коммунистов», и, «если мы против коммунистов, мы не можем одновременно считать себя противником империализма»²⁸⁴. Выступление Сишаньской группы было тщательно рас-

смотрено. Цзоу Лу и Сюй Чжи, признанные руководителями группы, были исключены из ГМД. Дай Цзитао, который также был одним из организаторов конференции, избежал наказания, так как он покинул совещание до принятия решений. 12 других участников совещания предупредили об исключении, в случае если они в дальнейшем нарушат партийную дисциплину²⁸⁵. Эти решения создавали впечатление, что левое крыло в ГМД, поддерживаемое и поощряемое коммунистами, было на подъеме. Однако выборы членов ЦИК (их число возросло с 24 до 36) и его Постоянного комитета (9 человек) показали, что стремление к компромиссу не исчезло. Семь коммунистов были выбраны в ЦИК, три — в Постоянный комитет. Ван Цзинвэй остался председателем этих органов. Чан Кайши был впервые выбран в них. Избрание других было не столь убедительным. Так, избрание Сунь Фо в ЦИК, несмотря на то что он заявил о солидарности с правыми, можно бы объяснить данью памяти его отца; а Дай Цзитао — отнести исключительно за счет личной дружбы с Чан Кайши или сильного желания умиловить правых²⁸⁶. Ху Ханьминь был избран вновь, несмотря на его давнее бесчестие и пребывание в Москве.

II съезд Гоминьдана, с точки зрения Москвы, оправдал оптимистические прогнозы. Он обычно интерпретировался как поражение правых; число сторонников «двусмысленной и компромиссной позиции» объявлялось «исключительно незначительным». Один комментатор даже приветствовал появление правого крыла в ГМД как «свидетельство *возрастания темпов социальной дифференциации* в китайской общественной жизни». Считалось, что съезд «усилил связи партии с рабочим классом и широкими массами крестьянства». И Компартия Китая и Гоминьдану говорили, что основной задачей дня является «*развитие и усиление социальных и рабочих организаций, а также пропаганда и агитация среди крестьянства*». Это, возможно, было осторожным предупреждением против растущего стремления внутри Гоминьдана к военным действиям. Обеим партиям рекомендовали «поддерживать лозунг создания народного правительства и созыва Национального собрания», создать «антиимпериалистический единый фронт» в ответ на «организующую теперь контрреволюцию и агрессивный империализм»²⁸⁷. Немедленная революционная акция и не предполагалась, и не требовалась. Однако быстрый рост численности и ГМД, и КПК, быстрый подъем революции в Китае в целом, казалось, свидетельствовали о том, что движение шло по правильному пути. В течение нескольких недель после II съезда Гоминьдана в ставке Коминтерна царило радужное настроение. В Москве были уверены, что союз с Гоминьданом достиг своей высшей точки. Войтинский в статье оптимистически перечислил шесть благоприятных, с его точки зрения, факторов для обстановки в Южном Китае: рост Гоминьдана как «революционной народной партии»; наличие прочной территориальной базы освободительного движения в Кантоне и в Гуандуне; рост национальных армий

(гоминьцзюня) и их связей с Гоминьданом; возрастающая роль пролетариата и профсоюзов; растущее влияние КПК среди промышленных рабочих; рост симпатий к Советскому Союзу среди рабочих. Ключ будущей политики и КПК, и ГМД — единый фронт против империализма²⁸⁸. Тревожные сигналы о расколе в рядах Гоминьдана, а также между ГМД и КПК представлялись мало-значительными и с легкостью игнорировались.

г) Две революции

В месяцы, последовавшие после II съезда Гоминьдана в январе 1926 г., Китай оказался на пороге потрясающих изменений, которые в течение двух последующих лет преобразят лицо Кигая и положат начало новой беспрецедентной цепи событий. Знание результатов мешает нам реконструировать настроения и объяснять политику Советского правительства в период, когда эти события никем не предвиделись; но в ретроспективе эта политика неизбежно предстает неправильной из-за крупных ошибок в оценке перспектив развития. Острое беспокойство по поводу развития событий в Северном Китае заслонило чувство безопасности, порожденное в Москве в начале 1926 г. ситуацией в Кантоне.

Исход событий 1925 г. в Китае должен был обострить различия между китайскими националистами и западным империалистическим лагерем и привести к большей концентрации сил у обеих сторон. Если движение националистов усилилось на Юге и получило новых сторонников на Севере, то западные империалистические державы также интенсифицировали свою деятельность и сознательно предпринимали все, чтобы поднять оппозицию Чжан Цзолиня и У Пэйфу против националистического движения и Советского Союза. Величайшая опасность грозила с Севера: именно сюда были в основном прикованы взоры советских лидеров и советских публицистов²⁸⁹. В Пекине советско-китайская конференция, открытие которой формально состоялось до отбытия Карахана в Москву в августе 1925 г., возобновила работу 1 декабря 1925 г., после его возвращения. Но, хотя предметом переговоров были такие вопросы, как взаимные финансовые претензии, права советских подданных в Китае, пограничное урегулирование, положение на КВЖД²⁹⁰, очень быстро становилась ясной бесперспективность обсуждений ввиду отсутствия сколько-нибудь полномочных властей за спиной представителей Китая. Национальные армии (гоминьцзюнь) находились между силами Чжан Цзолиня и У Пэйфу и открыто демонстрировали враждебность по отношению к иностранным державам. Положение их было ненадежно.

В начале января 1926 г. Фын Юйсян опубликовал заявление о том, что намерен вернуться к активной жизни и совершить поездку в Москву. Это вызвало всякого рода домыслы в иностранной прессе²⁹¹, но в целом правильно оценивалось как признание

его проигрыша в военном соревновании с Чжан Цзолинем. Китайский коммунистический обозреватель нарисовал мрачную картину положения Фына. Он упустил свою возможность в решающий момент прошлой осени. Несмотря на успешный захват Тяньцзиня, его генералы ссорились друг с другом, и он стал мишенью «антикрасной» кампании²⁹². Провалилась попытка создать третью силу с советской помощью в Северном Китае в противовес англо-американскому протекту У Пэйфу и японскому протекту Чжан Цзолиню.

Власть Чжан Цзолиня, который из своей ставки в Мукдене господствовал над всем Северным Китаем, угрожала одной из самых уязвимых точек Советского Союза. Статус КВЖД был временно определен прямым соглашением с Чжан Цзолинем 20 сентября 1924 г.²⁹³ 1925 год в этом плане был относительно спокоен. Когда Карахан вернулся в Москву из Пекина в начале сентября 1925 г., он в интервью прессе заявил, что технически дорога в отличном порядке: «Дорога еще никогда с 1917 г. не была в таком хорошем состоянии». В то же время почти все советские, или прежние русские, граждане, находившиеся на службе у китайского правительства в Маньчжурии в администрации, в полиции и школах в зоне КВЖД, были «враждебны советскому режиму, были белогвардейцами, которые пытались вредить Советскому Союзу всеми доступными путями»²⁹⁴.

В начале 1926 г. имело место резкое обострение отношений в результате требования оплатить транспортировку солдат Чжан Цзолиня по КВЖД, до тех пор она осуществлялась по нелимитированному кредиту. Тот факт, что это требование совпало с восстанием против Чжан Цзолиня подчиненных ему генералов, которые пользовались поддержкой или поощрялись Советами, безусловно, не был не замечен в Мукдене. К тому же советское мнение связывало этот инцидент с провокацией Чжан Цзолиня, который, учитывая рост антисоветских настроений среди иностранных держав и желая задобрить их, выбрал этот момент, чтобы проявить более жесткое отношение к советским претензиям²⁹⁵. Пререкания привели к столкновениям и волнениям между войсками и среди железнодорожных служащих. Был момент, когда советскому консулу в Харбине угрожал арест²⁹⁶.

19 января 1926 г. Карахан направил министерству иностранных дел в Пекин (которое заведомо не могло быть полезным в этом деле) и непосредственно Чжан Цзолиню протест против «произвольных действий, учиненных мукденскими милитаристскими властями». Генконсул СССР в Харбине получил указание отклонять любые попытки консульского корпуса в Харбине вмешиваться в дела, касающиеся только Китая и Советского Союза²⁹⁷. Кульминационным пунктом событий был арест Иванова и нескольких других советских лиц 21 января 1926 г. по приказу Чжан Цзолиня. На следующий день Чичерин направил в Пекин ноту протеста, которая скорее похожа на ультиматум. В ней содержались требования «в трехдневный срок полностью восстановить порядок на

КВЖД, восстановить выполнение соглашения и освободить Иванова»; в случае их невыполнения «Советское правительство просит китайское правительство разрешить СССР собственными силами обеспечить осуществление договора и защитить обоюдные интересы Китая и СССР на КВЖД»²⁹⁸. В страстной передовице «Правды» Чжан Цзолинь был обвинен в расстреле китайских рабочих и запугивании их лидеров. В последующей статье утверждалось, что, претендуя на завоевание всего Китая, он пытается укрепиться в Маньчжурии, игнорируя соглашения с Москвой о порядке управления КВЖД²⁹⁹.

Эта острая реакция весьма неожиданно произвела желаемое влияние на Чжан Цзолиня, быстрое отступление которого говорит о том, что он получил недвусмысленное указание от своих патронов из Токио прекратить ссору³⁰⁰. 24 января 1926 г. советский генконсул в Харбине и «глава центральной дипломатической службы в трех восточных провинциях» подписали соглашение об освобождении Иванова и других арестованных в связи с инцидентом, о восстановлении нормальной работы дороги и о транспортировке войск на базе существующих соглашений. Вопросы об ответственности и компенсации были резервированы для дальнейшего обсуждения. Сообщение в «Известиях» об этом соглашении сопровождалось информацией, в которой говорилось, что Иванов уже освобожден, а другие освобождаются³⁰¹.

Можно считать, что эти события сразу могли бы проходить менее гладко без ноты Карахана китайскому правительству от 28 января 1926 г., где требовалось дать указание маньчжурским властям «положить конец оскорблениям, арестам и преследованиям советских граждан»³⁰². В тот момент казалось, что победа утрачена для Советского правительства. Иностранная пресса, огорченная быстрой капитуляцией Чжан Цзолиня под советским нажимом, страстно желающая не упускать возможности для дискредитации Советского Союза в глазах китайцев, язвительно заговорила о жестком ультиматуме Чичерина и возвращении Советов к агрессивным методам царской дипломатии. Реакция Советского правительства показала, что оно чувствительно реагирует на эти нападки. «Правда» гневно писала «об идиотской сказке» относительно попыток представить ноту Чичерина как атаку на «неограниченный суверенитет» Китая³⁰³. Спустя несколько дней Чичерин выступил с большим интервью в прессе и пояснил, что предъявляемые Советским Союзом претензии относительно КВЖД проистекают из добровольно заключенного договора, что беспорядки, имевшие место, были созданы «врагами СССР», которые подстрекали местные военные китайские власти к незаконным действиям, и что политика Советского правительства является политикой уважения суверенитета и интересов Китая³⁰⁴.

Быстрое окончание этого инцидента восстановило статус-кво в Маньчжурии, но ничего не сделало, чтобы стабилизировать шаткий баланс сил, определяющий ситуацию. Через несколько дней

после согласования положения на КВЖД с Чжан Цзолинем Бородин уехал из Кантона на Север. Сопровождаемый Чэнь Юже-нем (китайцем, выходцем из Британской Вест-Индии и более известным как Евгений Чэнь, теперь работавшим в министерстве иностранных дел кантонского правительства), он следовал инкогнито через Тяньцзинь в Пекин³⁰⁵. Позиции национальных армий (гоминьцзюня) в Северном и Центральном Китае были ненадежны, находились под обстрелом вновь укрепившегося союза Чжан Цзолиня и У Пэйфу. 7 февраля 1926 г. ЦК КПК и Коммунистический союз молодежи опубликовали заявление о «союзе между У Пэйфу и Мукденом против национальных армий (гоминьцзюня)», призывая к поддержке национальной армии в Хэнани³⁰⁶. Можно считать, что эти события были основной темой конференции, которая состоялась в советском посольстве в Пекине во второй половине февраля. Председательствовал Карахан. Основными участниками, по-видимому, были Кубяк, секретарь Дальневосточного бюро ВКП(б), и Лепсе, профсоюзный лидер, приехавшие из Москвы, Гамарник, председатель Дальневосточного революционного комитета ВКП(б), который прибыл из Хабаровска, и Бородин, приехавший из Кантона³⁰⁷. Решения совещания не зафиксированы, и это было свидетельством отсутствия успехов. Возможно, совещание инспирировало демонстрацию рабочих и студентов в Пекине 27 февраля 1926 г. Она была направлена против акции Великобритании в Кантоне и призывала пекинцев оказывать сопротивление У Пэйфу и Чжан Цзолиню³⁰⁸.

После совещания Кубяк и Лепсе направились в Шанхай и Кантон, Гамарник вернулся в Хабаровск, где принял участие в I съезде Советов вновь созданного Дальневосточного края, который открылся 15 марта 1926 г.; Бородин проследовал в Суйюань для встречи с Фын Юйсяном, позиция которого была более чем двусмысленной. Целью этой поездки было укрепить отношения между Фыном, Гоминьданом и Советским правительством, обсудить вопрос о дальнейших советских субсидиях генералу и побудить его на реальные действия. Миссия потерпела полный провал. Фын не намерен был предпринимать какие-либо действия или брать на себя опасные обязательства перед ГМД или Советским правительством, а старался лишь, не потеряв лица, избежать нависшего поражения национальных армий (гоминьцзюня). 9 марта 1926 г. он, как говорят, отказался от предложения Дуань Цижунь назначить его ответственным полномочным за умиротворение провинций Чжили, Шаньси, Хэнани³⁰⁹. Настал момент для исполнения объявленного в январе намерения посетить Москву — логичный результат сложившейся теперь исключительной зависимости от советских субсидий. 20 марта 1926 г. он покинул китайскую территорию, его сопровождали семья, охранники. 22 марта он прибыл в Улан-Батор³¹⁰.

За время присутствия Бородина в Северном Китае на Юге не случилось решительным образом ничего, предвещавшего какое-ли-

бо коренное изменение. Гонконгская забастовка продолжалась; власть национального правительства укреплялась во всем Гуандуне. В Хэнани организованное крестьянское движение, не имевшее определенной политической программы, но использовавшее националистические лозунги, охватывало сельские районы³¹¹. Казалось, что союз между Советским правительством и Гоминьданом никогда не был более прочным и эффективным. Зимой 1925/26 г. Ху Ханьминь, избрание которого на II съезде в ЦИК ГМД показало, что у него по-прежнему хорошие позиции в Кантоне, продолжал пользоваться в Москве статусом почетного гостя, где снискал расположение благодаря собственному усердию, с каким «критиковал Каутского и говорил о мировой революции»³¹². Он присутствовал на 5-й годовщине Института востоковедения в ноябре 1925 г. и был объявлен почетным членом китайской секции³¹³. В следующем месяце он приветствовал XIV съезд ВКП(б) как представитель ГМД³¹⁴. 10 февраля 1926 г. «китайская делегация во главе с Ху Ханьмином» была принята представителями Крестинтерна и Международного Аграрного Института³¹⁵, где его приветствовали как «руководящего деятеля Гоминьдана, который много сделал для изучения крестьянского вопроса». Присутствовали представители крестьянства ряда восточных стран и выражали надежду на создание *«единого крестьянского революционного фронта от Пекина до Мадраса, от Мадраса до Константинополя и Марокко»*. 15 февраля 1926 г. на следующем собрании Ху Ханьминь был назначен членом президиума Международного крестьянского совета — исполнительного органа Крестинтерна. Собрание заявило, что работа среди китайских крестьян должна выйти за пределы южных провинций, переключиться на Север с целью налаживания *«тесного контакта с крестьянским движением в Индии, Индонезии, Монголии, Японии и Корее»* в интересах *«совместной борьбы крестьян против империализма»*³¹⁶.

Спустя два дня Ху Ханьминь появился вновь, на этот раз в военной форме, на открытии сессии VI расширенного пленума ИККИ и был представлен как член ЦИК ГМД, «командир армии кантонского правительства». Зиновьев, официально открывая пленум и упомянув, что «КПК работает в тесном контакте с национально-революционной партией Гоминьдана», затем по ошибке сослался на них (а может быть, его неверно записали) как на «эти две сравнительно молодые коммунистические партии»; его слова с насмешкой напомнил ему Бухарин год спустя³¹⁷. Пламенная речь Ху Ханьмина, который безоговорочно отождествлял китайскую революцию с мировой революцией, цели Гоминьдана с целями Коминтерна, была встречена бурной овацией и, безусловно, затмила умеренную и заурядную приветственную речь делегата КПК³¹⁸.

На пленарном заседании после торжественного открытия пленума китайскому вопросу было уделено мало внимания. Рассуждая о «путях» революционного развития, Зиновьев по-прежнему

говорил о приоритете Европы перед Востоком ³¹⁹. Он описывал «китайское движение» как движение, «таящее в себе много неожиданностей», но не основывал на этом оптимистических положений ³²⁰. Он не упомянул о Гоминьдане ни в одном из своих значительных выступлений и не выразил никакого беспокойства по поводу ситуации в Китае, относящейся не к Кантону, а к обстановке на Севере ³²¹. Аплодисментами был встречен протест против британской блокады Кантона и попыток британского правительства оказать давление на национальное правительство с целью прекращения бойкота Гонконга ³²². Лозовский, говоря о профсоюзах, высмеял Амстердамский интернационал за неудачную поддержку революционного движения в Китае ³²³.

Подготовка расширенной резолюции по китайскому вопросу — первое значительное заявление Коминтерна, специально посвященное Китаю, — была перенесена в «восточную комиссию», возглавлявшуюся Роем. Резолюция была представлена им пленарному заседанию, комментариев не было, она была принята единогласно без обсуждения ³²⁴. Резолюция начиналась с упоминания о «политических забастовках рабочих в Шанхае и Гонконге». В ней отмечалось, что «политическая активность пролетариата в огромной степени стимулировала дальнейшее развитие и укрепление всех революционно-демократических организаций в стране, в первую очередь и более всего национально-революционной партии Гоминьдан и революционного правительства в Кантоне». Имелось ординарное описание Гоминьдана, который в дальнейшем представлялся авторитетной организацией его сторонниками и критиками: «Партия Гоминьдан, основное ядро которого действует в союзе с китайскими коммунистами, представляет революционный блок рабочих, крестьян, интеллигенции и городской демократии на базе общих классовых интересов этих слоев в борьбе против иностранных империалистов и всего феодально-милитаристского порядка за независимость страны и за единое революционно-демократическое правительство» ³²⁵.

Резолюция допускала существование правого крыла в ГМД, представляющего «отдельные слои китайской крупной буржуазии», которые были за изгнание коммунистов, но приветствовали «осуждение правого крыла» на II съезде ГМД. «Милитаристско-феодалные клики Мукдена и Чжили» также осуждались, но имел место страх перед тем, что иностранные империалисты смогут использовать существующую «паузу» в развитии национально-освободительного движения для «новой агрессии против Китая». КПК и ГМД должны противопоставить этому «широкую политическую работу» в массах, использовать «внутренние противоречия в лагере империалистов». Борьба должна вестись «под лозунгом «Руки прочь от Китая», за признание полной независимости Китая, отмену всех неравноправных договоров и эвакуации из Китая всех войск империалистических правительств». Компартию Китая предостерегали против угрозы «правого ликвидаторства»; оно могло

бы втянуть партию в национально-демократическое движение и борьбу против «ультралевых настроений», носители которых стремились к немедленному переходу к диктатуре пролетариата и Советской власти, игнорируя такой фундаментальный и решающий фактор, как крестьянство³²⁶. В резолюции не было ни слова о надвигавшихся или предполагавшихся военных действиях. Отношения с Гоминьданом изображались с уверенностью и известной долей оптимизма, никаких резких изменений не предвиделось в ближайшем будущем³²⁷.

Центральный совет Профинтерна, сессия которого проходила сразу же после VI пленума ИККИ, в равной степени был равнодушен к развитию политической ситуации в Кантоне. Был зачитан доклад о профсоюзном движении в Китае, принята резолюция с требованием легализации профсоюзов, введения социального законодательства, 8-часового рабочего дня и минимальной заработной платы³²⁸. 25 марта 1926 г. Исполнительное бюро Профинтерна выразило солидарность с обращением Кантон-Гонконгского забастовочного комитета о помощи. В этом обращении, дата которого не указана в протоколах, но оно, видимо, поступило за несколько дней или даже недель до того, говорилось, что 150 тыс. рабочих бастуют уже восемь месяцев, что они протестуют против блокады Кантона и убийства лидеров забастовщиков «наемными убийцами» по наущению «британского колониального правительства Гонконга». Исполнительное бюро приняло решение направить 10 тыс. руб. немедленно и обратиться к русским профсоюзам продолжить поддержку³²⁹. Ясно, что бюро даже не подозревало о неблагоприятных событиях, случившихся пятью днями раньше в Кантоне.

В то время, когда в Москве заседали VI расширенный пленум ИККИ и Центральный совет Профинтерна, армии У Пэйфу и Чжан Цзолиня окружили Пекин. Бой был жарким в пригороде Тяньцзиня, где форты Дагу, доминировавшие над портом, были важной базой национальной армии (гоминьцзуня). В этом едва ли можно было сомневаться. Именно эти разочаровывающие события имел в виду Зиновьев, отвечая в общих дебатах на VI расширенном пленуме ИККИ 8 марта 1926 г.:

«В последние несколько дней положение национальных армий в Китае несколько ухудшилось. Вся империалистическая пресса торжествует по этому поводу и надеется, что национальные армии будут уничтожены. Положение в Китае было не раз критическим, но великое национально-революционное движение обнаруживает каждый раз новые и все новые силы. В этом и состоит всемирно-историческое значение событий в Китае».

И снова, на заключительном заседании пленума, неделю спустя:

«Стратегическое положение китайской революции с недавних пор ухудшается. Национальные армии потерпели некоторое пора-

жение. Усилилось давление враждебных сил, и враг наглеет»³³⁰:

Оккупация фортов Дагу поссорила национальные армии (гоминьцзюнь) с дипломатическим корпусом, который 10 марта 1926 г. направил пекинскому правительству протест по поводу нарушения коммуникаций. В конце концов 16 марта 1926 г. был направлен ультиматум китайскому правительству и командованию форта с требованием вывести войска и прекратить вмешательство в иностранное судоходство. На следующий день советское судно с оружием из Владивостока для национальных армий было перехвачено китайскими кораблями, принадлежащими, видимо, Чжан Цзолиню. 18 марта 1926 г. ультиматум был принят, и национальные армии начали эвакуироваться из Тяньцзиня³³¹. В этот же день, до того как решение об эвакуации стало известно общественности, полицией была расстреляна демонстрация, которая направлялась к резиденции Дуань Цижуя, чтобы выразить протест по поводу ультиматума. Было убито около 50 участников демонстрации³³². Резня с удовлетворением приветствовалась иностранным сообществом и с ужасом — в Москве. Обе стороны считали случившееся подтверждением решимости Чжан Цзолиня предпринять решительные действия «против красных». Фын Юйсян пытался оправдаться, уйти от ответственности за события в Пекине на том основании, что он был далеко в то время и узнал о расправе значительно позже того, как это случилось³³³. Но первая национальная армия была легко доступна для удара из Пекина; и трудно опровергнуть позднейшее заключение Тань Пиншаня, что армия «не только разрешила эту акцию, но даже прямо содействовала ей»³³⁴. На следующий день после расстрела демонстрации Дуань Цижуй в Пекине арестовал нескольких членов Гоминьдана, а также Ли Дачжао, одного из основателей КПК, и четырех других коммунистов³³⁵. Эти события свидетельствовали, что надежды, которые возлагались на движение гоминьцзюня как на революционную силу, не оправдались. 24 и 25 марта 1926 г. «Известия» открыто писали об «отступлении» национальных армий. Поскольку в целом советские позиции в Северном Китае и Маньчжурии оказались в опасности, Москва была серьезно озабочена. 25 марта 1926 г. китайская ситуация обсуждалась на Политбюро.

В феврале или марте 1926 г., возможно, вскоре после спора с Чжан Цзолинем по вопросу о КВЖД, встревоженное Политбюро образовало специальную комиссию для информации по дальневосточной политике. Рассматривавшиеся вопросы не были ранее предметом специального внимания партии или предметом спора в партии. Они никогда не поднимались в спорах с Троцким и не упоминались в разногласиях между Сталиным и Зиновьевым, кульминационным моментом которых был XIV съезд партии в декабре 1925 г. Создание новой комиссии скорее было доказательством, что вопрос рассматривается с партийной точки зрения как вопрос не полемический, а имеющий важное дипломатическое или техническое значение. Комиссию возглавлял Троцкий, ее членами

были Чичерин, Ворошилов и Дзержинский. Доклад комиссии рассматривался на Политбюро в разгар пекинского кризиса, 25 марта 1926 г. Тогда же или спустя несколько дней была представлена резолюция по КВЖД³³⁶, которая также была одобрена на Политбюро.

Доклад начинался с обычной констатации о поступательном развитии «внутренних сил китайской революции». Основная озабоченность связывалась с необходимостью предотвратить угрозу «образования империалистического фронта против Китая». Решение искали в том районе, где потенциальный «фронт» был наименее прочным, где была непосредственная угроза советским интересам — в Маньчжурии. Предполагалось, что Япония может быть умиротворена признанием де-факто японского контроля над Южной Маньчжурией «*на ближайшее будущее*». Автономия Маньчжурии под господством Чжан Цзолиня, теоретически не признававшаяся, должна приниматься на практике в обмен на его согласие двинуться против Юга. Соглашение с Чжан Цзолинем подразумевало не только поддержание им «хороших и прочных отношений с Японией», но также «прочных и дружественных отношений с нами», что в свою очередь дало бы ему «определенную независимость от Токио». Центр советской дипломатической службы в Маньчжурии следовало перенести из Харбина в Мукден, чтобы легче вести дела с Чжан Цзолинем. Сугубо деловую политику по-прежнему нужно вести по вопросу о КВЖД: объявлялась желательной совместная китайско-японо-советская конфронтация по делам железной дороги. Специальная резолюция о статусе КВЖД подчеркивала, что дорога должна оставаться в советских руках «до победы китайской революции», чтобы предотвратить «захват ее империалистами». Однако «культурно-политические» меры требовались для установления китайского духа на железной дороге: администрация должна быть двуязычной и должны были создаваться китайские школы для китайских рабочих. Поддержка Китаем «белых» русских, служащих КВЖД, рассматривалась как привычный источник беспорядков.

В основном докладе содержались также рекомендации по второстепенным вопросам. Советские органы должны избегать «недопустимых приемов, характерных для правительства «великой державы», ибо они компрометируют Советское правительство и создают о нем впечатление империалистического»³³⁷; в нем советовалось «демонстрировать величайшее уважение к правам Китая, его суверенитету» и т. д.; исключалась всякая идея о советской военной интервенции. Троцкий предложил, чтобы Советское правительство повторило свои предыдущие заверения, данные во время подписания советско-китайского договора от 31 мая 1924 г., в том, что, «как только китайский народ создаст собственное демократическое и единое правительство, мы по своей инициативе и с большим желанием, на благоприятных условиях передадим Китаю дорогу». Но Политбюро, решив, что подобная декларация в

существующих условиях могла быть истолкована как признак слабости, отклонило рассмотрение этого вопроса³³⁵.

В докладе говорилось также, что нельзя идти на какие-либо уступки Японии, дабы не создавать впечатление у Китая, что имеет место «раздел Китая на сферы влияния при нашем участии». В конечном счете, если У Пэйфу будет по-прежнему одерживать победы, может быть, есть смысл искать пути соглашения с ним, «чтобы ослабить его зависимость от Англии», — тщетный возврат к давно отброшенной политике³³⁹, который показывает острое современное понимание британских замыслов. Дополнительный абзац, вставленный на заседании Политбюро, касался требования «реакционеров Китая, подстрекаемых империалистами», изгнать Карахана³⁴⁰ и рекомендации вести против этого контрпропаганду.

Наиболее интересное в свете последующего развития заключалось в том, что было сказано и о чем умалчивалось по поводу Гоминьдана и кантонского правительства, и о каких потрясающих событиях, случившихся в Кантоне пятью днями раньше, совершенно не ведало Политбюро³⁴¹. Ситуация на Юге упоминалась в основной части доклада только в связи с оговоркой, что политика уступок Японии, подталкиваемая необходимостью «передышки» для китайской революции, должна согласовываться с ГМД и КПК, но без ослабления «революционной и антиимпериалистической пропаганды». Однако один специальный параграф, который претерпел несколько изменений в Политбюро, подчеркивал, что Кантон и подчиненные ему провинции должны рассматриваться не как «временный революционный плацдарм», а как «большая страна с населением в 37 млн. человек». Раковского следовало бы спросить о его точке зрения на возможные отношения с Францией, если бы кантонский представитель был направлен в Париж. Этот вопрос, безусловно, нацелен на признание де-факто автономии Кантона на Юге, аналогичной автономии де-факто Чжан Цзо-линя на Севере. Надежда на новое воссоединение Китая под национально-революционным знаменем Гоминьдана была не столько отброшена, сколько проигнорирована. Только Сталин, один из всех своих коллег, обладая большим предвидением или большей осторожностью, сумел увидеть реальные амбиции Чан Кайши и, во всяком случае, определить заключенные в них опасности. По предложению Сталина эта часть доклада была дополнена фразой: «Кантонское правительство в настоящий момент должно решительно отвергнуть мысль об экспедициях военного характера и вообще о каких-либо подобных действиях, которые способны спровоцировать империалистов на военные действия».

Таким образом, возможность плана Чан Кайши перейти к военному наступлению была обсуждена и решительно отвергнута Политбюро. Возможность отказа Чан Кайши от советского предложения или появления трещины в союзе, безусловно, не рассматривалась совсем.

Диагноз ситуации в Китае, данный в решениях VI расширенного пленума ИККИ в середине марта 1926 г. и в ходе обсуждений на Политбюро 25 марта 1926 г., был внезапно разнесен переворотом Чан Кайши 20 марта 1926 г. и ходом событий, приведенных им в движение. Важным, хотя до сих пор не признававшимся изменением в обстановке в Кантоне, происходившим в течение двух месяцев после окончания работы II съезда Гоминьдана в январе 1926 г., было твердое решение Чан Кайши начать долгожданную северную экспедицию. Концепция северной экспедиции для «наказания У Пэйфу», разгрома милитаристских лидеров, которые пользовались поддержкой империалистических держав, и тем самым установления власти Гоминьдана и националистического правительства над вновь объединенным Китаем, — эта концепция лежала в основе политических амбиций Сунь Ятсена и была составной частью программы Гоминьдана. Впервые подготовка северной экспедиции была перенесена в практическую область в результате усиления гоминьдановских позиций на Юге, обусловленного как реорганизацией правительства летом 1925 г., так и ростом его военной мощи, питаемой советской военной поддержкой. 18 июля 1925 г. Военный совет, согласно решению Политического совета, принял решение освободить восточную часть провинции Гуандун и провинцию Гуанси, а затем, укрепив свой тыл, приступить к северной экспедиции³⁴². После успешного завершения в декабре 1925 г.³⁴³ операции по очищению Гуандуна и Гуанси от милитаристских сил на первое место логически выдвинулся вопрос о подготовке северной экспедиции. Все использовалось, чтобы показать — северная экспедиция близка сердцу Чан Кайши и является целью его военных амбиций. И разумно было предположить, что его благосклонность и даже теплое, трепетное отношение к советским советникам и коммунистам в период подготовки и проведения II съезда Гоминьдана определялись его решимостью обеспечить их поддержку своего основного мероприятия. Решения, одобренные, как говорят, 27 января и 1 февраля 1926 г., о перегруппировке армий в ходе подготовки северной экспедиции и о назначении Чан Кайши «генерал-инспектором» для придания им военного обоснования были, безусловно, необходимым предварительным условием для начала экспедиции, а не для принятия решения о начале экспедиции³⁴⁴. Когда Бородин уезжал из Кантона 4 февраля 1926 г., чтобы принять участие во встрече с Караханом и недавно прибывшей в Пекин советской делегацией, он вряд ли знал о замысливавшейся в недалеком будущем решительной акции³⁴⁵.

Неминуемое приближение начала северной экспедиции привело к непредвиденному, но логичному обострению трений между Чан Кайши и советскими советниками. С одной стороны, Чан Кайши, достигший теперь вершины власти и уверенно ожидавший момента для начала великого рискованного мероприятия, меньше всего, чем когда-либо раньше, желал, чтобы его держали на поводу, хотя и сознавал необходимость материальной поддержки со сторо-

ны Советского Союза. С другой стороны, Кисанько, главный советский военный советник, находившийся в Кантоне только с конца октября 1925 г., был менее опытен, чем Бородин, и, очевидно, менее искусен в сглаживании трений и в потакании все более растущему самомнению китайского генерала: ни Кисанько, ни его первый заместитель Рогачев не пользовались личным доверием Чан Кайши и не могли с успехом заменить отсутствующего Бородина³⁴⁶. Были, однако, и более серьезные причины для расхождений.

Хотя, начиная с Ленина, большевики постоянно говорили о вовлечении Азии в широкую мировую революцию, перспектива ранней и успешной революции в Китае, даже буржуазно-националистической революции, не воспринималась Москвой достаточно серьезно в качестве политической цели. Когда Бородин впервые приехал в Кантон осенью 1923 г., многие большевики все еще верили в близкую революцию в Европе, и он считал, что «в течение пяти лет можно создать революционную базу в провинции Гуандун»³⁴⁷. После тех дней лидеры Коминтерна стали очевидцами рождения фашизма и позорного краха революционных всплесков в Германии, Болгарии и Эстонии, где условия для революции казались более обещающими, чем в Китае. В 1925 г. Коминтерн, следуя в кильватере советской внешней политики, перешел к обороне и начал повсеместно осуждать ультралевые уклоны революционного авантюризма. В этих условиях считать, что Китай созрел для революции, было бы призрачным и фантастичным — страшным примером безответственной революционной авантюры. Даже когда в 1925 г., и особенно после событий 30 мая в Шанхае, Москва начала уделять китайским событиям более серьезное внимание и стало обычным утверждать, что революция в Китае находится на подъеме, ни один из советских лидеров не предвидел немедленных революционных перемен. На что надеялась и на поощрение чего нацеливалась политика Коминтерна и Советского правительства? На усиление национальных сил как на Севере, так и в Кантоне; на их усиление до такой степени, когда они смогут оказать эффективное противодействие силам империализма, главным образом Великобритании и Японии. Гонконгская забастовка, подъем Фын Юйсяна и движения гоминьцзюня (национальных армий), казалось, открывали блестящие пути для обуздания и сдерживания британской и японской мощи. А когда Чан Кайши серьезно задумал военную акцию из Кантона для распространения националистической революции на Север, для объединения Китая под руководством Гоминьдана и для изгнания иностранцев из страны, то советским наблюдателям показалось, что такие честолюбивые и широкие проекты обречены на неудачу, могут только сорвать ограниченную и практическую политику, спровоцировав интервенцию империалистических держав. Работник Наркоминдела Виленский с откровенным скептицизмом говорил, что мы «помним результаты так называемой северной экспедиции Сунь Ятсена и мало ве-

рим в жизнеспособность «стратегических» планов, разрабатываемых определенными гоминьдановскими энтузиастами, которые переоценили свою силу»³⁴⁸.

Спустя несколько лет Бородин припомнил данную точку зрения о том, что революция на Востоке, например в Китае, была бы дополнительной ответственностью для Москвы³⁴⁹. На протяжении всей миссии Бородина и советских советников в Кантоне каждое упоминание гоминьдановских лидеров об этой высшей цели встречало скептицизм и обескураживающий отклик. Теперь, когда Чан Кайши был преисполнен решимости начать ее осуществление, тот же самый ответ привел к открытым трениям.

Другая причина для раскола была, очевидно, глубже. Пока революционная акция была отдаленной перспективой, несовместимость национальной революции (провозглашавшейся Гоминьданом) и социалистической революции (являвшейся окончательной целью КПК и Коминтерна) могла благопристойно скрываться. Это был период, который позднее назывался «временное сожительство» буржуазной и пролетарской тенденции в китайской революции³⁵⁰. Когда акция оказалась неизбежной, вся пустота этого словесного компромисса стала ошеломляюще очевидной. Или, если посмотреть на эту же самую проблему под другим углом зрения, решение предпринять указанную акцию делало практически неизбежным выбор между революцией, которая, оставаясь строго в национальных рамках, свергла бы иностранного захватчика и поставила бы национальную буржуазию у власти, и революцией, которая, преследуя те же самые национальные цели, сочетала бы их с социальной революцией пролетариата и крестьянства против господства как иностранной, так и национальной буржуазии. Правое крыло ГМД твердо было за первый путь революции, левое крыло, колеблясь и шатаясь, стояло за второй. Но в нем не было единства, и, казалось, оно шло этим путем постольку, поскольку было необходимо сохранять союз с Советами и коммунистами. Поэтому, когда выбор был навязан решением Чан Кайши начать военные действия против Севера, левое крыло Гоминьдана начало таять или было сведено до небольшого числа лидеров. Фактическое разногласие было преимущественно буржуазным Гоминьданом и коммунистами, потенциальная поддержка которых среди рабочих и крестьян была значительной; однако организационно коммунисты были слабы, а неприязнь гоминьдановских военных лидеров к советской опеке усиливалась враждебным отношением к коммунистам тех, кто наиболее влиятелен в формировании мнения всего Гоминьдана. Сомнительно, чтобы Чан Кайши, амбиции и воззрения которого в первую очередь носили военный характер, сам лично планировал политический поворот вправо. Но ситуация, сложившаяся в результате его решения, автоматически толкала его в этом направлении³⁵¹.

Именно в это самое время в дневнике Чан Кайши появляется раздражительность в отношении советских советников. 19 янва-

ря 1926 г., в последний день работы II съезда Гоминьдана, он писал с раздражением, что невозможно работать с Кисанько и Рогачевым, которые воспринимают его «искренность» как «обман»³⁵². 7 февраля 1926 г. Кисанько «высмеял» его — возможно, скептически отнесся к его военным планам; через четыре дня советские советники проявили «подозрение» и «зависть». 22 февраля советники настаивали, чтобы Чан Кайши «не спешил» с планами северной экспедиции,— первое упоминание об открытом столкновении по этому вопросу. Спустя два дня Чан Кайши еще раз потребовал ускорить решение вопроса о походе, на этот раз под предлогом оказать необходимую помощь терпящей поражение национальной армии (гоминьцзюню) Фын Юйсяна. 27 февраля 1926 г. Чан жаловался в очередной раз на «диктаторское и противоречивое» поведение Кисанько, а на следующий день отстранил одного китийского генерала, который, как говорили, был в сговоре с советскими советниками. В начале марта Чан говорил о ведущейся против него пропагандистской кампании, возможно, среди членов Гоминьдана, и жаловался Ван Цзинвэю, что революционная власть переходит в руки иностранцев, ослабляя независимость Гоминьдана³⁵³. 12 марта 1926 г. произошло еще одно столкновение между Чаном и Кисанько по поводу желательности северной экспедиции³⁵⁴. Все это свидетельствует, что во второй половине февраля и в первых числах марта 1926 г. происходило заметное и необратимое ухудшение отношений Чана с советскими советниками, коммунистами, левыми лидерами ГМД, и именно в это время официально или нет, но было принято окончательное решение о начале северной экспедиции в течение 1926 г. Давняя антипатия значительной части Гоминьдана к союзу с коммунистами никогда не была такой явной, и в новых условиях она нашла защитника в лице Чан Кайши.

13 марта 1926 г. Кубяк в сопровождении других членов комиссии из Москвы, присутствовавшей на конференции в Пекине в феврале 1926 г.³⁵⁵, прибыл в Кантон и был принят Чан Кайши³⁵⁶. Неизвестно, как прошла эта встреча, но можно предположить, что Кубяк следовал прежней линии Коминтерна и советских советников и был против предложения о северной экспедиции. Очевидно, имели место расхождения, что могло ускорить следующий шаг в этой игре³⁵⁷.

Рано утром 20 марта 1926 г. Чан Кайши нанес непредусмотренный и внезапный удар. За 24 часа до этого некто Ли Чжилун, командир канонерской лодки националистов, член КПК и руководитель всенно-морского департамента национального правительства³⁵⁸, подошел к ставке Чан Кайши в Хуанпу. Коммунисты свидетельствовали потом, что приказ направить корабль исходил от самого Чан Кайши. Чан позднее распустил слух, в котором он «не совсем уверен», о заговоре с целью похитить его и отправить на корабле во Владивосток. Хотя корабль был немедленно отозван, Чан использовал инцидент для оправдания контрмер, кото-

рые, очевидно, были тщательно спланированы и подготовлены.

Первым шагом был арест политических комиссаров в армии, большинство которых были членами КПК, и домашний арест советских военных советников. Далее последовал арест Ли Чжилуна и других коммунистов, занимавших ответственные посты, в том числе членов гонконгского забастовочного комитета. С июня 1925 г. забастовка китайских рабочих, организованная и поддерживаемая Кантоном, парализовала экономику британской колонии. Арест и разгон забастовочного комитета (фактически органа КПК) был в конечном счете одним из наиболее важных последствий переворота 20 марта. Через несколько часов охрана зданий, где жили советские советники, была снята. Некоторые второстепенные китайские военные и политические деятели звонили и извинялись перед советниками за случившееся, и, когда Кисанько направил одного из своих офицеров к Чан Кайши, последний, как говорили, «долго извинялся» за случившееся. Но только 22 марта 1926 г., через два дня после переворота, состоялось серьезное обсуждение между Чан Кайши и Соловьевым, советником советского посольства в Пекине, который, вероятно, сопровождал комиссию Кубяка в поездке на Юг. Ван Цзинвэй не принимал участия в обсуждении³⁵⁹.

Чан Кайши заверил Соловьева, что его меры против советских советников объясняются враждебностью не к Советскому Союзу, а к отдельным конкретным лицам, в частности к Кисанько и Рогачеву. Соловьев заверил, что около десяти советников будут отозваны, включая двух названных. Чан Кайши, получив это заверение, принял сводить инцидент к минимуму. Выступая перед курсантами Хуанпу в тот же день, он объяснил, что вина Ли Чжилуна не доказана, но если он и был виноват, то это личное дело, а партия в целом не причастна к инциденту. На следующий день он отнес инцидент за счет вспышки вражды между Обществом изучения Сунь Ятсена и Лигой молодых воинов — гоминьдановской и коммунистической организациями курсантов в Академии Хуанпу. 24 марта 1926 г. Чан Кайши присутствовал на прощальном обеде с уезжавшими советниками; некоторые из них покинули Кантон в ту же ночь³⁶⁰. Быстрый и полный успех переворота сделал Чан Кайши полным хозяином положения в Кантоне.

Линию Чан Кайши, хотя сложную и иногда противоречивую, нетрудно проследить. Он до сих пор входил в Гоминьдан как человек левых. Но у него не было политических убеждений. Его единственной целью было установление собственной непрерываемой политической власти в Кантоне (военная власть уже была в его руках) в процессе подготовки северной экспедиции. И, поскольку его власть хотели разделить или противостоять ей советские советники и их последователи из КПК, удар был направлен именно против них. Через несколько дней после 20 марта 1926 г. картина все еще не ясна. Правые аплодировали, а левые, расте-

рвавшись на некоторое время, могли перегруппировать силы для сопротивления. Однако переворот показал внутреннюю слабость левых, как только они лишаются советской поддержки. Примером такой слабости было поведение Ван Цзинвэя, который сначала объявил Чана контрреволюционером³⁶¹, а потом сделал шаг назад, сказавшись больным, вновь появился на встрече с Соловьевым 22 марта 1926 г., а на следующий день объявил себя больным и исчез. 25 марта 1926 г. Чан Кайши разыграл изысканную комедию. Он написал Ван Цзинвэю как главе правительства, запрашивая разрешение на отпуск, а других гоминьдановских лидеров информировал о своем намерении уйти в отставку. В этот же вечер Т. В. Сун навестил Чана и от имени лидеров просил его остаться; просьба была принята. Но только в середине апреля официально был заполнен вакуум, создавшийся в связи с исчезновением Ван Цзинвэя (он отправился в Шанхай). 16 апреля 1926 г. Тань Янькай занял его место в качестве главы Политического совета, Чан Кайши возглавил Военный совет³⁶².

В ретроспективе наиболее примечательной особенностью переворота Чан Кайши 20 марта 1926 г. была завеса секретности, за которой он скрывался от внешнего мира. Удар, обрушившийся на советскую группу в Кантоне, был такой сокрушительной силы, что в течение ряда дней — двух или трех недель — не поступало никаких сообщений в Москву ни от советских военных советников, ни от партийной миссии Кубяка. Эта дезорганизация (или недостаток в организации) связи частично может объясняться отсутствием Бородина, но в общем-то именно так обстояло дело со связью в то время между Москвой и Дальним Востоком³⁶³: Пресса, и китайская и иностранная, также не давала быстрых и точных сообщений о происходивших событиях³⁶⁴.

Прошла почти неделя, прежде чем редкие, но победоносные сообщения начали появляться в мировой прессе об успешном государственном перевороте, направленном против коммунистов в Кантоне. 28 марта «Роте фане» опубликовала в Берлине статью китайского коммуниста Тан Шэнчжи, в которой опровергалось сообщение британской и японской прессы, что Фын Юйсян самолетом вылетел из Калгана в Улан-Батор (то, что случилось на Севере, еще имело значение и что Чан Кайши в Кантоне осуществил государственный переворот против русских³⁶⁵). Первое упоминание о перевороте в советской прессе появилось 30 марта 1926 г. в «Правде» и «Известиях» в форме сообщения ТАСС из Пекина от 27 марта. Там шла речь о «слухах», распространенных агентством Рейтер в иностранной прессе о якобы происшедшем антикоммунистическом перевороте в Кантоне: эти слухи были «полностью не обоснованными» и, очевидно, пущены в ход, чтобы «усилить впечатление, производимое наступлением реакции в Северном Китае». Передовица газеты «Известия» на следующий день связала эти сообщения с нападением на Пекин. Больше ничего не появлялось

в советской прессе до 4 апреля 1926 г., когда «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение гоминьдановского представителя из Шанхая о том, что «20 марта кантонское правительство объявило военное положение и окружило войсками забастовочный комитет». И на этот раз слухи о конфликте между ГМД и коммунистами были объявлены необоснованными, о депортации советских советников писали, как об отъезде из Кантона Советской торговой делегации — видимо, прикрытие для миссии Кубяка, — завершившей свою работу. Но ко времени, когда значение переворота начало пониматься в Москве и выдворенные советники поведали свое понимание этой истории, в Кантоне был выработан компромисс, и обе стороны усиленно создавали впечатление, что ничего серьезного не произошло. Чай Канши в интервью гоминьдановской прессе осудил сообщения о его враждебности к русским или коммунистам как вымысел «пособников империалистов»³⁶⁶. Тема эта исчезла из советской прессы и публичных обсуждений в Москве³⁶⁷, она появилась вновь более чем через год в ходе противоречивых дебатов относительно последующих событий.

Даже в официальных кругах Москвы реакция была менее острой, чем можно было ожидать. В начале апреля иногда этот вопрос обсуждался, по-видимому, на Политбюро по докладу Бубнова, который как глава ПУРа Красной Армии нес ответственность за офицеров при миссии Бородина. Троцкий, как он сам говорил, внес в Политбюро «официальное предложение о том, что КПК должна выйти из Гоминьдана». Зиновьев, который на VI расширенном пленуме ИККИ, месяцем раньше, с энтузиазмом поддерживал Гоминьдан, теперь присоединился к предложению о выходе коммунистов из ГМД. Но хотя это предложение и напоминало по форме жест протеста, но, как говорил позднее Сталин (он мог сказать так и в то время), приводило к «политике приспособления Чан Кайши» и к выводу коммунистов «из игры революционных сил в Китае». Правда, на принятии этого предложения сильно не настаивали, и Политбюро ограничилось внешне единодушным решением предостеречь КПК, что политика должна быть направлена «к уходу или исключению правых из ГМД». Решение было направлено КПК в форме директивы Коминтерна. Поскольку других средств, кроме доброй воли Чан Кайши, не было, чтобы обуздать или исключить правых из Гоминьдана, для Троцкого нашлось некоторое оправдание для последующего комментария о том, что «Коминтерн фактически ратифицировал первый государственный переворот Чан Кайши»³⁶⁸. Старые формулы были повторены. КПК не должна выходить из ГМД. Левое крыло в ГМД необходимо поддерживать с целью нанести поражение правым или разгромить их. Допускалось, что ничего существенного не произошло. В открытом письме Президиума Крестинтерна от 30 апреля 1926 г. в адрес Гоминьдана и его крестьянского отдела выражалось полное доверие Гоминьдану и Кантону как «центру,

который реально объединяет и организует все революционные силы, выступающие против гнета империалистов», и как «неприступной цитадели китайской революции»³⁶⁹.

Именно из-за столь ограниченной и беспомощной позиции Москвы и, очевидно, без сколько-нибудь ответственного руководства на месте советская группа в Кантоне придумала свое решение о будущем курсе. С ходу исключались любое осуждение союза с Гоминьданом и уход из Кантона. Это прямо противоречило линии, последовательно проводившейся Москвой с 1923 г. Со времени интервью Соловьева с Чан Кайши и соглашения об отзыве Кисанько и Рогачева по личным мотивам стало ясно, что статус-кво сможет поддерживаться, безусловно, какой-то ценой. И когда Чан Кайши представил свои требования ЦИК ГМД 3 апреля 1926 г., цена не показалась неразумно высокой. Чан Кайши все еще нуждался в советской военной помощи и мог проявить сдержанность в час победы. Он предложил созвать ЦИК ГМД и обсудить вопросы дисциплины. Требования к КПК были следующими: члены КПК в Гоминьдане должны воздержаться от критики трех принципов Сунь Ятсена, КПК должна информировать ГМД о принимаемых ею решениях и передать ГМД списки ее членов, наконец, в ЦИК ГМД коммунисты должны составлять не более одной трети членов. Спорные вопросы будут рассматриваться на совместной конференции двух партий³⁷⁰.

К середине апреля Степанов, теперь, видимо, старший советский советник и глава миссии, представил советской группе доклад, после которого состоялась дискуссия³⁷¹. В докладе отмечалось, что были сделаны ошибки при попытке установить контроль над очень многими ключевыми позициями в армии (а также в ГМД и правительстве), что и вызвало обиду китайцев. Было решено отозвать (якобы добровольно) всех партийных представителей из 1-й армии, включая политкомиссаров-коммунистов. Фактически это было сделано в ответ на явное или косвенное требование Чан-Кайши. Предлагалось также распустить Лигу молодых воинов в Академии Хуанпу. Существование этой лиги не только вызывало трения, но и способствовало концентрации правых элементов в Обществе Сунь Ятсена. При этом выражалась надежда, что общество последует примеру лиги и также примет решение о самороспуске или же станет доступным для левых. Удаление Кисанько, Рогачева и других обеспечило благосклонное отношение Чан Кайши к оставшимся военным советникам и облегчило примирение: Чан недвусмысленно отказался от какого-либо желания изменить их статус и функции. В Кантоне было невозможно работать против Чан Кайши. Будем ли мы верить или не верить в его искренность, заключил Степанов, «основа нашей политики — сотрудничество в пределах возможного с Чан Кайши», и «мы должны сделать все возможное, чтобы отдалить его от правых и убедить присоединиться к левым в Гоминьдане». С этим выводом согласились ввиду отсутствия какой-либо практической альтернативы.

Степанов, во всяком случае, сознавал, что упал престиж советников, равно как и китайских коммунистов после мартовского переворота, и повторял Тань Янькая, который сказал, что, «даже если бы мы, советники, восстановили прежние отношения в высшем эшелоне, впечатление от инцидента останется навсегда в памяти народа»³⁷². Нилов, другой советник, резко прокомментировал инструкцию из Москвы об организации и усилении левых: «В данный момент гоминьдановские левые практически отсутствуют. У них нет не только лидеров, но и масс. Трудно сказать, каким образом инструкция Центрального Комитета может быть выполнена»³⁷³. Внешне казалось, что ничего существенного не случилось. Но в действительности глубинные отношения радикально изменились.

Хотя это четко еще не осознавалось, решающим фактором изменений была близость северной экспедиции. За маневрами Чан Кайши (даже доминируя над ними) стояли планы этой экспедиции, постепенно принимавшие все более определенную форму. Подробные предложения представил Чан ЦИК Гоминьдана 3 апреля 1926 г.³⁷⁴ одновременно с предложениями об отношении к Компартии Китая. В течение апреля этот вопрос интенсивно обсуждался в гоминьдановских и армейских кругах: это был единственный пункт, на котором могли согласиться все фракции. Советские советники, особенно теперь, когда им нужно было умиротворять Чана, не могли долго противостоять нажиму. В то время, когда Кисанько и Рогачев, верные линии Москвы, продолжали решительно выступать против экспедиции, Степанов на собрании, обсуждавшем отношения с Гоминьданом, казалось, считал этот вопрос решенным. «Через два или три месяца, — сказал он, — мы могли бы двинуться на Север», — и добавил, что «вроде все китайские генералы единодушно поддерживают экспедицию». Концепция еще не устоялась. Отвечая на вопрос, Степанов пояснил, что для «китайцев Пекин является высшей целью северной экспедиции, а временная оккупация Хубэя — самой последней, зависящей во многом от обстоятельств»³⁷⁵. К середине апреля 1926 г., хотя никакие новые инструкции из Москвы не пришли — или, возможно, их и не ждали, — решение Чан Кайши начать экспедицию с неопределенным, но далеко идущим размахом, воспринималось советской группой в Кантоне, казалось, как неизбежное, если не желательное; и эта покорность была прямым, хотя и непредвиденным следствием переворота 20 марта 1926 г.

Это неприятное и двусмысленное развитие ситуации на Юге страны сопровождалось прогрессирующим ухудшением положения на Севере с точки зрения надежд и интересов СССР. Затянувшийся кризис вокруг Пекина приближался к завершению. В первые дни апреля 1926 г. самолеты Чжан Цзолина сбросили несколько бомб на Пекин, возможно, чтобы форсировать эвакуацию из столицы национальных войск (гоминьцзюня), дислоцированных там³⁷⁶. В качестве последнего отчаянного шага начальник

местной национальной армии (гоминьцзюня) арестовал Дуань Цижуя, освободил Цао Куня, марионеточного президента У Пэйфу, находившегося в заключении после свержения его в декабре 1924 г., и предложил У Пэйфу войти в Пекин³⁷⁷. Расчет на то, что укоренившаяся антипатия У Пэйфу к Чжан Цзолиню не преодолена признанием общим врагом Фын Юйсяна и национального движения, оказался, видимо, правильным³⁷⁸. Но У Пэйфу — больше из-за отсутствия силы, чем желая, — отказался от предложения и предпочел, выбрав момент, двинуться в ничейную землю, которая все еще отделяла его от Гоминьдана и Чан Кайши³⁷⁹. 15 апреля 1926 г. последние части национальных войск эвакуировались из Пекина, он был сдан Чжан Цзолиню³⁸⁰.

Победа Чжан Цзолиня над национальной армией усиливала его позиции в Маньчжурии за счет СССР. В харбинской прессе развернулась кампания против Карахана как агента большевизма в Китае. Накануне падения Пекина Чжан направил генеральному консулу СССР в Харбине ноту с требованием, чтобы Советское правительство отозвало Карахана. В ноте также заявлялось, что Чжан не может гарантировать безопасность Карахана, когда его войска вступят в столицу³⁸¹. Советское правительство было, очевидно, озабочено необходимостью снять напряженность. К счастью, Серебряков, заместитель наркома путей сообщения, как раз прибыл в Харбин для обсуждения положения на железных дорогах Маньчжурии³⁸². 18 апреля 1926 г. в Москве было объявлено об отставке Иванова, управляющего КВЖД, который был причиной беспокойств в январе: это интерпретировалось (что, несомненно, правильно) как жест умиротворения Чжан Цзолиня³⁸³. Спустя два дня результатом последующей встречи Чжана и Серебрякова было заявление об отзыве язвительных нот, которыми обменялись советский генконсул и департамент по иностранным делам³⁸⁴. Серебряков затем отбыл в Токио. Атака на Карахана была отложена, и установилось краткое перемирие. Но признавалось, что хорошие отношения с Чжан Цзолинем ныне более, чем когда-либо раньше, необходимы Советскому правительству и в основном зависят от поддержания хороших отношений с Японией.

Когда происходили эти события, Бородин, до тех пор важная фигура в советской политике в Китае, полностью исчез со сцены. 3 апреля 1926 г. он прибыл в Улан-Батор с тридцатью членами КПК и ГМД, отстраненными от деятельности из-за последних событий в Пекине и Тяньцзине и добравшимися этим кружным путем обратно в Кантон через Владивосток. Фын Юйсян, направлявшийся в Москву, уже был в монгольской столице. Во время пребывания в Улан-Баторе он все больше убеждался в полной зависимости от советской поддержки. Он брал уроки русского языка, участвовал в политических и идеологических беседах с монгольскими лидерами, советским полпредом и со своим советским советником Генри А. Лином*. 1 апреля 1926 г. Фын дал интер-

* Генри А. Лин — В. М. Примаков, видный советский военачальник и дипломат. — *Прим. ред.*

вью советскому журналисту, в котором осудил Японию и Великобританию и превозносил Гоминьдан, «идущий во главе национально-освободительного движения»³⁸⁵. Когда 3 апреля Бородин прибыл в Улан-Батор, были возобновлены переговоры с Фыном о сотрудничестве между национальными армиями (гоминьцзюнем) и Гоминьданом, но они ни к чему не привели. 7 апреля Бородин и сопровождающие его лица продолжили свой путь, оставив Фын Юйсяна на попечение Генри А. Лина, в сопровождении которого Фын Юйсян в конце концов 27 апреля отбыл в СССР³⁸⁶. 9 мая 1926 г. Фын прибыл в Москву. Он был принят начальником штаба Красной Армии и другими советскими лицами и объявил, что «рад видеть в вашей молодой России модель будущего Китая»³⁸⁷. А Бородин, тем временем продолжая свою круговую поездку, неожиданно встретил во Владивостоке возвращающегося в Китай Ху Ханьмина³⁸⁸, поездка которого в Москву завершилась. 29 апреля 1926 г. они вместе прибыли в Кантон³⁸⁹.

Когда Бородин вернулся в Кантон после трехмесячного отсутствия, он и Чан Кайши, казалось, кинулись в объятия друг друга; их взаимное доверие не пострадало от случившегося. Эти два человека тесно сотрудничали почти два года. Сотрудничество помогло Чан Кайши создать непрístupные позиции на Юге и претендовать на роль освободителя страны. Сотрудничество представило возможность Бородину выполнить кардинальную задачу своей миссии — установить союз с Гоминьданом и потрясаяще продвинуть революционное движение национального освобождения. Ни тот, ни другой не хотели разрыва, и, когда Бородин вернулся в Кантон в конце апреля 1926 г., база для примирения была вполне готова. После переворота 20 марта Чан Кайши стало ясно, что левые более не представляют для него угрозы. Единственным потенциальным препятствием на пути к абсолютной власти были его новые друзья из правых. Говорят, он поддерживал тесный контакт с Сунь Фо и У Чаошу (более известным на Западе как Ч. Ч. У.), исполняющим обязанности мэра Кантона и министром иностранных дел национального правительства; с У он виделся почти каждый день³⁹⁰. Но Чан Кайши не желал более быть пленником ни правых, ни левых. Он мог позволить себе ослабить свою враждебность к левым и даже отчасти умиротворить левых, проявив к правым более суровое отношение, что свидетельствовало о его независимости от этого крыла. Такие деликатные маневры заняли весь апрель. В заявлении, опубликованном от имени ЦИК ГМД по поводу собрания «сишаньцев» в Шанхае, отмечалось — в свете неблагоприятного хода событий в Северном Китае — «возрождение реакционного крыла ГМД, которое было исключено из партии в прошлом году»; эта группа воспользовалась отсутствием Ван Цзинвэя из-за «серьезной болезни» для распространения разного рода «беспочвенных слухов». Заявление подтвердило намерение ГМД «сохранить суньятсеновскую политику по рабочему и крестья-

янскому вопросам» и обещало принять «карательные меры против ренегатов и контрреволюционеров, которые распространяют провокационные слухи»³⁹¹. Чан продолжал выступать с речами, в которых нападал на правых, и в конце месяца нескольких правых сместил со своих постов³⁹². Бородин после длинной серии разочарований и затруднений на Севере снова оказался на революционной ниве Кантона и не видел никаких оснований для сомнений в искренности Чана как революционера-профессионала. Чан, прошедший через тревожный период тренировок и недоразумений с советскими военными советниками и визитерами из Москвы, с облегчением еще раз встретился с русским, который сочувствовал его нуждам и политике, с русским, которого не подозревал в том, что он попытается найти вместо него, Чана, другого, получше. Поэтому-то внешне их отношения смогли вернуться к тому уровню, на котором были прерваны. Однако соотношение сил радикально изменилось. Какой бы ни была первоначальная реакция Бородина на переворот 20 марта³⁹³, вопрос о добровольном выходе коммунистов из ГМД больше не возникал. Непредвиденное обстоятельство, которое появилось на горизонте после переворота 20 марта и которое советская группа с тех пор очень старалась предотвратить, — это исключение коммунистов по решению ГМД. Ранее считалось, что нуждавшийся в советской поддержке Чан Кайши не намерен доводить вопрос до такой постановки, но сам факт, что этот вопрос мог возникнуть в такой форме, был симптомом изменившихся отношений. Чан Кайши, а не Бородин задавал теперь тон.

Изменилось не только соотношение сил — появился новый фактор в полемике: решение начать в течение ближайших двух или трех месяцев северную экспедицию. Это тревожило Бородина, так как последние три года на предписании работать с Гоминьданом настаивал Коминтерн, и каждая инстанция в Москве постоянно расценивала северную экспедицию как несбыточную мечту и осуждала любой намек на ее скорое осуществление как недопустимо опасный. Однако ко времени возвращения Бородина в Кантон советские военные советники, руководимые Степановым, очевидно, начали считать ее неизбежной. Переговоры между Бородиным и Чан Кайши начались на другой день после приезда Бородина и продолжались до 15 мая 1926 г., когда открылась важная сессия ЦИК ГМД³⁹⁴. Цели сторон были весьма прозрачны. Чан Кайши стремился обеспечить поддержку Бородина в вопросе о северной экспедиции. Бородин — сохранить союз коммунистов с ГМД и ослабить влияние правых, выступавших против союза.

Советская поддержка экспедиции была сильной картой в руках Бородина, но она была его единственной картой, и поэтому он был вынужден ее использовать независимо от точки зрения, принятой в Москве. Три аргумента были последовательно выдвинуты Бородиным для оправдания изменения своего отношения к честолюбивым планам Чан Кайши: угроза нависшей агрессии У Пэйфу с Севера; уверенность, что косвенные акции, как Гонконг-Кантон-

ская забастовка, которая поддерживалась с возрастающими трудностями более девяти месяцев, сами по себе не в состоянии покончить с иностранным господством в Китае; боязнь того, что в случае противодействия Чану и дальнейшей отсрочки действий может произойти открытый раскол между КПК с ее левыми сторонниками в ГМД и все усиливающимся правым крылом Гоминьдана, что будет означать отделение национальной революции от социальной с пагубными последствиями для обеих³⁹⁵. Однако наиболее сильным аргументом была, видимо, уверенность Чан Кайши в новой армии, созданной при материальной поддержке и участии советников из Советского Союза, а также вера в способность этой новой армии разгромить войска Центрального и Северного Китая. Предыдущие аргументы Москвы основывались на предположении, что операция не может завершиться успехом. Поскольку Бородина могли склонить разделить уверенность Чан Кайши, аргументация труда не составила. 1 мая 1926 г., через два дня после возвращения Бородина, Чан Кайши записал в своем дневнике, что они разошлись во мнениях по вопросу о северной экспедиции³⁹⁶. После этого никто более не слышал о возражениях Бородина. Логика обстановки убедила его, как уже убедила остающихся советских советников. Это была единственная основа, на которой мог быть сохранен союз с ГМД.

Суть соглашения Бородин — Чан Кайши состояла в том, что Бородин берется обеспечить советскую поддержку северной экспедиции, а Чан Кайши сдерживает правых в Гоминьдане и поддерживает союз с коммунистами. Но Чан также мог навязать свои условия сохранения союза. 15 мая 1926 г. на внеочередной сессии ЦИК ГМД была вынесена на обсуждение резолюция «об улаживании партийных дел», которая по-новому определила статут коммунистов в ГМД. В дополнение к двум основным условиям меморандума от 3 апреля 1926 г. — лояльности к принципам Сунь Ятсена и предоставлению ГМД списков членов КПК — теперь членам ГМД (включая, конечно, членов КПК) запрещалось принимать участие в собраниях любой партии без согласия ГМД, а все директивы и политические рекомендации КПК и Коминтерна должны предоставляться для одобрения гоминьдановско-коммунистической комиссии. Эти предложения означали полное подчинение КПК старшему партнеру по союзу. Члены КПК не имели права назначаться на должности глав департаментов в гоминьдановских организациях. Когда эта резолюция была утверждена ЦИК ГМД 17 мая 1926 г., ее ужесточили положением о том, что члены КПК не могли занимать более одной трети мест в центральных, областных и местных исполкомах³⁹⁷.

Другая резолюция — о выборах постоянного председателя ЦИК — предусматривала сохранение поста до нового съезда ГМД: цель была ясной — возложить на новый орган (президиум) функции, аналогичные функциям ИККИ. После окончания сессии на этот пост был назначен Чжан Цзинцзян, он был ближайшим

соратником и напарником Чан Кайши и известен как яркий антикоммунист. Несколько ведущих коммунистов лишились своих постов в руководящих органах ГМД, включая Тань Пиншаня, руководителя орготдела, и Мао Цзэдуна, заместителя руководителя отдела пропаганды³⁹⁸.

Достигнув таких больших успехов, Чан Кайши мог позволить себе умиловить Бородина и подкрепить собственные интересы некоторыми дальнейшими мерами против правых. Личное положение Чан Кайши было настолько сильным, что он мог не потерпеть никакого соперничества конкурентов ни со стороны правых, ни со стороны левых. Ху Ханьминь, воодушевленный триумфальным приемом, оказанным ему по возвращении, начал энергичные переговоры с Сунь Фо, У и другими правыми лидерами и, как говорили, предложил Чан Кайши арестовать Бородина (и, видимо, исключить коммунистов). Это противоречило намерениям Чан Кайши, и он решил избавиться от Ху Ханьминя. 9 мая 1926 г. Ху Ханьминь уехал в Гонконг через Шанхай. Но его отъезд был сбалансирован отбытием робкого, непопулярного Ван Цзинвэя, который после кратковременного появления в Кантоне решил совершить поездку в Париж³⁹⁹.

25 мая 1926 г. Чан Кайши выступил с речью на собрании руководящих лиц ГМД, официально вновь подтвердив свою веру в союз с коммунистами. ГМД и КПК боролись против империализма и были необходимы друг другу⁴⁰⁰. Через два дня в дневнике Чан Кайши записано о его встрече с Бородиным по вопросу о ликвидации реакционеров. У был освобожден от должности и выслан в Шанхай⁴⁰¹. На пост министра иностранных дел национального правительства был назначен обладавший гибким умом Евгений Чэнь. Поскольку Чэнь был союзником Бородина и входил в группу, которая сопровождала его в недавнем визите на Север, в этом назначении можно не без оснований предположить руку Бородина. Некоторые лидеры правых были арестованы, и был подготовлен, но не реализован план направить Сунь Фо в Москву⁴⁰². В то же время Дай Цзитао, теоретик правых, оставался в фаворе; и это, вместе с назначением Чжан Цзинцзяна председателем ЦИК ГМД подсказывало, что мерилом почета была не столько приверженность политическим принципам левых, сколько преданность персоне лидера.

4 июня 1926 г. чрезвычайная сессия ЦИК ГМД официально приняла решение начать северную экспедицию и назначила Чан Кайши главнокомандующим. Одновременно был ликвидирован Военный совет⁴⁰³. Военная диктатура Чан Кайши была в общих интересах. Одновременно усиливалась рука Москвы. Как видели военные советники и Бородин, фактически не оставалось никакого выбора, поскольку Чан Кайши принял твердое решение начать экспедицию. Отказ от участия в ней означал бы разрыв союза с Гоминьданом, что, по словам Сталина, было бы «выводом коммунистов из игры революционных сил в Китае»⁴⁰⁴.

Как свидетельствуют источники, Политбюро решило отмолчаться. Не только не было публичных заявлений со стороны ВКП(б), Советского правительства, Коминтерна, но не было также сообщений об изменении прежней негативной позиции к северной экспедиции ⁴⁰⁵.

Единственной пострадавшей группой, не получившей компенсации за унижение в ходе переворота 20 марта и после него, оказалась КПК. Шесть недель прошло со времени переворота 20 марта до возвращения Бородина в Кантон. За это время из Москвы было получено единственное указание — бесполезная инструкция усиливать левое крыло в ГМД и готовить почву для «ухода или исключения» правых ⁴⁰⁶. Во всех сообщениях о КПК говорилось, что она расколота и оказалась в тупике. Согласно Чэнь Дусю, многие члены партии, включая «партийных работников в Гуандуне», настаивали на контрдействиях. Большинство же членов ЦК КПК в Шанхае считали, что с Чан Кайши бороться нельзя, ибо он «открыто еще не показал свое контрреволюционное лицо», и была одобрена «политика отступления, уступок» ⁴⁰⁷. Какими бы ни были личные дурные предчувствия, два документа свидетельствуют о примиренческом настроении, установившемся в КПК до возвращения Бородина. 23 апреля 1926 г. в партийном журнале было опубликовано письмо Чэнь Дусю, где обвинялись правые гоминдановцы, резко отделялись от них левые, отрицалось обвинение в причастности коммунистов к заговору, направленному на свержение Чан Кайши 20 марта, и подчеркивалось, что КПК по-прежнему выступает за продолжение сотрудничества с ГМД ⁴⁰⁸. Почти в это же время гуандунская партийная организация направила открытое письмо ЦИК ГМД. В нем объявлялось о «безоговорочной поддержке» единого фронта против милитаристов и империалистов и признавалось «руководство ГМД в национально-революционном движении» ⁴⁰⁹.

Накануне майской сессии ЦИК ГМД, определившей степень поражения КПК, краткие дебаты по этому же вопросу состоялись в Москве в Политбюро. Они были открыты Войтинским, который должен был направиться в Китай и, очевидно, добивался инструкции. Вопрос о северной экспедиции не поднимался вовсе. Обсуждение шло вокруг будущих отношений КПК и ГМД. В Москве эту проблему было легче обсуждать, чем в Шанхае или Кантоне. И рекомендации, предложенные Войтинским, казалось, можно принять без особых затруднений. Было решено, что КПК должна быть готова «в случае крайней необходимости» обсудить «возможность определенного разделения функций» между КПК и ГМД, отзыва хорошо известных коммунистов из учреждений ГМД, но оставить в них коммунистов, «о которых в ГМД еще не знают» (это подразумевало обход требований ГМД о представлении списков членов КПК), и что возможный раздел этих двух партий будет рассматриваться только в «критической ситуации». Было спе-

циально добавлено, что выход КПК из ГМД должен считаться нежелательным⁴¹⁰. Эти решения основывались на переоценке полномочий КПК и Политбюро в решении вопроса об отношениях с Гоминьданом: именно сам Чан Кайши решил его в удобное для него время. Однако, учитывая нетерпение КПК и необходимость избегать кризиса в преддверии северной экспедиции, трудно было поверить, что можно было еще что-то сделать. Только под давлением Москвы ЦК КПК в письме от 4 июня 1926 г. информировал ЦИК ГМД, что принимает майскую резолюцию, которая интерпретировалась как желание ГМД устранить причины для трений и поводы к подозрительности во имя общих целей: выражалась надежда, что чистка реакционеров будет энергично продолжаться. В тот же день Чэнь Дусю направил Чан Кайши открытое письмо в ответ на речь Чан Кайши, где последний косвенно обвинял КПК в ответственности за переворот 20 марта. Ответ носил примирительный и самооправдательный тон. Чэнь отрицал наличие какого-либо немедленного желания создать рабоче-крестьянское правительство и в заключение подчеркнул, что свержение Чан Кайши может быть только на руку Великобритании, Японии и китайским милитаристам. Оба письма были опубликованы в партийном журнале 9 июня 1926 г.⁴¹¹

Пленум ЦИК ГМД 15—17 мая 1926 г. в основном обсуждал вопрос об отношениях с КПК и кадровые проблемы. Социальные проблемы не обсуждались. Но это не означало, что социальные сюжеты не были предметом внимания. Решение начать северную экспедицию делало их все более настоятельными и деликатными. Забастовка в Кантонском арсенале в мае 1926 г. поставила вопрос о труде в наиболее острой форме и способствовала выдвижению требований об отмене права на забастовку и введении принудительного арбитража — созданию ситуации, полной трудностей для КПК, отдельные члены которой поддерживали эти требования и позднее навлекли на себя обвинение в правом уклоне⁴¹².

Подобное же затруднение возникло по вопросу об отношении партии к крестьянам. После переворота 20 марта 1926 г. армии Чан Кайши вместе с землевладельцами начали оказывать на крестьян сельской местности сильное давление, как и на крестьянские союзы⁴¹³. Согласно более позднему докладу, молчание майского (1926 г.) пленума ЦИК ГМД по социальным вопросам толковалось беспринципными помещиками и жадными чиновниками как признак того, что ГМД утратил свою «рабоче-крестьянскую ориентацию», как директива на роспуск беспокойных крестьянских союзов⁴¹⁴. Видимо, в это же время Чэнь Дусю направил Пэн Шучжи из Шанхая в Кантон в качестве представителя ЦК КПК с просьбой передать 5000 винтовок из советских поставок в Кантон в распоряжение гуандунского крестьянского союза — возможного ядра независимой коммунистической боевой силы для укрепления коммунистов против Чан Кайши. Бородин, если это он принимал эмиссара⁴¹⁵, просто отказал. В момент начала север-

ной экспедиции передача оружия крестьянам — лояльность которых Гоминьдану была более чем сомнительная, а их постоянные требования аграрной реформы были занозой для правых в ГМД — могла бы рассматриваться Чан Кайши как недружественная акция. Бородин образно выразил свой отказ, сказав Пэн Шучжи заведшую за живое фразу, что задача коммунистов в настоящий момент — «служить кули» для Гоминьдана. Этот случай еще раз показал, насколько союз с Гоминьданом и признание северной экспедиции сковывали свободу действий КПК.

Необходимо также пояснить еще одно значительное затруднение, имевшее место, до того как началась северная экспедиция: гонконгскую забастовку. Респект забастовочного комитета и арест его членов, что было одним из последствий переворота 20 марта 1926 г., пожалуй, более недвусмысленно, чем что-либо другое, свидетельствовали о характере переворота как о повороте вправо, открывшем путь для переговоров, которых власти Гонконга долго добивались. 9 апреля 1926 г. состоялась первая встреча У, тогда исполнявшего обязанности министра иностранных дел кантонского правительства, с гонконгским официальным лицом⁴¹⁶. Переговоры еще продолжались, когда в конце мая 1926 г. У был освобожден от должности⁴¹⁷.

Точно не известно, обсуждалась ли когда-либо гонконгская забастовка в Москве⁴¹⁸. Но Бородин самым прямым и непосредственным образом поддерживал урегулирование; по его словам, «возникла необходимость положить конец сражению в данном месте, чтобы начать более напряженную борьбу с империализмом в Китае в целом, на более широкой основе»⁴¹⁹. Переговоры с Гонконгом по вопросу о забастовке продолжались все лето; забастовка была официально прекращена 10 октября 1926 г. Это был логический шаг, как подчеркивал Бородин, отказаться от второстепенной борьбы на периферии в интересах главной кампании за объединение и освобождение Китая. Соглашение с Гонконгом также было прелюдией к непредвиденному и непредполагаемому финалу — реализации честолюбивых планов Чан Кайши с согласия и при попустительстве империалистических держав.

Начавшаяся северная экспедиция ярко показала имманентную слабость КПК и беспочвенность расчетов, на которых строился союз с ГМД. Было бы трудно увязать деятельность КПК и Гоминьдана, а также совместить тактики социальной и национальной революции без вмешательства Коминтерна и Советского правительства. Однако тогда эта проблема вряд ли существовала, поскольку Гоминьдан мог бы позволить себе игнорировать КПК, если бы ее не поддерживала Москва. Даже призыв, с которым КПК обращалась к китайским рабочим или крестьянам, имел вес отчасти потому, что считался призывом Москвы и Ленина, великого освободителя. Трудность позиции КПК того времени проистекала из того, что она была неотъемлемой «третьей сущностью», иногда удобной, иногда ненужной в отношениях между Москвой и Го-

миньданом. Специфическое соглашение, согласно которому КПК существовала в ГМД и оказывала различное по своему характеру воздействие на гоминьдановскую политику, было полностью продуктом и отражением советского влияния в Кантоне. Политика КПК диктовалась этими отношениями, и, поскольку КПК была бы разорвана на части в случае разрыва этих отношений, она была вынуждена, совершенно независимо от коминтерновской дисциплины, следовать курсом, который определялся существовавшим союзом между Москвой и Кантоном. Когда после первых успехов северной экспедиции задачи национальной и социальной революции пришли в открытое столкновение, а китайская национальная буржуазия, представляемая Чан Кайши, посчитала прозападную ориентацию для себя более близкой по духу, чем ориентация на Москву, положение КПК стало безнадежным. Она стала козлом отпущения за крах политики, навязанной не столько даже диктатором Москвы, сколько в целом концепцией временного, но дружественного сотрудничества между Гоминьданом и Коминтерном, между национальной и социальной революциями. Первоначально Ленин проповедовал подобного рода сотрудничество в условиях и в странах, где социальная революция могла, по всей видимости, выполнить незавершенные задачи буржуазно-демократической революции на национальной основе. В Китае в середине 20-х годов эти условия вряд ли начали складываться.

ГЛАВА 41

ВНЕШНЯЯ МОНГОЛИЯ

Временная власть, созданная во Внешней Монголии по соглашению от 5 ноября 1921 г.¹, чем-то напоминала по своему статусу режимы, существовавшие в ту пору в Бухаре и Хорезме в Средней Азии². Присутствие советских войск обеспечивало доминирующее положение Советской власти, и на данной территории была создана Советская, хотя еще и не социалистическая, республика. Данью старинной традиции, под которую при активной советской поддержке упорно подкапывалось подрастающее поколение молодых монголов, явилось сохранение во Внешней Монголии в качестве теократического главы государства Богдо-гэгэна, хотя последний уже не обладал реальной политической властью. Но если в Бухаре и Хорезме как в прежних царских вотчинах с самого начала был взят курс на их включение в конечном счете в состав СССР, то о таком решении вопроса о Внешней Монголии, которая никогда не принадлежала русским, серьезно не думали и даже не помышляли ни царская, ни Советская Россия. Цель последней заключалась в том, чтобы создать «достаточных размеров *нейтральную зону*, гарантирующую ее от внезапных нападений с чьей бы то ни было стороны»³. Расчеты на большее были связаны с неудобствами и опасениями, так как затрагивали интересы двух крупных соседних держав — Китая и Японии. Правда, в лице Японии видели, так сказать, возможную угрозу лишь в отдаленном будущем, поскольку в то время она снизила уровень своей активности во Внешней Монголии после вынужденного ухода из Сибири в 1922 г. и землетрясения, обрушившегося на эту страну в сентябре 1923 г. Однако раздробленный и слабый Китай ничем не обозначил своего отказа от давних претензий на верховную власть над всей Монголией, как Внутренней, так и Внешней; и никто не сомневался в том, что с таким требованием может тут же выступить любой новый сильный в военном отношении режим, который сумеет утвердиться в Китае. Угрозу такого поворота событий в глазах советских руководителей увеличивали преобладание постоянных китайских жителей над русскими во Внешней Монголии, традиционные тесные связи данного региона с Китаем и исключительно важная роль, которую в то время играла торговля с Китаем в экономике Внешней Монголии. В

1922 г. по обвинениям, видимо достаточно обоснованным, в участии в замышлах китайских милитаристов были казнены Бодо и группа других руководителей нового режима⁴. Страх перед такого рода планами был в 20-е годы нашего столетия подоплекой как всей монгольской политики, так и советской политики по отношению к Монголии.

В 1923 г. была предпринята первая серьезная попытка создания во Внешней Монголии жизнеспособного современного государства. Правительство опубликовало декрет, заложивший основы местных органов власти в виде местных собраний, избравших местных чиновников и «представителей народа» в более высокие собрания (в хуралы и административные органы в багах, сомонах, хошунах и аймаках. — *Ред.*)⁵. Состоялись сотни «собраний аратов»⁶, на которых разъяснялся данный декрет и проводились выборы; при этом преследовалась цель распространить начавшийся в 1921 г. в центре процесс отстранения от власти феодалов и лам на всю периферию вплоть до отдаленных районов⁷. Однако этот эксперимент провалился из-за недостаточных организационных мер, предпринятых центром. В трех провинциях (аймаках. — *Ред.*) «почти повсеместно» избранными на руководящие должности оказались «феодалы, теократы и их приспешники»; немногим лучше прошли выборы и в остальных провинциях. Правительство аннулировало результаты этих выборов и назначило новые, желая добиться большего успеха в следующем году⁸. В апреле 1923 г. председатель Военного совета Ринчино, бурят-монгол, выполнявший ранее функции посредника между руководителями Монгольской народной партии и советскими властями, ездил в Москву с ходатайством о предоставлении оружия и о командировании советских военных инструкторов; в конце того же года началось создание современной монгольской армии⁹.

Когда осенью 1923 г. в Москве была пересмотрена советская политика в отношении Китая в свете поездок Карахана в Пекин и Бородина в Кантон, не могли выпустить из поля зрения и проблему Внешней Монголии. Задавшись целью завоевать своей стране симпатии и поддержку в Китае и добиться признания де-юре своей власти у китайского правительства, Советское правительство было вынуждено проявлять исключительную осторожность в монгольском вопросе. Переговоры между Караханом и Веллингтоном Ку (Гу Вэйцзюнем. — *Ред.*) осенью 1923 г. в Пекине сразу показали, что это болезненная проблема, уйти от обсуждения которой безуспешно пытался советский представитель¹⁰. Недаром примерно в то же время Цэрэн-Дорджи, только что назначенный премьер-министром Монголии, открыто заявлял, что «Монголия будет стремиться к достижению независимости и мы будем сражаться, если Китай и впредь не откажется от планов порабощения нашей страны»¹¹. Однако, приветствуя монгольского дипломатического представителя при вручении им 10 января

1924 г. верительных грамот, М. И. Калинин предпочел обойти молчанием спорный вопрос о независимости и говорил лишь о советской поддержке «укрепления принципа народовластия и подъема экономического благосостояния страны»¹². Вручая свои верительные грамоты после прибытия в Ургу 3 января 1924 г., новый советский представитель Васильев не без умысла заявил о том, что иногда обстоятельства вынуждают Монголию «отступать на вторую линию обороны», поскольку эта страна, подобно Советскому Союзу, окружена «реакционными государствами». В этом заявлении, похоже, содержалась попытка оправдать готовность Советского правительства к признанию на переговорах с Китаем китайского суверенитета над Внешней Монголией. Васильев сообщил о том, что Советское правительство одобряет планы создания Русско-Монгольского банка и заключения русско-монгольского соглашения об установлении телеграфного сообщения между странами. Он назвал эти меры «первыми шагами к взаимовыгодному процветанию обеих стран в будущем» и твердо заявил о том, что Советы не будут предпринимать никаких действий «без разрешения и санкций со стороны монгольского правительства»¹³. Когда через несколько дней на банкете, устроенном в честь советского дипломата, один монгольский генерал бестактно сослался на необходимость «дать вооруженный отпор агрессивным намерениям китайцев», Васильев пояснил, что Советский Союз выступает против любых мер, которые могут привести к обострению отношений между Монголией и Китаем, и «в принципе возражает против скрещивания сабель»¹⁴. В заявлении для печати Васильев выразился намного откровеннее:

«Я должен определенно сказать, что сложившиеся в настоящий момент условия не позволяют нам говорить о «независимости» или ссылаться на «независимость» Монголии; единственно, на что может рассчитывать ваша страна, так это на «автономию»... Следует учитывать реальные условия, в которых вы живете, и, приняв необходимые подготовительные меры, вы сможете при автономии... жить намного свободнее, чем при независимости»¹⁵.

Инструкции, доставленные в Ургу Васильевым, были характерными для советской политики. Советское правительство в то время соглашалось признать требование Китая о формальной высшей власти над Внешней Монголией и сосредоточивало свои усилия на создании материальных условий для обеспечения фактической независимости Монголии от Китая. В полном соответствии с этой политикой в тексте советско-китайского договора от 31 мая 1924 г. Внешняя Монголия признавалась «неотъемлемой составной частью Китайской Республики»¹⁶. Между тем 24 мая 1924 г. скончался Богдо-гэгэн¹⁷, его смерть через считанные месяцы после приезда Васильева открыла путь для полной секуляризации внешнемонгольского государства. С 1922 г. во Внешней Монголии номинально стала работать комиссия по под-

готовке проекта конституции страны. Однако в составе этой комиссии оказались некоторые «враги народа», и она не пошла дальше перевода на монгольский язык «текстов конституции различных капиталистических государств»¹⁸. Вскоре после смерти Богдо-гэгэна правительство и Центральный Комитет Монгольской народной партии постановили «перенести печать Богдо-гэгэна в здание правительства для хранения» и «ввести в стране республиканский строй без президента как главы государства, передав всю верховную власть Великому народному собранию (Хуралу) и избираемому последним правительству». Следующая статья этого декрета, имевшая как практическое, так и символическое значение, трактовала о замене религиозного календаря на светский¹⁹. Так закладывались основы современного светского государства.

За каждым проектом реформ и модернизации монгольского государства лежала суровая реальность экономической, политической и культурной отсталости практически всего населения. Внешняя Монголия представляла собой обширный массив гор и плато между Россией и Китаем. Многие участки земель здесь непригодны для занятия оседлым хозяйством, и в 20-х годах XX в. местное население состояло преимущественно из пастухов-кочевников и скотоводов, разводивших верблюдов, лошадей, крупный рогатый скот, овец и коз, а также занимавшихся побочными — пушным и лесным — промыслами. По переписи 1918 г., коренных монголов насчитывалось 542 504, кроме того, около 100 тыс. китайцев, которые занимались в основном торговлей и кустарными промыслами, и около 5 тыс. русских²⁰. Значительная часть основного богатства страны — от 20 до 25% лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз и 18% верблюдов — принадлежала горстке князей и высших лам, а также многочисленным монастырям²¹. Смотревшие за скотом пастухи-кочевники зависели от представителей местной знати и монастырей, либо считались номинально свободными людьми, нанимали скот у монастырских властей для своих нужд²². В монастырях проживало большое число служителей культа, лам (так называли и богатых сановников, и бедных прислужников в монастырях); последних нередко только духовный сан отличал от еще более бедных аратов. В 20-х годах почти половина мужского населения причислялась к ламам²³. Им отводилась важная роль в строительстве новой Монгольской Республики, поскольку они были единственной образованной или полуобразованной группой среди преимущественно безграмотного населения. Многие ламы знали тибетский язык, но не монгольский; весьма немногие светские монголы получили навык в системе административного управления ханов. Однако большинство грамотных монголов, пригодных занимать административные должности в аппарате управления Монгольской Народной Республики, были поневоле ламы или бывшие ламы, представители «подлинной интеллигенции страны»²⁴.

В этих условиях надежды на прогресс во Внешней Монголии связывались главным образом с экономическим развитием и распространением образования, которые в совокупности могли помочь преодолеть царящую отсталость; и помощь в том и другом могла оказать только Советская Россия. Засилье китайцев в Монголии влекло за собой сохранение не только примитивных форм кочевого доиндустриального хозяйства, но и власти специфического феодально-церковного порядка, который составлял основу этого хозяйства. Поэтому неудивительно, что богатые монастыри, имевшие крупные стада скота, а также проживавшие в этих монастырях и поблизости от них ламы ориентировались на зависимость от Китая и вольно или невольно становились символами и проводниками китайской власти в Монголии. Когда после 1911 г. царская Россия принялась сокрушать китайскую власть в Монголии, в глазах многих, ответственных за эту акцию, сложилось впечатление о России как о традиционном распространителе среди примитивных народов Азии азов европейской цивилизации. И никто при этом не задумывался о возможных социальных последствиях. Когда же на месте царской России появилась Советская Россия, освобождение Внешней Монголии от китайского господства стало связываться уже с осуществлением социальной революции, которая бы не только свергла китайское засилье, но и уничтожила господство феодально-церковной группы в монгольском обществе; и как таковая революция призвала в свою очередь к перестройке экономики, что нарушало бы монополию богатства и экономической власти, сосредоточенной до этого в руках указанных групп и крупных китайских торговых концернов, чьи агенты, разбросанные по всей стране, удовлетворяли примитивные потребности населения. Такова была суть революции, начавшейся с приходом во Внутреннюю Монголию Советской власти в 1921 г. и получившей официальное признание в 1924 г...

Первая задача заключалась в том, чтобы оживить деятельность Монгольской народной партии и объединить деятельность ее и Монгольского революционного союза молодежи (МРСМ), который в первые годы своего существования был авангардом и основной движущей силой революционного движения. Партия возникла в марте 1921 г., когда в Монголии была учреждена республика²⁵; а через несколько месяцев 30 молодых монголов, получивших образование за границей и порвавших с феодальными и религиозными традициями ламаизма, основали МРСМ. В воззвании от 10 августа 1921 г. они призывали молодых монгольских рабочих вступать в союз в целях создания такого общественного порядка, при котором исчезнут различия между аристократами и рабочими и «вся молодежь Монголии» найдет защиту от местных и зарубежных эксплуататоров²⁶. Известно, что до конца 1921 г. МРСМ издавал журнал и пропагандировал три основные

цели: образование, эмансипацию женщин и освобождение мужчин от пут буддизма, для чего им предлагалось срезать косички ²⁷. На съезде трудящихся Дальнего Востока в Москве в январе 1922 г. присутствовали представители как Монгольской народной партии, так и МРСМ; представители МРСМ присутствовали также на съезде молодежи Дальнего Востока, который состоялся сразу после съезда трудящихся. На этих двух форумах монголы из Внешней Монголии, похоже, входили в одну делегацию с бурят-монголами из соответствующего автономного района РСФСР ²⁸. И хотя на съезде молодежи Монгольский революционный союз молодежи, как и партия, не претендовал на то, чтобы быть коммунистическим, он заявил о своем желании вступить в Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ) ²⁹. Среди задач, поставленных перед МРСМ в резолюции съезда, значились «работа по распространению образования в широких масштабах, не только в массах молодежи, но среди монгольского населения в целом» и «кампания ликвидации неграмотности среди молодежи» ³⁰. И через год «главной задачей МРСМ» оставалась работа по распространению образования ³¹.

С начала 1922 г. МРСМ не раз называл себя «самым революционным крылом монгольского общества» ³². В непонятных конфликтах, происходивших до и сразу после отстранения от должности и казни Бодо в мае 1922 г., МРСМ занял крайне левую позицию и выступил против политики компромисса, которую приняла партия ³³. В июне — июле 1922 г., когда МРСМ объединял в своих рядах 800 членов, был проведен I съезд этого союза; на нем были приняты решения о присоединении к КИМу ³⁴, а также первая программа МРСМ. В программе говорилось о том, что члены союза берут на себя обязанность бороться не только за независимость страны от «инострannого капиталистического гнета», но и за освобождение народа от господства «феодальных классов». Здесь же провозглашалась «полная независимость МРСМ от партии как в организационном, так и в политическом смысле» ³⁵. На III конгрессе КИМа в декабре 1922 г. один из докладчиков утверждал, что «наш союз в Монголии играет такую роль, которой в КИМе не играет никакой другой союз», и что, насчитывая в своих рядах всего 1500 членов, МРСМ руководит «созидательной работой в масштабах всей страны». В резолюции конгресса МРСМ назывался «единственной организацией, которая действительно объединяет представителей рабочего класса среди монгольского населения и отстаивает их интересы» ³⁶. В июле 1923 г. руководство МРСМ на своем II съезде, видимо, не без поддержки со стороны КИМа вновь продемонстрировало свое неповиновение партии, записав в соответствующую статью программы МРСМ положение о том, что «помощь в работе партии и правительству будет оказываться союзом молодежи соответственно с обстоятельствами, то есть до тех пор, пока союз сочтет необходимым оказывать такую помощь» ³⁷. В журнале союза молодежи

отмечалось, что партия стала реакционной и что союз мог ее поддерживать и признавать «лишь до тех, пока она не стала таковой»; говорилось и о том, что постоянно игнорировалось правило, согласно которому члены союза по достижении 25-летнего возраста должны переводиться в ряды партии³⁸. В союзе молодежи была проведена чистка, в ходе которой из рядов МРСМ были исключены все представители знати, хотя и с правом обжалования данного решения и требования своего восстановления в индивидуальном порядке. Предлагалось и партии последовать примеру МРСМ³⁹. Но, несмотря на эту чистку, численность членов МРСМ к моменту созыва IV конгресса КИМа в июле 1924 г. возросла до 4 тыс. человек⁴⁰.

Между тем, увеличиваясь в численном отношении, Монгольская народная партия почти не проявляла политической активности. Она была создана в 1921 г. как партия национального освобождения. Как признавалось позднее, партия «была вынуждена вначале так проводить курс, чтобы привлечь в свои ряды лояльных представителей феодально-теократического мира ради сохранения единого национального фронта борьбы против общего врага»⁴¹. То был союз между трудящимися массами и «самыми уважаемыми и восприимчивыми антикитайскими группами среди привилегированной прослойки Монголии»⁴². В Монгольской народной партии можно было найти «на одном полюсе состоятельных лиц и даже убежденных теократов и на другом полюсе — малоимущих, а в отдельных случаях даже полупролетариев»; объединяло же эти социально разрозненные элементы лишь «наличие общего врага» (то есть китайских эксплуататоров) и «монопольное положение Народной партии, осуществляющей диктатуру»⁴³. В начальной платформе МНП, выработанной на учредительном съезде, говорилось о «прочных основах революционного социализма» как о руководящем принципе партии. Но эта фраза, похоже, была лишена веса⁴⁴. Выступая в январе 1922 г. в Москве на съезде трудящихся Дальнего Востока, представитель Монголии говорил:

«Монгольская народная партия — это не только не коммунистическая, но даже не социалистическая партия. Ее задача заключается в конечном освобождении Монголии от экономического и политического притеснения со стороны иностранных угнетателей и в освобождении народных масс от феодально-церковной эксплуатации, в создании народного правительства, развитии производительных сил страны, в народном образовании и т. д. Таким образом, по своей программе партия относится к радикально-демократическим партиям»⁴⁵.

Хотя оба главных основателя партии — Сухэ-Батор и Чойбалсан — были бедняками по своему происхождению и в стране было много недовольных знатью и ламами, партия не имела сколько-либо определенного классового характера, и ее состав от-

ражал отсталость монгольского общества. Большинство членов партии составляли в то время, очевидно, чиновники и мелкие скотовладельцы. Председатель ее Центрального Комитета Япон-Данзан был выходцем из лам ⁴⁶. В суматохе проводился II съезд партии в июне 1923 г.; Япон-Данзан отсутствовал. Хотя позднее секретарь ЦК Дамба-Дорджи, которого называли «молодым телеграфистом, прошедшим обучение в России» ⁴⁷, отрицал, что съезд был создан под его «нажимом», он, однако, признал, что «руководил» его работой. Список кандидатур в состав ЦК был составлен самими членами ЦК и безоговорочно одобрен съездом без обсуждения. Говорили, что резолюции съезда были просто составлены Дамбой, Буин-Нэмху как представителем МРСМ и Старковым как представителем КИМа ⁴⁸.

До этого времени вхождение Монгольской народной партии в Коминтерн в качестве «сочувствующей партии» служило единственной формальной ниточкой ее связи с Москвой и являлось единственным свидетельством революционного характера данной организации ⁴⁹. Однако фактически некоторое предпринималось, чтобы сделать эту связь более эффективной. Приезд Васильева в Ургу в начале 1924 г. стал сигналом к новому этапу секуляризации и модернизации монгольского социального и политического порядка. В июне того же года, в канун созыва V конгресса Коминтерна, в докладе Монгольской народной партии прозвучали совершенно новые нотки:

«Вплоть до этого времени работа и борьба нашей партии велись под знаменем борьбы против феодально-теократической системы. В текущем году в нашей работе можно заметить новый, классовый фактор. Классовая ориентация нашей партии, несомненно, вызывает сопротивление со стороны наших попутчиков, зажиточных элементов. Возможность такого сопротивления уже является зримой».

Партия запрашивала у Коминтерна «соответствующие директивы», и доклад заканчивался заявлением о том, что «Монгольская народно-революционная партия продолжит свою революционную работу по возрождению страны и, в конечном счете, обеспечит реальную поддержку развитию мировой пролетарской революции со стороны трудящихся масс Монголии, которую они будут оказывать вместе с другими угнетенными и отсталыми народами Востока». В резолюции по этому докладу V конгресс Коминтерна выразил свое удовлетворение по поводу положения дел в данной партии:

«В последнее время стало заметным укрепление в Монгольской народной партии ее левого революционного крыла, основанного на союзе рабочих и аратов из местного населения. Поэтому основная задача всех революционных элементов в Монголии заключается в поддержке этого левого крыла, чтобы обеспечить освобождение рабочих масс страны от всех остатков феодально-крепостной зависимости» ⁵⁰.

Радикальные реформы, проведенные сразу же после смерти Богдо-гэгэна, расчистили путь для утверждения новой революционной линии, что нашло свое выражение в политике как партии, так и правительства.

Важным событием в этом отношении должен был стать III съезд Монгольской народной партии в Урге 4 августа 1924 г., через 10 недель после смерти Богдо-гэгэна. По различным данным, на этом съезде присутствовали от 108 до 130 делегатов, в том числе 88 аратов, 14 человек из знати и 18 лам; 38 делегатов — образованные монголы и 17 делегатов занимали официальные посты в правительстве⁵¹. Протоколы заседаний велись на монгольском языке, однако в конечном счете они были изданы на русском языке⁵². После того как заседание съезда открыл Япон-Данзан, председатель ЦК партии, руководителем работы съезда был избран Данзан, главнокомандующий вооруженными силами и член ЦК партии. Свою краткую вступительную речь он закончил тактичным реверансом в адрес Коминтерна:

«Лучи этого Коммунистического Интернационала сравнительно рано осветили нашу Монголию. Наша партия и наша свободная Монголия существуют и успешно развиваются именно благодаря руководству Коминтерна»⁵³.

Затем съезд приветствовал от имени монгольской армии и Военного совета Ринчино, член ЦК партии, неофициальный представитель Коминтерна⁵⁴ и председатель Военного совета. Отрекомендовавшись «старым партийным рабочим», приветствие съезду от РКП(б) передал полпред Васильев. Он назвал данный съезд «самым представительным собранием в Монголии» и, подчеркнув необходимость укрепления дружбы между Советским Союзом и Монголией, заверил собравшихся в том, что, «чем сильнее станет СССР, тем сильнее станете и вы»⁵⁵. Затем делегаты съезда вышли на военный парад, в ходе которого главком и руководитель работы съезда Данзан заявил, что никогда Монголия со времен Чингисхана не располагала такой могучей армией, как в настоящее время⁵⁶. Участники съезда МНП не раз подчеркивали наличие тесных связей между партией и армией. И не случайно из 4 тыс. членов партии, организованных в 120 ячеек во время съезда, 1445 человек из 11 ячеек были в военной форме⁵⁷.

После этих демонстраций съезд занялся работой и сразу стал полем битвы противоречивых взглядов. С основным докладом по текущим делам выступил Ринчино, который напомнил съезду, что членство в Коминтерне гарантирует стране «помощь и поддержку со стороны мирового пролетариата и революционного крестьянства» и обязывает стать «подлинно революционной партией»⁵⁸. В брошюре «Перспективы монгольской революции», заранее розданной делегатам съезда, упоминались шесть пунктов радикальной программы партии, которые он теперь суммировал: 1) Внешняя Монголия находится на этапе свержения феодально-теократического порядка и замены его народным правлением;

2) на данном этапе партию поддерживают чиновники, образованные люди и низшие ламы, а также аратские массы, и партия стоит перед альтернативой выбора либо буржуазной демократии, либо советского пути к социализму; существованию партии угрожает раскол, поэтому нужно принять решительные меры, чтобы чиновники и ламы могли играть только «второстепенную роль»; 3) слабость партии заключается в отсутствии пролетариата; необходимо создавать национальную промышленность, хотя в обозримом будущем следует пренебрегать организацией кустарей и ремесленников; 4) особенно важна политическая работа в армии; 5) следует предотвратить рост частного капитализма, поставив экономическое развитие страны на рельсы «государственно-кооперативной торговли и промышленности: при этих условиях наша национальная буржуазия, которая находится в зачаточном состоянии, окончательно исчезнет, а доступ в нашу страну для иностранного капитала будет закрыт»; 6) партия должна продолжать осуществлять диктатуру от имени масс аратов; следует запретить создание новых партий, даже так называемых левых⁵⁹.

Документы съезда проливают некоторый свет на дальнейшее. Массы делегатов имели небольшое представление, или совсем никакого, по обсуждавшимся вопросам. Ринчино уже пожаловался на отсутствие «принципиальных дискуссий»⁶⁰. Спонтанный всплеск эмоций мог бы вызвать лишь вопрос о положении лам, которые еще сохраняли власть в местных правительствах и были свободны от воинской и других повинностей⁶¹. В то же время среди руководства вскоре возникли острые разногласия. В докладе секретаря ЦК Дамбы, который явно хотел прослыть радикалом и поборником прогресса, содержалась острая критика obstructionизма председателя ЦК Япон-Данзана; последнего поддерживал главком Данзан. Позднее Дамба вновь схлестнулся с Япон-Данзаном по вопросу о чистке партии, проведения которой требовал Дамба, поддержанный Ринчино⁶². Вскоре стало ясно, что точки зрения главкома Данзана и Ринчино разошлись. Когда Данзан высказался против предложения подтвердить резолюцию предшествующего съезда партии об укреплении дружбы с РКП(б) и Советским Союзом, охарактеризовав его как ненужное угодничество, Ринчино резко возразил Данзану, и между ними вспыхнула перепалка. «Нам нет нужды проходить через все ступени развития капитализма, — разъяснял далее свою мысль Ринчино, — будет лучше сразу перейти к советскому порядку». Но стоило ему заговорить о переходе к социализму и об ограничении частной собственности, как Данзан поспешил возразить, что данное предложение «не имеет практического значения». Когда Ринчино сказал, что «для полного уничтожения феодальной системы» нужно ликвидировать власть знати в местном правительстве, Данзан тут же спросил, есть ли необходимость «специально заниматься уничтожением того, что гибнет само по себе», и добавил, что, по его мнению, нужно делать нечто значительно более важное⁶³.

Отсутствовало единство среди членов ЦК партии по второстепенному вопросу — о разделе владений Богдо-гэгэна. Правые, включая Цэрэн-Дорджи и Амора, настаивали на передаче владений в распоряжение церковных властей; левые хотели конфисковать их в пользу государства. Компромиссное решение предложил Чойбалсан; оно и было принято делегатами съезда: владения Богдо-гэгэна делились на три равные части, из них одна отдавалась на религиозные потребности, одна — образования и одна — здравоохранения⁶⁴.

Все возрастающая на съезде напряженность стала распространяться и на деликатные отношения партии с ревсомолом⁶⁵. Поддержав предложение Дамбы о проведении чистки в партии, член ЦК ревсомола Гомбоджап, бывший, как и Ринчино, бурят, гордо напомнил делегатам съезда о том, что Монгольский ревсомол провел такую чистку еще в прошлом году⁶⁶. Только что вернувшийся из Москвы с IV конгресса КИМа и, видимо, научившийся там соблюдать элементарную осторожность, председатель ЦК МРСМ Буин-Нэмху⁶⁷ передал приветствие ревсомола делегатам съезда партии. Союз и партия, сказал он, — «единая организация с единой задачей и единой целью»⁶⁸. В Урге на демонстрации в знак этого единства Буин-Нэмху еще раз назвал ревсомольцев «сыновьями и младшими братьями» партии, но подчеркнул, что решение, принятое теперь партией с целью превратить ее в подлинно революционную организацию, было принято ревсомолом на год раньше⁶⁹. Что происходило за кулисами — не ясно. Однако укоренившаяся среди руководителей ревсомола неприязнь к руководителям партии и особенно к Ринчино⁷⁰, неожиданно побудила некоторых из них к поиску общей платформы с Данзаном; и Баваасан, член ЦК ревсомола и секретарь монгольского Совнаркома, открыто поддержал Данзана, выступившего на съезде против предложения Ринчино об ограничении власти знати в местном правительстве⁷¹. Перед 18-м заседанием съезда МНП⁷² вспыхнул конфликт между столичной организацией ревсомола в Урге, в которой состоял на учебе Баваасан, и ЦК МРСМ. Столичная организация по надуманному обвинению обратилась в политическую полицию (монгольский аналог ОГПУ⁷³) с запросом об аресте Баваасана. ЦК МРСМ выразил протест против этой несогласованной акции и объявил о роспуске ургинской организации ревсомола. Однако единственным результатом этого акта неповиновения стал арест Буин-Нэмху и еще двух членов ЦК МРСМ⁷⁴.

Тут уж испугался Данзан, справедливо расценив этот арест как угрозу собственному положению в партии. Его ждали добрых три часа после того, как пришло время открывать 18-е заседание съезда, но он появился лишь для того, чтобы объявить, что заседания съезда в этот день не состоится и что, поскольку среди делегатов съезда ведется «вредная агитация», он предпочитает находиться там, где находится армия. После этого Данзан ушел

из зала, заседаний, а затем прислал записку, в которой оправдывал свое отсутствие тем, что на съезде и так есть представители армии. Уход Данзана взволновал многих делегатов съезда и поверг их в смятение. Дамба, поддержанный большой группой, объявил протест против подобного высокомерия и предложил продолжать заседание съезда. Послали за полпредом Васильевым, но ответа не получили, и тогда Ринчино, чтобы не обострять обстановку, предложил перенести заседание съезда на следующий день. Однако воинствующая фракция ревсомола настояла на том, чтобы продолжить заседание съезда, и тогда был зачитан доклад, в котором осуждались действия Баваасана и Буин-Нэмху. Здесь заседание съезда было вновь прервано, и к Данзану направили трех эмиссаров с предложением вернуться в зал заседаний. Тот их вежливо принял и на этот раз объяснил свое нежелание вернуться в зал заседаний тем, что несанкционированный арест Баваасана делает неправомерным сам съезд. С возвращением эмиссаров в кулуарах съезда распространился слух о том, что Данзан — изменник и что его следует арестовать. И когда Цэрэн-Дорджи как председатель Совнаркома пытался разрядить обстановку. Ринчино заявил, что ждать больше нельзя, и обрушился с резкой критикой на Данзана. Он утверждал, что бессилие партии является результатом деятельности Данзана, и обвинил его в том, что он «встал на путь измены идеям нашей партии, встал на путь разложения партии и на путь подрыва ее революционной и государственной работы». Он обвинил Данзана также в «тесном сотрудничестве с китайскими ростовщиками» и в различных формах финансовых и торговых махинаций. Попутно Ринчино вспомнил, как однажды Данзан назвал его «русским смутьяном, контрреволюционером и диктатором» и жаловался на то, что «Ринчино садится на мою голову». Соответственно Ринчино предложил делегатам съезда выбор: «либо идти вслед за Данзаном направо, скатываясь в темную бездну народной нищеты, бесчестия и национального краха, либо повернуть налево и выбраться к свободе и свету подлинно народных прав». И в заключение, как бы вспомнив слишком поздно, Ринчино сообщил собравшимся, что Данзан якобы договорился с китайскими властями начать переговоры о воссоединении Монголии и Китая, и, окончательно дискредитируя последнего, сравнил его с китайскими милитаристами Чжан Цзолинем, У Пэйфу и Цао Кунем.

Речь Ринчино сделала свое дело. Единодушно было принято решение об аресте Данзана, на что была получена санкция Цэрэн-Дорджи, и шефу политической полиции был вручен приказ об аресте. Тут в президиуме съезда появился Васильев, который, выступая не в качестве полпреда, а в качестве «старого революционера», назвал Данзана «капитаном, покидающим свой корабль в штормовую погоду», и поздравил молодых делегатов съезда с «достойным завершением» того, что произошло. Чойбалсан смеялся над Данзаном на посту главнокомандующего вооруженными сила-

ми, а Нацагдорж сменил Баваасана на посту секретаря Совнаркома. Примечательно, что оба были видными членами ревсомола. Съезд продолжал заседать до часу ночи, когда вернулся шеф политической полиции с докладом об аресте Данзана⁷⁵.

На остальных заседаниях съезда доделывалась начатая ранее работа. На следующем вечернем заседании, по-видимому, следующей ночью, когда присутствовали также представители правительства, новый руководитель работы съезда ознакомил делегатов с предварительным обвинением в адрес Данзана, в котором насчитывалось 12 пунктов и которое базировалось на фактах, взятых из речи Ринчино. Ринчино выступил с еще одной речью, посвященной в основном соучастию Данзана в китайских аферах; тут же была создана чрезвычайная комиссия, уполномоченная «расследовать дело в целом, определить меру наказания и провести ее в жизнь»⁷⁶. 30 августа 1924 г. Данзан и Баваасан были казнены, а Бунн-Нэмху и еще два члена ЦК МРСМ были приговорены к месячному сроку тюремного заключения. Эти решения были объявлены на заключительном заседании съезда партии 31 августа 1924 г. Итоги этого съезда как бы подвел полпред Васильев в виде следующей морали:

«Не нужно бояться того, что произошло. Такое случалось не только в Монголии, но и в России. Вы действовали абсолютно правильно... Думаю, что ваши действия окажутся полезными и помогут укрепить союз между Монголией и Советским Союзом»⁷⁷.

Казнь Данзана продолжила процесс, начало которому положила два с половиной года назад казнь Бодо. Политическую революцию должна была завершать социальная революция. Власть, которая находилась прежде в руках монгольской знати в условиях бывшего китайского суверенитета, не могла перейти к мелкой монгольской интеллигенции — к ламам, чиновникам (в основном бывшим ламам) и к торговцам, поскольку эти люди с известным усилием могли подняться лишь до уровня буржуазно-демократических порядков. Власть могла перейти к новым группам, претендующим на то, чтобы отстаивать интересы рабочих и аратов, и способным при содействии русских (с определенной натяжкой) выступать в роли поборников социалистической революции. Позднее Данзана представляли как «выразителя интересов тех капиталистических элементов, которые возникли в Монголии в связи с освобождением частного скотоводческого хозяйства от крепостничества», и апологета «нарастающей национальной буржуазии»⁷⁸. Изменила свое название и Монгольская народная партия, видимо, сразу после съезда она стала Монгольской народно-революционной партией⁷⁹. Хотя слово «социалистическая» официально не применялось, социализм стал теперь общепризнанной целью. На съезде было решено, что стране не следует «еще раз повторять путь, ранее пройденный другими народами мира, — путь мучительного капиталистического гнета»⁸⁰. Внешняя Монголия, таким образом, заняла место среди стран, которые хо-

тели избежать стадии промышленного капитализма и совершить прямой переход от докапиталистического общества непосредственно к советскому, и следовательно, социалистическому обществу. Однако, согласно принятому учению, совершить такой переход можно было, только опираясь на помощь «победоносного революционного пролетариата» более развитой страны⁸¹. Поиск социализма в монгольских условиях означал лишь дальнейшее усиление безоговорочной опоры на советское руководство и советскую помощь. Эти изменения и были ключевым моментом переломного III съезда МНРП в августе 1924 г.⁸² Вместе с тем следует отметить, что казнь Баваасана и падение Буин-Нэмху положили конец борьбе между партией и союзом молодежи. После того как в партии был осуществлен поворот влево и она стала проводить революционный курс, отпал вопрос о независимом ревсомоле, стоящем левее партии и ведущем агитацию против нее, и мог поддерживаться обычный характер отношений между партией и ревсомолом. Через две недели после окончания III съезда партии, 14 сентября 1924 г., был созван III съезд МРСМ. Приветственные речи на этом съезде молодежи произнесли Старков, Васильев и другие; Ринчино в своей речи, встреченной громкими аплодисментами, заявил, что если прежде партия и ревсомол работали порознь и подчас конфликтуя между собой, то теперь настало время объединить их в «единый мощный поток»⁸³.

Осуществление нового курса, выработанного на III съезде партии, следовало подкрепить конкретными действиями правительства в области политики и экономики. И нового фиаско с выборами в местные органы власти, вроде того, что случилось в 1923 г.⁸⁴, удалось избежать. Благодаря соответствующей «инструкции», данной специально обученным членам партии, выборы 1924 г. почти повсеместно⁸⁵ прошли «весьма успешно» — из состава местных органов власти удалось исключить 90% «представителей состоятельной знати». Это подготовило почву для созыва собраний аратов в провинциях, которые, по аналогии с иерархической пирамидой Советов, были должны направить своих представителей в Великий хурал — верховное собрание Монгольской Республики⁸⁶. 19 сентября 1924 г. было издано положение о Великом хурале⁸⁷; 8—28 ноября того же года состоялась его 1-я сессия. Из 77 депутатов Великого хурала, избранных на собраниях низших ступеней, только 6 депутатов были представителями знати, 71 депутат — из аратов. Среди депутатов были 9 лам, 13 беспартийных представителей; остальные являлись либо членами партии, либо членами ревсомола⁸⁸. Список почетных председателей 1-й сессии Великого хурала красноречиво свидетельствовал о патронаже данного собрания. В этом списке значились Зиновьев, Калинин, Чичерин, полпред Васильев, Рыскулов, председатель Совнаркома Бурят-Монгольской республики Ербанов и секретарь ЦК МНРП Дамба-Дорджи. На 1-й сессии Великого хурала видную роль играли

Рыскулов, прибывший в Ургу в октябре 1924 г. в качестве представителя Коминтерна⁸⁹, и Ринчино, которые сообща помогали депутатам набираться опыта и избавляться от робости. Оба этих деятеля одинаково выступали в поддержку сторонников поворота влево в общественной жизни Монголии. Ввиду отсутствия Васильева приветствия хуралу от народа и правительства Советского Союза⁹⁰ зачитал поверенный в делах СССР в Монголии Юдин, который, однако, не принимал никакого участия в дальнейшей работе сессии.

Основной вопрос конституции был решен еще до созыва сессии актом провозглашения республики после смерти Богдо-гэгэна, и он не доставил серьезных хлопот. Выступая на Великом хурале по поручению правительства, Цэрэн-Дорджи поставил на обсуждение проект конституции, созданный уже не по капиталистическому, а по советскому образцу⁹¹. В введении подтверждалось и полностью воспроизводилось решение об установлении в стране республиканского строя после смерти Богдо-гэгэна⁹². Далее шла Декларация прав трудящегося народа Монголии. Построенная в основном по образцу Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятие которой предшествовало принятию первой Конституции РСФСР, монгольская Декларация была более пространной и включала в свой текст те же «общие положения», что входили во вторую часть конституции⁹³. Великий хурал объявлялся органом, через который «народ осуществляет свою верховную власть»; здесь же говорилось о том, что главная цель республики заключается в «уничтожении остатков феодально-теократического порядка и укреплении основ нового республиканского порядка на базе полной демократизации государственного административного аппарата». В следующей статье конституции, посвященной отношениям республики с другими странами, косвенно указывался путь окончательного перехода к социализму:

«Учитывая, что трудящиеся всего мира стремятся к коренному уничтожению капитализма и к достижению социализма (коммунизма), Народная республика трудящихся должна проводить свою внешнюю политику в соответствии с интересами и фундаментальными задачами угнетенных масс народов и революционных трудящихся всего мира».

И если в статьях, посвященных политике, трактовались такие буржуазно-демократические принципы, как свобода религии и отделение церкви от государства, свобода собраний и свободное всеобщее образование, то в статьях, посвященных экономике, земля и все природные ресурсы передавались в «собственность всего народа», выражалось стремление «сосредоточить в руках государства единую экономическую политику страны и ввести государственную монополию внешней торговли». Далее отменялись все титулы и лишались гражданских прав все те, кто прежде обладал таковыми, вместе с ламами, проживавшими в монастырях (в отличие от тех, кто вел светскую жизнь), а также с теми, кто жил

за счет эксплуатации чужого труда. Затем в конституции говорилось о том, что Великий хурал проводит свои сессии ежегодно и что в перерыве между сессиями его функции выполняет Малый хурал. Вся система местного самоуправления с его провинциальными, окружными, районными и сельскими собраниями (хуралами), по существу, была скопирована с советской модели.

При обсуждении конституции депутаты Великого хурала обращали внимание главным образом на уточнение второстепенных деталей, хотя кое-кто из депутатов и поднимал вопросы о «необходимости и целесообразности объявления земли и лесов собственностью всего народа». На все сравнительно важные вопросы отвечал не Цэрэн-Дорджи, а Ринчино или Рыскулов, которые выступали как основные авторы конституции и ее вдохновители. Острый интерес проявили депутаты при обсуждении предложения о переименовании столицы государства Урги. В конечном счете было решено назвать столицу Улан-Батор-Хото (Город Красного Героя), или сокращенно Улан-Батор. «Подавляющее большинство» согласилось с переходом на «европейский» календарь с 1 января 1925 г. И только конституция была принята единодушно⁹⁴.

На сессии Великого хурала был избран Малый хурал из 30 человек, которые в свою очередь по поручению Великого хурала избрали президиум из 5 человек и 12 членов правительства. Цэрэн-Дорджи остался премьер-министром, а Чойбалсан — главнокомандующим армией⁹⁵. В знак одобрения конституции Цэрэн-Дорджи и другие ведущие министры и чиновники официально отреклись от своих княжеских титулов. Некоторые высокопоставленные правительственные чиновники отрезали косички, а многие ламы отказались от своих титулов и привилегий и стали подавать заявления о приеме в партию⁹⁶. Другим симптомом консолидации нового общественного порядка стал обмен нотами между правительствами СССР и Монголии в январе 1925 г. о выводе советских войск из Внешней Монголии, что завершило процесс, начало которому было положено в августе 1922 г.⁹⁷ Данный шаг свидетельствовал как о желании Внешней Монголии и впредь получать советскую помощь и опеку, так и о том, что Монголия избавилась от сколько-нибудь серьезной военной угрозы с чьей то ни было стороны⁹⁸.

Зимой 1924/25 г. руководители МНРП были заняты укреплением побед, одержанных на III съезде партии и на 1-й сессии Великого хурала. В соответствии с инструкцией ЦК партии от 10 января 1925 г. началась чистка рядов партии от всякого рода «чуждых и реакционных элементов». Чистка проводилась в целях улучшения качественного состава партии путем привлечения в ее ряды бедняков и середняков-аратов, а также рабочих кустарных предприятий и исключения из ее рядов бывших участников белогвардейских банд, чиновников старого строя, бывших помещиков, спекулянтов и карьеристов⁹⁹. Из 5500 членов партии 1700 были исключены из ее рядов, а 650 переведены из членов в кандидаты;

в результате численность МНРП к моменту созыва IV съезда партии в сентябре 1925 г. сократилась до 3200 человек¹⁰⁰. Благодаря чистке партия впервые стала «подлинно аратской по своему составу» и подошла «ближе к осуществлению классового принципа»¹⁰¹. Пленум ЦК МНРП, созванный 7 марта 1925 г., занимался в основном составлением проекта программы партии и выработкой партийного устава. Программа состояла из трех глав: в первой говорилось о развитии капитализма и необходимости революционной борьбы против империализма; вторая была посвящена колониальной политике империализма; в третьей рассматривались вопросы практической работы партии. Здесь же заявлялось о решимости монгольского народа «ориентироваться на Коминтерн и на СССР как на единственные революционные центры, которые действительно приходят на помощь угнетенным народам Востока»; здесь же осуждались «китайская буржуазия и китайские ростовщики». В специальной статье осуждалось «панмонгольское движение», возникшее в 1919 г. при поддержке японского империализма в целях прикрытия аннексионистских планов последнего. Однако такое осуждение не помешало составителям проекта программы МНРП упомянуть в тексте о «других монгольских племенах», которые, «находясь за границами республики, страдают от невыносимого гнета китайских колониальных властей и ростовщического капитала», а также заявить о поддержке борьбы этих племен за свое освобождение от иностранного гнета и собственных «помещиков и теократов». В идеологическом плане эта программа готовила почву для перехода к социализму, требуя, чтобы партия воспитывала своих членов «в духе марксистского мировоззрения»¹⁰². Программа была предварительно одобрена комитетом до ее представления ИККИ и низшими партийными органами до рассмотрения ее на следующем съезде партии и окончательного утверждения на нем. Сразу же после пленума ЦК МНРП, 3 апреля 1925 г., был созван пленум ЦК МРСМ. Члены нового ЦК МРСМ, избранные в состав этого органа на съезде ревсомола в сентябре 1924 г.¹⁰³, осудили своих предшественников за «многочисленные ошибки»; однако прежним руководителям МРСМ в вину было поставлено лишь то, что они были «слишком субъективно преданы интересам монгольского рабочего класса»; на пленуме была принята программа ревсомола, определяющая отношения между союзом молодежи и партией¹⁰⁴. Сравнительно мягкие формулировки резолюции пленума МРСМ позволяют предположить, что в ревсомоле было труднее справиться с оппозицией, чем в партии.

Следующим шагом в том же направлении стала попытка заложить основы профсоюзного движения в Монголии. На 1-й сессии Великого хурала было принято решение о создании Союза трудящихся аратов. Внося данное предложение, Дамба-Дорджи указал, что свобода и членство в МНРП останутся «пустыми звуками», если не будет сделано ничего для улучшения материального положения масс. Перед этим союзом ставились, однако, не

только сугубо экономические, но и культурные и политические цели: «объединить массы нашего народа, развивать просвещение, пробуждать независимость». Все это предполагалось достигнуть, «преодолевая изоляцию аратов». «Только организованный арат будет способен помочь себе, помочь государству, помочь партии»¹⁰⁵. Ринчино говорил о необходимости укрепления «каналов» связи партии и государственной машины с рабочими массами. В то время существовали четыре таких канала — партийные органы, ревсомол, кооперативы и органы местного самоуправления; теперь к ним предлагалось добавить пятый — профсоюзы, которые могли заниматься «повседневными задачами, улучшением условий жизни и т. д.» и могли оказаться особенно полезными в укреплении контактов с беспартийными массами¹⁰⁶. Об этом и говорила резолюция, принятая на 1-й сессии Великого хурала. В ней, в частности, указывалось, что Союз трудящихся аратов должен стать «полупрофессиональной организацией, преследующей в первую очередь цель защиты хозяйственно-культурных интересов всего союза и отдельных его членов, а также цель организованного участия в деле государственного строительства, всемерного содействия мероприятиям власти и защиты интересов прежде всего общегосударственных». В этой же резолюции говорилось о необходимости уделить серьезное внимание «профсоюзному движению и объединению в профессиональные союзы рабочих промышленных предприятий и артелей»¹⁰⁷. Вскоре после 1-й сессии Великого хурала появилось сообщение о том, что Союз трудящихся аратов создан для «защиты членов этого союза и привлечения их к участию в государственном строительстве»¹⁰⁸. 17—18 июля 1925 г. состоялась первая конференция профсоюза промышленных рабочих¹⁰⁹. К сожалению, в самом акте созыва этой конференции нашла свое отражение слабость монгольского пролетариата — на протяжении нескольких лет большинство в профессиональных союзах составляли китайцы¹¹⁰.

Когда 23 сентября 1925 г., спустя год с лишним после III съезда, в Улан-Баторе был созван IV съезд МНРП, атмосфера кризиса в партии сменилась рутинной. Выступая в качестве представителя Коминтерна, Амагаев указал, что впервые на этом партийном форуме присутствует представитель Коминтерна. Приветствуя съезд от имени РКП(б), полпред Никифоров сделал упор на связях МНРП с Коминтерном и международным революционным движением, а также почтил память Сухэ-Батора¹¹¹. Характерно, что во всех этих речах особое внимание уделялось национально-освободительному движению в странах Востока — в Китае, Индии и даже в Марокко. По-новому заговорили и о Внешней Монголии:

«Мировые империалисты боятся, как бы угнетенные народы Востока не пошли по пути Монголии, и понимают значение курса Советского Союза на поддержку национально-освободительного движения на Востоке»¹¹².

На IV съезде МНРП внимание делегатов было приковано в основном к двум взаимосвязанным темам: необходимости воспитывать подготовленных и грамотных партийных работников и необходимости улучшить работу местной администрации. На заседаниях съезда много лестного было сказано о преодолении уклонов, имевших место в прошлом, и о новом курсе, выработанном на III съезде. Председатель ЦК партии Дамба-Дорджи, цитируя одну из резолюций III съезда, призывал членов партии и ревсомола изучать марксизм, поскольку усвоение этого учения является «необходимым и своевременным делом»; в июне 1925 г. открылась центральная партийная школа, в которой поначалу приступили к учебе 100 студентов¹¹³. Однако данная программа была явно претенциозной. Возобновилась чистка, поскольку, по признанию Дамба-Дорджи, у «большинства членов партии, за редким исключением, отмечался исключительно низкий уровень политической подготовки». При этом Дамба-Дорджи отнюдь не призывал всех трудящихся аратов к углубленному изучению теории марксизма; его значительно более скромные требования сводились к тому, что «поголовно все члены партии, которые держат в своих руках штурвал государственной власти, должны быть, как минимум, грамотными». И в резолюции, принятой по докладу на съезде, содержалось решение «принять решительные меры к ликвидации элементарной безграмотности среди членов партии»¹¹⁴. Дурную славу обрела в те годы беспомощность партии в отдельных провинциях. По признанию главы правительства Цэрэн-Дорджи, решения, принятые на 1-й сессии Великого хурала, «не проводились в жизнь на местах». В специальной резолюции по работе в сельских районах содержалось требование «укреплять местные партийные организации»¹¹⁵. Амагаев возложил вину за беспомощность партии на периферии на министерство внутренних дел, которое «не пыталось руководить работой местных органов власти, не давало им указаний, не поддерживало с ними живых контактов и не посылало на периферию своих инструкторов»¹¹⁶. Два первых раздела программы, временно принятой ЦК партии в марте 1924 г.¹¹⁷, подверглись критике со стороны Коминтерна, и теперь было решено отложить до следующего съезда партии дальнейшее рассмотрение и принятие программы¹¹⁸. Вместе с тем предпринимались попытки создания отлаженного партийного механизма. Через считанные недели после съезда было объявлено, что в ЦК МНРП удалось создать три отдела: организационный отдел, отдел агитации и пропаганды, который занимался «ликвидацией технической и политической безграмотности», и отдел по работе среди женщин¹¹⁹.

Вскоре после IV съезда МНРП, 17 октября 1925 г., был создан IV съезд ревсомола. Выступая на церемонии его открытия по поручению ЦК партии, Джа-Дамба утверждал, что союзу молодежи удалось преодолеть «правый уклон» и восстановить нормальные отношения с партией. От имени РКП(б) съезд приветст-

вовал полпред Никифоров; с аналогичными приветствиями от имени Коминтерна и КИМа выступили Амагаев и Нацов. Нацов вспомнил о старых традициях ревсомола, назвал в качестве одной из функций последнего «борьбу с панмонгольскими и духовно-реакционными тенденциями»¹²⁰. Похоже, что в центре внимания делегатов съезда оказался вопрос об условиях приема в члены союза. Никто открыто не оспаривал тезис о том, что ядро союза молодежи должны составлять араты-бедняки. Однако предложение экстремистского толка об исключении из ревсомола бывших лам, представителей знати и зажиточных элементов не было принято; от подобных лиц потребовали лишь рекомендации от двух знающих их членов ревсомола, а также установили для них годичный испытательный срок, после чего их принимали в члены МРСМ. Делегатов съезда ревсомола ознакомили с проектом программы, которую также решили обсудить и утвердить на следующем съезде МРСМ¹²¹. Исчезло имевшее место в прошлом презрение к субординации, и оказались восстановленными нормальные и бесконфликтные отношения между ревсомолом и партией¹²². Старые обиды канули в Лету в 1926 г., когда 2000 членов МРСМ вышли из ревсомола по возрасту, причем многие из них вступили в МНРП; тем самым ревсомол оправдал свою роль поставщика новых кадров для партии¹²³. В то же время продолжал расти и сам ревсомол: к началу 1928 г. в его рядах насчитывалось 6980 членов, из которых 6690 были аратами, из них 6053 — аратами-бедняками; из последних лишь 932 человека была вполне грамотными¹²⁴.

И если после III съезда МНРП всякому непредвзятому наблюдателю могло показаться, что в Монголии наконец удалось создать упорядоченную структуру партийного и государственного аппарата, то уже на 1-й сессии Великого хурала во второй половине 1924 г. иллюзорность подобных предположений стала в некоторой степени очевидной. Прежде всего в Монголии не удалось хотя бы формально отделить партию от государства, хотя в Советской России это было сделано уже на раннем этапе ее истории. На данной сессии Великого хурала, по существу, обсуждались те же проблемы общественной жизни, что и на съезде МНРП в августе 1924 г.; протоколы заседаний Великого хурала публиковались за подписью председателя ЦК партии; в этих протоколах указывалось, что партия, союз молодежи и народная армия суть три опоры, без которых не сможет существовать монгольское государство¹²⁵. Раздутые штаты государственного и партийного аппарата, созданные по советским моделям, маскировали острую нехватку людей, способных занимать ответственные посты. Как признавали сами монголы, «в стране было весьма мало хорошо обученных армейских офицеров, их было крайне трудно подготовить, и этого никто не смог бы сделать в короткие сроки». Главной целью, которую ставило перед собой политическое управ-

ление армии, являлась ликвидация безграмотности среди лиц, призванных на военную службу, и большинство солдат после трех лет пребывания в армии возвращались домой уже грамотными¹²⁶. Крайнюю нехватку подготовленных кадров в стране характеризовал высокий процент безграмотных даже среди партийных руководителей¹²⁷. В конце 1924 г. в только что созданном министерстве юстиции служили всего 9 чиновников, 2 переводчика, толмач и 12 клерков; в штатах администрации города Урги значились всего 12 служащих¹²⁸. В стране практически отсутствовали подготовленные специалисты. Многие важные посты в государстве на правах своеобразных контролеров занимали русские советники¹²⁹. Вакансии рядовых административных работников были заполнены либо бывшими ламами, не всегда лояльными по отношению к режиму, но представлявшими единственную грамотную прослойку населения (они, вероятно, и составляли большинство чиновников того времени)¹³⁰, либо иммигрировавшими бурят-монголами.

Буряты, несмотря на свое монгольское происхождение и общий язык, при русских утратили кочевой образ жизни, отказались от религиозных одежд монгольского общества и частично обрусели. После провозглашения автономии Монголии под эгидой России в 1911 г. они стали крупными группами переселяться во Внешнюю Монголию, где благодаря своим лингвистическим познаниям стали занимать более или менее ответственные посты в административном аппарате; многие из них были ремесленниками и квалифицированными рабочими. Вот что писал об отношении к ним в стране один русский обозреватель:

«Монголы чувствуют культурное превосходство бурят, сознают, что не могут без них обойтись, но не любят бурят, считая их как бы изменниками историческим «заветам» монгольского племени, попавшим под власть чужеземных влияний»¹³¹.

Когда Советская Россия решила создать во Внешней Монголии современное государство, исключительную ценность для нее стала представлять бурятская интеллигенция, обученная в России и говорящая по-монгольски, и буряты-интеллигенты вскоре стали пользоваться большим влиянием. С 1922 г. во Внешней Монголии началось создание местных бурятских округов, где проживали в основном или исключительно буряты. К 1924 г. 4360 бурятских семей, объединявших 16 093 человека, попросили предоставить им монгольское гражданство¹³². На следующий год министерство иностранных дел ходатайствовало перед министерством внутренних дел о выделении этим семьям соответствующих земельных участков¹³³. Точных сведений о количестве бурят, занявших в те годы официальные посты в партии и государстве, достать не удалось, поскольку таких подсчетов не производилось, однако их, бесспорно, было много. Бурятом был Ринчино, едва не названный делегатом Коминтерна на III съезде Монгольской народной партии в августе 1924 г. и бывший одним из авторов конституции Монгольской Республики¹³⁴. Председателем ЦИК Бурят-Мон-

гольской автономной республики был другой «москвич» — Амагаев, впервые посетивший Ургу в этом качестве в мае 1924 г.¹³⁵ Всего через шесть месяцев явно с советского благословения он был избран в состав Малого хурала Монгольской Республики¹³⁶ и стал руководителем только что созданного Экономического совета¹³⁷. В сентябре 1925 г. он был делегатом Коминтерна на IV съезде МНРП¹³⁸. Летом того же года по соглашению с Советским правительством было принято решение о наборе бурят-монголов в монгольскую армию¹³⁹.

Так с помощью русских советников и путем заполнения вакансий ламами и бурятами постепенно создавалась собственно монгольская бюрократия, и, конечно, наблюдался определенный прогресс в различных сферах управления. Но нередко он был трудным и медленным, и его оказывалось трудным обнаружить из-за фрагментарности записей. Введение высшего образования, ранее не существовавшего в Монголии, датируется 1923 г., когда в Урге были созданы первая средняя школа и Монгольский народный университет¹⁴⁰. На следующий год один из отделов министерства внутренних дел, который занимался вопросами образования, был преобразован в министерство просвещения¹⁴¹; в 1925 г. Малый хурал ввел специальный налог на собственность, им обкладывались владельцы скота с целью финансирования просвещения¹⁴². Однако и в 1926 г. республика располагала всего одним университетом, одной средней и 13 начальными школами, помимо нескольких специальных, или краткосрочных, школ. Сообщалось также, что примерно 100 юных монголов получают образование в Москве, Ленинграде и Верхнеудинске и что еще несколько десятков монголов отправлены для получения специального образования во Францию, Германию и Советский Союз¹⁴³.

Самыми отсталыми и примитивными отраслями управления являлись юстиция и здравоохранение. Указом 1923 г. было запрещено применение пыток в процессе судопроизводства, а до тех пор пытки, в основном в форме разного рода избиений, регулярно применялись по отношению к обвиняемым, свидетелям и даже порой к истцам¹⁴⁴. Однако случаи применения пыток отмечались и позднее. На IV съезде МНРП, в сентябре 1925 г., Амагаев подчеркивал, что министерство юстиции за весь прошлый год ничего не сделало для проведения судебных реформ, что до сих пор применяются «устаревшие маньчжурские законы и давно запрещенные пытки» и что до сих пор в стране не удалось создать народных судов или опубликовать «революционные законы»¹⁴⁵. Нередко публиковались сообщения об ужасных условиях, в которых, похоже, содержалась единственная тюрьма в Улан-Баторе¹⁴⁶. В феврале 1926 г. мелькнуло сообщение о лотерее, сбор средств от которой власти намеревались передать тюремному комитету при министерстве юстиции с целью оказания ему помощи в обеспечении ухода за заключенными¹⁴⁷.

Еще медленнее развивалась служба здравоохранения, поскольку

ку европейская медицина здесь столкнулась с традиционной тибетской медициной. На III съезде партии, в августе 1924 г., делегаты с удивлением и восхищением заслушали доклад о «чудесах европейской медицины»¹⁴⁸. Во главу угла на первых порах служба здравоохранения поставила заботу о здоровье новобранцев в армии, где были широко распространены венерические болезни. В 1924 г. один русский врач основал военный госпиталь в Урге, в котором лечили и бедняков, не имевших отношения к армии; тогда же была создана государственная аптека¹⁴⁹. Однако министерство внутренних дел в то время еще отказывалось нести ответственность за организацию здравоохранения, ссылаясь на то, что за это должно отвечать военное министерство¹⁵⁰. В начале 1925 г. властью Великого хурала был закрыт «тибетский лазарет», и в одной из газет поместили объявление о том, что отныне в основе всей работы по здравоохранению будет лежать «европейская медицина»¹⁵¹. В сентябре 1923 г. в Урге «с помощью СССР» была учреждена ветеринарная служба, жизненно необходимая в скотоводческой стране; тогда же были созданы ветеринарные пункты в провинциальных центрах, стали функционировать и ветеринарные курсы¹⁵². На следующий год ветеринарная служба была подчинена министерству внутренних дел и отчитывалась о своей работе перед Великим хуралом в ноябре 1924 г.¹⁵³

Развитие монгольской экономики с советской помощью, что было предпосылкой успешной социальной и политической революции, столкнулось вначале с таким крупным препятствием, как фактическая китайская монополия на организацию экономики. Примитивные механизмы торговли и финансов находились исключительно под китайским контролем. «В руках китайцев, — гласило одно из советских сообщений, — находится вся торговля страны. За всякой мелочью монгол обращается к китайцу»¹⁵⁴. Появление ряда российских государственных предприятий во Внешней Монголии после революции 1911 г. практически не изменило экономического положения в этом регионе, а в конце десятилетия указанные предприятия по известным причинам вынужденно прекратили свою деятельность. Когда же во Внешней Монголии под советской эгидой был создан новый режим, он сразу же принял меры для развязывания китайского узла на теле монгольской экономики: был принят указ об аннулировании долгов населения китайским торговцам и ростовщикам¹⁵⁵; в целях развития торговли между Внешней Монголией и Советской Россией в Урге была создана первая советская государственная торговая организация¹⁵⁶. Но ни одна из этих мер, естественно, не могла решить проблемы в целом. Согласно данным, приведенным в одном из источников, указ об аннулировании долгов умышленно был опубликован в искаженном и непонятном виде¹⁵⁷. В любом случае официальные декреты почти утрачивали свою силу за пределами столицы, и правительство на периферии зачастую не мог-

до противостоять давлению вездесущих и нужных китайских купцов. Вот что открыто признавал в августе 1924 г. в своем выступлении на III съезде партии один из докладчиков:

«С населения все еще взыскиваются (разумеется, тайно) при активной помощи некоторых наших партийных чиновников и органов старые долги китайским фирмам, ростовщические долги, аннулированные нашим правительством уже в первые дни своего существования»¹⁵⁸.

Вполне правдоподобен диагноз, согласно которому засилье китайцев в экономике Внешней Монголии утверждалось взяточничеством в сочетании с запугиванием. Однако в действительности страна не могла обойтись без китайских торговцев и ростовщиков, не заняв предварительно принадлежавших им позиций. Советский Госторг не мог заменить ни тех, ни других. После двух лет торговли на государственном уровне Советская Россия смогла принять всего 13,7% монгольского экспорта и обеспечить не более 13,5% монгольского импорта; в остальном почти весь баланс внешней торговли Монголии приходился на долю Китая¹⁵⁹. Китай в ту пору доминировал во всех внутренних и внешних операциях примитивной монгольской экономики.

С этой точки зрения более важной акцией стало создание в 1921 г. Монгольского народного центрального кооператива (Монценкоопа). Как указывалось в уведомлении министерства финансов, перед Монценкоопом ставились такие цели, как борьба против засилья иностранных капиталистов, закупки товаров для членов данной кооперации, продажа местного сырья непосредственно покупателям и организация предприятия для изготовления товаров на местах; в задачи Монценкоопа входили также распространение знаний среди населения и подготовка конторских служащих¹⁶⁰. Эту акцию, несомненно, инспирировали и негласно проводили русские. Возглавляя первую важную советскую миссию во Внешней Монголии в 1919 г., Майский прибыл туда как представитель иркутского отделения Центросоюза¹⁶¹. Монценкооп насчитывал поначалу не более 70 пайщиков, и его оборот в первый год работы не превышал 14 тыс. долларов паевого капитала и 15 тыс. долларов, приходившихся на импортные товары¹⁶². На первых порах к тому же у многих вызвали сомнения и мандаты данной организации, и ее взносы. Подобно русским кооперативам на первой стадии революции, Монценкооп так же легко мог стать инструментом капитализма, как инструментом социализма. Не случайно, что через три года после создания этой организации ее называли пристанищем «10—20 богачей» и убежищем для «остающихся в тени китайских фирм»; оставались невыполненными и резолюции, принятые в 1923 г. съездами партии и союза молодежи о необходимости «взять кооператив в свои руки»¹⁶³. Слабость Монценкоопа была обусловлена тем, что «кочевник и пастух не понимали его задач». Еще более серьезным недостатком данной организации являлась, по-видимому, нехватка капитала;

люди нередко жаловались на то, что китайские торговцы продают свои товары в кредит, чего, увы, почему-то не делает кооператив¹⁶⁴.

С 1923 г. большую часть капитала Монценкоопа стали составлять не депозиты его пайщиков, а субсидии правительства; в 1924 г. он получил от министерства финансов миллион ланов «на укрепление собственных ресурсов»¹⁶⁵. Среди крупных недостатков кооператива называлась и его неспособность укомплектовать свои штаты. Опытных работников приходилось ввозить из Советской России, достаточно грамотных монголов не находилось даже для канцелярской работы¹⁶⁶. На III съезде Монгольской народной партии, в августе 1924 г., после бурного обсуждения недостатков кооперативного движения в стране была принята резолюция, в которой говорилось о том, что от всех членов партии ждут вступления в кооператив и что кооператив должен иметь право набирать в свои штаты в качестве служащих грамотных монголов «наравне с другими правительственными учреждениями». Там же говорилось о необходимости выяснить социальный состав членов кооператива и высказывалось пожелание убрать китайских торговцев из торговых точек везде, где будут созданы отделения кооператива¹⁶⁷. О тех же трудностях говорили через 3 месяца депутаты Великого хурала в ходе развернувшихся на сессии дебатов по проблемам кооперативного движения. Как жаловался один критик, «кооператив, получая сырье, не предоставляет сдающему эквивалентной компенсации в виде товаров, поэтому население предпочитает продавать сырье иностранцам». Предоставление в Монценкоопе работы бурятам и русским оправдывалось невозможностью найти квалифицированных работников среди монголов. И не случайно в штатах этой организации бурят было 20%, русских — 45 и монголов — всего 35%¹⁶⁸. И часть общей резолюции по экономическим вопросам, принятой в ноябре 1924 г. на I-й сессии Великого хурала, была посвящена Монценкоопу. В этой резолюции высказывалось пожелание развивать данную организацию в соответствии с принципами чисто кооперативного движения и «поменьше прибегая к государственным субсидиям», подчеркивалась важность непосредственных контактов с производителями и изготовителями, что должно исключить «вмешательство частных фирм и купцов», и, наконец, разъяснялась необходимость подготовки кооперативных работников и «посылки молодых людей в СССР и другие страны для изучения кооперативного дела»¹⁶⁹. В конце 1924 г. Монценкооп имел своих представителей в Москве, Тяньцзине, Калгане и Хайларе¹⁷⁰. Среди причин, мешавших росту и эффективной работе Монценкоопа, назывались даже такие, как смерть отдельных подготовленных или просто грамотных монгольских служащих. На IV съезде МНРП, в сентябре 1925 г., один из ораторов говорил, что в школе Монценкоопа насчитывается 75 учеников; другой смог насчитать лишь 30 учеников, из которых 24 были бурятами¹⁷¹.

1925 год стал годом ускоренного развития данной организации. На IV съезде МНРП отмечалось, что Монценкооп получил на этот год субсидию на сумму в 3 млн. долларов при обороте в 1924 г. порядка 1029 тыс. долларов, приходящихся на местную продукцию, и порядка 1080 тыс. долларов, приходящихся на импортные товары. В 1925 г. планировалось поднять эти показатели соответственно до 7128 тыс. долларов и 4275 тыс. долларов¹⁷². На съезде партии прозвучала жалоба на то, что Монценкооп не может обеспечить сельское население товарами «первой необходимости»¹⁷³. После этого, похоже, темпы прогресса заметно возросли. В 1926 г. Монценкооп насчитывал 26 отделений¹⁷⁴ и объединял в своих рядах 6687 пайщиков, а в 1927 г. — 10 366¹⁷⁵. Зимой 1926/27 г. один китайский наблюдатель отмечал, что данная организация приняла «политику продажи всех видов товаров по низким фиксированным ценам» и ведет «успешную торговлю» благодаря как своему привилегированному в финансовом отношении положению, так и реквизиции торговых павильонов и складских помещений, созданных китайскими торговцами¹⁷⁶. Тогда же в печати промелькнуло сообщение о ликвидации «нескольких дюжин» китайских фирм¹⁷⁷. Однако китайцы продолжали оказывать сопротивление. И если в 1924 г. в монгольской торговле на долю китайцев и русских приходилось соответственно 85,7 и 14,3%, что в 1926 г. этот разрыв сузился всего до 68,7 и 31,3%¹⁷⁸. Лучше обстояло дело с поставками монгольского сырья на советский рынок. Здесь на долю Советского Союза в 1924—1925 гг. приходились 24,7% монгольского экспорта, а в 1927—1928 гг. — 59%. Самым важным сырьевым материалом того времени в Монголии была шерсть, оптовые закупки которой Советским Союзом в 1924—1925 гг. составляли всего 13%, но уже в 1927—1928 гг. СССР закупал 93% монгольской шерсти. Недаром наблюдатели отмечали, что огромный рост оптовых закупок шерсти в Монголии Советским Союзом происходил в основном за счет вытеснения Китая с монгольского рынка¹⁷⁹. И хотя, как отмечалось, в 1928—1929 гг. Советский Союз мог обеспечить лишь 48% монгольского импорта, он в то же время поглощал 85,5% монгольского экспорта¹⁸⁰. И этими успехами он был в основном обязан Монценкоопу, который официально называли «крупнейшим фактором во внешней торговле Монголии» и «инструментом правительственной монополии»¹⁸¹.

Поначалу не верилось, что Монценкоопу удастся помочь в перестройке народного хозяйства страны в связи с нехваткой капитала и нехваткой людей, по крайней мере до тех пор, пока правительство не сумеет как-то порушить монополию мелких китайских капиталистов. И самым важным из экономических проектов, которые привез с собой из Москвы в Ургу в январе 1924 г. Васильев, был в этом плане, по-видимому, проект создания Монгольского торгово-промышленного банка. Монгольский национальный банк, созданный на русские деньги и являвшийся филиалом Си-

бирского коммерческого банка, был основан в Урге в 1915 г. Но уже в 1918 г. он прекратил свою деятельность; еще менее успешной оказалась попытка создания во Внешней Монголии в 1919 г. одного из китайских банков¹⁸². Монгольский торгово-промышленный банк был открыт 2 июня 1924 г.¹⁸³ Половина его основного капитала, который составлял 250 тыс. рублей золотом, принадлежала Монгольской Республике; другой половиной совместно владели советский Госбанк и советский Наркомфин. На практике — и это было неизбежно вначале — оборотный капитал предоставляла Советская Россия, а в управлении в штатах сотрудников банка преобладали русские¹⁸⁴. Сумма баланса, составлявшая поначалу 214 тыс. долларов, возросла через год до 3,5 млн. долларов¹⁸⁵.

Одна из неотложных задач банка заключалась в осуществлении денежной реформы — выпуске в обращение национальной валюты. Вплоть до 1924 г. единицей денежного счета в Монголии служила мера веса — лан серебра¹⁸⁶. Но не существовало монгольских денег, и в хождении были как китайские (мексиканские) доллары, так и американские доллары вкуче с русским рублем. Осталось невыполненным русско-монгольское соглашение от 5 ноября 1921 г. в той его части, что выпуск монгольских бумажных денег должен был обеспечить заем на сумму в миллион рублей, который должна была предоставить РСФСР¹⁸⁷. В 1923 г. монгольское правительство выпустило бумажные мексиканские доллары на сумму в 3,5 млн., однако предложение чеканить серебряные доллары не прошло из-за неподходящих цен на необходимое машинное оборудование¹⁸⁸. 1-я сессия Великого хурала в ноябре 1924 г. заявила о том, что банк должен «стать основной базой для создания государственной монетной системы и для выпуска денег», и с грубостью выразила надежду «получить на подходящих условиях иностранные займы»¹⁸⁹. Вне всякого сомнения, именно благодаря дальнейшей финансовой помощи со стороны Советского Союза монгольское правительство оказалось способным издать постановление от 22 февраля 1925 г. о выпуске в обращение монгольской денежной единицы — тугрика. Тугрик был серебряной монетой, равной 0,88 мексиканского доллара или 1,31 рубля. Банк с тех пор начал вести расчеты в тугриках, а «после ненавязчивой агитации и пропаганды, которая велась устно и в печати и касалась важности осуществления денежной реформы», 7 декабря 1925 г. в оборот была введена первая партия тугриковых банкнот¹⁹⁰. Банкноты и позднее выпущенные монеты печатались и чеканились в Москве. В резолюции IV съезда МНРП содержалось ярко выраженное одобрение проводившейся денежной реформы¹⁹¹. Но даже после выпуска тугрика-монеты реальной валютой на местном рынке оставался уже известный мексиканский доллар¹⁹².

Конечная цель банка, как явствовало из его названия, заключалась в содействии развитию торговли и промышленности; а это в условиях Монголии означало, что его деятельностью руководи-

ло государство. На сессии Великого хурала в ноябре 1924 г. раздавались наивные жалобы на то, что банк не помогает беднякам, поскольку он-де предоставляет займы лишь при условии, если имущество должника превышает по своей стоимости сумму займа; в принятой на сессии резолюции говорилось о необходимости «сосредоточить всю кредитную политику в руках государства» и о «необходимости увеличить основной капитал и выработать правильный план банковских операций»¹⁹³. К середине 1926 г. банк располагал шестью отделениями¹⁹⁴. О характере трудностей, с которыми сталкивалось банковское дело в Монгольской Республике, можно судить по рассказу очевидца о создании отделения торгово-промышленного банка осенью 1925 г. в отдаленной от Урги западной провинции Кобдо. Очевидец свидетельствует, что все организации в этой провинции «нуждались и нуждаются в готовой валюте». Однако банк практически отказывался от переводных операций, ссылаясь на то, что «деньги сюда идут долго и их посылают мало». Предполагалось, что банк будет содержать счета таможенных и почтовых властей, местной армейской и церковной администрации, счет ветеринарной службы и государственный посевной фонд. Банк соглашался иметь дело и с частными счетами, но брал за услуги высокие проценты в связи с большими расстояниями и транспортными расходами. Не ожидалось, что услугами банка будут пользоваться китайские коммерсанты, но к его помощи могли прибегать торговцы из Бийска, города, располагавшегося на советской территории¹⁹⁵. Появление банковской системы свидетельствовало о переменах, которые происходили в те годы в каждом секторе монгольской экономики. По существу, несмотря на почти непреодолимые трудности, страна повсеместно совершала прямой переход от примитивного натурального хозяйства кочевников к современному промышленному производству, минуя промежуточную ступень, представленную в Монголии китайскими мелкими торговцами и ростовщиками.

Создание торгово-промышленного банка и выпуск в обращение монгольских денег расчистили путь для наведения порядка в финансах общества. Первый регулярный монгольский государственный бюджет был составлен только в 1923 г. и оценивался примерно в 3,7 млн. мексиканских долларов¹⁹⁶. Вплоть до 1922 г. любая оплата налога натурой шла в виде поставок скота государству¹⁹⁷. В 1924 г. 80% доходов государства, или 2,4 млн. ланов, составляли таможенные пошлины, в том числе пошлины на внутреннюю торговлю¹⁹⁸. В 1924 г. была введена государственная монополия на винно-водочные продукты, благодаря чему государство стало получать дополнительный доход порядка 100 тыс. ланов в год¹⁹⁹. В резолюции 1-й сессии Великого хурала в ноябре 1924 г. с удовлетворением отмечалось, что бюджет, составлявший в прошлом году 3 млн. ланов, вырос до 5 млн. ланов, «несмотря на огромное сокращение налогового бремени и отсутствие всяких иностранных займов»²⁰⁰. Однако сдерживающим фактором по-прежнему оста-

валась нехватка квалифицированного персонала. Особенно остро ощущалась она в таможенной службе. Оказалась неудачной попытка создать школу для подготовки младшего персонала таможен, а старых таможенников обвиняли в том, что они «очень плохо относятся к монголам, особенно к беднякам и к сельскому населению». При этом имелось в виду, что преуспевающие китайские торговцы без особых осложнений проходят таможенный до-смотр²⁰¹. В ноябре 1924 г. министр финансов вновь жаловался депутатам Великого хурала на нехватку работников умственного труда и переводчиков и утверждал, что «многие важные проекты до сих пор не сдвинулись с места из-за невозможности подобрать подходящих работников»²⁰². В 1924 г. отдел Госконтроля, созданный по советской модели для борьбы с злоупотреблениями в аппарате управления двумя годами раньше, организовал специальные бухгалтерские курсы²⁰³.

За несколько месяцев до организации этих курсов, в июле 1923 г., ЦК Монгольской народной партии в ходе подготовки ко II съезду сформулировал некоторые «принципы экономической политики» и предложил создать Экономический совет²⁰⁴. Однако в течение долгого времени ничего не делалось для выполнения этого предложения. Вплоть до конца 1924 г. единственным органом государства, занимавшимся проблемами экономики, было министерство финансов. В ноябре 1924 г. Великий хурал принял решение «создать отдельно от министерства финансов специальное министерство экономики, которое руководило бы делами промышленности и торговли в стране и подчинялось бы правительственному Экономическому совету, указывающему общее направление в экономической политике страны»²⁰⁵. В своем докладе министр финансов отмечал два основных недостатка экономической политики: а) слабое развитие промышленности в Монголии; б) недостаточная организация в городах и аймаках государственных и общественных предприятий на кооперативных началах с приглашением зарубежных инструкторов и с привлечением монгольских рабочих (последних министр предлагал набирать по месту строившихся объектов в принудительном порядке). В резолюции Великого хурала по финансовым и экономическим вопросам говорилось, что республика должна «выступать за развитие государственного капитализма (концессий, аренды, кооперативов и т. д.), который только один дает возможность развивать производительные силы страны под руководством органов государственной власти и который в то же время предотвратит эксплуатацию Монголии иностранными капиталистами». В этой же резолюции содержался призыв к развитию промышленности как «необходимого приложения к экономике скотоводческих хозяйств» на базе разработки естественных ресурсов страны. В разделе резолюции, посвященном торговле, говорилось о том, что развитие экономики зависит «от государственного регулирования цен на продукты и товары и от постепенного ослабления роли частной торговли и ростовщиче-

ского капитала», и выдвигалось требование проведения «политики общего развития государственной (и кооперативной) торговли за счет сокращения объема частной торговли»²⁰⁶. Среди обсуждавшихся в то время экономических проектов фигурировали государственная монополия на разработку бурых углей, копи которых находились в руках китайцев, план разработки запасов антрацита, положение о сохранении лесов и строительство новой электростанции²⁰⁷. В повестке дня еще не значилась зарубежная (но не от СССР) помощь: «Иностранные капиталисты выжидали, учитывая нынешний политический статус Монголии»²⁰⁸.

1924—1926 гг. стали свидетелями ускоренного роста не только национальной экономики, но и государственных финансов. Бюджет, составлявший в 1923 г. 3,7 млн. мексиканских долларов, увеличился в 1926 г. до 11,5 млн.²⁰⁹. Установленный на 1924 г. уровень таможенных сборов порядка 2,4 млн. ланов был перекрыт на 100 тыс. ланов²¹⁰. Таможенные сборы в 1925 г. составили 3,15 млн. ланов, и были сделаны первые шаги к отмене таможенных сборов внутри страны²¹¹. Говорили, что основные цели финансовой политики были в то время направлены на отмену местных налогов и на введение единой системы налогообложения по всей стране, на замену денжных налогов натуральными налогами и на введение прогрессивно-подоходного обложения²¹². В структуре расходной части бюджета имели место увеличение ассигнований на промышленное строительство и помощь скотоводству с 10,69% в 1924 г. до 20,27% в 1926 г.; доля средств, выделявшихся на образование, соответственно возросла с 3,22 до 5,59%; и если на здравоохранение в 1925 г. было впервые выделено 0,5%, то в 1926 г. расходы по этой статье составили 2,7%²¹³.

В ряду попыток, направленных на модернизацию монгольской экономики, скорее символическое, чем практическое, значение придавалось попыткам привить населению вкус к земледелию. Мало где во Внешней Монголии почвы и климат годились для возделывания зерновых без применения искусственного орошения²¹⁴. Земледелие в том виде, в каком оно бытовало во Внешней Монголии в 20-х годах нашего столетия, было завезено сюда китайскими военными поселенцами, расселившимися по западным и северным границам провинции Кобдо в XVIII веке; потомки некоторых из них еще продолжали обрабатывать земли в тех же районах. Еще более значительный наплыв китайских поселенцев имел место во второй половине XIX века, когда они заняли северную пустынь вокруг Кяхты, где земля предоставлялась им за номинальную ежегодную ренту²¹⁵. Огородничество в пригородной зоне Урги велось «исключительно китайцами»²¹⁶. Постепенное сокращение китайского населения в этих районах после 1911 г. привело к сокращению площади обрабатываемых земель с 60—70 тыс. десятин в 1911 г. до 50 тыс. десятин спустя десятилетие²¹⁷. Попытка Богдо-гэгэна в 1917 г. стимулировать развитие земледелия

вызвала возражения в религиозных кругах²¹⁸; позднее развитию земледелия стало мешать правительство, отказываясь сдавать в аренду земельные участки более чем на год²¹⁹. С другой стороны, русская и советская политика в Азии всегда ассоциировалась с попыткой заменить кочевой образ жизни оседлым земледелием²²⁰, и если бы удалось осуществить такой переход, то это явно привело бы к созданию современной экономики и современной системы управления в Монголии. Был создан государственный семенной фонд, и земли для обработки передавались бесплатно в распоряжение монголов с «целью приобщить монголов к земледелию»²²¹. В одном из районов рабочим поручили обрабатывать 800 десятин земли «под руководством чиновников министерства финансов»²²². Но доклады, сделанные на сессии Великого хурала в ноябре 1924 г., пролили свет на незначительный и изолированный характер этих усилий. В одной провинции «люди брали семена и сеяли мало зерна» без помощи государства; в двух других провинциях «люди занимались земледелием кое-где и в небольших масштабах». В одном из районов провинции Кобдо в 1923 и в 1924 гг. сеяли пшеницу и ячмень по приказам министерства финансов, но дважды урожай оказывался плачевным, и район был вынужден просить освободить его от обязательств по обработке земель²²³. В 1925 г., давая интервью представителям прессы, один из инструкторов по проблемам земледелия из Москвы выразил мнение о том, что импорт тракторов может оказаться преждевременным, поскольку вспашка земель с помощью лошадей пока обходится в монгольских условиях втрое дешевле. Но он предпочел не касаться общего вопроса о перспективах земледелия во Внешней Монголии²²⁴. По слухам, государственные фермы в этом регионе появились в 1925 г.²²⁵, однако записей о них обнаружить не удалось. И через десятилетие после настойчивых попыток внедрить земледелие местным производством удовлетворялось не более трети ограниченных запросов населения в зерне²²⁶.

Важным фактором в создании современной государственной машины в Монголии, как и в политике замены китайского влияния русским, служило развитие коммуникаций. Перевес русских надежно обеспечивал тот факт, что от монгольской столицы Урги до границы с Россией лежала лишь треть расстояния от Калгана, находившегося на границе Внутренней Монголии. В период китайского господства здесь не существовало регулярной системы коммуникаций. Грузы перевозились караванами тягловых или вьючных животных — на быках, яках, верблюдах и лошадях. Правительственные перевозки обеспечивала уртонская система, в соответствии с которой местные власти были обязаны предоставлять правительственным чиновникам и пассажирам лошадей на определенные участки пути. Даже в 1924 г. на III съезде партии делегаты жаловались на полное отсутствие почтовой службы в Монголии и на то, что «газеты и пакеты часто месяцами задержива-

ются и теряются по дороге»²²⁷. Одна из первых забот правительства России после провозглашения автономии Монголии в 1911 г. заключалась в подготовке соглашения о строительстве телеграфных линий²²⁸, и такое соглашение привез в Ургу в январе 1924 г. советский полпред Васильев, хотя ему и понадобилось некоторое время для согласования практических вопросов. 3 октября 1924 г. он вместе с монгольским министром иностранных дел подписал соглашение об установлении телеграфного сообщения между Ургой, Кяхтой и Иркутском и соответственно с внешним миром²²⁹. Тогда же Советское правительство взяло на себя обязательство помогать монгольскому правительству в закупках нужного оборудования за рубежом. Была создана школа для подготовки телеграфистов, но осенью 1924 г. она испытывала недостаток как помещений, так и учителей²³⁰. Поскольку к югу от Урги телеграфных линий не создавалось, телеграммы в Китай шли через Советский Союз. При отправке телеграмм из Внешней Монголии в СССР слово стоило 10 копеек, в другие страны (за исключением Китая) — 10 копеек золотом, в Китай — 19 копеек золотом. В конце 1926 г., когда уже была налажена регулярная почтовая связь между Улан-Батором и советской границей, почтовой связи между Внешней Монголией и Китаем еще не существовало: письма из Внешней Монголии китайским адресатам доставлялись через Советский Союз и перештемпелевывались на советско-китайской границе²³¹. Тем самым почта использовалась как средство давления на монгольское правительство.

Вплоть до середины 20-х годов в стране практически отсутствовали шоссейные дороги с твердым покрытием. И примечательно, что первую такую дорогу стали строить между Улан-Батором и Алтанбулаком. Но хотя в Алтанбулаке уже была к тому времени почта, почтовые отправления по-прежнему доставлялись уртонской службой, что обуславливало задержки и нерегулярный характер почтовой связи²³². О железнодорожном строительстве во Внешней Монголии в то время только задумывались²³³. Большие надежды возлагались также на развитие воздушных путей сообщения. На рассвете одного из последних дней мая 1925 г. в небе над Улан-Батором появился первый аэроплан. «Стальная птица» произвела «экстраординарное впечатление» на местных жителей. То был «юнкерс», купленный монгольским правительством и совершивший пятичасовой перелет из пограничного Троицкосавска; оттуда же ожидалось прибытие еще трех самолетов²³⁴. В начале июля 1925 г. еще шесть самолетов прилетели в Улан-Батор из Иркутска²³⁵. В конце того же года в Улан-Баторе был создан Авиачим, и в газетах стали публиковаться его объявления²³⁶. По свидетельству одного китайского наблюдателя, «русские захватили контроль над коммуникациями» и «монголы оказались бесильными противостоят им в этой сфере»²³⁷. Хотя это обвинение было голословным, факт остается фактом: развитие путей сообщения во Внешней Монголии могло иметь место только при

советской помощи и использовалось в практических целях укрепления связей с Советским Союзом.

Международные связи Внешней Монголии, по существу, сводились в те годы к тесным отношениям с Советским Союзом, и поэтому никто не обратил внимания на явную несопоставимость текстов советско-монгольского договора от 5 ноября 1921 г. и советско-китайского договора от 31 мая 1924 г. В первом Внешняя Монголия признавалась формально независимым государством, а во втором признавалась частью Китая. На III съезде Монгольской народной партии в августе 1924 г. Ринчино защищал советско-китайский договор как акт, «ставящий китайский народ в оппозицию по отношению к империалистам», но ухитрился упомянуть о «независимости Монголии». Министр иностранных дел Амор перечислил ряд монгольских требований к Китаю: признание независимости Монголии; репарации за ущерб, причиненный в 1912 и 1920 гг.; самоуправление для Внутренней Монголии; присутствие советских представителей на монгольско-китайских переговорах и проведение этих переговоров в Урге. Амор закончил эту неральную программу простым упоминанием о том, что в советско-китайском договоре признается суверенитет Китая над Монголией, и, если верить записям, этот вопрос более не обсуждался²³⁸. В резолюции съезда по докладу ЦК говорилось о необходимости «установления связи Монгольской народной партии с другими революционными и коммунистическими партиями Дальнего Востока»²³⁹, но ничего не говорилось о межгосударственных отношениях. Внешние связи не обсуждались и на 1-й сессии Великого хурала через три месяца, хотя на этой сессии была принята конституция, объявляющая Внешнюю Монголию «независимой народной республикой». Самым четким образом определил международный статус Монгольской Республики в марте 1925 г. Чичерин, выступая на заседаниях ВЦИК:

«Мы признаем Монгольскую Народную Республику частью Китайской Республики, но признаем и ее автономию, настолько широко, что Монголия не только не допускает никакого вмешательства со стороны Китая в свою внутреннюю жизнь, но и ведет независимо свою иностранную политику»²⁴⁰.

Эта формула, похоже, не мешала народной республике в установлении отношений с другими странами, включая Китай, и вскоре после этого монгольское правительство ответило на ноту протеста китайского правительства жалобой на то, что отсрочка в урегулировании отношений между Китаем и Монголией обусловлена «продолжающейся гражданской войной в Китае и запоздалым признанием этого правительства Китаем»²⁴¹. В конституции в свою очередь говорилось о необходимости проводить внешнюю политику в соответствии с интересами революционных рабочих, а затем в тексте звучал такой ненавязчивый рефрен:

«Тем не менее не исключается и возможность установления дружественных отношений с той или иной державой при соблюдении тех или иных условий, как и оказания решительного сопротивления при всех обстоятельствах тем, кто посягнет на независимость Монгольской Народной Республики»²⁴².

И на IV съезде МНРП, в сентябре 1925 г., явно с удовлетворением признавался тот факт, что «до сих пор не установлены внешние отношения с Китаем из-за происходящих там внутренних беспорядков»²⁴³. Китайское правительство всего через месяц заявило протест правительству Германии в связи с тем, что оно рассматривало Внешнюю Монголию как самостоятельную реальность в тексте торгового соглашения с Советским Союзом от 12 октября 1925 г., и получило в ответ заверения в том, что «это было решением де-факто, без посягательства на законные права»²⁴⁴.

Несмотря на отсутствие официального благословения из Москвы, некоторые монгольские руководители явно стремились установить непосредственные отношения с другими странами. Уже в первые дни существования режима на монгольский рынок стали пробиваться английские, американские и германские фирмы. Американские фирмы лишились популярности из-за отказа принимать в уплату за товары серебряные ламы и из-за настаивания на использовании американских долларов. В 1922 г. в Ургу приезжал торговый атташе Германии в Пекине²⁴⁵, приезжал туда и американский консул из Калгана. На III съезде Монгольской народной партии в августе 1924 г. Ринчино спросили, будет ли монгольское правительство искать соглашений с «империалистическими державами» или «только с народными правительствами, вроде лейбористского правительства Англии». В своем ответе он явно делал различие между политическими и экономическими соглашениями:

«Есть целый ряд вопросов (торговый, экономический и проч.), которые не касаются политики; по этим вопросам мы, конечно, готовы договариваться с кем угодно, если только это будет в наших интересах... В дальнейшем можно будет договориться с Англией (она теперь покупает у нас скот и сырье), с Турцией, Персией и Афганистаном, с ними надо было давно договориться, точно так же было бы очень выгодно нам вступить в официальные сношения с Германией, мы могли бы получать оттуда технические и прочие изделия, и это тем более, что сама Германия посылала к нам своих торговых уполномоченных и приглашала наших представителей к себе... Посылка представителей Монголии и вообще сношения с названными государствами задерживаются у нас исключительно из-за отсутствия подготовленных для этого монголов»²⁴⁶.

19 ноября 1924 г. Япон-Данзан вручил свои верительные грамоты монгольского представителя в Москве Калинину, а в мае 1925 г. он зачитал приветствие Монгольской Народной Респуб-

лики III Всесоюзному съезду Советов²⁴⁷. Еще через год в газетах промелькнуло сообщение о поездке «специалистов» в Советский Союз и Германию для закупок фабричного оборудования²⁴⁸. Во второй половине 1925 г. в Берлин прибыла монгольская торговая делегация, в которую входили говоривший по-русски Сампилон и говоривший по-английски секретарь; делегация оставалась в Берлине вплоть до августа 1926 г. Были размещены заказы на германские и шведские станки, инструменты и оборудование, грузы в Монголию доставляла смешанная советско-германская транспортная кампания «Дерутра» и запрашивались советские визы на транзит²⁴⁹. Чиновник из Восточного отдела МИД Германии говорил Сампилону о согласии Германии признать Внешнюю Монголию де-юре и де-факто независимым государством в обмен на налаживание торговых связей с Германией. Однако осторожный Сампилон заявил, что Внешняя Монголия не может себе позволить иметь дипломатические миссии во всех европейских странах и что ей поэтому лучше пока поддерживать постоянные отношения лишь с Советским Союзом²⁵⁰. И в феврале 1926 г., когда Сампилон был в Берлине, миссия, которую возглавили Амор, теперь министр национальной экономики, и Джа-Дамба, председатель революционного совета, и которая, очевидно, была более важной по экономическому характеру, прибыла в Москву для торговых переговоров с Советским правительством²⁵¹.

Самым болезненным оставался вопрос об отношениях Внешней Монголии с Китаем, который в любом виде и в любой форме смущал и раздражал Москву. Пока Китай представляло пекинское правительство, безусловно отказывавшееся иметь какие-либо дела с независимой Монгольской Республикой, Советам было легко стряпать прецеденты с Бодо и Данзаном и рассматривать всякий шаг со стороны Монголии как предательство. Труднее было охладить отношения с Гоминьданом и кантонским правительством либо с национально-революционной армией и с Фын Юйсяном, поскольку они пользовались у Советского правительства симпатией и поддержкой. Отвечая на III съезде партии в августе 1924 г. на вопрос об отношениях с Китаем, Ринчино, в частности, заметил, что «будет необходимо прийти к соглашению с Югом, с демократическим кантонским правительством», и добавил, что Япон-Данзан уже ездил с миссией в Кантон в предыдущем году²⁵². Записей о других таких контактах почти не сохранилось. Однако 6 апреля 1926 г. ЦК Монгольской народно-революционной партии вручил Красное знамя членам ЦК Гоминьдана, проезжавшим через Улан-Батор по пути домой с VI расширенного заседания ИККИ в Москве²⁵³. Уместно предположить, что кое-кто из монгольских руководителей, связанных со старыми традициями и находивших для себя самым трудным приспособление к новым советским порядкам, был готов одобрить любое укрепление связей с Китаем, видя в нем противовес растущему совет-

скому влиянию и контролю²⁵⁴. Но ни одному такому движению не разрешалось обрести конкретную форму.

Усложняла щекотливые отношения между Советским Союзом, Монгольской Народной Республикой и Китаем позиция Внутренней Монголии. В отличие от Внешней Монголии она была объектом длительного процесса колонизации со стороны китайских поселенцев. Ее не затронул опыт «автономии» под эгидой России, которую переживала Внешняя Монголия после революции 1911 г. Феодальный и религиозный порядок общества во Внутренней Монголии не был сокрушен. Там, однако, оживленно обсуждали все, что происходило во Внешней Монголии. В печати отмечалось, что в 1923 г. была создана Народная партия Внутренней Монголии, которая зимой 1924 г. провела свою конференцию в Пекине. Руководители Внутренней Монголии, среди которых были как монголы, так и китайцы, великолепно понимали, к чему может привести засилье Советов во Внешней Монголии. На конференции князей Внутренней Монголии в Пекине, которая, несомненно, проходила при попечительстве со стороны пекинского правительства, они обратились к этому правительству с петицией о необходимости интервенции во Внешнюю Монголию с целью освобождения ее от «красных»²⁵⁵. В августе 1924 г. японская печать сообщила о прибытии в Мукден делегации Внутренней Монголии, которая просила Чжан Цолиня обсудить с советскими представителями монгольский вопрос, в том числе вывод советских войск из Монголии; а в следующем месяце во Внутреннюю Монголию была направлена экспедиция японских ученых, которая под видом изучения «минеральных богатств страны и ее геологической формации» фактически занималась политическим шпионажем²⁵⁶. Сообщалось, что в 1925 г. Чжан Цолинь с помощью японских офицеров устраивал «конференции принцев» из Внутренней Монголии, пытался создать местную армию из 30 тыс. человек и был вынужден открыть в Калгане японский банк с капиталом в 5 млн. долларов. Советский комментатор видел в те годы во Внутренней Монголии «вторую Корею»²⁵⁷. Во второй половине 1925 г. во Внешнюю Монголию приехала группа японцев из 13 человек, которые пытались представлять интересы ЮМЖД, но были высланы «под конвоем» из Улан-Батора в Калган²⁵⁸. Даже не опасаясь превращения Внутренней Монголии в плацдарм для восстановления прежней власти во Внешней Монголии или попыток Японии расширить зону своего влияния, кто-то из руководителей Монгольской Народной Республики, наверняка, мечтал о присоединении Внутренней Монголии к своей территории, учитывая неустойчивость власти пекинского правительства. Однако подобные проекты не имели под собой материальной базы. На IV съезде Монгольской народно-революционной партии в сентябре 1925 г. Амагаев предостерегающе указывал, что «Внешняя Монголия не может брать на себя роль единственного сборного пункта для монгольских земель и народов» и что «проблемы объединения мон-

гольских народов — дело будущего добровольного соглашения между самими трудящимися»²⁵⁹. Во всяком случае, Советское правительство явно не хотело лезть дальше, что было бы воспринято с враждебностью не только каждой партией и группой в Китае, но и любым японским правительством. В 1925 г. по Внутренней Монголии пронеслась национально-революционная армия Фын Юйсяна. С его ведома и одобрения в октябре 1925 г. в Улан-Баторе было опубликовано сообщение о проведении в следующем месяце в Калгане I съезда Народно-революционной партии Внутренней Монголии и о том, что партию Внешней Монголии на этом съезде будет представлять Дамба-Дорджи. В этом сообщении, однако, специально указывалось, что партию Внутренней Монголии следует отличать от любого панмонгольского движения, и подчеркивалась ее ориентация на Гоминьдан и на революционное движение в Китае²⁶⁰. Съезд Народно-революционной партии Внутренней Монголии состоялся в Калгане в начале ноября 1925 г. Было объявлено, что в этой партии, созданной за год до I съезда, насчитывается 300 членов и 3000 кандидатов в члены и что она уже направила своих представителей в Улан-Батор и Москву. Съезд формально приветствовал представитель Фын Юйсяна, и на нем присутствовали делегаты как от Гоминьдана, так и от МНРП. Съезд опубликовал манифест, содержащий нападки на монгольских феодалов-помещиков и на китайских колонизаторов Внутренней Монголии, а также сформулировал программу движения²⁶¹. В манифесте содержалось осуждение Великобритании, Японии и Соединенных Штатов Америки за то, что они сообща расчленяют Китай с целью прибрать эту страну к своим рукам, и говорилось, что только Советский Союз и Внешняя Монголия являются настоящими друзьями «угнетенного Китая». Монгольские помещики ладили с китайскими милитаристами. Народно-революционная партия Внутренней Монголии была готова вести борьбу за национальное освобождение, за уничтожение власти и привилегий князей и за введение самоуправления²⁶². Однако в манифесте отсутствовало всякое упоминание о панмонгольских устремлениях и не выдвигалось требование независимости от Китая. И какие бы амбиции ни возникали в Улан-Баторе, советская политика по отношению к Внутренней Монголии, в отличие от таковой по отношению к Внешней Монголии, всегда подчинялась интересам налаживания отношений с китайским национальным движением.

От судьбы Внешней Монголии продолжала зависеть и судьба Танну-Тувинской Народной Республики. Танну-Тувинская народная партия провела свой I съезд 28 февраля — 1 марта 1922 г. и избрала Центральный Комитет. К этому времени у Танну-Тувинской Народной Республики уже было свое правительство и республика пользовалась признанием Советской России на правах самостоятельного государства²⁶³. Однако, похоже, до середины 1923 г. партия и правительство существовали в основном на бума-

ге. В начале июня 1923 г. ЦК партии был распущен и была создана комиссия по подготовке нового съезда партии. 14 июня 1923 г. комиссия опубликовала воззвание к «рабочему народу Танну-Тувы», в котором призывала рабочих вступить в ряды национальной революционной партии «для защиты собственных интересов и интересов угнетенных наций мира под руководством штаба мировой революции в Коммунистическом Интернационале». Съезд реорганизации партии, получивший, однако, название второго партсъезда, был созван 6 июля 1923 г. в Кызыл-Хото (Красном городе, бывшем Белоцарске)²⁶⁴. Сообщалось, что на съезд собрались 568 делегатов-аратов, не все из которых были членами партии. Учитывая «полное отсутствие активности» у членов бывшего ЦК партии, делегаты решили создать новую партию и избрать новый Центральный Комитет. На съезде были приняты резолюции в пользу всеобщего обучения, оказания медицинской помощи, о борьбе с пьянством, о создании справедливой системы налогообложения и об отмене титулов и привилегий²⁶⁵. В 1925 г. партия насчитывала 1071 члена, из которых 578 числились бедными аратами, 478 — аратами-середняками и 15 — зажиточными²⁶⁶. В ней, как и в Монгольской народно-революционной партии, видели не социалистическую, а «буржуазно-демократическую организацию», которая работает «в условиях докапиталистической стадии развития»²⁶⁷.

Все население Танну-Тувы насчитывало в то время примерно 70 тыс. человек, из них 12 тыс. были русскими поселенцами, большинство из которых обосновалось здесь во второй половине XIX века²⁶⁸. В октябре 1923 г. первое народное собрание Танну-Тувы приняло «основные положения конституции»²⁶⁹. Решение создать в Танну-Туве независимую республику, отделенную границами от Монгольской Народной Республики, вызвало незамедлительный протест со стороны монгольского правительства²⁷⁰. Причем протестовала не только монгольская сторона — голоса протеста раздавались и в Танну-Туве. Протестовали ламы и бывшие ламы, игравшие заметную роль на территории Внешней Монголии, говорившие на монгольском языке и сознававшие наличие культурных и религиозных связей с Монгольской Республикой. На юге и востоке Танну-Тувы среди населения имелась значительная прослойка монголов или лиц, говоривших на монгольском языке. И именно эти люди, хотя и не только они, выступали за союз с Внешней Монголией. В 1924 г. в Кемчикском районе вспыхнули серьезные беспорядки. Монголы считали, что они были вызваны преследованием местных жителей русскими колонистами и тяжелыми налогами, и заявляли о том, что войска «обрушивают жестокие репрессии на мирных жителей», которые вынуждены спасаться бегством, чтобы уцелеть. Беженцы из Танну-Тувы обращались за защитой к монгольским властям в Кобдо и просили присоединить их к родственной Монголии²⁷¹. Позднее Советы заявили, что беспорядки были вызваны феодалами-помещиками и бо-

гачами, но признали, что последние заявляли о желании присоединить Урянхай к Монголии²⁷².

В июне 1924 г. представители Советского Союза и Монголии пришли к соглашению направить в Танну-Туву смешанную комиссию для изучения ситуации²⁷³. Комиссия работала в Кызыл-Хото в дни, когда в Урге проходил III съезд Монгольской народной партии. 15 августа 1924 г. комиссия обратилась к народу Танну-Тувы с призывом «заняться внутренними делами, чтобы поднять общий уровень благосостояния», пообещала помощь и содействие со стороны правительств Советской России и Монголии и указала, что в «нужный момент» эти правительства вынесут окончательное решение о танну-тувинской государственности, «приняв во внимание желание самого населения»²⁷⁴. Еще через три дня собрался III съезд Танну-Тувинской народной партии. Однако, кроме утверждения мер по укреплению партийной дисциплины, уже применяемых Центральным Комитетом к отдельным допустившим ошибки партийным лидерам, большинством голосов было принято только решение о распространении на лам, вступивших в брак и занявших обычными гражданскими делами, действия всех рядовых государственных обязанностей и налогов. Это свидетельствовало о продолжающейся терпимости и энергии религиозных чувств и предрассудков в отношении лам, занятых отправлением религиозного культа²⁷⁵. 28 октября 1924 г. второе народное собрание Танну-Тувинской Народной Республики приняло конституцию, в которой четко определялся независимый статус этой республики²⁷⁶.

Это, однако, не положило конец волнениям. Кампания за объединение с Внешней Монголией продолжала находить свое выражение в «монголофильских петициях, которые рассылались феодально-чиновничьими элементами, засевшими в учреждениях партийных организаций и в местных органах самоуправления»²⁷⁷. В 1925 г. в Москве под покровительством Советов состоялись переговоры между представителями Монгольской и Танну-Тувинской республик. Они еще продолжались, когда в сентябре 1925 г. собрался IV съезд МНРП. На съезде данный вопрос не обсуждался; вместе с тем, признав, что он «пока окончательно не решен», Амагаев задал собравшимся риторический вопрос о том, смогла бы Монголия, настрадавшись в прошлом от иностранного угнетения и добившись национального освобождения, оказывать какое бы то ни было давление на жителей Танну-Тувы с целью присоединить их земли к Монголии «против их воли»²⁷⁸. 16 ноября 1925 г. Великий хурал Внешней Монголии обратился с декларацией к народу и правительству Танну-Тувы, где говорил о том, что «он не только не возражает против национального освобождения народа Танну-Тувы, но и... стремится к установлению дружественных отношений, направленных на политическое, экономическое и культурное сближение обоих народов»²⁷⁹. В то же время Внешняя Монголия уступила Танну-Туву Даркхат, крупный, но малонаселен-

ный район на восточной границе Танну-Тувы, после чего 16 августа 1926 г. обе республики подписали договор, регулирующий их взаимные отношения ²⁸⁰.

Признание независимости Танну-Тувинской Народной Республики, подавление беспорядков 1924 г., установление политического порядка и, возможно, рост экономического процветания сделали возможной полную легализацию партии и государственного аппарата в этой стране. Это произошло на IV съезде Танну-Тувинской народно-революционной партии, который работал с 14 по 19 октября 1925 г. Съезду были предложены проекты программы и устава партии, которые тут же были приняты ²⁸¹. 15 сентября 1925 г. к Танну-Тувинской партии обратился с циркулярным письмом Президиум Крестинтерна, предлагавший направить в его адрес «в виде популярной брошюры» отчет о положении крестьянства в Танну-Тове. Это письмо расценили как предложение вступить в эту организацию. По докладу Дондука съезд принял решение о вступлении в Крестинтерн; и, хотя формальности в Москве заняли определенное время, еще до 1 июня 1921 г. Крестинтерн информировал Танну-Тувинскую народно-революционную партию о своем решении принять ее в данную организацию ²⁸². На IV съезде этой партии было принято также решение об образовании Союза революционной молодежи, первые шаги к созданию которого предпринимались еще в предыдущем году. I съезд СРМ Танну-Тувы состоялся в декабре 1925 г., и на протяжении ряда лет эти съезды проводились ежегодно. Однако в Танну-Тове СРМ совершенно не походил на своего монгольского партнера, не был самостоятельным и не играл никакой роли в ранней истории партии. Правда, через несколько лет, когда партия стала громить левых, СРМ превратился в удобное копые движения левых ²⁸³.

Немногочисленное, примитивное, разделенное расовыми и языковыми барьерами население делало для Танну-Тувы нереальной любую претензию на национальную независимость. Контроль извне здесь диктовался прежде всего простой необходимостью. Однако, если советские власти старались проводить одинаковую политику по отношению и к Внешней Монголии и к Танну-Тове, положение в последней было для них менее благоприятным по целому ряду аспектов. Во-первых, население здесь было еще беднее, чем во Внешней Монголии, еще более рассеянным и еще более примитивным, следовательно, в Танну-Тове было куда сложнее ввести элементы европейской цивилизации и создать организованный экономический и политический порядок. Во-вторых, элементами грамотности здесь еще больше, чем во Внешней Монголии, обладали ламы и бывшие ламы ²⁸⁴, которые по языку и кастовости значительно отличались от большинства населения, говорившего на тюркском языке. Следовательно, из них было труднее, чем во Внешней Монголии, подобрать руководителей и представителей национального движения, которые создали бы базис независимой республики. В-третьих, контакты с внешним миром,

во Внешней Монголии принимавшие в основном форму инфильтрации китайских торговцев и ростовщиков, в Танну-Туве связывались главным образом с русскими поселенцами, чьи требования земельных участков для обработки приходили в столкновение с потребностями местных скотоводов в пастбищных угодьях. Недовольство против иностранцев, которое во Внешней Монголии играло на руку русским, производило противоположный эффект в Танну-Туве. Здесь русских боялись и не любили больше, чем монголов или китайцев.

После беспорядков 1924 г. в стране наступило спокойствие. Однако прогресс медленно пробивал себе дорогу. Простой перечень вопросов, обсуждавшихся на IV съезде партии в октябре 1925 г., свидетельствует о том, что заботило население Танну-Тувы. Так, была принята резолюция о важности гарантировать женщинам наравне с мужчинами право участия в общественной, экономической и политической жизни страны. Другим требованием было введение практики европейской медицины:

«Мы все видим, что азиатская (тибетская) медицина устарела и уже отжила свой век. Она не приносит никакой пользы ни в чем народу, продолжающему до настоящего дня вымирать от сифилиса. Европейская медицина показала свою пользу цивилизованному миру. Пример показывает Советский Союз, где смертность от разного рода возможных заболеваний уменьшается с каждым днем».

В целях стимулирования торговли центральному кооперативу Танну-Тувы были переданы 50 тыс. рублей, и с ним установили отношения Госторг СССР и другие советские торговые организации. В резолюции по сельскому хозяйству отмечалось, что скотоводство в Танну-Туве ведется устаревшими методами, и давались рекомендации относительно посевов сельскохозяйственных культур, использования техники, создания ветеринарной службы и образцовых ферм. Однако, несмотря на всю склонность советских людей к оседлому земледелию и несмотря на тот факт, что почвы в Танну-Туве лучше годились для обработки, чем степи Внешней Монголии, Советы не нападали здесь на кочевой образ жизни, который господствовал в Танну-Туве на значительных площадях территории страны²⁸⁵. На V съезде партии, в сентябре 1926 г., говорилось о необходимости «улучшения финансового положения и усиления работы местных органов управления», а также «ликвидации политической и общей безграмотности среди членов партии»²⁸⁶. Наконец 24 ноября 1926 г. четвертое народное собрание Танну-Тувинской Народной Республики²⁸⁷ приняло конституцию республики²⁸⁸. Эта конституция была тщательно скопирована с конституции Монгольской Народной Республики, принятой в 1924 г., с некоторыми незначительными, но существенными расхождениями в декларации прав трудового народа и в определениях, касающихся голосования на выборах. Из текста декларации были убраны заявления о том, что «вся власть принадлежит тру-

довому народу», что «не разрешается частная собственность», что «отменяются... все титулы и классовые различия», что «трудящиеся массы всего мира борются за уничтожение капитализма и за достижение социализма (коммунизма)». Между тем все эти заявления присутствовали в монгольском документе. В конституции Танну-Тувы отсутствовал даже абзац об уничтожении капитализма и переходе к социализму. В обеих конституциях ламам, постоянно проживающим в монастырях, одинаково отказывалось в праве голосовать. Однако в конституции Танну-Тувы не повторялась содержащаяся в монгольской конституции дисквалификация «лиц, зарабатывающих себе на жизнь исключительно за счет эксплуатации других с явной целью обогащения», как и «торговцев и ростовщиков, живущих за счет чужого труда или извлекающих выгоду с капиталов или других доходов»²⁸⁹. В то же время сельскохозяйственным поселениям русских в Танну-Тове были предоставлены автономные права, хотя эта уступка не была зафиксирована в тексте конституции. Такие поселения организовывались в «колониях русских рабочих, располагающих самоуправлением», и они имели собственные съезд советов и исполнительный комитет, а также своих специальных представителей в тувинском народном собрании²⁹⁰.

ГЛАВА 42

ЯПОНИЯ И КОРЕЯ

Провал миссии Иоффе в Японии летом 1923 г. и крупное землетрясение в сентябре того же года способствовали тому, что зима 1923/24 г. оказалась неплодотворным периодом в советско-японских отношениях. 22 сентября, через несколько дней после землетрясения, Карахан, находящийся в Пекине, осведомлялся у японского коллеги, готово ли японское правительство начать переговоры с представителями СССР. Предпочтение, отдаваемое официальным переговорам, объяснялось неудачей неофициальных бесед с Иоффе¹. Учитывая ситуацию в Японии, неудивительно, что ответа на этот демарш не было в течение нескольких месяцев. Тем временем Советское правительство, осведомленное об ослаблении международного положения Японии, выразило ряд протестов, направленных на то, чтобы вынудить Японию возобновить переговоры. 27 октября 1923 г. Карахан направил ноту Ёсидзаве, в которой выражался протест против нападений японских военных кораблей на советские рыболовные суда². В то же время Чичерин направил ноты правительствам Великобритании, Франции и США с целью привлечь их внимание к агрессивным действиям Японии на Дальнем Востоке³. Были преданы гласности факты притеснения местного населения со стороны японской оккупационной администрации на Северном Сахалине⁴. В феврале 1924 г. японский консул во Владивостоке был уведомлен о том, что его статус, а также статус других японских официальных представителей в Сибири больше не признаются, японскому почтовому ведомству сообщили, что японская корреспонденция больше не будет пропускаться через Сибирь; японские корреспонденты были высланы из Москвы, а представитель официального телеграфного агентства СССР в Токио заявил о своем предстоящем отъезде⁵. И в довершение всего вновь назначенный министр иностранных дел Японии Мацуи опубликовал заявление, в котором говорилось, что Япония не видит необходимости немедленного признания СССР; заявление вызвало резкий ответ Карахана 18 февраля 1924 г.⁶

К этому времени новое японское правительство решило ответить на советское предложение, сделанное в сентябре предыдущего года. Переговоры между Ёсидзавой и Караханом начались в Пекине 24 февраля 1924 г.⁷ Ёсидзава получил инструкции проте-

ствовать против враждебной позиции по отношению к японским официальным представителям и корреспонденции⁸. Беседа между двумя министрами 1 марта 1924 г. была с одобрением встречена советской прессой, затем последовали другие встречи⁹. Наконец, 22 марта 1924 г. Ёсидзава представил Карахану детально разработанные условия, на которых Япония желала бы признать СССР и в случае принятия этих условий могла бы вывести свои войска с Северного Сахалина. Эти условия включали в себя компенсацию убытков в результате событий в Николаевске, а также уплату государственных и частных долгов японскому правительству и гражданам Японии. При этом давалось понять, что Япония не будет настаивать на этих требованиях при условии, что ей будут предоставлены выгодные долгосрочные концессии на Северном Сахалине и в других районах. Было сделано предложение о заключении торгового соглашения, обеспечивающего Японии режим наибольшего благоприятствования, а также предложение о заключении соглашения между обеими сторонами о воздержании от ведения враждебной пропаганды друг против друга¹⁰. Вскоре в ходе дискуссий начала вырисовываться основа общих интересов. Японский корреспондент в Москве во время интервью с Троцким предположил, что существуют три основные причины *сближения* Токио и Москвы, а именно: обе стороны против расовой дискриминации; обе стороны желают освобождения Азии от европейского и американского империализма; обе стороны ощущают необходимость выработки совместной политики по отношению к Китаю. Троцкий осторожно согласился¹¹.

Прогресс на переговорах был устойчивый, но медленный. В начале мая 1924 г. Карахан и Ёсидзава обменялись мандатами, удостоверяющими их полномочия на заключение договора. 15 мая Карахан предложил проект договора, основанный на заявлении Японии от 22 марта. В проекте предусматривалось взаимное признание, установление дипломатических и консульских отношений, немедленный вывод японских войск с Северного Сахалина и заключение договора о торговле и соглашения по рыболовству. Советское правительство выражало готовность предоставить концессии на добычу минералов и древесины японским гражданам и фирмам на Северном Сахалине и в Восточной Сибири. Вопрос о претензиях со стороны Японии должен был решаться в последующих соглашениях¹². 7 июня 1924 г., вскоре после начала переговоров, в Японии сменилось правительство. К власти пришел коалиционный кабинет, в котором пост премьер-министра занял Като, председатель партии Кэнсэйкай¹³, министром иностранных дел стал Сидехара. Карахан встретил новое правительство заявлением, сделанным для японской прессы; в нем высказывались условия, при которых СССР подпишет договор. Взаимное признание должно быть безусловным и не должно рассматриваться как уступка Советскому Союзу в ответ на компенсацию убытков, причиненных Японией; экономические концессии предоставляются Японии не в каче-

стве благодарности за ее признание СССР, а на основе взаимных экономических интересов; Япония не может требовать для себя более выгодных условий, чем Великобритания и Италия, которые уже признали СССР¹⁴.

Трудно сказать, повлияла ли смена японского руководства на прогресс на переговорах (эксцентричный Гото, ранее принимавший Иоффе¹⁵, являлся единственным политическим деятелем в Японии, который открыто высказывался за установление нормальных дипломатических отношений с СССР), но доводы в пользу соглашения становились все более убедительными. К хроническим экономическим трудностям Японии и отрицательному торговому балансу добавились последствия разрушительного землетрясения. Поставки советской нефти, минерального сырья, древесины и рыбы играли значительную роль в экономике Японии. Весь 1924 г. ведущие европейские державы соперничали друг с другом в признании СССР: при этих обстоятельствах непризнание СССР Японией являлось для последней невыгодным. К тому же не было никаких признаков потепления отношений с США и Великобританией или уменьшения изоляции Японии в районе Тихого океана. Строительство британской военной базы в Сингапуре, начатое в 1923 г. и приостановленное в начале 1924 г. с приходом к власти лейбористского правительства, возобновилось в ноябре 1924 г. после очередной смены власти. 1924 год явился годом принятия в США закона, ограничивающего иммиграцию из Японии. В Китае престиж Великобритании, все еще ведущей империалистической державы, падал одновременно с ростом престижа СССР; поражение У Пэйфу осенью 1924 г. и рост национально-освободительного движения являлись показателями происходящей переориентации страны. Можно предположить, что заключение советско-китайского договора 31 мая 1924 г. и установление полных дипломатических отношений было воспринято в Токио в качестве еще одного показателя возможного сближения между Китаем и СССР в обход Японии. Японское правительство вовсе не желало быть привязанным к проведению в Китае пробританской или антисоветской политики. Показателем этого являлся прием, оказанный Сунь Ятсену в Японии по пути в Пекин в конце 1924 г.¹⁶ Стало ясно, что Япония, так же как СССР, заинтересована в установлении отношений между двумя государствами.

Основным вопросом, как и в переговорах с Иоффе, оставался Северный Сахалин. Япония нуждалась в импорте, более половины которого составляла нефть. Возможность эксплуатации богатых нефтяных месторождений Северного Сахалина освободила бы Японию от тяжелой зависимости от американской нефти, что явилось бы большим политическим и экономическим достижением. Угольные шахты Сахалина (хотя источником сырья была также Маньчжурия) были бы тоже кстати. Оккупация как средство достижения этих преимуществ больше не являлась удобной и выгодной политикой. Японское правительство, приняв решение об эва-

куации войск, желало получить компенсацию в виде концессий на разработку природных ресурсов острова.

Следующим по значимости являлся вопрос о правах на рыбную ловлю у берегов СССР, хотя он и был урегулирован русско-японской конвенцией 1907 г.¹⁷ 2 марта 1923 г. Советским правительством был издан декрет; в соответствии с ним преимущественное право на рыбную ловлю в прибрежных водах СССР отдавалось государствам, с которыми имелись договорные отношения¹⁸. Летом 1923 г. смешанная советско-японская комиссия занималась определением суммы, причитающейся СССР за осуществление Японией права на рыбную ловлю¹⁹.

Третьим вопросом, который наименее всего поддавался урегулированию в рамках договора, был вопрос, связанный с давним соперничеством между КВЖД и принадлежащей Японии Южно-Маньчжурской железной дорогой, то есть соперничеством между Владивостоком и японским портом Дайреном (Дальним)²⁰. Япония, которая через своего ставленника Чжан Сюэляна имела неограниченное влияние в Маньчжурии, полностью пренебрегала беспомощным пекинским правительством и могла планировать строительство новых железных дорог, чтобы увеличить грузопоток через Дайрен, что вызывало постоянные, но безрезультатные протесты со стороны СССР и Китая. Сообщалось, что было принято решение о строительстве в 1924 г. четырех новых линий и еще одной линии в январе 1925 г.²¹ В июне 1924 г. Рудзутак, народный комиссар путей сообщения, сделал неожиданно откровенное заявление для прессы о том, что рассматривается возможность использования более длинной, но проходящей полностью по территории СССР Уссурийской железной дороги вместо КВЖД. Он заявил, что «активность японской Южно-Маньчжурской железной дороги зависит в значительной степени от активности перевозок по КВЖД»; дальнейшее звучало как ультиматум: «Учитывая неопределенность отношений между СССР и Японией, мы будем направлять весь объем перевозок до Владивостока по Уссурийской железной дороге, полностью отказавшись от использования японских железных дорог». В заключение он сказал, что «нормальное» движение будет возобновлено после восстановления «нормальных» отношений²².

Какие бы скрытые силы ни оказывали свое влияние, судьба переговоров зависела от решения вопроса о Северном Сахалине. В конце июня 1924 г. Есидзава прибыл в Токио, скорее всего за новыми инструкциями²³, после чего он посетил нефтяные месторождения Северного Сахалина, чтобы оценить ситуацию на месте²⁴. Затем в Пекине последовало короткое затишье. 31 июля 1924 г. Карахан в заявлении для японской прессы по поводу высказывания японского премьер-министра Като резко возразил против продолжающего существовать в Японии мнения, что признание Японией СССР равнозначно получению «громадной уступки». Япония не имеет права ни на какую «монополию или исключительные

права» на Сахалине, и обязательным условием любых переговоров должно стать согласие Японии на вывод своих войск «в течение определенного срока», единственным вопросом может быть срок эвакуации²⁵. Когда 3 августа 1924 г. Ёсидзава вернулся в Пекин для продолжения переговоров с Караханом²⁶, предполагалось, что договор будет вскоре подписан. Детальный перечень требований японской стороны, приведенный Ёсидзавой, показал, какой будет последняя стадия переговоров²⁷. 29 августа 1924 г. Ёсидзава вручил Карахану меморандум со сведениями о существующем объеме добычи нефти и угля, осуществляемой Японией на Северном Сахалине²⁸, что ясно указывало, какие концессии нужны Японии. О дальнейшем ходе дискуссий известно немного. В интервью прессе в начале октября 1924 г. Карахан еще раз сказал, что переговоры «вошли в завершающий и решающий этап». По всем вопросам, вызывавшим разногласия, были достигнуты соглашения. Но Япония «неожиданно связала успех переговоров с вопросом о сахалинской нефти»²⁹. Чичерин в своей речи на заседании ВЦИК 18 октября 1924 г. сказал, что «единственный вопрос, мешающий соглашению между сторонами, заключается в количестве нефти и угля, которое Япония будет получать после вывода войск с Сахалина», и что «нельзя уступать Японии все природные богатства этого края»³⁰. Японское правительство выдвинуло новую причину отсрочки эвакуации войск, заявив, что это невозможно сделать зимой из-за погодных условий. Карахан в ноте, переданной Ёсидзаве 22 октября 1924 г., интересовался, какого числа, по мнению японского правительства, погодные условия позволят начать эвакуацию войск³¹.

В передовице «Известий» от 16 ноября 1924 г. под заголовком «Пора принимать решение» осуждалась японская тактика проволочек. Из речи Рыкова несколько дней спустя можно было понять, что разногласия сведены к тому, что японская сторона требовала передачу под концессии 60% оккупированной территории, советская сторона соглашалась только на 40%³². Споры о величине и условиях концессий продолжались еще несколько недель. 27 декабря 1924 г., когда переговоры возобновились после небольшого перерыва, Сидехара в заявлении для прессы наряду с высказываниями по поводу американского иммиграционного закона и британской военной базы в Сингапуре объявил, что в скором времени можно ожидать успешного завершения переговоров с СССР³³.

Наконец 20 января 1925 г. советско-японский договор был подписан в Пекине Караханом и Ёсидзавой³⁴. Он предусматривал установление дипломатических и консульских отношений и подтверждал Портсмутский мирный договор, что снимало любые претензии СССР по поводу владения Японией Южным Сахалином и портом Дайрен. Для полной безопасности текст Портсмутского договора был приведен в приложении. Законность других соглашений с Японией должна была обсуждаться на предстоящей конфе-

ренции. Конвенция 1907 г. о рыбной ловле подлежала пересмотру, но до выработки нового соглашения по этому вопросу оставалась в силе. В договоре было указано, что ни одна из сторон не будет поддерживать или терпеть на своей территории деятельность, направленную против суверенитета или безопасности другой стороны. Советское правительство заявило, что оно готово предоставить гражданам Японии и японским фирмам концессии на добычу минералов, леса и разработку других природных ресурсов в любом районе СССР. К договору были приложены два протокола. В первом определялся срок полной эвакуации японских войск с Северного Сахалина до 15 мая 1925 г., а также указывалось, что вопросы о выплате долгов и удовлетворении претензий будут решены во время дальнейших переговоров. В этом протоколе содержалось также взаимное уверение в том, что ни СССР, ни Япония не являются членами никаких военных альянсов и не имеют ни с одной из стран секретных договоров, направленных против суверенитета, безопасности и территориальной целостности друг друга. Второй протокол касался концессий, предоставляемых Японии. Концессии на добычу нефти на $1/2$ территорий, перечисленных в меморандуме Ёсидзавы от 29 августа 1924 г., предоставлялись японской стороне на 40 и 50 лет. Было указано, что экспортируемая продукция будет освобождена от экспортной пошлины. К договору прилагалось несколько записок. В одной из них говорилось, что Советское правительство не разделяет с царским правительством политической ответственности за заключение Портсмутского договора³⁵. В другой содержались извинения Советского правительства за события в Николаевске 1920 г., что прекращало долгий спор³⁶.

Подписание договора было встречено в Москве с особым удовлетворением, поскольку это событие явилось противовесом ухудшения отношений СССР с западными странами. В интервью, данных Чичериным и Караханом, подписание договора расценивалось как новый шаг на пути достижения признания международного статуса СССР и как первый шаг по восстановлению Советской власти на Дальнем Востоке. В советской прессе сообщалось, что договор вызвал «тревогу» в империалистических государствах, особенно в Америке³⁷. Через два дня после подписания договор был представлен японскому парламенту министром иностранных дел Сидехарой, который в корректном, но необязывающем тоне заявил о важности поддержания дружественных отношений с соседними странами и улучшения отношений с СССР³⁸. Его заявление даже в Японии не встретило единогласного одобрения. 1 февраля 1925 г. «Правда» опубликовала письмо члена верхней японской палаты, в котором цитировалась резолюция, принятая на митинге в Токио 21 января 1925 г., против маневров американского флота в Тихом океане. Гото, остававшийся активным сторонником советско-японской дружбы, сделал ряд заявлений для прессы, в которых он оценил советско-японский договор как «оплот евроазиатского альянса» и «гарант мира во всем мире» и предсказал

возникновение соперничества между евро-азиатским альянсом в лице Японии, СССР и Германии и блоком США «за азиатские рынки, особенно Китай, и за гегемонию в Тихоокеанском регионе»³⁹. Такие взгляды, хотя они официально не разделялись ответственными государственными деятелями или партиями Японии, все же привлекли внимание Москвы. Фрунзе в речи 4 февраля 1925 г. с удовлетворением отметил, что «японский милитаризм в настоящее время не угрожает нашим границам на Дальнем Востоке, его действия направлены в другую сторону — против США и Китая»⁴⁰. Радек в статье, написанной в это время, объединил советско-японский договор, поражение У Пэйфу и рост популярности Гоминьдана как факторы, повлиявшие на уменьшение англо-американского влияния в Китае⁴¹.

Первые месяцы после подписания были «медовыми месяцами» договора. Японское консульство во Владивостоке, закрытое с февраля 1924 г., было вновь открыто 6 апреля 1925 г.⁴² В мае в соответствии с планом была осуществлена эвакуация войск с Сахалина⁴³. Таким образом, на всей территории СССР, за исключением Бессарабии, была установлена Советская власть⁴⁴. Переговоры по концессиям на разработку полезных ископаемых продвигались медленно, но успешно, что, в частности, выразилось в аннулировании концессий, первоначально предоставленных американской фирме «Американ синклер эксплорейшн компани»⁴⁵.

Копп, бывший представитель СССР в Берлине, а еще раньше — видный работник Наркоминдела, приехал в Токио в конце апреля 1925 г. в качестве первого советского полпреда в Японии⁴⁶. Но ему не удалось снискать расположение японского правительства⁴⁷. Возникшая опять в конце 1925 г. напряженность в советско-японских отношениях явилась результатом событий в Китае. Выступления 30 мая в Шанхае⁴⁸ обострили все проблемы и осложнили вопрос о том, как избежать открытого присоединения Китая либо к «националистическому», либо к «империалистическому» лагерю. Национальные чувства, возбужденные выступлениями, были направлены в первую очередь против Великобритании. Немедленным последствием бойкота британских товаров явилось увеличение торговли Китая с Японией⁴⁹. Но Япония была побочной мишенью китайских националистов; инцидент на одной из принадлежащих японцам текстильной фабрике привел к беспорядкам. В конечном итоге материальные интересы Японии в Китае не пересекались с интересами Великобритании. Именно против этих интересов националисты в Кантоне, активно поддерживаемые советскими советниками, собирались выступать. После поражения У Пэйфу Великобритания выказывала растущую готовность оказывать поддержку Чжан Сюэляну, ставленнику Японии, как наиболее эффективно действующему защитнику «порядка» в Северном Китае. Летом 1925 г., когда враждебное отношение Великобритании к СССР, усиленное событиями в Китае, казалось, достигло наивысшей точки⁵⁰, в Москве остро почувствовали возможность

заклучения англо-японского договора за счет интересов СССР⁵¹.

События в Маньчжурии дали более прямой и непосредственный повод для недоверия. Перед прибытием Коппа Карахан выразил Ёсидзаве протест против официального торжественного открытия Чжан Сюэляном строительства железной дороги между Таонаньфу и Цицикаром⁵². Ёсидзава формально снял с японского правительства ответственность за эти действия. Но всем было известно, что действия Чжан Сюэляна направляются и оплачиваются Японией, и, когда эмиссар Чжана появился в Токио в мае 1925 г., возникло предположение, что разговор шел о предоставлении средств на строительство железной дороги и об отношениях Чжана с Фын Юйсяном⁵³, сильным генералом гоминьцзюня. В 1925 г. военная сила Чжан Сюэляна в Северном Китае заметно возросла. С тех пор как победа национальной армии (гоминьцзюня) неожиданно привела к реставрации в Пекине власти члена древней прояпонской партии Аньфу⁵⁴, растущее влияние Японии казалось опасным и, по всей видимости, представлялось основным препятствием успеха гоминьдановских и гоминьцзюневских сил, поддерживаемых СССР. Предположение, что пересмотр политики СССР на Дальнем Востоке во время поездки Карахана в Москву в сентябре 1925 г. выразился, в частности, в придании большего внимания мнению Японии, является неправдоподобным⁵⁵. Поддержка, оказываемая советскими агентами на Севере Китая в августе 1925 г. вооруженным силам (гоминьцзюню), враждебным Японии и Чжан Сюэлянну, вызвала естественную озабоченность в Токио. В японской печати появились жалобы на «агрессивную» политику СССР в Маньчжурии⁵⁶. Советско-японская конференция по железным дорогам, проходившая в Москве в октябре 1925 г.⁵⁷, была явной попыткой устранить давнюю причину трений, но результаты ее не зарегистрированы. Тайная поддержка СССР генерала Го Сунлина, выступавшего против Чжан Сюэляна, и преждевременная радость Москвы по поводу падения Чжана⁵⁸ вряд ли могли понравиться японскому правительству.

В то же время СССР не мог позволить себе пренебречь договором с Японией и толкнуть ее в объятия Великобритании, что сделало бы положение империалистических сил в Китае неуязвимым. Таким образом, политика умиротворения являлась требованием дня. 14 декабря 1925 г. в Москве наконец были подписаны контракты с японскими фирмами, которым предоставлялись концессии на Севере Сахалина⁵⁹. По этому поводу и, без сомнения, в рамках общего плана Копп вручил Сидехаре следующую декларацию: «В последнее время японская общественность недоверчиво относится к миролюбивой политике, проводимой СССР. Ходят слухи, рассчитанные на затруднение развития дружеских отношений между СССР и Японией. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, посол имеет честь заявить от имени своего правительства, что Советский Союз не преследует никаких агрессивных целей

на Дальнем Востоке и не имеет ни малейшего намерения посягать на интересы Японии»⁶⁰. Слова декларации тщательно подбирались, а заключительная фраза могла быть истолкована достаточно широко, чтобы быть отнесенной к интересам Японии во всем Китае. Это был момент, когда сообщения о поражении и бегстве Чжан Сюэляна все еще циркулировали в Москве⁶¹. Сталин в своей речи на XIV партийном съезде несколькими днями позже постарался убедить Японию в дружеских намерениях СССР: «Япония поймет, что с этой растущей силой национального движения в Китае, идущей вперед и сметающей все на своей дороге, она, Япония, должна также считаться. Оттого именно и погибает Чжан Цзолинь, что он этого не понял. Но он погибает также оттого, что строил всю свою политику на распрях, на ухудшении отношений между СССР и Японией». Ни одна власть не могла удержаться в Маньчжурии, если она не основывалась на дружественных отношениях между Японией и СССР. Сталин продолжал: «У нас нет интересов, ведущих к обострению наших отношений с Японией. Наши интересы идут по линии сближения нашей страны с Японией»⁶².

Эта осторожная политика была заслуженно вознаграждена, когда в январе 1926 г. произошло открытое столкновение между советской администрацией КВЖД и Чжан Сюэляном, который не только восстановил, но и укрепил свое положение⁶³. Теперь Сидехара предпринял шаги для смягчения напряженности. В своей речи, посвященной международной политике, на заседании парламента 21 января 1926 г. он с удовлетворением отметил существующий в последнее время «стабильный прогресс» в советско-японских отношениях, а также говорил о «чувствах добрососедства, объединяющих два государства». Он заявил, что Япония не ищет «дружбы только для себя с каким бы то ни было государством», — обоюдоострое заверение. Заимствуя, без сомнения преднамеренно, язык декларации Коппа от 14 декабря 1925 г. (хотя прямо об этой декларации не упоминалось), Сидехара говорил о распространившихся «слухах» об агрессивных планах СССР в Северной Маньчжурии и подчеркнул, что им не обнаружено «никаких оснований верить подобным сообщениям»⁶⁴. За речью последовало правительственное коммюнике, где объяснялось, что японское правительство рассматривает возникшие противоречия как дело СССР и Китая и надеется на их мирное урегулирование⁶⁵. Это заявление и поспешность, с которой Чжан Сюэлян отказался от своей непримиримой позиции, с большой вероятностью показывают, что на Чжана из Токио было оказано давление с целью урегулирования конфликта⁶⁶.

С этого момента умиротворение Чжан Сюэляна и Японии стало основной тональностью политики СССР на Дальнем Востоке, что нашло прямое отражение в докладе на Политбюро ЦК 24 марта 1926 г.⁶⁷ Литвинов в докладе ВЦИКу от 24 апреля 1926 г. по внешнеполитическим вопросам откровенно тепло высказывался о

Японии. Он признал «политические и экономические интересы Японии» в Маньчжурии и выразил готовность «пойти им навстречу». По всем вопросам: железных дорог, лесных концессий, рыбной ловли — велись переговоры, и Литвинов выразил надежду, что эти вопросы будут решены «на достаточно широкой основе, которая обеспечит прочный фундамент для дружественных отношений между СССР и Японией»⁶⁸. Серебряков после успешного завершения миссии к Чжан Сюэляну⁶⁹ направился в Токио. 14 мая 1926 г. он встретился с японским министром железных дорог. После его отъезда из Токио 23 мая 1926 г. в «Правде» появилось сообщение о том, что «соответствующее соглашение» было достигнуто «на принципах, которые должны соблюдать оба правительства в вопросе экономического развития Маньчжурии», а также по техническим вопросам, касающимся железных дорог⁷⁰. Примерно в это же время Копп, который, по-видимому, не соглашался с политикой примирения, был заменен поверенным в делах Беседовским, получившим инструкции «любыми способами предотвратить англо-японскую интервенцию в Китай в случае дальнейшего развития революции в Китае»⁷¹. Пугало воскресшего англо-японского альянса как ядра империалистической антисоветской коалиции на Дальнем Востоке продолжало преследовать советскую дипломатию.

Торговые отношения между СССР и Японией, кроме приобретения концессий на Сахалине, не представляли важности в тот момент, и заключение договора 20 января 1925 г. не оказало на них немедленного воздействия. По советским статистическим данным, экспорт из СССР в Японию составлял в 1924—1925 и 1925—1926 гг. по 55 млн. рублей, но большая часть этой суммы приходилась на долю угля и нефти, экспортируемых с Сахалина. Импорт СССР из Японии составлял только 11 млн. рублей⁷². После назначения Янсона торговым представителем в советскую миссию в Токио в июле 1925 г. Красин в интервью прессе опроверг предположение, что государственная монополия на внешнюю торговлю является препятствием для развития торговли с Японией, и выразил надежду, что японский капитал будет способствовать развитию «естественных богатств Сибири и приморских районов», а также высказался за создание смешанных фирм. Развитие подобных отношений было названо «несравнимо более важным, чем развитие чисто торговых отношений»⁷³.

В этот период советско-японских отношений коммунистические силы в Японии практически не проявляли активности. Официальный роспуск Коммунистической партии Японии произошел в марте 1924 г.⁷⁴, когда в Пекине начинались переговоры Карахана с Есидзавой, хотя между этими двумя событиями не может быть никакой связи. В Москве, казалось, не придали никакого официального значения роспуску КПЯ. 6 мая 1924 г. ИККИ обратился с воззванием к «рабочим и крестьянам» Японии, в котором осуж-

дался правящий класс, «помещики, милитаристы, чиновники и капиталисты-монополисты» и содержался призыв к созданию рабоче-крестьянской партии. Партия должна стать «независимой от буржуазных радикалов». Но рекомендованная для партии программа была в принципе буржуазно-демократической и предусматривала: демократическое правительство, всеобщее избирательное право, свободу слова, печати и собраний, а также свободу для рабочих организовываться и бастовать⁷⁵.

В докладе ИККИ на V конгрессе Коминтерна в секции по Японии говорилось о преследованиях, которым подвергалась КПЯ, и о «больших потерях», которые она понесла после землетрясения. Коминтерн советовал «использовать всякую легальную возможность и сделать все для образования легальной партии»⁷⁶. На самом конгрессе Катаяма тоже не упомянул о роспуске партии и говорил о легальной рабоче-крестьянской партии как о только что организованной⁷⁷. Конгресс организовал комиссию по Японии, которая практически ничего не сделала. После конгресса ИККИ формально переслал японский вопрос Президиуму⁷⁸. Провозглашенную линию можно было сравнить с линией русских коммунистов в 1905 г., когда Ленин выдвинул требование «революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян» и призвал пролетариат «завершить демократическую революцию совместно с крестьянскими массами»⁷⁹. Было официально признано, что поражение первой КПЯ вызвано тем, что ее члены впали в одну из двух ересей: меньшевистскую ересь, что буржуазно-демократическая революция может быть осуществлена под руководством буржуазии, или анархистскую ересь, что «можно непосредственно перейти к социализму, минуя буржуазно-демократическую фазу революции»⁸⁰. Зиновьев на V расширенном пленуме ИККИ в марте 1925 г. еще раз вспомнил об опыте 1905 г. и заявил, что «буржуазная революция стучит в двери Японии»⁸¹.

Это соответствовало как проводившейся политике, так и событиям, происходящим в Японии, и все больше внимания стало уделяться профсоюзному движению в стране. Профсоюзы до этого времени не играли сколько-нибудь значительной роли в Японии. Из 16 млн. японских рабочих более половины были заняты в сельском хозяйстве и лишь 3,5 млн.— в заводской промышленности, из них только 250—350 тыс. в 1925 г. были организованы в профсоюзы⁸². Федерация профсоюзов Родо Содомэй, образованная в 1921 г., первоначально рассматривалась как организация левых сил. Но на своем конгрессе в феврале 1924 г., когда еще ярки были воспоминания о землетрясении и продолжались преследования сторонников левых сил, руководство федерации резко повернуло вправо. Оно отвергло теорию классовой борьбы, делало попытки сближения с Международной организацией труда (МОТ), штаб-квартира которой находилась в Женеве, и вскоре начало исключать из федерации левые профсоюзы⁸³. В апреле 1924 г. было объявлено, что делегация японских рабочих впервые будет при-

существовать на ежегодной конференции МОТ и что Судзуки, председатель Содомэй, избран делегатом на конференцию⁸⁴. Формирование в июне 1924 г. коалиционного правительства под руководством партии Кэнсэйкай обещало определенную либерализацию режима, включая и более терпимое отношение правительства к умеренным кругам в профсоюзном движении. Судзуки усвоил на Западе модную идею политической организации труда и вернулся в Японию в конце октября 1924 г. с намерением основать рабочую партию по образцу Лейбористской партии Великобритании или СПГ (Социалистическая партия Германии)⁸⁵. В конце года было сделано предложение аморфному японскому крестьянскому союзу организовать единую рабоче-крестьянскую партию⁸⁶. Тем временем между правым и левым крылом Содомэй возникли трения. На съезде восточного района в октябре 1924 г. 60 делегатов левого крыла покинули зал заседаний, съезд в своем решении тем не менее записал требование организации рабочей партии и установления отношений между Японией и СССР⁸⁷. В декабре 1924 г. несколько профсоюзов Токио вышли из Содомэй и начали издавать свою независимую газету⁸⁸.

В такой обстановке снова возник вопрос о коммунистической партии как о факторе беспокойства. В январе 1925 г. группа бывших лидеров партии — Сано, Арахата и Токуда, а также профсоюзный лидер Ватанабе, который выступал против роспуска компартии и желал ее возрождения, встретились в Шанхае с Войтинским и Геллером, являвшимися руководителями дальневосточных отделов Коминтерна и Профинтерна соответственно⁸⁹. В тезисах, написанных при встрече, заявлялось, что насущной задачей японских коммунистов является «реорганизация коммунистической партии», осуждались ошибки, совершенные предыдущим партийным руководством⁹⁰. Шанхайские тезисы не получили немедленного развития⁹¹. Но то ли в результате возобновления коммунистической активности, то ли в результате опасений, связанных с заключением советско-японского договора 20 января 1925 г., в тот год в Японии были сильны антикоммунистические настроения. 18 февраля 1925 г. наконец начался суд над 29 коммунистами, обвинение которым первоначально было предъявлено в 1923 г.⁹² Переговоры о создании рабочей партии вызвали трения внутри профсоюзной федерации Содомэй между Судзуки и Цудзи, лидером небольшой коммунистической группы, которая имела якобы 5000 сторонников в профсоюзах⁹³. Этот вопрос стал основным на съезде Содомэй, проходившем в Кобе 15—17 марта 1925 г. На заседании исполкома 27 марта произошел открытый раскол. 13 апреля меньшинство, хотя официально не исключенное из организации, образовало оппозиционную фракцию под названием «Какусин Домэй»⁹⁴. В мае 1925 г. в Шанхае⁹⁵ произошла еще одна встреча с представителями Профинтерна, на которой были выработаны тезисы, где больше не говорилось о воссоздании партии, а основное внимание уделялось положению в профсоюзах. В тезисах бы-

ло записано: «Таким образом, нашей насущной задачей становится организация широких и еще не организованных масс народа, особенно левых сил, в профсоюзы; объединение профсоюзного движения за счет скорейшего образования всеобщей национальной федерации; поддержка местных профсоюзных организаций в их независимой деятельности; стимулирование активности заводских профсоюзных комитетов; внесение своего вклада в борьбу против лидеров правого крыла и общее усиление профсоюзов». В то же время было сделано предупреждение о том, что «левое крыло Японской федерации труда не должно выходить из федерации, но члены его должны настойчиво бороться и стараться подорвать правое крыло изнутри, а также объединить все левые силы»⁹⁶.

Предупреждение против раскола, которое совпадало с линией Коминтерна⁹⁷, пришло слишком поздно. 16 мая 1925 г. исполком Содомэй проголосовал за исключение фракции Какусин Домэй; а на съезде 24—27 мая исключенное меньшинство образовало независимый профсоюзный комитет Родо Хёгикай со штаб-квартирой в Осаке⁹⁸. Комитет незамедлительно созвал учредительный съезд и выступил с заявлением, в котором определялась проводимая им линия. Его целью была организация рабочих в профсоюзы, основанные на принципе классовой борьбы, таким образом объявлялось необходимым проведение как экономических, так и политических акций. Комитет стремился к сотрудничеству с крестьянскими профсоюзами, а также провозгласил единство, национальное и интернациональное, профсоюзного движения. Он был готов принять тактику «реформистов», но «только на основе классовой борьбы». Он предложил организовать лигу безработных (это явно было навеяно британским национальным движением безработных) и рабочую партию⁹⁹. В заявлении печатных органов Коминтерна вина за раскол, как обычно, приписывалась правому крылу, находящемуся под влиянием Международной федерации тред-юнионов: «Известно, что в рядах профдвижения Японии произошел раскол. Этот раскол приписывается коммунистам. Кому же еще? Но, с другой стороны, МФТЮ уверяет нас, что коммунисты не пользуются никаким влиянием и что их уже давно выгнали из профдвижения. Это заявление ясно показывает, что раскол в японских профсоюзах является либо результатом деятельности правительственных агентов, либо результатом деятельности таких обскурантистов, как Сассенбах, Альберт Томас и др., с целью не допустить образования единого интернационала профсоюзов, строящего свою политику на принципах классовой борьбы»¹⁰⁰.

После раскола в федерации Содомэй осталось 35 профсоюзов общей численностью около 20 тыс. человек; заявлялось, что Хёгикай объединяет 32 союза, насчитывающих 12,5 тыс. членов¹⁰¹. Но это составляло лишь очень малую часть от общего числа японских рабочих, большинство которых были совершенно не организованы или входили в профсоюзы, не примыкавшие ни к одной из федераций¹⁰².

В то время как в Японии происходили эти события, Судзуки опять отправился в Женеву в качестве делегата японских рабочих на ежегодный съезд МОТ, который открылся 19 мая 1925 г.¹⁰³ Оттуда он приехал в Амстердам, где обсуждал с руководством МФТЮ проект созыва в Европе паназиатского съезда профсоюзов под эгидой МФТЮ¹⁰⁴. Неизвестно, останавливался он в Москве при возвращении в Японию или нет. Но его секретарь Нисно достаточно долго пробыл в Москве и посетил Лозовского, заверив его в своем согласии с линией Профинтерна и в том, что он «в душе коммунист», но не возьмет на себя ответственность подвергнуть японский пролетариат полицейским преследованиям, распространяя эти взгляды. Граница между коммунистами и некоммунистами, между революционными и реформистскими левыми силами, которая становилась на Западе все более ясной, казалась еще неопределенной в японском рабочем движении. Оба направления являлись вариациями на одну, западную, тему. Федерация Хёгикай, несмотря на все ее претензии на революционность, проголосовала на своем съезде в январе 1926 г. за посылку делегации на конференцию МОТ в Женеве. Решение это, вполне естественно, было осуждено Профинтерном¹⁰⁵.

Некоторые шаги к примирению со сторонниками умеренных реформ отметили направление японской политики в 1925 г. В апреле правительство партии Кэнсэйкай приняло закон, расширяющий избирательные права, что привело к увеличению числа обладающих правом голоса с 3 до 12 млн. человек. Но то, что этот широко рекламируемый шаг на пути либерализации не означал увеличения терпимости к крайне левым, показало принятие закона «о сохранении мира», направленного против «распространения вредных мыслей». Закон предусматривал серьезные наказания за членство в любой организации, которая стремится изменить конституцию или «отвергает систему частной собственности»¹⁰⁶. 27 августа 1925 г. суд над 29 коммунистами, начавшийся еще в феврале, закончился осуждением и тюремным заключением 24 из них. В то же время события в Шанхае, последовавшие за «движением 30 мая», не могли не вызвать отклика в Японии¹⁰⁷. В августе 1925 г. группа бывших партийных лидеров, включая Арахата и Ватанабе, коммунистического лидера профсоюза, тайно собралась с целью оценки перспектив¹⁰⁸. Была принята линия на создание легальной рабоче-крестьянской партии (в соответствии с мнением Коминтерна) как прикрытия для коммунистической деятельности¹⁰⁹. В сентябре 1925 г. коммунисты восстановили контроль за деятельностью Общества по изучению политических проблем — группы по изучению марксизма. Созданная в 1923 г., эта группа после роспуска компартии попала под влияние «умеренных». В период своего расцвета в 1925 г. она объединяла около 50 групп и 3 тыс. человек, вела активную кампанию за создание рабочей партии. Но она так и осталась группой интеллектуалов, не имеющей влияния в профсоюзах и широких массах¹¹⁰. Тем временем 10 августа 1925 г. в

Осаке была проведена конференция, на которой присутствовало 56 делегатов, представляющих «левые» организации, включая профсоюзные организации Содомэй и Хёгикай, Сейдзи Мондай Кенкункай и Номин Кумайай (крестьянский союз). Конференция являлась подготовкой к созданию рабочей партии. На ней была выработана платформа, включающая разнообразные политические, социальные и экономические требования¹¹¹. Скорее всего, на эту конференцию и получила приглашение советская профсоюзная делегация, которая в это время находилась в Китае¹¹². Делегация, куда входил Лепсе и три других профсоюзных лидера, приехала в Японию 20 сентября и спустя два дня через Кобе прибыла в Токио. Представители как Содомэй, так и Хёгикай встретили ее с таким энтузиазмом, что полиция забеспокоилась. Японские профсоюзные лидеры были арестованы¹¹³. Члены советской делегации настолько опекались полицией, что не смогли встретиться с руководством японских профсоюзов. Делегация спешно покинула Японию, выразив протест против такого приема¹¹⁴. После отъезда делегации Копп заявил официальный протест и, по имеющимся сведениям, получил извинения¹¹⁵. В ноябре 1925 г. делегация японского профсоюза металлургической промышленности нанесла ответный визит в Москву¹¹⁶. Осенью 1925 г. нелегальный орган «Мусанся симбун» («Пролетарская газета»), финансируемый Коминтерном и издававшийся, по-видимому, в Шанхае, начал временами появляться в Японии, пока не вмешалась полиция. Основной темой, проводимой в издании, было создание рабочей партии под руководством коммунистов¹¹⁷.

В конце 1925 г. эти различные тенденции сошлись в одной точке: создание легальной рабочей партии. Из-за соперничества Содомэй и Хёгикай инициативу взял на себя крестьянский профсоюз, который предложил обеим фракциям провести совместную конференцию 1 декабря 1925 г. Стороны дали свое согласие. Однако на предварительной встрече 29 ноября представители Содомэй заявили протест против участия представителей Хёгикай и других групп, придерживающихся крайних взглядов, и, после того как протест был отклонен, федерация отозвала своих делегатов¹¹⁸. Оставшиеся участники конференции объявили о создании Крестьянско-рабочей партии (Номин Родото). Декларация и программа, выпущенные от имени новой партии, были на редкость умеренными. В них не содержалось никакой революционной или коммунистической терминологии, и практически они сводились к умеренному буржуазному радикализму. Однако это не уменьшило подозрительности полиции, и через три месяца после организации партии был издан приказ о ее разгоне¹¹⁹. Федерация Содомэй объяснила свой уход с конференции тем, что считает для себя «невозможным находиться в одной политической партии с Хёгикай»¹²⁰. Однако прежние попытки продолжались после этого фиаско. Хёгикай объявила, что она остается верной делу пролетарской партии, но не будет больше участвовать ни в каких конференциях, устраиваемых

крестьянским профсоюзом ¹²¹. После устранения этого препятствия в начале марта 1926 г. в Осаке была созвана еще одна конференция, в которой не участвовала федерация Хёгикай и на которой Рабоче-крестьянская партия (Родо Номинто, или Роното) была создана под эгидой крестьянского союза, федерации Содомэй и некоторых других союзов. Этой партии удалось избежать официального запрещения. Ее программа в пунктах, касающихся требований рабочих, не выходила за рамки буржуазной демократии ¹²².

Лозовский охарактеризовал партию как реформистскую организацию, исполком которой включал одного «профессора-фабианца» и двух христианских социалистов ¹²³. В то же время Содомэй выдвинула предложение, которое не было принято, об исключении из партии коммунистов и членов Хёгикай. Отклонение этого предложения было расценено в коминтерновской печати как поражение на конференции Содомэй ¹²⁴. VI расширенный конгресс ИККИ, проходивший в Москве в феврале — марте 1926 г., выразил беспокойство по поводу возрождения планов созыва паназиатской конференции тред-юнионов, целью которой являлось «подчинить влиянию реформистов рабочие движения в Японии, Индии и Китае» ¹²⁵. Не выдержав этих тревожных сигналов, Хёгикай созвала свой второй съезд в апреле 1926 г.; он прошел в оптимистическом ключе. Съезд послал приветствие новой Рабоче-крестьянской партии, но призвал к организации действительно пролетарской партии. Он осудил действия Амстердамского интернационала профсоюзов, отвергшего предложения Профинтерна о единстве профсоюзов, и приветствовал работу объединенного англо-русского совета. В Москве работу съезда расценили как показатель мощного движения профсоюзного меньшинства, поддерживающего линию Профинтерна ¹²⁶. Это было некоторым утешением при отсутствии в Японии коммунистической партии.

После беспорядков в Корее 1919 г. и официального основания первой Коммунистической партии Кореи в 1920 г. ¹²⁷ движение в самой Корее было полностью подавлено. В 1924 г. партия, говорят, разделилась на две фракции — руководство одной из них располагалось в Иркутске и поддерживалось Коминтерном, руководство другой фракции обосновалось в Шанхае ¹²⁸. Ни одна из фракций, однако, не отличалась жизнестойкостью. Заключение советско-японского договора 20 января 1925 г. корейские эмигранты в Пекине встретили прокламацией, в которой отреклись от СССР, вступившего в сговор с японскими угнетателями ¹²⁹. Но примерно в то же время в Корее произошло некоторое воскрешение политической активности, может быть, за счет частичной либерализации режима в Японии. В марте 1924 г. один оптимистически настроенный репортер сообщил о «признаках появления организованного национально-освободительного движения в Корее, которое ведет к созданию рабоче-крестьянской партии» ¹³⁰. Несколько месяцев спустя IV конгресс КИМ сообщил о создании

в Корее «ряда коммунистических организаций на местах... деятельность которых направлена на формирование единой организации»¹³¹. В апреле 1925 г. были сделаны попытки созвать в Сеуле съезд корейских рабочих и крестьян. Заявлялось, что съезду покровительствует Содомэй, а также марксистская группа Сейдзи Мондай Кенкункай по изучению марксизма. Его повестка охватывала широкий круг социальных, политических и международных проблем, в частности план Дауэса, укрепление Советской власти, лейбористское правительство в Великобритании и закон об избирательном праве в Японии. Но в повестке аккуратно обходились любые намеки на революционную деятельность или освобождение Кореи от японского ига. Эта попытка не выходить за рамки закона тем не менее не помогла. В самой подготовке к съезду полиция усмотрела «дух Москвы». Накануне предполагаемого дня открытия, 20 апреля 1925 г., полиция запретила съезд, собравшиеся в зале заседаний делегаты были разогнаны, а некоторые из них арестованы. В заявлении представителей власти по поводу происшедшего говорилось о «присутствии иностранных представителей, придерживающихся „наиболее крайних взглядов“» (это, по-видимому, относилось к японским коммунистам, поскольку русских на съезде не было), и об «опасной направленности съезда». Разгон съезда, казалось, прошел без последствий¹³². В том же году была образована новая Коммунистическая партия Кореи, которая в 1926 г. была признана Коминтерном¹³³. Но ничем особым эта партия себя в то время не проявила¹³⁴.

В: СТРУКТУРА КОМИНТЕРНА

ГЛАВА 43

ОРГАНИЗАЦИЯ

В 1924—1926 гг. большое внимание уделялось организации Коминтерна и взаимоотношениям между его центральными органами и партиями, входящими в Коминтерн. Это естественный процесс для организации, деятельность которой после беспорядка и неконтролируемого энтузиазма первых лет была поставлена на постоянную деловую основу. Пока мировая революция представлялась неизбежной и быстрой, ничто, касавшееся Коминтерна, не представлялось неизменным: сами большевистские лидеры с уверенностью предсказывали время, когда штаб-квартира руководящих органов Коминтерна будет переведена из Москвы¹. Но когда стало ясно, что революция на Западе откладывается на неопределенное время и Коминтерн был вынужден настраиваться на длительный период деятельности примерно в том виде, в каком он существовал, для всех стала очевидной необходимость организовать Коминтерн на основе, обеспечивающей его эффективность и прочность. И не могло возникнуть сомнения, какая это будет основа. Победа большевиков была омрачена печатью поражения, которая лежала с октября 1923 г. на Коммунистической партии Германии, наиболее сильной из всех зарубежных компартий; остальные партии даже не сделали попытки революционного переворота. Компартии России надлежало играть руководящую роль в решении как организационных, так и других вопросов. Ей не только следовало занимать центральное место в Коминтерне — ее организационные формы должны были служить моделью для остальных компартий. Это был ключевой момент всех обсуждений организационных вопросов в Коминтерне, на котором сначала косвенно, а затем открыто делали акцент.

Упор на организационные вопросы был частью более широкой кампании по «большевизации секций Коммунистического Интернационала», провозглашенной на V конгрессе². Она явилась отражением сложной, неустойчивой ситуации в мире, где перспектива мировой революции была слишком отдаленной, чтобы давать четкие политические директивы или бросать боевой клич, и первой необходимостью было обеспечить приверженность зарубежных компартий делу Советского Союза, находящегося в изоляции и под угрозой нападения со стороны капиталистического мира.

а) Центральный аппарат

Устав Коминтерна, принятый на его II конгрессе в 1920 г.³, был простым документом. За вступлением, где Коминтерн характеризовался как преемник I Интернационала и «одна коммунистическая партия во всемирном масштабе», следовало 17 кратких деловых параграфов. III и IV конгрессы, хотя официально и не внесли поправок в устав, приняли несколько положений, косвенно затрагивающих вопросы организации Коминтерна и некоторые положения, в которых прямо говорилось об изменении процедуры, предусмотренной уставом, в особенности в отношении состава и функций ИККИ⁴; в конце резолюции по реорганизации ИККИ, принятой на IV конгрессе, содержалось указание ИККИ выработать новую редакцию устава, которая бы отвечала требованиям текущего момента, и одновременно учредить Восточный отдел, Организационный отдел (Оргбюро), Отдел агитации и пропаганды и Отдел статистики и информации⁵. По окончании конгресса Коларов был избран генеральным секретарем ИККИ, Пятницкий и Стокер — секретарями, а Куусинен и Ракоши — кандидатами⁶. Соответственно было образовано четыре отдела⁷. Однако не было заметно прогресса в деле выработки поправок к уставу до тех пор, пока накануне V конгресса, состоявшегося в июне 1924 г., не был опубликован проект устава в новой редакции⁸.

Проект устава был передан конгрессом в Организационную комиссию, где председателем был Гешке, а секретарем — Пятницкий⁹. Пятницкий, с небольшими изменениями проведя устав через комиссию, выступил с докладом об этом на одном из последних пленарных заседаний конгресса. В комиссии итальянские делегаты, возглавляемые в то время Росси, были возмутителями спокойствия, однако на голосовании хорошо дисциплинированное большинство не поддержало их ни по одному вопросу. Больше всего волнений вызвало предложение итальянцев включить параграф, запрещающий создание фракций в компартиях, что, согласно заявлению Росси на пленарном заседании, лишило возможности ИККИ проводить дезорганизующую тактику, создавая «сверху» диссидентские фракции, настроенные в пользу ИККИ. Оно было отвергнуто большинством, после того как Пятницкий громогласно объявил доводы Росси инсинуацией. После короткого обсуждения текст устава был единогласно принят конгрессом¹⁰. Устав был значительно больше по объему и полнее, чем документ 1920 г., и включал 35 статей, объединенных в 6 глав. В первой статье Интернационал теперь характеризовался не как «союз рабочих для организации совместных действий пролетариев различных стран», а как «объединение коммунистических партий отдельных стран, единая мировая коммунистическая партия». Новый устав не оставлял сомнений, что члены Коминтерна будут верно следовать большевистской и советской моделям. Он закрепил все-

мирный конгресс Коминтерна, созываемый «по крайней мере раз в два года», в качестве высшего руководящего органа.

В уставе содержалось указание ИККИ создать Президиум для работы в качестве постоянного органа, который обладал бы полномочиями конгресса в период между сессиями. Председатель ИККИ и его Президиума, избираемого конгрессом, являлся председателем Коммунистического Интернационала — это звание до тех пор официально отсутствовало. Положение, принятое IV конгрессом, о том, что съезды партий должны проводиться после всемирного конгресса Коминтерна, было заменено на положение, согласно которому съезды партий должны проводиться только с согласия ИККИ¹¹. Президиум из 50 человек, где Зиновьев, Бухарин и Сталин представляли партию России (Каменев, Рыков и Сокольников — кандидаты), а Мануильский — партию Украины (Фрунзе — кандидат), был избран на пленуме ИККИ 8 июля 1924 г.¹² Пятницкий стал главным экспертом Коминтерна по организационным вопросам и ответственным за административные вопросы. На V конгрессе он был избран кандидатом в члены ИККИ, а на сессии, состоявшейся сразу после конгресса, введен в секретариат и в Оргбюро¹³. Принятие нового устава завершило эволюцию Коминтерна в соответствии с принципами, на которых строились компартия России и советские органы¹⁴. Конгресс — высший орган — созывался все реже и реже, его функции были переданы укрупненному ИККИ, а руководящая роль ИККИ в свою очередь перешла к его Президиуму. Даже внутри Президиума действительная власть вскоре перешла к небольшой неофициальной группе, состав которой варьировался в соответствии с изменениями политической обстановки в СССР. Во время и после V конгресса исключительной властью в Коминтерне обладал триумvirат — Зиновьев, Бухарин и Сталин (Каменев никогда не вмешивался в дела Коминтерна); Пятницкий отвечал за организационные и финансовые вопросы; венгр Бела Кун и финн Куусинен были теми, чье присутствие придавало интернациональную окраску руководящим органам.

Наиболее важной задачей, которую выдвигал новый устав, были упорядочение и укрепление организации ИККИ в направлениях, уже выработанных на IV конгрессе, но не до конца проведенных в жизнь. Было очевидно, что Оргбюро являлось наиболее важным из новых органов, создание которых предусматривала резолюция IV конгресса; выбор самого названия подразумевал аналогию с влиятельным Оргбюро РКП(б). Его функции были расплывчато определены Эберлейном, докладчиком на IV конгрессе, — улучшение организации коммунистических партий и курирование нелегальной работы¹⁵. Первые этапы его деятельности покрыты мраком¹⁶. Вначале Оргбюро было всего лишь Организационным отделом в ИККИ. Но в 1923 г. было проведено разделение: Оргбюро осталось ответственным за разработку политики, в то время как Орготдел занимался текущей работой и

связями с коммунистическими партиями¹⁷. Устав, принятый на V конгрессе, предусматривал, что Оргбюро выбирается ИККИ для «обсуждения и решения всех организационных и финансовых вопросов ИККИ». В Президиум ИККИ могли подаваться апелляции, оспаривающие решения Оргбюро, однако эти решения оставались в силе до отклонения их Президиумом. Ключевое положение Оргбюро еще больше отражалось в статье устава, придававшей Организационному бюро секретариат, который в уставе характеризовался как «исполнительный орган ИККИ, Президиума и Оргбюро»; члены секретариата по должности являлись членами Оргбюро. Это положение ясно указывало на определенную аналогию с РКП(б), где связь между Оргбюро и секретариатом была особенно тесной. В конце работы конгресса ИККИ назначил пять человек членами секретариата: Куусинена, Пятницкого, Эмбера-Дро (все трое — руководящие деятели Коминтерна), Гешке и Трейнта. Эти пятеро, вместе с еще девятью лицами, представляющими все основные партии, образовали Оргбюро¹⁸. Политическое заявление от имени Коминтерна сделал Президиум ИККИ. Он обладал полнотой власти, подобно Политбюро РКП(б). Но инструкции партиям не только по финансовым и организационным вопросам, но и по проведению текущих кампаний и по бесчисленным вопросам вспомогательной деятельности Коминтерна и его подчиненных учреждений исходили из Оргбюро и секретариата¹⁹. Пятницкий, единственный представитель России в секретариате, хотя, казалось, и не вмешивался в обсуждение крупных политических вопросов, стал наиболее заметным и влиятельным постоянным руководителем в аппарате Коминтерна.

Устав предусматривал создание четырех отделов ИККИ в соответствии с решением, принятым на IV конгрессе²⁰. Наибольшую значимость из этих отделов стал представлять Организационный отдел, в основном из-за важности вопросов, связанных с организацией коммунистических партий в период 1924—1926 гг. Пятницкий в статье, опубликованной накануне V конгресса в июле 1924 г., настаивал на том, чтобы Организационный отдел был усилен представителями ведущих компартий и чтобы он осуществлял контроль за выполнением партиями решений по оргвопросам, принятым конгрессом или ИККИ²¹, это в дальнейшем стало важным направлением в процессе большевизации партий. Специальные конференции по оргвопросам, подготовленные Орготделом ИККИ, на которых собрались отвечающие за это представители партий, были проведены в Москве одновременно с V и VI пленумами расширенного ИККИ — 16—25 марта 1925 г. и 10—17 февраля 1926 г.²²

Не меньшую важность представлял так называемый Агитпроп — отдел, занимающийся вопросами агитации и пропаганды. V конгресс в резолюции о пропагандистской деятельности выразил сожаление по поводу того, что «теоретическая работа» «явно остановилась на мертвой точке почти во всех секциях Коммуни-

стического Интернационала», и выразил мнение, что «большевизация в данном контексте означает окончательную идеологическую победу марксизма-ленинизма». ИККИ было необходимо «организовать и расширять Отдел агитации и пропаганды», а для самых крупных и «наиболее развитых массовых коммунистических партий» рассматривать эту деятельность как «особое направление в партийном аппарате», другими словами — образовать Агитпроп внутри партии. В той же резолюции предлагалось учредить курсы марксистско-ленинской учебы в Москве для работников зарубежных партий и партийные школы и курсы в каждой стране²³. Бела Кун стал новым руководителем Агитпропа; его устав был опубликован вскоре после V конгресса²⁴. Его работой руководила малая коллегия, состоявшая из представителей других связанных с подобного рода деятельностью органов (включая Агитпроп РКП(б)), и расширенная коллегия, собиравшаяся дважды в год и включавшая представителей отделов Агитпропа остальных ведущих партий. Работа в Агитпропе велась в четырех секциях — массовой агитации, «пропаганды», то есть партийного образования (эта секция должна была работать в тесной связи с Институтом Маркса-Энгельса, Ленинской школой, Коммунистической академией и Институтом красной профессуры), секции печати и публикации и секции, отвечающей за сбор информации по накопленному опыту компартий. Все циркуляры Агитпропа перед публикацией должны были одобряться ИККИ или секретариатом; на важных документах или документах политического характера ставилась подпись члена секретариата.

Из двух других отделов, образованных в соответствии с уставом ИККИ, Отдел информации и статистики, как представляется, должен был продолжать выполнять чисто технические функции²⁵, а Восточный отдел до 1926 г. играл незначительную роль. В то же время или немного позднее были дополнительно образованы отделы: женский, профсоюзный и кооперативный²⁶; их уставы практически ничем не отличались от уставов других отделов²⁷.

Устав ИККИ, принятый на V конгрессе, также предусматривал образование нового важного органа — Международной контрольной комиссии, созданной по прямой аналогии с Центральной контрольной комиссией РКП(б)²⁸. План создания «временной» Международной контрольной комиссии был выдвинут на III конгрессе Коминтерна в июле 1921 г.²⁹ Однако из этого ничего не получилось. Согласно заявлению Пятницкого, сделанному позднее³⁰, IV конгресс Коминтерна в ноябре 1922 г. поручил французской и германской делегациям подготовить создание комиссии; но, если таковая и была создана, она никогда не собиралась. К 1923 г. комиссии вменялись в обязанность следующие функции:

а) рассматривать жалобы на органы ИККИ и затем давать по ним рекомендации ИККИ;

б) рассматривать «жалобы отдельных лиц или целых организаций по дисциплинарным мерам, принятым против них секциями

Интернационала» (иначе говоря, коммунистическими партиями), и давать по ним рекомендации ИККИ;

в) осуществлять контроль за финансовой деятельностью ИККИ;

г) осуществлять контроль за финансовой деятельностью партий по решению ИККИ³¹.

В проекте устава Коминтерна, представленном V конгрессу³², функции постоянной Международной контрольной комиссии были определены теми же рамками. Нет записей какого-либо обсуждения этой части устава в Организационной комиссии конгресса. Когда Пятницкий выступил с докладом на пленуме, единственная поправка, упомянутая им по разделу, относящемуся к Международной контрольной комиссии, предусматривала, что комиссия, по аналогии с Контрольной комиссией РКП(б), должна назначаться не ИККИ, а самим конгрессом³³, а определение четырех функций комиссии осталось без изменений³⁴. Международная контрольная комиссия, избранная конгрессом на его заключительной сессии, состояла из 17 членов, представлявших все основные партии; представителями от России были Солыц, председатель Центральной контрольной комиссии РКП(б), и Стучка³⁵.

В действительности комиссия никогда не действовала так, как это предполагалось. Что касается первой из ее функций, то не было случая, чтобы ей передавались жалобы на отделы ИККИ. Серьезные жалобы на ИККИ рассматривались самим ИККИ или специально назначенными им комиссиями³⁶, и эта функция контрольной комиссии, никогда ею не выполнявшаяся, была тихо отменена на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. Ее вторая функция (рассмотрение жалоб на секции Интернационала) доставила некоторое беспокойство. Единственными жалобами, относящимися к этому параграфу, были жалобы на РКП(б) от членов оппозиции; и 9 апреля 1925 г. Международная контрольная комиссия вышла из неудобного положения, решив рассматривать жалобы отдельных членов партий, «только если они имеют политические основания или передаются ей секретариатом или Президиумом ИККИ»³⁷. Таким образом, комиссия стала в первую очередь карающим инструментом в руках ИККИ, используемым против диссидентов и возмутителей спокойствия в партиях Коминтерна, что в точности соответствовало функциям контрольной комиссии в РКП(б). Примечательно, что зарубежным коммунистическим партиям не рекомендовалось организовывать свои собственные контрольные комиссии: у партий, «не осуществляющих государственную власть», как было провозглашено, нет необходимости в таких комиссиях. Однако на деле некоторые партии их создали³⁸.

В дополнение к этим функциональным отделам вскоре возникла необходимость в организации секретариата по национальным или географическим признакам, чтобы курировать работу национальных партий или групп партий. Первоначальный план перераспределения полномочий, относящийся ко времени основа-

ния Коминтерна, видимо, предполагал создание «бюро» в различных центрах. Но эксперимент с Западноевропейским бюро или секретариатом сначала в Амстердаме, затем в Берлине³⁹ не оправдал себя в первые же годы, а Скандинавское, Балканское, Центральноевропейское и Дальне- и Ближневосточные бюро, упоминавшиеся в докладе ИККИ на II конгрессе в 1920 г.⁴⁰, по всей видимости, также долго не просуществовали или сыграли незначительную роль. Латинский секретариат, который состоял, очевидно, из одного работника аппарата Коминтерна, отвечавшего за латинские страны в 20-е годы, тоже никак себя не проявил⁴¹.

По решению IV конгресса Коминтерна⁴² Президиум ИККИ назначил «докладчика» по каждой значительной стране или группе стран, который должен был информировать ИККИ о положении дел в соответствующих странах. Предполагалось, что «докладчики», как правило, будут выходцами из стран, за которые они отвечали, членами ИККИ и проживать в Москве; также были назначены замещающие их лица из числа работников Информационного отдела ИККИ⁴³. Однако, учитывая условия жизни и работы в Москве, не многие кадровые работники зарубежных партий соглашались взять на себя эти функции⁴⁴, а требования расширения участия представителей иностранных партий в работе ИККИ и его центральных органов нашли свое выражение главным образом в жалобах, поступавших от диссидентских групп. Кампания по большевизации партий сделала развитие этих форм контактов особенно необходимым. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. в резолюции по Коминтерну рекомендовалось работать над «повышением влияния зарубежных компартий в руководстве Коммунистического Интернационала»⁴⁵.

В докладе на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале 1926 г. выражалось сожаление по поводу отсутствия вклада со стороны членов зарубежных коммунистических партий в работу печатного органа Коминтерна⁴⁶. К каким бы осложнениям ни привела в конечном счете подобная политика, в то время она отражала искреннее желание лидеров Коминтерна привлечь больше иностранных коммунистов к участию в работе центральных органов.

Попытка упорядочить эти отношения была предпринята лишь на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале 1926 г. В подробной резолюции по реорганизации ИККИ содержался призыв к более тесным контактам между ИККИ и партиями и указывалось на ранее принятые резолюции, в частности на резолюцию XIV съезда ВКП(б), которая требовала расширения участия представителей зарубежных партий в руководстве Коминтерна. Партии должны были «в большей степени рассчитывать на собственные силы», особенно в вопросах «избрания руководящих партийных органов». Это была косвенная критика вмешательства ИККИ в подобные вопросы. Германская, французская, чехословацкая и итальянская партии должны были ежегодно направлять

по два представителя, а менее крупные партии — одного представителя для работы в руководстве Коминтерна по крайней мере в течение 6 месяцев. С целью поднять активность и престиж ИККИ было предложено (помимо особых «расширенных» пленумов) ежемесячно проводить встречу членов ИККИ, находящихся в данный момент в Москве, а каждые три месяца — пленум⁴⁷. Президиум, Оргбюро и секретариат следовало расширить; секретариат надлежало сделать более представительным, «в основу его организации должны быть положены секционные секретариаты»⁴⁸.

Последнее положение, очевидно, было направлено на превращение секретариата ИККИ в Москве в каком-то смысле в представителя секретариатов национальных партий. Однако 17 марта 1926 г., по окончании расширенного пленума ИККИ, на заседании Президиума по реализации этих положений верх одержала другая концепция. Была принята резолюция, где говорилось об «организации так называемых национальных секретариатов», и было дано следующее определение их статуса:

«Эти национальные секретариаты являются органами секретариата ИККИ и работают под его руководством и наблюдением. На каждый возлагается обязанность систематически исследовать и анализировать положение в странах и коммунистических партиях вверенного ему участка, подготавливать вопросы для всех исполнительных органов Коминтерна, выполнять решения этих органов и осуществлять контроль за выполнением этих решений соответствующими секциями Коминтерна».

Неделей позже, 24 марта 1926 г., были созданы 11 нижеперечисленных «национальных секретариатов» — по существу, отделов секретариата ИККИ:

1. Франция, французские колонии, Италия, Бельгия и Швейцария;
2. Германия;
3. Чехословакия, Австрия и Венгрия;
4. Англия, Ирландия, Голландия, Австралия, Южная Африка, Британская Индия и голландские колонии;
5. США, Канада, Япония;
6. Испания, Португалия, Мексика и южноамериканские государства;
7. Швеция, Норвегия, Дания, Исландия;
8. Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва;
9. Болгария, Югославия, Румыния, Албания и Греция;
10. СССР;
11. Ближний и Дальний Восток (Китай, Корея, Монголия, Турция, Персия, Египет, Сирия и Палестина)⁴⁹.

Нет данных о том, какие из этих секретариатов эффективно функционировали. Нет и точной информации о составе центрального аппарата Коминтерна, из которого набирались сотрудники в эти отделы. Как отметил один исследователь, в секретариате

во время V конгресса в 1924 г. работало около 400 человек, половина из них были иностранцы⁵⁰.

Важным, хотя и находящимся в тени, подразделением ИККИ было так называемое Отделение международной связи (ОМС). Статья 3 из 21 условия 1920 г. вменяла в обязанность всем партиям нелегальные подпольные организации для подготовки к гражданской войне⁵¹. Даже в то время многие коммунистические партии были уже вне закона. В резолюции III конгресса Коминтерна, принятой годом позже, содержалось требование даже к легальным партиям готовиться «к революционному восстанию, к вооруженной борьбе и вообще к нелегальной борьбе», а наблюдение за нелегальной деятельностью было поручено специально созданному для этого «внутреннему бюро» ИККИ⁵². Когда на IV конгрессе Коминтерна в ноябре — декабре 1922 г. было учреждено Оргбюро, эти функции были переданы от Президиума (который переименовали во «внутреннее бюро») вновь созданному органу⁵³.

Возможно, что в это время и было создано ОМС. Оно фигурировало в докладах на объединенном пленуме ИККИ в июле 1923 г. и на V конгрессе Коминтерна в июне — июле 1924 г. Отмечалось, что его задачи — «организовывать и поддерживать связи со всеми секциями Коминтерна и обеспечивать секции литературой», но подробно освещалась лишь работа его подсекции по литературе⁵⁴. Впоследствии в официальных публикациях ОМС больше не упоминалось⁵⁵. Из других источников ясно видно, что ОМС отвечало за всю секретную деятельность Коминтерна, включая финансирование зарубежных партий, хотя и не на прямые военные и террористические операции, как те, что были проведены в Германии в 1923 г., в Болгарии в 1925 г. и, возможно, где-то еще⁵⁶. Такие операции, видимо, проводились иностранным отделом ОГПУ, и о них после 1925 г. имеется очень мало сведений.

Обычно финансовая деятельность Коминтерна не получала оглашения. Бюджетная комиссия, в которую входили Бела Кун, Геккерт, Валецкий, Ракоши и Попов, была образована ИККИ по окончании III конгресса в июле 1921 г.⁵⁷ Согласно одному из редких опубликованных отчетов о ее деятельности, она «устанавливала сумму членских взносов коммунистических партий в Коминтерн и распределяла полученные средства между отдельными партиями для различных нужд (предвыборные кампании, издательства, центральный аппарат и т. д.)» и «осуществляла контроль за финансовой деятельностью отдельных партий» для обеспечения того, чтобы выделенные суммы расходовались на те цели, на которые они предназначались⁵⁸. После V конгресса в июле 1924 г. в бюджетную комиссию, назначенную теперь уже Президиумом ИККИ, входили Пятницкий, Куусинен, Гешке, Трейнт, Макманус, один чех и один итальянец, а поляк Богуский был кандидатом⁵⁹. Но никаких отчетов о заседаниях либо докладов этой комиссии не было опубликовано, и даже обычное оглашение состава этой комис-

сии не проводилось с 1924 г. Ничего не было опубликовано о финансовой помощи Коминтерна партиям, и даже крохи доступной информации нельзя считать полностью достоверными. Примерно с 1921 г. сотрудник Коминтерна Мирон-Абрамов, работавший в Берлине, отвечал за распределение фондов Коминтерна, в частности по странам Европы⁶⁰. С самого начала было решено, что по крайней мере крупные партии будут самофинансироваться, а к 1924 г. выделяемые средства, как правило, стали небольшими либо предназначались на особые нужды. Компартия Германии испытала затруднения по обеспечению пребывания своих делегатов на IV конгрессе Коминтерна в Москве в ноябре 1922 г. и пыталась решить их, выпустив «марки всемирного конгресса» с портретами Ленина и Зиновьева⁶¹. Коминтерн обычно оплачивал расходы делегаций, приезжающих в Москву на конгрессы и конференции. Португальская компартия в течение 1923 г. получила средства в размере 3210 фунтов стерлингов, или 5072 французских франка, в апреле 1924 г. Эмбер-Дро обратился с просьбой увеличить помощь до 100 долларов в месяц⁶². В феврале 1924 г. 50 тыс. лир были переданы для создания газеты ИКП «Унита» в Милане⁶³. Суварин в письме, написанном спустя несколько лет, утверждал, что средства, передаваемые из Москвы ФКП до его исключения в 1924 г., предназначались лишь на поездки французских делегаций на съезды и конференции в другие страны и на обеспечение издания «Библиотеки коммуниста». Французская Лига коммунистической молодежи также получала в то время «скромные и нерегулярные» субсидии. С другой стороны, «Юманите» не только оплачивала свои расходы, но и финансировала провинциальные партийные издания. Позже как ФКП, так и «Юманите» регулярно просили и получали помощь из Москвы в крупных размерах. О партии так и говорили, что она продолжает жить за счет советских «кислородных баллонов»⁶⁴. В 1925 г. Коминтерн оказал помощь в размере 16 тыс. фунтов стерлингов, из которых 14 тыс. было получено к октябрю того года⁶⁵. Цифры о ежегодной помощи Американской рабочей партии в размере 100 тыс. долларов, Лиге профсоюзной пропаганды в размере 25 тыс. долларов, 120 тыс. долларов для Компартии Японии, которые частично шли и на работу в Корее, хотя и подкрепляются менее надежными источниками⁶⁶, но, видимо, соответствуют действительности. Можно считать, что с середины 20-х годов все зарубежные партии получали регулярную помощь от Коминтерна, хотя формы и размеры этой финансовой помощи были, конечно, неодинаковы. Основные средства в Коминтерн поступали, вне всякого сомнения, из фондов компартии России.

б) Партии, входящие в Коминтерн

Принятие на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. подробного устава Коминтерна, составленного по образцу Устава компартии

России, предполагало, что остальные партии рано или поздно примут аналогичные уставы. Никаких официальных мероприятий в этом направлении не предпринималось до января 1925 г., когда в рамках кампании по большевизации проект устава компартий, разработанный Орготделом ИККИ, был передан на ознакомление партиям и опубликован⁶⁷. Он был представлен на рассмотрение конференции по организационным вопросам, которая проходила в Москве в марте 1925 г. под эгидой Орготдела ИККИ⁶⁸. В соответствии с резолюцией, принятой на этой конференции, каждая партия должна была иметь Центральный Комитет, «состоящий из 25 или более членов и кандидатов в члены», в крупных партиях Центральный Комитет должен был избрать полномочное Политбюро, оргбюро и секретариат⁶⁹. Наряду с проектом устава партиям был направлен и ряд других инструкций⁷⁰. В течение последовавших 2—3 лет основные европейские партии, сталкиваясь с различного рода трудностями, привели свои уставы в соответствие с положениями проекта устава таким образом, что руководство Коминтерна было удовлетворено⁷¹. На проведенной одновременно с V расширенным пленумом ИККИ в марте 1925 г. конференции Агитпрома, на которой присутствовали представители большинства зарубежных партий, был принят свод правил, где содержалось требование к каждой партии учредить при своем Центральном Комитете небольшой Отдел агитпропа и организовать его работу по направлениям, выработанным Отделом агитпропа ИККИ⁷². Через несколько дней Отдел информации ИККИ организовал подобную же конференцию, на которой была принята резолюция, предусматривавшая, что каждая партия должна образовать отдел информации или по крайней мере назначить ответственного по информации для поддержания контактов с Отделом информации ИККИ, что, таким образом, позволит ему «координировать и централизовать» работу⁷³. Ничего не было упущено из того, что могло обеспечивать единообразие организационного построения партий или руководящую роль Коминтерна и его центральных органов; значительный шаг был сделан в претворении идей Коминтерна как всемирной коммунистической партии, состоящей из определенного числа частично независимых подразделений.

Гораздо большие трудности возникли по вопросам, на какой основе будет обеспечиваться членство в партии и как организовать и руководить работой отдельных членов партии. Резолюция III конгресса Коминтерна в 1921 г. постановляла, что все члены партии должны быть объединены в небольшие рабочие группы: «комитет, комиссию, коллегию, группу, фракцию или ячейку», а в следовавшем далее абзаце той же резолюции коммунистические ячейки, фракции и рабочие группы рассматривались как нормальные подразделения в организационной структуре партии⁷⁴. Эти несколько пространные предписания, которые вроде бы сначала не оказали прямого воздействия на зарубежные партии, позднее выкристаллизовались в два аналогичных, хотя и не идентичных, требования.

Первое гласило, что несколько членов партии, работающих в одной внепартийной организации: центральном или местном правительственном учреждении, профсоюзе или какой-либо неполитической организации, — обязаны образовать фракцию, регулярно проводить собрания, чтобы подготавливаться и организовываться для совместных усилий в интересах партии по любому вопросу в стенах того учреждения, в котором они работают. Второе требование состояло в том, что коммунистические ячейки на заводах или других местах работы должны быть основой членства в партии, другими словами, все члены партии должны являться членами коммунистических ячеек на предприятиях, где они работают.

Первое требование — образование коммунистических фракций — не встретило принципиальных возражений в зарубежных партиях. Было вполне разумно и желательно, чтобы коммунисты, находясь в меньшинстве в некоммунистическом учреждении, регулярно советовались и действовали сообща для достижения общих целей партии.

Но практические трудности возникали при создании фракций по формальному и единому образцу, а также выработке механизма, который бы обеспечивал фракции получение и выполнение ею директив руководства партии. Когда ключевым моментом политики Коминтерна стала тактика единого фронта, роль фракций стала резко возрастать, ибо через них в основном и могла осуществляться работа с некоммунистами. 4 февраля 1924 г., после заседания, где была дана оценка октябрьской трагедии в Германии⁷⁵, Президиум ИККИ выпустил подробную «Инструкцию коммунистическим фракциям в массовых рабочих организациях и органах вне партии». Фракции следовало организовать во всех «организациях и органах рабочих и крестьян» (профсоюзы, кооперативы, спортивные клубы, конгрессы и конференции, муниципальные советы и парламенты были в числе названных примеров), где работало хотя бы три коммуниста, каждая фракция должна избрать бюро или президиум по согласованию с вышестоящим партийным органом, которому они были бы подотчетны; представитель вышестоящего партийного органа должен присутствовать на всех собраниях фракции при обсуждении политических вопросов, и, когда решение принято, каждый член фракции обязан активно его претворять во избежание меры дисциплинарного воздействия⁷⁶. Теоретически эти положения везде принимались как уместные и желательные. На практике коммунистические партии нигде — за исключением Германии, Чехословакии и, возможно, Франции — не были достаточно сильными, чтобы образовать сколько-нибудь значительное число более или менее крупных фракций в некоммунистических организациях либо создать эффективный механизм для координации, предусмотренный в инструкции, и в этих трех странах коммунисты по особым причинам неохотно шли работать в некоммунистические профсоюзы⁷⁷, которые представляли наибольшее значение из трех организаций, о которых шла речь. Поэтому в те-

чение определенного времени в большинстве стран инструкция бездействовала.

Второе требование — о том, чтобы членство в партии было организовано на основе производственных ячеек, — встретило упорное открытое сопротивление, так как оно означало отход от традиционной демократической формы организации по районам и округам. Оно соответствовало большевистской концепции партии как общности, состоящей из рабочих на предприятиях или других производственных объектах, но противоречило общепринятой на Западе концепции партии, состоящей из местных организаций. Территориальная организация рассматривала рабочих как граждан и отвечала требованиям механизма выборов, основанных на всеобщем избирательном праве. Организация на базе производственных ячеек рассматривала рабочих как пролетариев и облегчала вовлечение новых членов и их подготовку к революционным действиям: Красная гвардия могла быть создана в Петрограде в 1917 г. только на базе предприятий. Это было принципиальное расхождение, сравнимое с расхождением большевиков и меньшевиков на начальных этапах существования компартии России. Еще одним практическим расхождением было то, что производственные ячейки являлись тайными организациями, существование которых их члены скрывали от внешнего мира; это было не только мерой, предохраняющей рабочих от преследований со стороны нанимателей, но и логическим следствием их функций⁷⁸.

То, что СПГ держалась за территориальную структуру, показало, что это не революционная партия. Однако прошло некоторое время, прежде чем была предпринята попытка изменить организационную структуру зарубежных компартий. Резолюция по организационным вопросам, принятая на III конгрессе Коминтерна, состоявшемся в июне — июле 1921 г.⁷⁹, где «коммунистические ячейки» были названы «основным ядром, выполняющим коммунистическую работу на фабриках и в цехах, в профсоюзах, в рабочих артелях, в воинских подразделениях и т. д.», подчеркнула, что «ячейка, фракция и рабочая группа» являются необходимыми инструментами партийной работы, и не выдвинула предложения перейти от территориальной организации к организации по ячейкам⁸⁰.

Впервые в категорической форме данный вопрос был поднят Коммунистическим Интернационалом Молодежи (КИМ) на его II конгрессе, состоявшемся после III конгресса Коминтерна⁸¹. Несмотря на сильную оппозицию со стороны германской делегации, которая выступала за сохранение территориального принципа организации и за проведение работы на предприятиях через фракции коммунистической молодежи, конгресс принял резолюцию, где содержалось требование к союзам коммунистической молодежи «перейти от существующей исключительно территориальной организации коммунистической молодежи к созданию ячеек»⁸². Это требование, как показали события, не дало практически никакого

результата и не дошло до высшего руководства партий. 15 месяцев спустя, в ноябре 1922 г., IV конгресс Коминтерна с чувством удовлетворения подтвердил, что «ни одна коммунистическая партия не может рассматриваться как серьезная и солидно организованная массовая коммунистическая партия, если у нее нет прочных коммунистических ячеек на заводах, фабриках, рудниках, на железных дорогах и т. д.»⁸³. Введение фабричных ячеек в качестве основы партийной организации было одним из пунктов в плане реорганизации Компартии Великобритании, принятом под руководством Коминтерна в октябре 1922 г., что в принципе не вызвало оппозиции⁸⁴. Но важность, которую русские лидеры придавали этим организационным вопросам, не встретила большого понимания в зарубежных партиях, и им не уделялось особого внимания.

И опять авангардную роль сыграл КИМ. Его III конгресс состоялся в Москве в декабре 1922 г. сразу после IV конгресса Коминтерна. Частные обсуждения в преддверии конгресса показали, что некоторые делегации отрицательно относились к идее в целом⁸⁵. Германская делегация раскололась, мнения в ней разошлись, но четыре из шести делегаций были в конечном итоге настроены в пользу системы ячеек⁸⁶. На самом конгрессе Реснер, член Исполнительного комитета от Германии, был тактичен и осторожен. Фабричная ячейка должна быть основным подразделением. Однако немедленный переход от территориальных подразделений к фабричным находится вне «практических возможностей осуществления»; необходимо сначала «создать условия для ячеек». Делегат от Германии открыто выступил против изменений. Делегат от Чехословакии хотя и проявил готовность признать, что организация по ячейкам — «идеальный принцип», однако считал, что территориальная организация была «неизбежным переходным этапом», и просто не находил нужным сразу отказаться от нее⁸⁷. Но, несмотря на такое отсутствие энтузиазма, лидеры успешно настояли на своем плане.

В общей резолюции конгресса снисходительно отмечалось, что «задачи, поставленные перед союзами молодежи II конгрессом, были частично или полностью новыми для всех, и требовалось значительное время для внутренней ориентации и понимания их». Но снова подчеркивалось, что «основным организационным звеном союза молодежи является фабричная ячейка»⁸⁸; была принята и специальная резолюция, содержавшая наиболее подробный из до тех пор намечавшихся планов организации ячеек. Была особо подчеркнута важность контакта с массами. Каждый член союза молодежи обязан войти в состав «ячейки» на своем предприятии или месте работы; ячейки должны избрать секретаря и проводить еженедельные собрания. Ячейки должны быть связаны в «местную группу», которая, однако, должна существенно отличаться от старых территориальных групп, образованных не по месту работы, а по месту жительства. Резолюция признавала возможным сущест-

ование территориальных организаций как временной меры и для определенных целей, например для объединения безработных. Однако переход к новой системе местных фабричных групп следовало осуществить как можно быстрее. В дальнейшем вопрос активно затрагивался на расширенном заседании бюро КИМа в июле 1923 г. Как ни удивительно, отмечалось, что Германский союз молодежи единственный достиг «прекрасных и многообещающих»⁸⁹ результатов на начальном этапе реорганизации, а в объемной резолюции по организации ячеек утверждалось, что, несмотря на «слабую оппозицию» в некоторых партиях, в большинстве случаев члены партий горячо приветствовали введение новых организационных форм⁹⁰. Бюро также указало центральным комитетам на необходимость международных контактов между ячейками различных союзов молодежи, особенно с ячейками комсомола России⁹¹.

До того времени не было заметно признаков особого желания применять новый принцип в Коминтерне или в зарубежных коммунистических партиях. Но в данном вопросе, как и в других, германская трагедия октября 1923 г. явилась поворотным пунктом. После этого стало трудно возражать в Москве против довода, что германская партия потерпела неудачу, потому что она не провела реорганизацию на испытанных в России принципах. Новый ЦК КПГ безропотно признал это еще в декабре 1923 г., дав инструкцию ввести систему ячеек⁹², а уроки неудачи в Германии были раскрыты в статье в органе Компартии Германии⁹³. На заседании Президиума ИККИ в январе 1924 г.⁹⁴ была принята резолюция, подчеркивавшая то значение, которое III конгресс Коминтерна придавал работе фабричных ячеек, и содержащая проработанные в деталях инструкции по организации партий на этих принципах. В дополнительной инструкции КПГ призывалась завершить эту реорганизацию за два месяца⁹⁵.

Тот факт, что СДПГ держалась за принцип территориальной, а не производственной организации, доказывал, что по своей сути это была парламентская, а не революционная партия. Выводы из уроков октября 1923 г. были подтверждены на IX съезде КПГ в марте 1924 г. При отсутствии фабричных ячеек было невозможно организовать рабочих и воспользоваться благоприятным моментом, чтобы свергнуть буржуазию; подпольная работа наталкивалась на препятствия в то время, когда партия была официально запрещена⁹⁶. Там, где в профсоюзах существовали партийные ячейки под руководством Брандлера, они не вели политической работы и занимались лишь профсоюзными вопросами⁹⁷. Не забыли и о других странах.

Во Франции, как утверждают, первые высказывания в партии в пользу фабричных ячеек датируются маем 1923 г.⁹⁸ III съезд ФКП в Лионе в январе 1924 г. провозгласил необходимость «ускорить создание ячеек на фабриках»⁹⁹, а в апреле 1924 г. преданный Трейнт объявил в статье в «Bulletin Communiste», что «большеви-

зация партии означает в данный момент прежде всего укрепление ее позиций на предприятиях»¹⁰⁰.

Чехословацкая партия на словах признавала обязательство организовать фабричные ячейки, однако предпочитала систему партийных фракций среди фабричных рабочих и настаивала на сохранении старой формы организации до того, как будет внедрена новая; много говорилось о трудностях, сопряженных с созданием 10 тыс. фабричных ячеек, — как утверждали, это было требуемое число¹⁰¹. В Великобритании также обещали больше, чем делали. На VI съезде Компартии Великобритании в мае 1924 г. Исполнительный комитет партии признал, что план реорганизации партии на базе ячеек предполагал количественный состав партий в 40 или 50 тыс. членов и не мог быть полностью выполнен в партии, насчитывавшей одну десятую этого количества. Тем не менее утверждалось, что более чем полугодовой опыт полностью подтвердил необходимость принятых мер по реорганизации партии¹⁰²; и, когда Беннет, делегат Коминтерна, выступал на съезде, он опять говорил о необходимости организации партии на основе фабричных ячеек, чтобы пробудить рабочих, которые пока находились в «спячке»¹⁰³. Примерно в это время Исполком КИМа утверждал, что он боролся за расширение сети ячеек в компартиях — «особенно в Германии, Чехословакии, Франции и Великобритании»¹⁰⁴; а V конгресс Коминтерна в своем обращении к КИМу подтвердил, что союзы молодежи и КИМ были «пионерами этой деятельности», «оказали важную помощь компартиям и Коминтерну» и «накопили ценный опыт»¹⁰⁵. Но, за исключением, может быть, Германии, до лета 1924 г. было предпринято мало конкретных шагов в деле реорганизации партий на этой основе.

На V конгрессе Коминтерна в июне — июле 1924 г. руководство Коминтерна сделало первую серьезную попытку побудить партии к действиям. Организационная комиссия, созданная для подготовки нового устава Коминтерна¹⁰⁶, назначила подкомиссию, работавшую проект специальной резолюции по организации ячеек для представления конгрессу. Когда эта подкомиссия 1 июня 1924 г. отчитывалась перед Организационной комиссией, Пятницкий открыл общую дискуссию по вопросам организации ячеек. Он признал, что фабричные ячейки были образованы в Германии, Франции и Чехословакии, но они лишь дополнили существующую организационную структуру. Опыт России показал, что система функционировала эффективно только тогда, когда «партийные решения принимались в фабричных ячейках». Эта система представляла практическую ценность в странах, где партии находились на нелегальном положении, так как подпольную работу сложнее было обнаружить, если она проводилась на фабриках, где рабочие собирались в обычном порядке. Основные возражения в подкомиссии явно исходили от чехословацкой делегации; а в комиссии Муна член чехословацкой партии Райт, принимая в принципе организацию ячеек, обратил внимание на опасность разрушения существую-

щих местных организаций. Но никто не оспаривал предложенную резолюцию, и Пятницкий подвел черту дискуссии, заверив, что «мы все пришли к согласию по основным пунктам»¹⁰⁷.

Работа комиссии получила одобрение конгресса без дальнейшего обсуждения. Устав Коминтерна, принятый конгрессом, был категоричен в отношении принципа организации ячеек:

«Основной организацией в коммунистической партии является ячейка на предприятии (в цеху, на фабрике, на шахте, в учреждении, в мастерской, в поместье и т. д.), которая объединяет всех членов партии, работающих на предприятии, о котором идет речь»¹⁰⁸.

Особое внимание этому положению уделил Пятницкий в своем докладе на конгрессе¹⁰⁹. Шуллер, представитель КИМа, подчеркнул, что Интернационал Молодежи активно боролся за внедрение ячеек с конца 1922 г., и обратился к конгрессу со страстным призывом «начать большевизацию партий в организационных вопросах на действительно серьезной основе, избавиться от социал-демократического наследия и создать настоящую коммунистическую партию»¹¹⁰. То, что именно его выбрали для основного выступления по данному вопросу, примечательно само по себе. Конгресс, с неодобрением отметив в общей резолюции, что «значительное большинство европейских компартий придерживаются на настоящий день старых принципов организационного построения партии, заимствованных у социал-демократов», свел все эти положения в специальной резолюции, проект которой был подготовлен подкомиссией, — «Перестройка партии на базе производственных ячеек». «Социальный состав основной массы членов партии, — говорилось в резолюции, — должен быть изменен и улучшен» за счет приема большего числа промышленных рабочих. (Это был период Ленинского призыва в РКП(б).) Это должно было облегчить организацию фабричных ячеек. Была сделана оговорка с учетом реального положения в германской и других партиях — признавалось, что допустимо существование «уличных ячеек», созданных по месту жительства членов партий, в качестве «вспомогательных» организаций. Однако их следовало рассматривать как временные образования, «ни по роли, ни по значению не сравнимые с фабричными ячейками»¹¹¹. С другой стороны, в резолюциях V конгресса не было попыток увязать создание фабричных ячеек с новым лозунгом большевизации; это стало характерным для более позднего периода.

Резолюция конгресса по КИМу особо подчеркивала, что фабричные ячейки, образованные коммунистическими союзами молодежи, должны быть «независимы от ячеек коммунистических партий»¹¹².

Орготдел ИККИ исправил ситуацию, предписывая ИКП завершить реорганизацию на базе ячеек к 1 января 1925 г.; подобные указания были даны и другим партиям¹¹³. На последовавшем сразу же после этого IV конгрессе КИМа утверждалось, что со време-

ни его предыдущего конгресса были приняты энергичные меры для «создания фабричных ячеек и реорганизации союзов молодежи», и была принята новая, более подробная резолюция о «продолжении реорганизации союзов молодежи»¹¹⁴. Последовавшие события показывают, однако, что между теорией и практикой было необычайно широкое расхождение¹¹⁵.

Колебания, проявленные компартиями в принятии организационной структуры, основанной на ячейках, проистекали, без сомнения, отчасти из нежелания переходить от знакомых форм работы к незнакомым. Позже утверждали, что «в странах, где не было укоренившихся социал-демократических организационных традиций» (Франция, Италия, Великобритания и США были приведены в качестве примеров), процесс создания ячеек проходил легче, чем в таких странах, как Германия, Чехословакия, Австрия, Нидерланды или Швейцария, где сильные социал-демократические партии уже до этого были организованы по месту жительства¹¹⁶. Вместе с тем трудности в организации ячеек можно было также объяснить недостаточной численностью (кроме германской, чехословацкой и французской компартий) пролетарских элементов — ситуация, которая означала, что партийная ячейка на любом промышленном предприятии оказалась бы слишком малочисленной. Многие малые партии были преимущественно непролетарскими¹¹⁷.

КПГ в октябре 1924 г. утверждала, что прилагает серьезные усилия по внедрению новых организационных форм, хотя препятствием являлась массовая безработица среди членов партии¹¹⁸. В докладе, сделанном в октябре 1924 г., констатировалось, что в ИКП переход к ячейкам «везде завершен», хотя данное заявление, видимо, было справедливо лишь для Турина¹¹⁹. Руководство ФКП приняло инструкцию, предусматривающую завершение реорганизации партии на основе ячеек к 31 декабря 1924 г.¹²⁰ В ответ на протесты английских товарищей, говоривших о невозможности организации КПВ на основе фабричных ячеек, Пятницкий еще раз указал, что это обеспечивает связь с массами и служит единственной гарантией избежать ошибок, имевших место в Германии в октябре 1923 г.¹²¹ На заседании Оргбюро ИККИ 15 декабря 1924 г. Пятницкий представил доклад о работе Организационного сектора за прошедшие шесть месяцев, и был выработан примерный устав по организации компартий на базе ячеек. Несмотря на непоколебимую, твердую веру Пятницкого в большевистские методы, очевидно, что переход к организации фабричных ячеек рассматривался в то время скептически и вяло проходил во всех основных зарубежных партиях. По вопросу об организации партийных фракций Пятницкий мрачно констатировал, что «абсолютно ничего не было сделано в этом направлении». Компартия Чехословакия не смогла даже организовать свою парламентскую фракцию; заявления ФКП были преувеличены. Только КПГ добились определенных результатов, но даже там работа в профсоюзах была слабой¹²². В докладе Организационной секции Президиу-

му ИККИ, представленном несколькими днями позже, был сделан вывод, что «большинство компартий лишь теперь начинают реорганизацию на базе фабричных ячеек»¹²³.

Вновь взятый курс на стандартизацию и подчинение зарубежных компартий, сигналом которого явилось письмо Зиновьева в январе 1925 г. о «большевизации партий», убеждал в том, что организационные вопросы не будут забыты. Действительно, в следующие несколько месяцев порой можно было услышать жалобу, что «большевизация» рассматривалась лишь как реорганизация на базе фабричных ячеек, и ничего более; стало необходимым подчеркнуть, что как организационные, так и политические вопросы были двумя важными частями единого целого¹²⁴. 15 марта 1925 г. по случаю проведения IV расширенного пленума ИККИ Организационный отдел ИККИ созвал «организационную конференцию секций Коммунистического Интернационала и Коммунистического Интернационала Молодежи», на которую собрались представители орготделов или ответственные за организационные вопросы в партиях. Одной из целей конференции было указать партиям на недостатки их организационной работы.

Пятницкий во вступительном слове бросил упрек в адрес ФКП и КПВ, что они не имели освобожденных руководителей по организационным вопросам; отсутствие средств не было извиняющим обстоятельством для крупной партии. С другой стороны, в компартиях Германии и Чехословакии руководители этих направлений брали на себя решение слишком широкого круга вопросов, вследствие чего рядовые члены партии не представляли себе текущих проблем и к их мнению не прислушивались. В целом создание эффективных организационных отделов в партиях, которые поддерживали бы регулярный контакт с Организационным отделом ИККИ, было настоятельной необходимостью¹²⁵. Пятницкий также говорил о необходимости партийных фракций в представительских учреждениях, в массовых организациях, и прежде всего в профессиональных союзах: здесь также партиями было сделано очень мало либо вообще ничего¹²⁶. Но основной акцент был сделан на переходе к организации ячеек. Пятницкий прямо и недвусмысленно определил главный вопрос конференции:

«Наша форма организации в России доказала, что посредством нее возможно завоевать массы рабочих, бороться вместе с массами, руководить массами в этой борьбе, добиться с ними победы и не только добиться, но и закрепить ее. Сейчас возникает вопрос: применима такая же форма организации в других странах? Или наши коммунистические партии в других странах смогут при своих старых формах организации найти возможность возглавить борьбу, привлечь на свою сторону рабочий класс и добиться победы?»

Не было сомнений, каким должен быть ответ. Приведя выдержки из докладов как легальных партий (французской и германской), так и запрещенных (болгарской и румынской) в качест-

ве доказательств большей эффективности новой формы организации на базе ячеек, Пятницкий с подъемом заключил:

«Все эти примеры доказывают, что российский метод, российская форма партийной организации могут весьма успешно применяться также и в других странах»¹²⁷.

Представитель КИМа утверждал, что союзы молодежи намного быстрее, чем Коминтерн, переходят к организации на базе фабричных ячеек¹²⁸. Однако этому противоречило признание, что берлинская организация германского коммунистического союза молодежи, пытаясь провести реорганизацию на базе фабричных ячеек, лишилась в ходе этого 40% своих членов¹²⁹. По явному недосмотру компартия России не была представлена на конференции, предполагалось, что Пятницкий, который вел все заседания, должен был выступать от имени Орготдела ИККИ и от ВКП(б), между позициями которых не было расхождений. Когда германский делегат выразил сожаление по поводу отсутствия какого-либо доклада по организации ячеек в России, Пятницкий, чувствуя небольшую неловкость, ответил, что это не посчитали необходимым, так как в действительности вся форма организации строительства партии по фабричным ячейкам вышла из России¹³⁰. Компартия России через Организационный отдел ИККИ делилась плодами своего уникального и успешного опыта в вопросах организации с другими партиями, входившими в Коминтерн.

Основными моментами общей резолюции, единогласно принятой на конференции, были реорганизация партии на базе ячеек (этот вопрос представлял наибольшее значение), создание партийных фракций в некоммунистических учреждениях (этот вопрос был важен и вызывал разногласия в основном применительно к профсоюзам), а также отношения между Орготделом ИККИ и организационными отделами партий¹³¹. В то же время — или по ходу конференции, или сразу после нее, неясно — была выработана и одобрена Оргбюро ИККИ более подробная резолюция о структуре партий. В отличие от общей резолюции этот документ допускал существование территориальных подразделений в форме «уличных ячеек» наряду с фабричными ячейками, хотя они ни в какой мере не должны были заменять последние либо играть ведущую роль. Содержались тщательно разработанные положения о функционировании фабричных и уличных ячеек и партийных фракций в непартийных учреждениях, предусматривавшие периодические собрания и регулярное избрание руководителей, которые были бы подотчетны вышестоящим партийным органам¹³².

Никто из делегатов зарубежных партий в Москве не отважился открыто выступить против этих выводов. Но немногие из них — и еще меньше из тех коммунистов, которые не присутствовали в Москве, — разделяли уверенность Пятницкого и его коллег по Организационному отделу ИККИ в том, что организационные формы, созданные компартией России и для компартии России, хорошо приживутся в компартиях западноевропейских стран. Предста-

витель отдела на конференции признал, что «многие партии и некоторые парторганизации в различных странах хотя и не выступают прямо против перестройки, но продолжают относиться к ней явно пассивно», связав это отношение с «организационным консерватизмом»¹³³. Оргбюро на заседании 14 июля 1925 г. заслушало очередной доклад Пятницкого о ходе организации ячеек и приняло новую резолюцию о «задачах организационной работы»¹³⁴.

Апатия, преобладавшая во всех основных партиях в отношении перехода к организации ячеек, необычайно затрудняет оценку реальных шагов в этой области. Какой процент фабричных ячеек, о создании которых сообщалось, существовал в действительности и какой процент из тех, что существовали, эффективно функционировал в соответствии с инструкциями, невозможно предположить даже приблизительно. Утверждалось, что во Франции перестройка находилась по крайней мере в процессе завершения к весне 1925 г.¹³⁵ В Парижском округе «местные организации старого типа полностью исчезли», то же самое относилось и к промышленному округу на Севере, и к Лионскому округу¹³⁶. КПГ была не в состоянии превзойти «бурный темп» реорганизации Французской компартии, так как социал-демократические традиции в Германии были слишком сильны¹³⁷. Накануне X съезда партии, состоявшегося в июле 1925 г., сообщалось о существовании 2500 фабричных ячеек, из которых 600 собирали партийные взносы (и, таким образом, были функционирующими подразделениями в полном смысле слова)¹³⁸. Однако было признано, что за прошедший год прогресс был слишком медленным, съезд принял новый устав партии, который объявлял фабричную ячейку «основой организационной структуры партии, ее фундаментом»¹³⁹. Весной 1926 г. партия объявила, что повсеместно завершён переход к фабричным и уличным ячейкам¹⁴⁰. Чехословацкой партии также надо было преодолеть социал-демократические традиции чехословацких рабочих; Запотоцкий констатировал, что к 1 января 1925 г. было образовано 778 фабричных ячеек, но признал, что это явно было лишь удовлетворительно¹⁴¹. Шесть месяцев спустя число созданных ячеек достигло 1300, однако количество территориальных организаций не уменьшилось¹⁴².

В Италии прогресс был достигнут быстрее, так как традиция фабричных ячеек уходила корнями в бурный период 1919—1920 гг. и полулегальный статус партии исключал какую-либо открытую форму организации. Соппротивление исходило из ультралевой фракции в партии, возглавляемой Бордигой; однако на III съезде партии в Лионе в январе 1926 г. было подчеркнуто, что отвергать организацию ячеек означало «открыть дорогу парализующему влиянию других классов»¹⁴³. Утверждалось, что переход к организации на базе ячеек завершён в ИКП в период 1924—1926 гг.¹⁴⁴ В Компартии Польши устав, принятый на II съезде в августе 1923 г., определял, что ячейка является основой формирования партийных рядов¹⁴⁵. На III съезде в марте 1925 г. этот вопрос был

вновь поднять в резолюции о большевизации партии, где содержалось требование создать ячейки везде, где работали члены партии: «на фабриках, в цеху, в поместье, в деревне», — как и в Коммунистическом союзе молодежи, порядок организации ячеек был принят на четвертой конференции в декабре 1925 г.¹⁴⁶ К весне 1925 г. фабричные ячейки уже преобладали в структуре КПП¹⁴⁷. Эти успехи не были совпадением: в Италии и Польше партии работали в условиях подполья, имевших некоторую аналогию с Россией, где впервые возникла эта форма организации.

В Великобритании малая численность компартии — она не достигала 5 тыс. — была основным препятствием. Создание фабричных ячеек началось лишь в конце 1924 г., и в марте 1925 г. было объявлено, что создано 68 ячеек¹⁴⁸. Здесь основная цель фабричных ячеек состояла в том, чтобы активизировать привлечение в партию новых членов на фабриках; как форма организации ячеек признавались, по существу, лишь на словах. В США ситуация была еще более аномальной. Делегат от Компартии США в марте 1925 г. на конференции по организационным вопросам объяснил, что из 19 тыс. членов партии лишь 2,2 тыс. были англоговорящими, хотя половина остальных владела английским в достаточной мере, чтобы принимать участие в партийной работе; они держались за федеральную структуру партии и оказывали пассивное сопротивление реорганизации¹⁴⁹. Пятницкий, поставленный в тупик условиями, о которых он просто не имел представления смог лишь выразить надежду, что американские товарищи убедятся в необходимости «централизованной структуры партии»¹⁵⁰. После IV съезда Американской рабочей партии, состоявшегося в августе 1925 г., был разработан подробный план реорганизации партии на основе ячеек¹⁵¹, а в декабре 1925 г. и феврале 1926 г. состоялись организационные конференции в соответствии с указаниями Коминтерна¹⁵². Вскоре после этого в Москве было объявлено, что 70 % членов компартии в Америке организованы в 500 фабричных и уличных ячеек¹⁵³. Однако предпринятая попытка реорганизации катастрофическим образом ударила по численности партийных рядов¹⁵⁴. Инструкция Оргбюро от 14 июля 1925 г., в которой содержалось указание Орготделу в сотрудничестве с Восточным отделом расширить организацию ячеек в странах Востока¹⁵⁵, была одним из немногих случаев, когда данный вопрос поднимался в отношении Востока.

Эти невпечатляющие результаты не означали ослабления усилий со стороны центральных органов. Вслед за «Открытым письмом» ИККИ членам КПП в августе 1925 г., где осуждались недостатки тогдашнего руководства партии¹⁵⁶, последовали подробные инструкции ЦК партии по реорганизации партии в соответствии с новым уставом, принятым на съезде партии в июле 1925 г.¹⁵⁷, такое же письмо было направлено Исполнительным комитетом КИМа германскому союзу молодежи¹⁵⁸. Во Франции сокращение числа членов партии, которое, видимо, явилось следствием непримиримо-

го отношения партии к марокканской войне¹⁵⁹, впоследствии официально было списано на трудности, связанные с введением организационного строения на базе ячеек¹⁶⁰, и одним из характерных требований в письме 250 недовольных членов партии в октябре 1925 г. являлась отмена ячейки и возврат к территориальной системе организации¹⁶¹. В докладе на III съезде чехословацкой партии, состоявшемся в сентябре 1925 г., отмечалось, что темпы перехода к организации на базе фабричных ячеек были «недостаточны», и утверждалось, что так называемые уличные и деревенские ячейки, созданные по утвержденному плану, зачастую были лишь новыми названиями для старых местных организаций. Часть этих недостатков объясняли тем, что в Центральном Комитете партии не было оргбюро; и на съезде было решено учредить его¹⁶². В Великобритании в результате организованной компартией «Красной недели» к существующим 125 ячейкам добавились еще 52, в основном в угледобывающих районах¹⁶³. Однако к концу 1925 г. в партиях начали выявляться оппозиция и противодействие. В статье, написанной в ноябре 1925 г., Ульбрихт, в то время представитель Орготдела ИККИ, выступил за поддержание выверенного баланса между фабричными и уличными ячейками, подчеркнув, что, хотя в уличные ячейки могут вступать лишь члены партии, не состоящие в фабричных ячейках, уличные ячейки необходимы для проведения предвыборных кампаний¹⁶⁴. В конце 1925 г., в разгар кампании за профсоюзное единство, внимание руководства Коминтерна было приковано скорее к укреплению партийных фракций в профсоюзах, чем к организации партийных ячеек. На заседании Оргбюро 14 июля 1925 г. Пятницкий сказал, что «положение с фракциями даже хуже, чем с ячейками», и подчеркнул значение фракции «не только в профсоюзах, но и во всех внепартийных организациях». В резолюции, принятой на заседании, фракции в профсоюзах были приравнены к фабричным ячейкам как два основных направления деятельности Орготдела ИККИ¹⁶⁵. На заседании Оргбюро ИККИ, состоявшемся в декабре 1925 г., куда были приглашены делегаты зарубежных партий, главным в повестке дня было «создание и расширение фракций, особенно в профсоюзах», хотя не была обойдена вниманием и задача создания фракций в кооперативах¹⁶⁶.

10 февраля 1926 г., в преддверии VI расширенного пленума ИККИ, Организационным сектором ИККИ в Москве была созвана вторая конференция по организационным вопросам, заседания которой растянулись на целую неделю. На сей раз присутствовали делегаты только от семи крупнейших партий: Германии, Франции, Италии, Чехословакии, Великобритании, Норвегии и Советского Союза. Ошибка первой конференции — отсутствие компартии России — не повторилась. Рвение партии выразилось в принятии Центральным Комитетом специального решения о создании механизма для поддержания контактов посредством «регулярного обмена писем» между ячейками компартии России и других пар-

тий¹⁶⁷. На конференции выступили с докладами представители некоторых других партий. Соответственно трем пунктам повестки дня были созданы три комиссии: работа фабричных ячеек, центральный аппарат и коммунистические фракции в профсоюзах и других внепартийных учреждениях. Проекты резолюции для каждой из трех комиссий были подготовлены Организационным сектором¹⁶⁸.

Обсуждение организации ячеек, видимо, не зашло дальше перечисления достижений и недостатков различных партий. В отношении Германии и Чехословакии конференции пришлось удовлетвориться весьма неубедительным утверждением, что был достигнут определенный прогресс. В Швеции, где партия к тому времени насчитывала почти 10 тыс. человек, удалось создать 335 фабричных, 62 уличных и 17 деревенских ячеек. В Великобритании 1 тыс. из 6 тыс. членов партии были организованы в 183 фабричные ячейки — убедительное доказательство, насколько незначительны были там масштабы этого мероприятия¹⁶⁹. Пятницкий, хотя и умудрился назвать эти результаты «весьма удовлетворительными», вынужден был высказать много критических замечаний. В ячейках зачастую не удавалось создать бюро, и они возглавлялись одним секретарем. В Германии члены партии, работавшие на фабрике, предпочитали состоять не в фабричных, а в уличных ячейках, так как здесь была меньшая опасность преследования, повсеместно уличные ячейки пытались вернуться к формам старой — по месту жительства — организации¹⁷⁰. Однако резолюция конференции знаменовала негласное отступление. Теперь уличные ячейки признавались наряду с фабричными не просто в качестве переходной или вспомогательной формы организации, а имеющими самостоятельное значение.

«Необходимо образовывать уличные ячейки в партийных организациях там, где они еще не созданы, освобождая фабрично-цеховые ячейки от избытка членов партии, которым следовало состоять не в фабричных ячейках, а быть организованными в уличные ячейки. С другой стороны, те члены партии, которым не следует состоять в уличных ячейках (такие категории, как транспортные и строительные рабочие, безработные и т. д.), должны быть переведены из уличных ячеек в фабричные ячейки».

За резолюцией следовала длинная «инструкция», предусматривавшая до мельчайших деталей структуру и функции фабричных и уличных ячеек и обязанности их членов¹⁷¹. По центральному аппарату партий не было сказано почти ничего нового. Отмечалось, что итальянская и германская компартии проводят слишком четкий водораздел между политической и организационной работой. Утверждалось, что в некоторых неназванных партиях центральные комитеты узурпировали слишком большую власть за счет местных организаций, и было сделано предупреждение о необходимости сократить размеры центрального аппарата партий. С несколькими небольшими оговорками была повторена резолюция по вопросам

структуры партий, принятая на проходившей ранее встрече ¹⁷², но в этот раз за ней следовали длинные подробные инструкции, в которых особое внимание обращалось на профсоюзные секции центральных комитетов ¹⁷³.

В общей резолюции VI объединенного пленума ИККИ выражалось убеждение, что «система реорганизации партий на базе фабрично-заводских ячеек оправдала себя целиком» ¹⁷⁴. Но там также подтверждалась резолюция конференции по организационным вопросам, которая санкционировала двойственную систему ячеек и уличных организаций как совершенно равнозначных. С учетом курса, взятого КИМом в вопросе организации ячеек, выводы пленума ИККИМ, последовавшего сразу же за расширенным пленумом ИККИ, в марте 1926 г., имели большое значение. Была принята резолюция, официально одобрявшая решения двух организационных конференций ИККИ — в марте 1925 г. и феврале 1926 г. Но в резолюции по организационным вопросам чувствовалась приглушенная нота сожаления:

«Существующее положение в работе по созданию ячеек и по реорганизации следует характеризовать как критическое. Реорганизация, которая началась после IV конгресса почти во всех странах и которая в большей или меньшей степени достигла наивысшей точки во время предыдущего объединенного пленума ИККИМ, остановилась и в немалой степени повернула вспять. В настоящий момент отдельные союзы имеют лишь изолированные ячейки, которые влечут жалкое существование бок о бок со старыми территориальными организациями».

Франция, Италия, Китай и Болгария были названы странами, в которых достигнута частичная реорганизация. Далее в резолюции провозглашался принцип:

«Неправильно считать уличные ячейки злом, от которого надо держаться как можно дальше. Теперь можно определенно утверждать, что ни один союз не может позволить себе роскошь отказаться от уличных ячеек. С формальной точки зрения уличная ячейка, безусловно, равноценна фабричной ячейке, ибо в нашей организации не может быть второразрядных членов. Тем не менее, центр тяжести нашей работы должен находиться в фабричных ячейках» ¹⁷⁵.

Последняя нота сожаления тщательно маскировала характер резолюции как эпитафии отчаянным попыткам объявить фабричные ячейки единственным организационным подразделением. В Коминтерне, где кампания по организации ячеек никогда не проводилась так активно и под таким нажимом, как в КИМе, отступление было заметным и вызвало меньше сожалений. Но после марта 1926 г. попытка большевизировать партии, заменив территориальные организации фабричными ячейками, канула в Лету, и, хотя фабричные ячейки продолжали существовать, ни в одной из основных партий территориальная основа не была ликвидирована. Попытка Коминтерна внедрить в Западной Европе и США орга-

низации, подходящие для подпольных партий, действующих в революционных условиях, была прямым вызовом демократическим и парламентарным традициям, прочно укоренившимся в этих странах даже в рабочей среде. Это было также трудно совместимо с одновременно поставленной Коминтерном задачей широкого проникновения в другие левые партии, создания с ними единых фронтов и использования демократических и парламентских институтов для достижения своих целей. Тип организации, отвечавшей подпольной революционной тактике, был губителен в условиях парламентской демократии. Но за этим несоответствием методов стояло еще более затруднительное несоответствие целей: осуществить мировую революцию и объединиться для защиты Советского Союза от враждебного капиталистического окружения. Эта непризнаваемая несовместимость как задач, так и путей их решения привела и в случае с созданием ячеек, и во многих других к решениям, оставшимся на бумаге, которые не могли быть воплощены в жизнь, а в конечном счете — к всеобщему разочарованию и политическому бесправию.

МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Период 1924—1926 гг. был кульминационным пунктом борьбы Коминтерна и профсоюзов за единый фронт. В это время особое внимание уделялось работе в массовых организациях, созданных на непартийной основе, но под прямой или косвенной эгидой Коминтерна. III конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1921 г., впервые выдвинул лозунг «В массы!» и отметил, что в большинстве легальных коммунистических партий повседневная работа ведется слабо. Тогда же конгресс предложил рассматривать «потребительские кооперативы, организации пострадавших от войны, образовательные союзы и научные кружки, спортивные кружки, театральные кружки и т. п. в качестве возможных «проводников» партийного влияния» в массах¹. Теперь же подчеркивалось, что повседневная работа, нацеленная на завоевание масс, не может ограничиться только внутрипартийной работой или приемом рабочих в партию. Необходимо развернуть работу по широкому фронту.

«Массовые организации, — говорил Зиновьев на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., — иногда играют, по сравнению с другими организациями, работающими прямо и открыто ради поставленной нами цели, огромную положительную роль как организации вспомогательного подчиненного характера в нашей великой борьбе. Вся наша тактика в настоящий период возвращается к этому»².

В своей речи на VI расширенном пленуме ИККИ, проходившем в марте следующего года, Зиновьев отметил, что «в последние годы нам удалось опереться и на ряд беспартийных организаций, принесших значительную пользу международному рабочему движению», и предложил расширить эту работу³. Куусинен, который внес проект резолюции о работе в массах, говорил о создании «целой солнечной системы организаций и мелких комитетов вокруг коммунистической партии — мелких комитетов, которые были бы под фактическим влиянием партии, а не под ее механическим руководством»⁴; и в резолюции были определены общие принципы таких организаций:

«Важной формой организационного закрепления коммунистического влияния на массы являются симпатизирующие *массовые*

организации, создаваемые для выполнения специальных задач. Эти организации могут либо находиться в автономной зависимости, либо быть независимыми. В отношении этих организаций должны быть выбраны наиболее эластичные организационные формы: наряду с индивидуальным членством, следует, как правило, допускать и коллективное членство»⁵.

Профинтерн — единственная из этих организаций пролетарская по составу — была самой крупной и независимой и, казалось, иногда соперничала с Коминтерном по своему влиянию. Другие массовые организации в большей или меньшей степени состояли из непролетарских элементов. Некоторые из них носили явно неполитический характер, однако все они служили общей задаче вовлечения масс беспартийных рабочих и сочувствующих из других слоев общества в орбиту Коминтерна на широкой платформе поддержки Советского Союза.

а) Красный Интернационал Профсоюзов

В 1919—1920 гг. Красный Интернационал Профсоюзов (Профинтерн) был самой мощной и значительной из массовых организаций, тяготевших к Коминтерну. Эта была единственная организация, обладавшая определенной независимостью и представлявшая собой нечто большее, чем вспомогательный орган. Этой независимостью Профинтерн отчасти обязан тому факту, что советская секция в Профинтерне — ВЦСПС — была слишком слабой, чтобы навязать свою волю российским делегатам, ответственным за руководство этим международным органом, которые, как и ответственные за политику Коминтерна, получали инструкции непосредственно от партии и ее Политбюро. Частично это объяснялось большими размерами Профинтерна и его значительным представительством за границей, намного превосходившим любую другую массовую организацию. Отчасти Профинтерн был обязан своей независимостью и случайному обстоятельству, вынудившему его через год с небольшим после образования провозгласить под давлением французской секции свою формальную самостоятельность по отношению к Коминтерну. Все же больше всего самостоятельность Профинтерна объяснялась огромной ролью, которую из необходимости играло международное профсоюзное движение в великих проектах всемирной пролетарской революции, особенно когда считалось, что победа этой революции зависела не от одного успешного переворота, а от постепенного убеждения и завоевания организованного рабочего класса на свою сторону. Во всех этих отношениях Профинтерн был уникален среди массовых организаций Коминтерна. Согласно уставу, принятому на I конгрессе в июле 1921 г.⁶, высшим органом Профинтерна являлся конгресс, на который профсоюзы,

входящие в него, посылали делегатов в соответствии с установленной нормой представительства. Между сессиями конгресса собирався Центральный совет (аналог расширенного ИККИ), отличавшийся от конгресса лишь меньшим числом делегатов и более низкой нормой представительства делегатов относительно численности профсоюзов⁷. Руководящим органом Профинтерна было Исполнительное бюро. Исполнительное бюро Межсовпрофа, образованное в 1920 г.⁸, состояло из 7 членов, и эта форма была перенята и закреплена статьей 5 Первого устава Профинтерна. Пересмотренный устав, принятый на II конгрессе в 1922 г., предусматривал создание Исполнительного бюро из 15 человек, хотя в действительности было избрано всего 13 человек⁹, а из них только 5 или 6 оставались в Москве и регулярно посещали заседания Исполнительного бюро¹⁰.

III конгресс, состоявшийся в июле 1924 г., увеличил состав Исполнительного бюро до 25 членов и 31 кандидата в члены¹¹ Исполнительного бюро, превратив его тем самым, подобно всему ИККИ или Центральному Комитету РКП(б), из исполнительного органа в совещательный. Текущие дела организации находились в руках секретариата, который с первого конгресса в 1921 г. возглавляли Лозовский, Калнин и Нин¹². На II конгрессе в декабре 1922 г. Калнина заменил Томский¹³.

Ввиду аномального статуса Профинтерна его отношения с Коминтерном представляют особый интерес. Статья 10 первоначального устава 1921 г. предписывала, чтобы «в целях установления тесной и непрерывной связи» между двумя организациями Профинтерн направил трех представителей в ИККИ, проводил совместные сессии с ИККИ по вопросам, представляющим взаимный интерес, и издавал совместные с Коминтерном воззвания сообразно с обстоятельствами. После принятого в ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна решения о разрыве формальных отношений между ними¹⁴ пересмотренный устав, утвержденный в декабре 1922 г., ликвидировал представительство трех человек от Профинтерна в ИККИ и предусматривал в «целях координации борьбы всех революционных организаций», чтобы Исполнительное бюро Профинтерна могло, «если того требуют обстоятельства», проводить с ИККИ совместные сессии, издавать совместные воззвания и назначать специальные комитеты действия для проведения в жизнь совместных решений¹⁵. За исключением незначительного смещения акцента (теперь эта деятельность становилась добровольной, а не принудительной), ничего, по существу, не изменилось. Немедленно был создан постоянный комитет действия, состоявший из трех представителей Коминтерна и трех представителей Профинтерна, который за 18 месяцев, прошедших между II и III конгрессами Профинтерна, провел 20 заседаний¹⁶. Параллельно III расширенный пленум ИККИ в июле 1923 г. постановил, что «работа коммунистов в профсоюзах должна вестись в полном соответствии с резолюциями и решениями Красного Ин-

тернационала Профсоюзов» и что коммунистические партии должны обеспечить «объединение пролетариата, организованного в профсоюзы, под знаменем Красного Интернационала Профсоюзов»¹⁷. На III конгрессе Профинтерна, состоявшемся в июле 1924 г., Лозовский пытался возразить против обвинения в том, что изменения, внесенные в устав, были пустой формальностью и что «французской делегации надели повязку на глаза, и все осталось, как прежде». Он отверг обвинения как «вздор» и «болтовню», однако в его защиту говорила невозможность каких-либо изменений. Коммунистические партии обеспечивали идейное руководство революционными профсоюзами, что делало взаимозависимость Профинтерна и Коминтерна неизбежной. Анархо-синдикалистам, добавил он, никогда не удастся «вбить клин» между двумя организациями¹⁸. На VI расширенном пленуме ИККИ в феврале — марте 1926 г. Лозовский подтвердил, что анархо-синдикалистская оппозиция по отношению к сотрудничеству между Профинтерном и Коминтерном преодолена, и заявил, что такое сотрудничество необходимо «в интересах рабочего класса»¹⁹. Хотя между ИККИ и Исполнительным бюро Профинтерна никаких официальных организационных связей не существовало, на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. Лозовский был избран кандидатом в члены ИККИ и стал членом Президиума ИККИ после VI расширенного пленума ИККИ, состоявшегося в феврале — марте 1926 г.²⁰ С другой стороны, еще сохранялись следы официального разделения двух организаций: в то время как КИМ посылал на конгресс Коминтерна делегатов с решающим голосом, делегаты Профинтерна, как и других менее значительных организаций, имели лишь право совещательного голоса²¹.

За рубежом Профинтерн был представлен четырьмя бюро, или секретариатами, — Центральноевропейским бюро, Британским бюро, Балканским, или Балкано-Дунайским, бюро и Латинским бюро, позднее к ним добавилось Восточное бюро²². Первым и наиболее организованным было Центральноевропейское бюро, находившееся в Берлине и существовавшее, по всей видимости, с первых дней Профинтерна. 8 февраля 1922 г. Исполнительное бюро в Москве решило ограничить состав Берлинского бюро тремя членами и просить отдел по профсоюзной работе КПГ (который назначал по меньшей мере одного из членов) заменить Вальшера другой кандидатурой²³. Помимо поддержания связи между Профинтерном и отделом по профсоюзной работе КПГ, основная задача бюро заключалась в издании и распространении огромного количества литературы Профинтерна на немецком языке, а также бюллетеней Международных комитетов пропаганды. Бюро издавало и собственный ежемесячный бюллетень²⁴. В 1925 г. деятельность Центральноевропейского бюро, как утверждалось, охватывала, кроме Германии, Скандинавские страны, Голландию, Швейцарию, Чехословакию, Австрию и Венгрию²⁵. Британское бюро в Лондоне явочным порядком заняло место

групп, стихийно образованных в 1922 г., но было распущено в 1924 г., поскольку волилось в Движение национальных меньшинств (НММ)²⁶. Балканское бюро после начального периода деятельности было поглощено БКП и прекратило самостоятельное существование.

Решение о создании в Париже Латинского бюро для координации работы во Франции, Бельгии, Испании, Португалии, Италии и Латинской Америке было, по-видимому, принято на II конгрессе Профинтерна в декабре 1922 г.²⁷ В 1923 г. это бюро имело непосредственное касательство к кризису отношений между Всеобщей конфедерацией труда и ФКП²⁸. Помимо текущих функций, Латинскому бюро был вменен в обязанность контроль над изданием и распространением литературы Профинтерна на французском языке. Эта литература, издаваемая в больших количествах, уступала по тиражу немецкой, и в 1926 г. Франция была названа самой отстающей из основных стран по выпуску литературы Профинтерна²⁹. За пределами Франции Латинское бюро проводило самую активную деятельность в Бельгии. С помощью ВКТ в этой стране был образован комитет действия для координации работы независимых левых профсоюзов, входящих на правах ассоциированных членов в Бельгийскую рабочую партию, и отдела профсоюзной работы Компартии Бельгии³⁰.

Заграничные бюро Профинтерна действовали по большей части как полуподпольные органы (в некоторых случаях это было необходимой предосторожностью), и отчеты об их деятельности в открытой печати не появлялись. В резолюции III сессии Центрального совета, состоявшейся в июне 1923 г., подчеркивалась руководящая роль Исполнительного бюро в Москве и подчинение ему заграничных бюро: «Исполнительное бюро определяет состав и сферу компетенции этих бюро и обеспечивает ограничение этих органов установленным пределом и в их пропаганде, агитации, связях и информации. Каждое бюро ведет работу под непосредственным контролем Исполнительного бюро и в соответствии с директивами последнего; оно может расширить поле своей деятельности только в том случае, если Исполнительное бюро сочтет это необходимым»³¹.

В то же время настойчиво утверждался ограниченный характер их функций. Бюро Профинтерна в зарубежной стране, говорил Лозовский на той же сессии, является «органом пропаганды, органом урегулирования конфликтов», однако «орган, ведущий борьбу, должен органически возникнуть внутри данной страны»³². Трения между бюро и секциями профсоюзов в партиях или партийными ячейками в профсоюзах представляют собой реальную опасность: придерживаться срединного курса между диктатом из Москвы, с одной стороны, и терпимостью к ошибочной политике — с другой, всегда было делом деликатным.

б) Международная рабочая помощь

Организация Международная рабочая помощь (Межрабпом, или МРП), известная на немецком как Интернационале арбайтерхилфе, на английском как Уоркерс интернэшнл рилиф, основана в Берлине в сентябре 1921 г. с целью облегчить положение голодающей России³³. В резолюции IV конгресса Коминтерна, состоявшегося в ноябре—декабре 1922 г., проводилось различие между политическими и экономическими аспектами «пролетарской помощи Советской России»: «Лучшей поддержкой Советской России в экономической борьбе является революционная политическая борьба рабочих и усиленное давление их на правительство каждой отдельной страны, давление, сопровождаемое требованием признания Советского правительства и установления благоприятных торговых сношений с Советской Россией. Ввиду того значения, которое Советская Россия имеет для всех трудящихся, следует, однако, помимо политической мощи, мобилизовать также и всю хозяйственную мощь мирового пролетариата для поддержки Советской России».

По поводу необходимости создать в этих целях «специальные общества и комитеты... подобно организованным Межрабпомом» в той же резолюции указывалось, что их нужно «поставить под контроль Коммунистического Интернационала»³⁴. И хотя Межрабпом в конце концов получил формальное признание в качестве вспомогательного органа Коминтерна, его успех в сборе крупных средств во многих странах, призыв к широким кругам как рабочих, так и интеллигенции, умелая организация практической помощи, разносторонняя деятельность, а также организаторское и дипломатическое искусство его директора Мюнценберга — все это придало Межрабпому статус беспримерной независимости. Практически единственный из всех массовых организаций Межрабпом сохранил местопребывание своего штаба за границей и избежал повседневного контроля бюрократии Коминтерна; его исполнительный комитет и генеральный секретариат находились в Берлине.

Важной вехой в развитии Межраброма стал конгресс, проведенный в Берлине в июне 1923 г., на котором было утверждено его официальное название и организационная структура как федерации обществ, комитетов или отделений, находящихся в различных странах. Насколько широко Межрабпом раскинул сеть своих организаций, можно судить по тому, что на конгрессе одновременно присутствовали советский посол в Берлине Крестинский, президент рейхстага Германии Любе и представительница Британского общества друзей Рут Фрай. Момент был благоприятным. Оккупация Рура французами предрасположила даже немецких социал-демократов к тому, чтобы обратить благожелательный взор на Восток, так что конгресс проходил в атмосфере гармонии и доброй воли. Все же конгресс стал первым событием, навлек-

шим на Межрабпом подозрение в том, что он является проводником большевистской пропаганды; говорят, что на этом основании министр внутренних дел Германии отказался выдать визы некоторым делегатам³⁵. Землетрясение в Японии в сентябре 1923 г. дало Межрабпому возможность оказать помощь в связи со стихийным бедствием, сравнимым с засухой в Советской России, и распространить свое растущее влияние на Дальний Восток³⁶. Следующим важным шагом явилась организация помощи немецким рабочим и их семьям во время голода и трудностей зимы 1923/24 г. — последствий забастовки в Руре, инфляции и осенних беспорядков 1923 г. Однако эта кампания практически неизбежно имела более открытый политический характер, чем все предыдущие. Конференция, где было объявлено о ее начале, состоялась в Берлине в декабре 1923 г. Она была последним мероприятием Межрабптома, в работе которого приняли участие социал-демократы, и стала объектом яростных нападок в печати³⁷.

На V конгрессе Коминтерна (июнь — июль 1924 г.) Межрабпом по-прежнему характеризовался в качестве «неполитической, непартийной, пролетарской организации помощи», а немецкие социал-демократы осуждались за стремление «бросить на нее подозрение и саботировать ее работу»³⁸. Вместе с тем несколькими днями позже III конгресс Профинтерна назвал Межрабпом и МОПР «вспомогательными организациями», созданными рабочим классом в своей борьбе против капитализма³⁹. На конгрессе Межрабптома в октябре 1924 г. в этой организации, еще не являвшейся полностью коммунистической, произошел поворот влево; приветствия от Пурселя, Лансбери и Кука из Великобритании позволяли сделать предположение о связи Межрабптома с движением меньшинства в британских тред-юнионах. В своей речи на конгрессе Мюнценберг сказал, что, хотя политика Межрабптома состояла в оказании помощи каждому голодающему, «поддержка рабочих, ведущих экономическую борьбу, в последние полгода все больше и больше выдвигалась на первый план» и что это станет проверкой для «многих наших друзей» и их отношения к Межрабпому. Сообщали, что делегат от Великобритании подчеркивал «значение Межрабптома в процессе внедрения в сознание английских рабочих классовой идеологии»⁴⁰.

В том же духе проводилась кампания помощи Китаю, начатая после расстрела демонстрации в Шанхае 30 мая 1925 г. и кульминацией которой стал массовый митинг в Берлине 16 августа 1925 г., проведенный под руководством ветерана германских социалистов Ледебера. Еще до митинга центральный комитет Межрабптома объявил, что в фонд помощи китайским забастовщикам собран 1 млн. золотых марок, из них 800 тыс. марок пришло из СССР⁴¹. На митинге, помимо призывов оказать помощь преследуемым китайским рабочим, обсуждались такие вопросы, как «влияние борьбы в Китае на международную политическую и мировую экономическую ситуацию», а также «саботаж амстер-

дамцев» (которые дали стандартный отказ на предложение провести совместную акцию). Закончился митинг лозунгом «Руки прочь от Китая!», обращенным к империалистическим правительствам. В специальной литературе митинг часто назывался «конгресс «Руки прочь от Китая!»». Когда Кук произнес страстную речь в поддержку единства профсоюзного движения, было высказано возражение по поводу того, что это «не имело ничего общего с задачами Межрабпома». Однако возражение было сделано не столько из принципиальных соображений, сколько из-за неприятия многими немцами данной проблемы ⁴².

К этому времени Межрабпом превратился в высокоорганизованный и хорошо управляемый орган, занимающийся широким кругом гуманитарных, политических, экономических и культурных вопросов. В 1924 г. он принял устав, утверждавший Межрабпом в качестве международного союза национальных организаций помощи рабочим с ежегодным международным конгрессом, центральным комитетом и генеральным секретариатом. Хотя в уставе не было никакого упоминания о Коминтерне или коммунистических партиях, в нем был пункт, признающий, что, «поскольку Россия как первое государство рабочих является сильнейшим оплотом рабочих всего мира», Межрабпом имел особое обязательство оказывать «самую далеко идущую поддержку экономическому развитию Советской России». Программа, принятая осенью 1925 г., указывала, что Межрабпом находится в «твердом единстве и тесной внутренней связи с Советской Россией» ⁴³. Тем не менее провозглашение формальной независимости было правилом.

Коммунистические партии получили инструкции не создавать при своих центральных комитетах специальных секций для работы в МежрабпOME и МОПР и не пытаться подменить управленческие органы этих организаций; влияние на них должно проводиться через партийные фракции в них ⁴⁴. Однако скрыть коммунистическое влияние на Межрабпом было трудно: в циркуляре германской полиции, попавшем в руки «Роте фане», Межрабпом характеризовался как «прикрытие для незаконной деятельности Коммунистической партии Германии» ⁴⁵. Официальные преследования подкреплялись враждебностью социалистов и социал-демократов.

Секретариат вновь сформированного II Интернационала в своем докладе Марсельскому конгрессу организации, состоявшемуся в августе 1925 г., предостерегал своих членов против Межрабпома и МОПР, описывая Межрабпом как «отделение» Коминтерна ⁴⁶. Бельгийские социал-демократы запретили членам партии и профсоюзов, находящихся под их влиянием, вступать в какую-либо из этих организаций ⁴⁷. Летом 1926 г. Мюнценберг утверждал, что Межрабпом имел секции во всех странах Европы и Северной Америки, а также в Аргентине, Австралии, Южной Африке, Индии, Китае и Японии при общей численности 15 млн.

человек. Он сказал также, что Межрабпом собрал не менее 40 млн. золотых марок за 5 лет ⁴⁸.

Рост численности членов вызвал соответствующее расширение деятельности. Работа Межрабпома в Советском Союзе началась с первоочередной задачи оказания помощи голодающим в форме поставок продовольствия и лекарств, походных кухонь и создания детских домов и развилась в организацию образцовых хозяйств с импортированными тракторами и поселений рабочих, приехавших из-за рубежа в государство рабочих, чтобы внести свой вклад в увеличение его производственных ресурсов ⁴⁹. Привлечение интеллигенции всегда занимало важное место в программе Мюнценберга, и разнообразной деятельности в сфере культуры всегда уделялось большое внимание. Кинопропаганда была развита очень высоко. Весной 1923 г. в Москве советскими профсоюзами и рабочими организациями «с помощью Коммунистического Интернационала и Профинтерна» была образована организация под названием «Пролеткино». Она начала с производства фильмов для показа в Советском Союзе, но к концу 1923 г. установила международные контакты и в первой половине 1924 г. направила 7 фильмов в Северную Америку, Скандинавские страны и Китай ⁵⁰.

Мюнценберг с присущей ему энергией и предприимчивостью всецело занялся этой работой. В 1925 г. он издал памфлет под названием «Завоевать фильм», который широко разошелся. Пролеткино в тот период частично управлялось Межрабпом и, как утверждают, выпустило 20 фильмов, показанных в Европе и Соединенных Штатах ⁵¹. Оценить весомость различных мотивов, воодушевлявших тех, кто сотрудничал с Межрабпом и оказывал ему поддержку, достаточно трудно. Симпатия и энтузиазм в отношении Советского Союза и возмущение враждебностью к нему западных буржуазных правительств и других политических партий стали связующим звеном участников МРП. В 1919—1920 гг. эти чувства были искренними и широко распространенными во многих странах, а среди институтов, которые стали формой их коллективного выражения, Межрабпом длительное время выступал самым активным и эффективным.

в) Международная красная помощь

Международная организация помощи борцам революции (МОПР), известная за рубежом как «Роте хильфе», или Международная красная помощь, обязана своим появлением инициативе поляков. 23 августа 1922 г. «Трибуна комунистична» — орган Польского бюро Центрального Комитета РКП(б) — опубликовала воззвание от имени жертв буржуазного террора в Польше. Мархлевский, кажется, был воплощением духа воззвания и стал председателем комитета, созданного для сбора пожертвований. Среди других поляков — видных деятелей РКП(б), подписавших воззвание, были Дзержинский, Ганецкий, Кон и Уншлихт. Вско-

ре комитет получил помощь от Общества старых большевиков. Была создана совместная организация, и собраны пожертвования в РСФСР, а также Украинской и Белорусской республиках⁵². Эти усилия одобрил IV конгресс Коминтерна в ноябре 1922 г., на котором было принято решение о создании организации на постоянной основе⁵³. Сразу после конгресса было образовано Центральное бюро, куда входили представители Общества старых большевиков и Коларов от секретариата Коминтерна; оно быстро расширилось за счет включения делегатов от Германии, Франции, Соединенных Штатов, Чехословакии, Италии, Польши и Литвы и провело свое первое заседание 17 декабря 1922 г. Расширенное бюро выработало программу, основными пунктами которой были призыв к сбору средств в Советской России, участие в мероприятиях Межрабпома за рубежом, забота о политических беженцах, прибывающих в Советскую Россию⁵⁴. Его первый призыв от 29 декабря 1922 г. был обращен к партийным и профсоюзным органам, а также к гражданам Советской России. Через месяц бюро обратилось с призывом к организациям МОПРа во всем мире, в котором 18 марта — годовщина Парижской Коммуны — объявлялось днем сбора средств в фонд МОПРа⁵⁵. Формирование организации завершилось созданием 2 марта 1923 г. Исполнительного комитета с Мархлевским в качестве председателя и Коларовым в качестве представителя ИККИ⁵⁶.

Первой крупномасштабной акцией, предпринятой МОПРом в октябре 1923 г., было обращение от имени жертв «белого террора», последовавшего за поражением Сентябрьского восстания в Болгарии⁵⁷. Со временем подобные кампании стали проводиться гораздо чаще и активнее. Первая всесоюзная конференция МОПРа, в которой принимали участие 50 делегатов из разных уголков Советского Союза, открылась 30 января 1924 г.⁵⁸ На ней выступил Зиновьев. V конгресс Коминтерна, рассматривая вопрос об отношении к МОПРу как «внепартийной организации», дал инструкцию коммунистическим партиям оказывать ему всяческую поддержку и способствовать созданию его секций в своих странах⁵⁹.

14—16 июля 1924 г. вслед за конгрессом Коминтерна МОПР провел свою первую международную конференцию. На ней присутствовало 108 делегатов, две трети из которых представляли секции, образованные вне Советского Союза. На конференции была принята декларация, обещавшая помощь «в этот период темной капиталистической реакции заключенным в тюрьму и преследуемым борцам за революцию», а также утверждены резолюции о работе среди крестьян, среди женщин и о помощи политическим беженцам. Конференция заложила организационные основы МОПРа по обычному образцу: конгресс, Исполнительный комитет и Президиум, подотчетность центральных комитетов, национальных секций Исполнительному комитету⁶⁰. Заседание Прези-

диума по формированию секретариата состоялось сразу после конференции⁶¹.

1925 год, ставший свидетелем широкого развития курса на завоевание поддержки Советам через массовые внепартийные организации, был периодом быстрого развертывания деятельности МОПРа. Он также отмечен смещением акцента с гуманитарных на политические аспекты работы МОПРа (хотя последние присутствовали всегда). На VI съезде советских профсоюзов в ноябре 1924 г. делегат от МОПРа напомнил, что «МОПР не является организацией филантропической, не является нейтральной организацией, подобно вашему профессиональному Союзу, МОПР является организацией политической»⁶². В декабре 1924 г. в Москве была проведена «Неделя МОПРа» в знак протеста против «белого террора» и для оказания помощи его жертвам⁶³. На V расширенном пленуме ИККИ в марте — апреле 1925 г. Марти предложил, чтобы коммунистические партии использовали МОПР для «возбуждения ненависти рабочих по отношению к капиталистическим правительством, применяющим методы репрессий, защищая прежде всего наших товарищей, которых они убивают». В резолюции пленума МОПР оценивался в качестве важного фактора вовлечения в революционное движение широчайших беспартийных масс и как первоначальная школа воспитания этих масс в духе международной пролетарской солидарности⁶⁴. На конференции МОПРа, проходившей одновременно с расширенным пленумом ИККИ, отмечалось, что его секции подверглись репрессиям со стороны правительств в Югославии, Польше и Австрии⁶⁵.

В том же месяце, несколько позже, конференция Международного крестьянского совета приняла резолюцию, в которой утверждалось, что МОПР насчитывал уже более 5 млн. членов и «крестьяне всего мира по примеру крестьян и крестьянок СССР» стремятся «массами вступать в ряды МОПРа»⁶⁶.

В мае 1925 г. Зиновьев обратился к первому всесоюзному съезду (январская сессия 1924 г. была лишь конференцией) советской секции МОПРа в Москве. Он противопоставил «прежний Красный Крест» МОПРу как «коммунистической организации»: «МОПР не филантропическая организация, не благотворительный институт, он должен рассматривать себя как одно из звеньев международного пролетарского движения. Исполнительный комитет Коминтерна считает МОПР одним из своих звеньев, более того, одним из своих важнейших звеньев»⁶⁷.

В феврале 1925 г. в Берлине во время суда над агентами ОГПУ говорилось о том, что МОПР фабрикует фальшивые документы для лиц, разыскиваемых по политическим обвинениям, чтобы они могли избежать ареста⁶⁸. Среди бумаг, захваченных британской полицией во время налета на штаб КПВ осенью 1925 г., было письмо, направленное секретариатом МОПРа ЦК КПВ 14 сентября 1925 г. В нем определялись задачи организации. МОПР, говорилось в письме, образован не только для того, что-

бы помогать заключенным и их семьям, но имеет конкретные политические цели: 1) повышение уровня классового сознания масс; 2) «интернационализация» масс; 3) создание широкой непартийной организации, которая привлекла бы в свои ряды огромные массы рабочих, объединенных вокруг политической цели — поражения «белого террора», то есть свержения капитализма⁶⁹.

Тогда МОПР еще не достиг размеров и масштабов деятельности более поздних лет; однако основные направления деятельности уже хорошо утвердились в тот период.

г) Крестьянский Интернационал

Крестьянский Интернационал (Крестинтерн) был основан в октябре 1923 г., когда поражение восстания в Болгарии выявило важность поиска сотрудничества с крестьянскими партиями в тех странах, где они обладали действительным или потенциальным политическим влиянием. Его организация и журнал «Крестьянский Интернационал» возникли только следующей весной. А самым заметным, хотя и непродолжительным, успехом было вовлечение в июне 1924 г. в его ряды Радича и Хорватской крестьянской партии⁷⁰. В резолюции V конгресса Коминтерна, принятой через несколько дней, выражалась официальная поддержка Крестинтерну⁷¹. Однако выход Радича из Крестинтерна снизил его престиж; ни одна крестьянская партия не пыталась вступить в него, и Крестинтерн на глазах зачах. В начале 1925 г. его журнал после трехмесячного молчания опубликовал манифест с объяснением и оправданием трудностей, воспрепятствовавших созыву второго конгресса. В манифесте объявлялось о проведении в ближайшем будущем сессии его Исполнительного комитета — Международного крестьянского совета⁷². Однако еще до этого V расширенный пленум ИККИ, собравшись на сессию в марте — апреле 1925 г., продемонстрировал пренебрежение к Крестинтерну даже в тех кругах Коминтерна, которые занимались крестьянским вопросом. В своем исчерпывающем докладе о мерах, предпринимаемых по всему миру для организации крестьянства в интересах правящего класса буржуазии, и контрмерах, необходимых для приобщения крестьянства к делу революции, Бухарин не нашел ни одного повода для того, чтобы упомянуть Крестинтерн⁷³. Не сослались на него ни Бела Кун, ни Варга, ни Домбал — его фактический руководитель. Делегат от Югославии Бошкович, сам сотрудник Крестинтерна, сказал мимоходом о попытке создания на Балканах «боевой организации, входящей в качестве ассоциированного члена в Международной крестьянский совет», но не сообщил о том, чтобы эти попытки увенчались успехом. Он относил слабость Крестинтерна за счет того факта, что (в отличие от других вспомогательных организаций Коминтерна) у него не бы-

до соответствующих секций или отделов в аппарате коммунистических партий⁷⁴. Только советский делегат Мещеряков открыто выразил сожаление по поводу невнимания как к беспартийным крестьянам, так и к Международному крестьянскому совету⁷⁵. Наверное, именно благодаря этим слабым протестам в резолюцию по крестьянскому вопросу, которая в остальном в общей форме следовала положениям доклада Бухарина, был включен пункт, призывающий коммунистические партии поощрять сотрудничество крестьянских организаций с Международным крестьянским советом и способствовать его росту и развитию его деятельности⁷⁶.

9 апреля 1925 г., через три дня после окончания работы расширенного пленума ИККИ, начался II пленум Крестинтерна, или, как еще его называли, II расширенный пленум Международного крестьянского совета. Он открылся речами Калинина и Домбала и продолжался больше недели. Всего на нем присутствовало 78 делегатов из 39 стран, включая 49 из 52 постоянных членов совета. Его основополагающая резолюция определила в качестве главной задачи своих сторонников содействие «освобождению трудящегося крестьянства от влияния и руководства землевладельцев (помещиков), кулаков и буржуазии». Руководствуясь тактикой работы в реформистских профсоюзах, пленум рекомендовал своим последователям вступать в существующие крестьянские организации и стремиться перевести их на платформу Крестинтерна, создавая отдельные организации, только «если реакционные элементы делают раскол неизбежным». Из делегатов, присутствовавших на пленуме, 7 приехали из стран Азии; были также представители Египта и Алжира. Если до сих пор совет чувствовал себя слишком слабым для ведения работы в колониальных странах, то теперь он собирался претворить более амбициозную программу и обратился с призывом «к крестьянам Турции, Персии, Египта, Алжира, Палестины, Индии, Китая, Кореи и Японии, неграм Америки и Африки, к крестьянам и трудящимся всех стран Востока и капиталистических колоний» объединиться против своих угнетателей⁷⁷. Очевидно, именно в это время совет установил контакты с Восточным отделом ИККИ⁷⁸.

В течение всей осени 1925 г. президиум совета работал особенно активно и время от времени выступал с заявлениями по текущим вопросам: против войны в Марокко, в поддержку кооперативов, против угрозы войны⁷⁹. Наводнения летом 1925 г. в Корее стали для Крестинтерна поводом для проведения кампании помощи, которая, как говорят, вызвала дружественные отклики в корейской печати⁸⁰. В августе 1925 г. Крестинтерн направил телеграмму конгрессу II Интернационала, проходившему в Марселе. Крестинтерн интересовался, поддержит ли II Интернационал борьбу народов Востока и колониальных стран за освобождение рабочих и крестьян Востока против своих империалистических угнетателей и потребует ли он прекращения войны в Сирии и Марокко, а также вывода британских и других иностран-

ных войск из Китая⁸¹. Вовлечение в большую политику давало основания полагать, что для осуществления первоначальных целей Крестинтерна было сделано немного. В своей статье в «Правде» Бошкович подчеркивал значение Крестинтерна в борьбе между буржуазией и пролетариатом за влияние на крестьянство⁸². Обращения к Румынской крестьянской партии и румынским крестьянам, письмо протеста министру сельского хозяйства Венгрии, занимавшему также пост президента аграрной партии, обеспечили Крестинтерну кратковременную известность⁸³. Признаки зарождения движений левой ориентации среди крестьян Сардинии и Баварии были замечены с радостью и всячески поощрялись⁸⁴. В феврале 1926 г. в основном докладе VI расширенному пленуму ИККИ Зиновьев, говоря о Крестинтерне, заявил о его «достижениях, еще, правда, небольших», и о том, что «в настоящее время он преуспел в установлении связей с крестьянским движением в различных странах». Он выделил коммунистические партии Германии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Италии и Польши в качестве партий, начавших работать «среди крестьянства»⁸⁵. Однако неподкрепленность этих заявок не вызывает доверия. Вскоре после этого пленума Домбаль, фактический руководитель Крестинтерна, написал отчет о его деятельности для справочника Коминтерна. Среди входящих в Крестинтерн организаций иностранными были только Мексиканская и Монгольская крестьянские лиги, крестьянская организация Гоминьдана, мелкие итальянские, германские и французские крестьянские союзы и канадская партия фермеров Саскачевана⁸⁶. После 1925 г. официальные заседания совета больше не проводились и интерес к Крестинтерну всюду падал⁸⁷.

Единственным полезным и долговременным порождением Крестинтерна был Международный аграрный институт в Москве, основанный для исследования аграрных проблем во всем мире. Проект его создания был принят на учредительном конгрессе Крестинтерна в 1923 г.⁸⁸ Летом 1925 г. Президиум направил просьбу о предоставлении помощи в осуществлении проекта; в качестве мотива указывалась необходимость противодействовать деятельности Международного аграрного института в Риме, основанного в 1905 г. и к тому времени тесно сотрудничавшего с Лигой Наций⁸⁹. Каким бы ни был ответ на эту просьбу, в октябре 1925 г. было объявлено о скором открытии института и опубликован текст его устава⁹⁰.

Церемония открытия института состоялась в марте 1926 г., во время работы VI расширенного пленума ИККИ. От имени Президиума Крестинтерна Домбаль приветствовал создание института как «противовеса римскому Международному аграрному институту, чья основная задача состоит в том, чтобы содействовать усилению власти помещиков и капиталистов»; его работа будет строиться на принципах «научного марксизма» и будет нацелена на поддержку «повседневной борьбы трудящихся за освобождение

ние». С приветствиями выступили также Сэн Катаяма, Рой и китайский делегат, представители итальянских и румынских крестьян, американских негров и африканцев, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, а также Варга, Лященко и Кондратьев от имени различных советских экономических институтов⁹¹. Варга стал директором нового института, который процветал и выпускал собственный ежемесячный журнал «Аграрные проблемы» почти 10 лет.

д) Красный Интернационал Спорта

Красный Интернационал Спорта (Спортинтерн, или КИС) был основан на конференции, состоявшейся в Москве во время работы III конгресса Коминтерна в июле 1921 г. Годом раньше, на II конгрессе Коминтерна, Подвойский, один из военных специалистов РКП(б), обсудил с несколькими зарубежными делегатами организацию физической подготовки в Советской России, которая была тесно связана с всеобучем — системой обязательной физической подготовки юношей в преддверии их призыва на военную службу⁹². Так возникла идея создания международной пролетарской спортивной организации в качестве аналога существующих буржуазных и социал-демократических спортивных организаций. Этот план был осуществлен на конференции в июле 1921 г., в которой принимали участие не представители национальных спортивных организаций, а делегаты, съехавшиеся в Москву на конгресс Коминтерна. Конференция выпустила манифест, объявлявший об образовании Красного Интернационала Спорта, и избрала исполнительный комитет из представителей Советской России, Германии, Швеции, Чехословакии, Франции, Эльзас-Лотарингии и Италии с Подвойским в качестве председателя⁹³.

С самого начала Спортинтерну была присуща определенная двойственность. Объявленная численность советских членов Спортинтерна составляла 5 млн. человек и являла собой просто численность подлежащих прохождению обязательной физической подготовки по положению всеобуча; в то время не существовало какой-либо независимой советской спортивной организации⁹⁴. В других странах Спортинтерн воспринимался как ядро прежде не существовавших коммунистических спортивных организаций. В Германии, Чехословакии и Франции спортивные организации рабочих появились под эгидой социал-демократических и социалистических партий в противовес буржуазным спортивным организациям. Был создан международный орган — так называемый Люцернский интернационал — для координации этой деятельности. Однако даже французские организации, которые, как утверждали, принадлежали к Люцернскому интернационалу, к тому времени еще официально в него не входили. В 1922 г., по словам ревниво настроенного делегата от Чехословакии, он был «не

чем иным, как Германским спортивным союзом рабочих, объявившим себя международной организацией»⁹⁵.

Сформированный в период, когда Коминтерн уже принял тактику единого фронта, Спортинтерн с самого начала отказался от стремления расколоть рабочие спортивные организации или создать центр, который бы соперничал с Люцернским интернационалом. Вторая конференция (или конгресс) Спортинтерна, проходившая в июле 1922 г. в Берлине⁹⁶, приняла решение установить тесные связи с Коминтерном, КИМом и Профинтерном. В ходе IV конгресса Коминтерна (ноябрь 1922 г.) ИККИ постановил направить представителя в Исполнительный комитет Спортинтерна. В этой связи было повторно заявлено, что Спортинтерн является «независимой» организацией, принимающей всех «революционных» атлетов любой политической партии, что, однако, не изменяло характера Спортинтерна как пролетарской организации, стоящей на позициях классовой борьбы⁹⁷. Но работа продвигалась медленно. Фактически единственной зарубежной организацией, вошедшей в Спортинтерн в 1922 г., стала Чехословацкая федерация рабочих гимнастических лиг, представлявшая, по оценкам, 100 тыс. атлетов⁹⁸.

К этому времени еще не был урегулирован порядок взаимоотношений между Спортинтерном и КИМом, что вызвало острые разногласия на III конгрессе КИМа, последовавшем за IV конгрессом Коминтерна в декабре 1922 г.⁹⁹ На конгрессе докладчиком по вопросу о спортивных организациях рабочих выступал делегат от Чехословакии Михалец, чей доклад¹⁰⁰ вызвал сильное неодобрение советских делегатов и многих делегатов других стран. Во-первых, Михалец пытался расширить функции Спортинтерна и его национальных организаций на «культурную», а не только спортивную деятельность, употребив выражение «физическая и духовная культура», чтобы соединить эти сферы. По его мнению, следовало поощрять и стремиться объединить под эгидой Спортинтерна такие организации, как рабочие общества трезвости, рабочие общества свободомыслящих или эсперантистов¹⁰¹. Во-вторых, Михалец разделил деятельность коммунистов на три сферы — политическую, экономическую и культурную (включая спорт). Этими тремя сферами деятельности должны были заниматься соответственно национальная партия, профсоюз и органы культуры, объединенные в свою очередь под эгидой Коминтерна, Профинтерна и Спортинтерна¹⁰². В-третьих, эта точка зрения была призвана поддержать доктрину независимости культурных и спортивных организаций, и Спортинтерна в частности. В Советской России, по мере того как демобилизация подрезала крылья всеобщу, комсомол начал заполнять брешь и заниматься организацией спортивной и физической подготовки. Особые спортивные организации не создавались.

Михалец настаивал на том, что этот прецедент не имеет силы вне Советской России и что молодежным лигам других стран не-

чего брать на себя функции спортивных организаций. Он признал, что было «очень много случаев, когда дело доходило до конкурентной борьбы между этими двумя организациями»¹⁰³. Вопрос об отношениях Спортинтерна и КИМа специально не рассматривался. В одной из частей доклада Михалеца речь шла о военных ассоциациях, существовавших в начальный период деятельности Спортинтерна, по поводу чего противники Михалеца не выступали. Он пояснял, что в чехословацких спортивных организациях «наши товарищи должны не только проводить идеологическую работу, но и выполнять особые задачи во имя классовой борьбы, проводя систематическую подготовку к Красной Армии, систематическую военную подготовку членов» организации. Он выразил мнение, что «руководимые коммунистами спортивные организации обладают достаточно высокой квалификацией для введения в свою работу систематической военной подготовки своих членов»¹⁰⁴. Вполне очевидно, Михалец понимал, что его основная идея не завоеует поддержку, поскольку он закончил доклад, предложив конгрессу не принимать окончательных решений по данному вопросу, а удовлетвориться резолюцией, переносящей его рассмотрение на следующее заседание бюро¹⁰⁵. Выступавшие с критикой взглядов Михалеца, по сути, соглашались с его предложением. Резолюция, принятая конгрессом, объявляла долгом молодежных лиг убеждать рабочих, ныне входящих в буржуазные спортивные организации, выходить из них и самоорганизовываться в секции Спортинтерна, а также создавать фракции в социал-демократических рабочих спортивных организациях в целях завоевания большинства в них и вовлечения их в Спортинтерн. Между тем «спорные вопросы», возникшие в ходе дискуссии, были перенесены на предстоящее заседание бюро¹⁰⁶.

Четвертое заседание бюро КИМа, состоявшееся в июле 1923 г., удовлетворилось тем, что в общих словах рекомендовало поддерживать Спортинтерн и входящие в него организации в качестве «классового инструмента пролетариата», но не подняло спорного вопроса об отношениях Спортинтерна с КИМом¹⁰⁷. 1923 год был годом высокой активности Спортинтерна. В феврале 1923 г. Исполнительный комитет, собравшись в Москве, принял решение о создании Западноевропейского бюро в Берлине в надежде улучшить связи со спортивными организациями на Западе¹⁰⁸. С этого времени Спортинтерн начал оказывать свое влияние в некоторых западных странах. В 1923 г. произошел раскол во французской Спортивной рабочей федерации, и 80% входивших в нее клубов присоединилось к Спортинтерну¹⁰⁹. Более того, подобно Профинтерну, Спортинтерн причислял к своим сторонникам не только членов входящих в него национальных организаций, но и меньшинство в других рабочих спортивных организациях, в которых в соответствии с инструкцией о тактике единого фронта и предотвращении расколов остались коммунисты. За пределами Совет-

ского Союза вторая категория, по всей видимости, преобладала над первой.

На конференции Люцернского интернационала, проходившей в августе 1923 г. в Цюрихе, была выдвинута идея предложить Спортинтерну направить своих представителей на конференцию во Франкфурте, которая планировалась следующей весной, чтобы организовать «Олимпиаду рабочих». Эта идея натолкнулась на сопротивление, и принятие окончательного решения о приглашении Спортинтерна было предоставлено референдуму организаций, входящих в Люцернский интернационал. Когда же в апреле 1924 г. началась конференция во Франкфурте, Спортинтерн приглашен не был. Оказалось, что подавляющее большинство индивидуальных членов поддерживали идею о приглашении Спортинтерна, однако голосованием по странам (одна страна — один голос) предложение было отклонено (5 стран против 4). Язвительная переписка между Люцернским интернационалом и Спортинтерном, которая велась параллельно с перепиской между МФП и советскими профсоюзами, кажется, явилась единственным результатом этой попытки сближения.

На пленарном заседании V конгресса Коминтерна, состоявшемся в июне — июле 1924 г., вопрос о Спортинтерне не обсуждался. Однако проходившая сразу после него сессия ИККИ без обсуждения одобрила и выпустила от своего имени резолюцию о задачах коммунистических партий в области физической культуры и спорта¹¹⁰. Партии получили инструкцию «вместе с лигами коммунистической молодежи и красными профсоюзами обращать особое внимание на спорт и физическую культуру, используя их в революционных целях». В тех странах, где рабочие спортивные организации не существовали, их создание следовало поддерживать; в тех странах, где они имелись, необходимо создавать в них коммунистические фракции, чтобы противостоять влиянию реформизма. Даже там, где существовали красные спортивные организации, надлежало образовать коммунистические фракции в них, «чтобы обеспечить последовательное влияние революционных элементов». Цель состояла в том, чтобы вовлечь эти организации в революционную борьбу, а также усилить борьбу с фашизмом и милитаризмом; спортивные организации были признаны как «прекрасное средство военной подготовки и дисциплины» и «действенной поддержки революционным боевым отрядам». Отношения Спортинтерна и Люцернского интернационала описывались в выражениях, явно заимствованных из опыта Профинтерна: «Борьбу революционных элементов против реформистской политики Люцернского спортивного интернационала рабочих необходимо поощрять и оказывать поддержку Спортинтерну. В то же время необходимо бороться с любыми тенденциями к расколу или созданию чисто коммунистических организаций»¹¹¹.

Косвенные факты позволяют предполагать, что претензия КИМа на осуществление основного контроля над Спортинтерном

и национальными спортивными организациями стала яблоком раздора. Опубликованные КИМом на немецком языке тезисы ИККИ о задачах КИМа содержали параграф, опущенный в варианте, опубликованном на русском. Он предписывал вести «регулярную и настойчивую борьбу против буржуазных спортивных организаций и за создание рабочих спортивных союзов». Далее в параграфе говорилось: «Там, где рабочие союзы физической культуры и спорта еще не существуют, лиги коммунистической молодежи должны работать над их созданием. В существующих рабочих спортивных организациях они должны начать оживленную пропаганду за Красный спортивный интернационал»¹¹².

На IV конгрессе КИМа, последовавшем непосредственно за V конгрессом Коминтерна, была назначена комиссия по спорту и физической культуре, а также одобрена пространная резолюция по этому вопросу. Отметив, что до сих пор лиги коммунистической молодежи мало занимались вопросами спорта, IV конгресс КИМа принял широкую программу действий: «Коммунистический Интернационал Молодежи и его секции работают через фракции внутри Спортинтерна и его национальные лиги. Поскольку подавляющее большинство членов Спортинтерна составляют молодые рабочие, КИМ особенно заинтересован в работе Спортинтерна. Для координации работы и поддержки политической деятельности Спортинтерна Исполнительный комитет КИМа направляет представителя в Исполнительный комитет Спортинтерна, чтобы принимать участие в его работе на регулярной основе. Эта работа ведется под непосредственным руководством Исполнительного комитета КИМа по согласованию со Спортинтерном...

Лиги коммунистической молодежи через свои фракции оказывают влияние на работу национальных секций Спортинтерна таким образом, чтобы превратить их в центр классовой борьбы и побудить к активному участию в борьбе против фашизма, буржуазного милитаризма и реакции»¹¹³.

В октябре 1924 г. Спортинтерн провел свой III конгресс в Москве¹¹⁴. На нем был расширен Исполнительный комитет, в который ввели четырех представителей Исполнительного комитета КИМа, — это решение позволяет предполагать, что наступление КИМа было успешным, хотя бы частично; Подвойский остался председателем комитета. На конгрессе было выдвинуто положение о том, что «средства физической подготовки должны быть сознательно использованы рабочим классом и должны служить целям пролетариата». Конгресс отверг как несвоевременное предложение об установлении связей с культурными организациями и заявил, что Спортинтерн «открыт для всех пролетарских элементов, признающих классовую борьбу, и не является сугубо коммунистическим»¹¹⁵. К тому времени организации, входящие в Спортинтерн, существовали в Советском Союзе (2 млн. членов), Чехословакии (120 тыс. членов), Франции, Норвегии, Италии, Соединенных Штатах и Уругвае. За исключением Советского Союза и

Чехословакии, их количественный состав был незначительным. Организации в Эстонии и Болгарии были подавлены полицией. В дополнение к этим организациям красного спорта в Эльзас-Лотарингии, Финляндии и Италии существовали «сочувствующие» организации, остававшиеся членами Люцернского интернационала. Коммунистические фракции были созданы в рабочих спортивных организациях Германии, Швейцарии, Австрии, в областях Чехословакии, заселенных немцами, Эльзас-Лотарингии, Финляндии и Италии. Говорилось, что во многих других странах установлены связи между организациями и велась пропаганда¹¹⁶.

В это время упрочились и контакты между Спортинтерном и Профинтерном. Еще ранее отмечалось, что секции Спортинтерна должны развиваться легче там, где сильны красные профсоюзы¹¹⁷. Это предположение подтвердилось относительным успехом в Чехословакии и Франции и неудачей в Германии¹¹⁸. На III конгрессе Профинтерна, заседание которого состоялось сразу после V конгресса Коминтерна, указывалось, что «спортивные клубы могут обеспечить основные кадры и много боевых единиц во всех решающих схватках между трудом и капиталом» и что долг членов профсоюзов состоит в том, чтобы, «не раскалывая рабочее спортивное движение, поддержать Красный Спортинтерн в его борьбе за революционизацию международного рабочего спортивного движения»¹¹⁹. В специальной резолюции по Спортинтерну Профинтерн пытался применить к нему опыт своей работы в профсоюзах и осудил Люцернский интернационал за отказ «создать единый фронт рабочих спортивных организаций»¹²⁰. Необходимость в связях между Спортинтерном и заводами возрастала как в силу того, что в крупной промышленности организация спорта для заводских рабочих становилась правилом, так и по той причине, что Коминтерн постоянно настаивал на том, что промышленные предприятия являются базой для пополнения рядов партии и базой ее деятельности.

1925 год отмечен двумя кризисами в Спортинтерне. Первый заключался в усилении напряженности в отношениях с Люцернским интернационалом, второй — в неожиданном повороте борьбы КИМа за преобладание в Спортинтерне. На расширенном пленуме ИККИ, состоявшемся в марте — апреле 1925 г., Подвойский выступил с пространным отчетом о работе Спортинтерна. Это был единственный случай, когда Коминтерн на своем заседании уделил Спортинтерну так много внимания. Подвойский заявил, что 30 млн. молодых людей, из которых 10 млн. являлись рабочими и 20 млн. принадлежали к мелкой буржуазии и буржуазии, были объединены в спортивные организации и что они организованы буржуазией, чтобы служить «орудием контрреволюции». Задача Спортинтерна состояла как раз в том, чтобы ответить на этот вызов. Его лозунгами должны были стать: «превращение спорта и гимнастики в орудие революционной классовой борьбы, сосредоточение внимания рабочих и крестьян на спорте и гимнастике как

одном из лучших инструментов, методов и орудий их классовой организации и борьбы».

Бойкот Спортинтерна Люцернским интернационалом, как и бойкот красных профсоюзов МФП, был осужден в качестве образа «раскольнической тактики реформистов». К коммунистическим партиям, молодежным организациям и профсоюзам во всем мире был обращен призыв поддержать Спортинтерн как часть борьбы за единый фронт. Прежде всего речь шла о том, чтобы обеспечить приглашение на рабочую спортивную Олимпиаду, которая планировалась в июле 1925 г. во Франкфурте под эгидой Люцернского интернационала. Во-вторых, если этого не удастся добиться, то организовать «Октябриаду» организаций красного спорта всех стран к 1927 г. — десятой годовщине Октябрьской революции. Оратор закончил свою речь предложением внести дополнение в этом духе в основную резолюцию о большевизации компартий, проект которой был предложен Зиновьевым ¹²¹.

Данное предложение не встретило ни сопротивления, ни поддержки: ни в одной резолюции этого пленума оно не упоминается и ни один делегат не выступил по вопросу о Спортинтерне. Очевидно, это свидетельствует о том, что вопрос о Спортинтерне Коминтерн предоставил решать КИМу.

На заседании Исполкома КИМа, проходившем после V расширенного пленума ИККИ, Подвойский выступил еще с одной речью, в которой определил основные функции Спортинтерна. Они должны были состоять в том, чтобы «создать движение красного спорта на заводах, пропагандировать единый фронт международного гимнастического и спортивного движения и слить его с общим единым фронтом рабочего класса». Он призвал КИМ «оказать активную поддержку работе Спортинтерна и его секций в различных странах» и не затрагивал, по-видимому, отношений между КИМом и Спортинтерном ¹²². Однако это несколько не помогло продвинуть дело участия во Франкфуртской Олимпиаде.

В это время появился новый повод для раздора в уже и так запутанной ситуации. Всесоюзный высший совет по физической культуре (ВСФК), председателем которого был народный комиссар здравоохранения Семашко, получил функцию контроля над физической культурой и спортом в Советском Союзе и явно был предназначен стать невоенным преемником всеобщего. В этом качестве он претендовал на то, чтобы быть составной частью Спортинтерна от СССР, и, очевидно, получил некоторое признание в этом смысле, что шло вразрез с устремлениями КИМа. Эта борьба являла собой нечто большее, чем соперничество между различными учреждениями за осуществление юрисдикции. Она отражала столкновение между политической точкой зрения на спорт как непосредственное орудие классовой борьбы, выраженной КИМом, и неполитической точкой зрения народного комиссариата здравоохранения. Последний рассматривал спорт главным образом как элемент физической культуры и уже одобрил принцип

сотрудничества с капиталистическими странами в вопросах здравоохранения¹²³.

Вслед за Центральным советом советских профсоюзов, который по соглашению с Профинтерном представлял его на переговорах с МФП, 3 июня 1925 г. ВСФК направил письмо Люцернскому интернационалу. В нем выражалось желание участвовать во Франкфуртской Олимпиаде в следующем месяце. Однако в данном случае, в отличие от ситуации с профсоюзами, все произошло наоборот. Люцернский интернационал, отказываясь вступать в прямые связи с ВСФК, оставил письмо без ответа и информировал Спортинтерн о том, что готов не только пригласить секции Спортинтерна на Олимпиаду, но и вступить с ним в переговоры о проведении совместных действий в классовой борьбе и борьбе против угрозы войны при условии, что все секции Спортинтерна войдут в Люцернский интернационал¹²⁴. Этот отказ ослабил позиции ВСФК, чью инициативу отвергли и КИМ, и Спортинтерн, усилив в то же время притязания КИМа. На VII съезде ВЛКСМ, состоявшемся в марте 1926 г., Ломинадзе заявил, что Коминтерн «деятельность в области спорта поручил» КИМу и что «политическая ответственность за эту работу возложена в основном на нас вместе с представителями Спортинтерна». Далее он осудил разногласия между Спортинтерном и ВСФК, между Подвойским и Семашко, а также то, что «ни одна российская команда, ни один представитель России» не приняли участия в рабочей Олимпиаде во Франкфурте. Однако когда другой делегат заметил, что это дело КИМа — «улучшить свое руководство Спортинтерном», Ломинадзе отпарировал, что спор уже решается в высших партийных органах: Центральной контрольной комиссии и Политбюро¹²⁵. Если официальное решение о переходе Спортинтерна под начало КИМа и было когда-либо принято, оно не было опубликовано.

Между тем отношения с Люцернским интернационалом развивались по сценарию, который можно было предугадать. В начале ноября 1925 г. в Париже проходил очередной конгресс Люцернского интернационала. Еще до этого конгресса Спортинтерн выступил с воззванием о созыве конференции, чтобы обсудить вопрос о единстве и спортивных соревнованиях между организациями, принадлежащими к обоим Интернационалам¹²⁶. Его просьба о посылке на конгресс своих представителей была отвергнута. Однако под предлогом того, что ответ в Москву вовремя не пришел, в Париж прибыла делегация и представилась конгрессу. После недостойных пререканий большинством в 13 голосов против 8 было решено допустить на конгресс одного представителя Спортинтерна и позволить ему обратиться к конгрессу с получасовым выступлением. Фриц Рейснер, секретарь Спортинтерна из Германии, обращаясь к конгрессу, еще раз поставил вопрос о проведении прямых переговоров между двумя Интернационалами для установления единства и в качестве первоначальной меры совместно-

го участия организаций обоих Интернационалов в спортивных мероприятиях. Судя по всему, речь произвела определенное впечатление. Все национальные организации, представленные на конгрессе, кроме организаций Чехословакии и Франции, где независимые организации красного спорта, входящие в Спортинтерн, были относительно сильными, выразили желание встретиться с организациями Спортинтерна на спортивных соревнованиях. Однако в то время сочли нецелесообразным вести прямые переговоры между двумя Интернационалами, и вопрос о единстве был отложен до следующего конгресса, который должен был состояться через два года¹²⁷. В своем докладе о работе Коминтерна на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. Зиновьев уделил внимание и Спортинтерну. Его значимость объяснялась тем, что спортивные организации Чехословакии, Германии и «целого ряда других стран» представляли собой «будущие ячейки Красной гвардии»¹²⁸.

Еще одно столкновение произошло из-за стремления советских команд участвовать в соревнованиях, проводимых вне рамок Спортинтерна, — состязаться не только с командами рабочих из других стран, но и с национальными командами, составленными безотносительно к классовой принадлежности. Первый отход от пролетарской ортодоксии, по всей видимости, произошел на международном шахматном турнире, организованном советскими профсоюзами. Утверждалось, что с этих пор советские команды соревновались в различных видах спорта с национальными командами Великобритании, Франции, Турции, Чехословакии и Швеции. Осуждение этой ошибки пришло из неожиданного источника. 16 мая 1926 г. в Москве открылось заседание расширенного Исполкома Спортинтерна. Одной из его задач было принятие правил «установления отношений с буржуазными спортивными организациями». Соревнования с подобными организациями позволялось проводить «со странами, где пролетариат не располагает собственными спортивными организациями», и «восточными странами (такими, как Турция и Китай), где буржуазия еще объективно играет революционную роль». Комитет направил также телеграмму исполкому Люцернского интернационала, заседание которого должно было состояться через несколько дней в Амстердаме. Исполкому Люцернского интернационала предлагалось поставить в повестку дня вопрос о единстве и провести совместную конференцию для обсуждения слияния двух Интернационалов¹²⁹. Ответ Люцернского интернационала был быстрым и бескомпромиссным. В нем отмечалось, что спортивные организации, входящие в Спортинтерн, приняли участие в ряде соревнований с буржуазными организациями. Это, как и «другие различия во мнениях, существующие и поныне», делают «более тесную связь между двумя Интернационалами... совершенно невозможной»¹³⁰. Такой ответ, очевидно, положил конец настойчивым попыткам проникнуть в цитадель Люцернского интернационала.

Организация спорта на политической основе и в политических

целях не носила исключительно большевистского характера. В империи Габсбургов чехи использовали эту идею в интересах своего национального движения; социал-демократы Германии и других европейских стран полагали, что спорт, как и другие виды социальной деятельности, должен быть организован на классовой основе. Концепция международного пролетарского спорта, служащего мировой пролетарской революции, появилась естественным образом в первые годы Советской власти. Однако по мере того, как непосредственные революционные задачи сходили на нет и Советский Союз смирился с картиной мира, разделенного на нации, концепция советского национального спорта сменила концепцию международного пролетарского спорта, фундамент Спортинтерна начал разрушаться. Спортинтерн просуществовал еще несколько лет, но его численность и влияние неуклонно падали. К концу 20-х годов это была уже умирающая организация, хотя, по всей вероятности, о прекращении ее существования так никогда и не было объявлено.

е) Международное кооперативное движение

Деятельность коммунистов в кооперативах развивалась параллельно с их деятельностью в профсоюзах, за исключением одного важного аспекта: попытки создания «красных» кооперативов за пределами Советского Союза или организации Красного интернационала, чтобы противопоставить его существующему Международному кооперативному альянсу (МКА), не предпринимались. Несомненно, эта сдержанность частично объяснялась тем, что кооперативы в отличие от профсоюзов считались непригодными для выполнения боевой революционной роли. К тому же если формы работы в профсоюзах определялись в горячке революционного энтузиазма, то формы работы в кооперативах впервые разрабатывались в момент, когда энтузиазм начал уступать место расчету и осмотрительности.

Эта инициатива возникла на III конгрессе Коминтерна (июль 1921 г.), где Мещеряков выступил с тезисами, в которых говорилось о том, что повсюду долгом коммунистов является работа «по превращению кооперативов в органы революционной классовой борьбы, но не откалывая отдельные кооперативы от центрального органа». Тезисы были одобрены без обсуждения вместе с резолюцией, предписывавшей ИККИ образовать секцию по работе в кооперативах, и неясной установкой вести пропаганду «принципов и методов революционных кооперативов» и поддерживать пролетарские кооперативы в целом¹³¹. Через месяц, в августе 1921 г., конгресс МКА, состоявшийся в Базеле, незначительным большинством лишил мандатов «белых» делегатов, представлявших до сих пор российские кооперативы, и допустил на конгресс советских представителей, назначив двух из них в Центральный комитет альянса¹³². В том же году была основана Международная гиль-

для женских кооперативов. На ее учредительном конгрессе присутствовали делегаты находившихся под влиянием коммунистов кооперативов Советской России, Германии, Великобритании и Чехословакии¹³³.

Серьезная попытка организовать работу коммунистов в кооперативах в международном масштабе была предпринята только после IV конгресса Коминтерна, состоявшегося в ноябре 1922 г. До конгресса в Москве прошла международная конференция коммунистических кооперативов.

На ней присутствовали делегаты 20 стран, включая РСФСР, Украинскую ССР и другие советские республики. Были представлены многие европейские страны. На конференции было выдвинуто предложение организовать секцию по работе в кооперативах при Коминтерне и во всех компартиях. Цель коммунистов заключалась в том, чтобы вести борьбу с принципом политического нейтралитета в международном кооперативном движении, образовывать коммунистические фракции в кооперативах, избежать раскола в движении и стремиться войти в МКА¹³⁴.

IV конгресс Коминтерна одобрил итоги конференции, утвердил постановление о работе в кооперативах и внес дополнение о том, что каждый член коммунистической партии должен стать членом кооператива¹³⁵. В Западной Европе эти решения не прошли незамеченными. Во время мирной конференции в Гааге, состоявшейся в декабре 1922 г.¹³⁶, между лидерами МФП и МКА начались переговоры о сотрудничестве в вопросах, представляющих взаимный интерес. И появившееся в Москве подозрение, что встреча была посвящена вопросу совместной защиты от коммунистического протекционизма, было в любом случае оправдано¹³⁷.

С этого времени трения, свойственные профсоюзному движению, охватили, хотя и в меньшей степени, кооперативное движение. Успех Франкфуртской конференции в марте 1923 г. придал Москве смелости более широко применять тактику единого фронта¹³⁸. В июне 1923 г. на расширенном пленуме ИККИ была принята пространная резолюция о работе в кооперативах. Она открывалась разделом о фашизме, породившем «опасную иллюзию... будто кооперативы можно сделать независимыми от результатов классовой борьбы». В ней утверждалось, что МКА потерял свою нейтральность, заключив союз с Амстердамским интернационалом. В резолюции снова давалась инструкция, чтобы каждая партия образовала секцию по работе в кооперативах с целью поддерживать связь с секцией ИККИ по работе в кооперативах. Резолюция призывала к «организации широчайших масс кооператоров, имеющих революционные устремления, вокруг коммунистических ячеек»¹³⁹. Однако и на этот раз с окончанием заседаний спала и активность, возродившаяся только тогда, когда через год подошло время V конгресса Коминтерна. Накануне конгресса, с 11 по 17 июня 1924 г., проходила вторая международная конференция коммунистических кооперативов. На ней была принята резолю-

ция, в которой содержались явные ссылки на опыт работы в профсоюзах: она побуждала коммунистов «вступать в кооперативы, чтобы превратить их в орудие классовой борьбы»¹⁴⁰. У конгресса не нашлось времени для обсуждения данного вопроса, но была принята резолюция, подтверждавшая решения предыдущих конгрессов и включавшая два новых пункта. Во-первых, требование рассматривать кооперативы как способ подойти к крестьянину (что, наряду с основанием Крестинтерна, отражало возрастающее внимание к крестьянству). Во-вторых, предложение побудить МКА «взять на себя инициативу созыва нового международного конгресса с участием всех рабочих организаций, поддерживающих классовую борьбу» (это был довольно бессмысленный вариант предложения о созыве конгресса для обсуждения вопроса о слиянии двух профсоюзных Интернационалов)¹⁴¹. 5 июля 1924 г., то есть тогда, когда проходили заседания конгресса, советские кооперативы присоединились к празднованию ежегодно проводимого Международного дня кооперации, провозглашенного МКА. На многотрудном митинге, устроенном в Большом театре в Москве, выступили Калинин, Бухарин и Хинчук — председатель Центросоюза¹⁴².

Эти мероприятия стали прелюдией к появлению внушительной советской делегации на международном конгрессе кооперативов, проходившем с 1 по 5 сентября 1924 г. в Генте¹⁴³. По системе пропорционального представительства на съезде 32 советских делегата имели 158 голосов из общего количества делегатов (450) и голосов (650). Советскую точку зрения поддерживало несколько коммунистов из британской, чехословацкой и болгарской делегаций. Как утверждалось, приезду французских, итальянских и немецких коммунистов на конгресс препятствовали, очевидно, сами делегации, исключив их из своего состава. Основными вопросами, которые обсуждались на конгрессе, были отношение МКА к Интернационалам профсоюзов и политическому нейтралитету. По первому пункту стоявшая на крайне правых и антисоветских позициях делегация Британии внесла предложение отложить вопрос об отношениях с Профинтерном на неопределенный срок. Оно не прошло 332 голосами против 222. Советское предложение об установлении официальных связей с Профинтерном не было принято 424 голосами против 174. Была одобрена путаная компромиссная резолюция о «продолжении совместных действий с профсоюзными Интернационалами по специальным вопросам». Дискуссия по вопросу о нейтралитете подняла более интересные проблемы принципиального характера. Советская делегация убежденно доказывала, что между концепцией классовой борьбы и концепцией общих интересов классов не может быть примирения. Попытка одного советского делегата выступить по этой теме на немецком языке с призывом к рабочим организовать совместные действия против империализма и угрозы войны была отклонена. Пред-

седатель счел речь политической, и она не была переведена на другие языки.

Предложенная советской делегацией резолюция, которая обязывала МКА поддерживать классовую борьбу, была отвергнута 397 голосами против 183¹⁴⁴.

Гентский конгресс определил формы деятельности коммунистов в кооперативах на несколько лет. 31 октября 1924 г. Оргбюро ИККИ издало циркуляр, настоятельно рекомендовавший коммунистическим партиям оказывать кооперативам полную поддержку¹⁴⁵. Участие коммунистов в кооперативных организациях стало чувствоваться как на национальном уровне, так и в международном масштабе. Во Франции на национальных конференциях кооперативов 1924 и 1925 гг. коммунистов и сочувствующих было соответственно 230 и 272 делегата из примерно 4000. В Германии из 800 делегатов коммунисты составляли 60 в 1924 г. и 33 — в 1925 г.¹⁴⁶ Из 45 членов Центрального комитета МКА, избранного Гентским конгрессом, 13 были коммунистами (12 из Советского Союза и 1 из Чехословакии)¹⁴⁷. В июле 1925 г. советские кооперативы снова активно участвовали в Международном дне кооперации с лозунгами, включавшими протест против фашизма и угрозы войны, а также против политической нейтральности кооперативов. В Великобритании, в частности, ортодоксальные деятели движения отнеслись к этому болезненно¹⁴⁸.

Когда в октябре 1925 г. в Париже собрался Центральный комитет МКА, советские делегаты возобновили попытки навязать кооперативам политическую программу. Их предложения были либо отвернуты, либо отклонены. То же столкновение мнений по вопросу об отношениях между двумя профсоюзными Интернационалами и с тем же результатом произошло на Гентском конгрессе. К этому времени, судя по всему, накопилось большое недовольство. На коммунистическую фракцию возводились обвинения в политизации кооперативов и использовании их в качестве рупора пропаганды Коминтерна. Германская делегация взяла на себя ведущую роль в выдвижении предложений об исключении советских кооперативов из альянса. Британская делегация стремилась снизить количество их представителей в Центральном комитете на том основании, что СССР уже единое государство и отдельное представительство его республик в связи с этим не оправдано¹⁴⁹. Эти нападки были отражены, возможно, потому, что деятельность коммунистов в кооперативах была более заметной в теории, чем на практике¹⁵⁰. И в начале 1926 г. еще можно было сделать громкое заявление, что «Интернационал кооперативов является единственной великой всемирной пролетарской организацией, полностью сохраняющей свое единство, несмотря на все попытки исключить российские кооперативы»¹⁵¹. В начале 1926 г. бюллетень, периодически издаваемый секцией ИККИ по работе в кооперативах, был заменен ежемесячным журналом «Международная кооперация»¹⁵².

Однако эти настойчивые усилия не увенчались большим успехом. Постоянные попытки мобилизовать МКА для участия в комиссии за единство профсоюзов рушились из-за традиционного консерватизма британских кооперативов и страха перед революцией, преобладавшего в германской организации альянса¹⁵³. По случаю VI расширенного пленума ИККИ еще одна международная конференция коммунистических кооперативов состоялась в Москве 4—6 марта 1926 г. под эгидой секции по работе в кооперативах. Она приняла тезисы, одобренные Оргбюро ИККИ 10 апреля 1926 г.¹⁵⁴ Снова подчеркивался долг членов партии вступать в кооперативы, создавать в них партийные фракции, поддерживать практическую деятельность, например кампании против роста стоимости жизни, устанавливать отношения между кооперативами и другими непартийными организациями, сочувствующими Советскому Союзу. Однако на следующем заседании Центрального комитета МКА, состоявшемся в конце апреля 1926 г. в Антверпене, по-прежнему был поддержан принцип политической нейтральности. На этом основании были отвергнуты все предложения, выдвинутые советской делегацией, хотя Хинчук, глава делегации, и утверждал, что эти предложения получили большую степень поддержки со стороны других делегаций, чем когда-либо раньше¹⁵⁵.

ж) Международный женский секретариат

Коммунистический Интернационал, как и II Интернационал, был основан на принципе полного равенства полов и ликвидации дискриминации между ними. Это исключало идею создания отдельного Интернационала женщин. В то же время необходима была, казалось, некая особая организация для ведения работы женщинами и среди женщин. Первая международная конференция женщин-коммунисток проходила в Москве с 30 июля по 2 августа 1920 г. во время II конгресса Коминтерна. Она заявила о себе как преемнице социалистической конференции женщин, состоявшейся в 1915 г. в Берне (подобно тому, как Коминтерн на своем учредительном конгрессе объявил себя наследником Циммервальда)¹⁵⁶. Из ветеранов Берна лишь А. Коллонтай и К. Цеткин не присутствовали на Московской конференции, которая направила приветствия им обеим¹⁵⁷. Работой конференции руководила Инесса Арманд, еще один лидер Бернской конференции. Инесса Арманд подробно объясняла методы пропаганды среди женщин-работниц, применяемые РКП(б). В ноябре 1918 г. Всероссийская конференция женщин-работниц, проводившаяся под эгидой РСДРП(б), рекомендовала систему так называемых «делегатских встреч» для ведения пропаганды среди женщин. Женщины-делегаты, избранные на предприятиях и в деревнях, должны были получать возможность участвовать в работе советских

административных органов, а встречи с ними — служить привлечению масс женщин-работниц к партии и Советам. Подобная система казалась подходящей для ведения работы среди женщин в других странах. Инесса Арманд охарактеризовала встречи с делегатами как «средство коммунистического воспитания делегатов и канал, посредством которого влияние коммунистических партий может распространиться на широкие массы женщин — работниц и крестьянок»¹⁵⁸. Тезисы, представленные российской делегацией конференции, с некоторыми предложениями и поправками были переданы на рассмотрение редакционной комиссии, которую должна была возглавить отсутствовавшая К. Цеткин, для окончательной редакции и утверждения конгрессом Коминтерна¹⁵⁹.

Поскольку Цеткин, судя по всему, в это время в Москву не приезжала, редакционная комиссия, очевидно, собиралась в Берлине. В любом случае ее работа не завершилась в срок для утверждения тезисов конгрессом Коминтерна, и в конце концов они были утверждены ИККИ¹⁶⁰. Они определили линию женщин в деятельности коммунистических партий и Коминтерна. У женщин нет своей организации, они будут входить в партийные организации на общих основаниях, обладая правами и обязанностями в полном объеме. Однако партии должны создать специальный аппарат для ведения агитации среди женщин, а также для их подготовки и организации в духе коммунизма. Особо рекомендовалась система делегатских встреч. При центральном комитете каждой партии должны создаваться женские секретариаты, чтобы возглавить работу среди женщин. Было также предложено создать Международный женский секретариат, избираемый на международной конференции женщин-коммунисток и утверждаемый Коминтерном. Все резолюции, принимаемые этим секретариатом, и мероприятия, предлагаемые им, подлежали утверждению ИККИ. Один представитель секретариата должен был принимать участие во всех заседаниях ИККИ с совещательным голосом при решении вопросов общего характера и решающим голосом при решении вопросов, касающихся женского движения¹⁶¹. После Московской конференции, состоявшейся в июле — августе 1920 г., Международный женский секретариат, казалось, разделился на две части. Одна — секция, руководимая Коллонтай, которая являлась представителем секретариата в ИККИ, — находилась в Москве, вторая — секция, руководимая Цеткин, — в Берлине. Это разделение, которое усугублялось плохим состоянием средств связи в тот период, стало приводиться в качестве оправдания неспособности секретариата вести какую-либо систематическую работу в первый год его деятельности. Впоследствии, по словам Коллонтай, берлинский секретариат был призван к порядку и стал вспомогательной и чисто исполнительной секцией Международного секретариата в Москве¹⁶². Однако очевидно, что берлинская секция была более активной. Ежемесячный журнал «Ди Коммунистише фраунинтернационале» (название вводило в заблуждение насчет существ-

ования женского Интернационала) под редакцией Клары Цеткин начал издаваться в апреле 1921 г. в Берлине и выходил в течение четырех лет. В России такого издания не существовало.

Вторая международная конференция женщин-коммунисток проходила в Москве с 9 по 14 июня 1921 г., накануне III конгресса Коминтерна¹⁶³. Если на первой конференции, в 1920 г., присутствовало 25 делегатов из 19 стран, то вторая собрала 82 делегата из 28 стран. На ней был принят ряд резолюций и 8 марта объявлено ежегодным Международным женским днем. Самым важным итогом конференции стала попытка создания действенной организации Международного женского секретариата. Она должна была состоять из 6 секретарей: Коллонтай и Лилина должны были отвечать за работу в Советской России, Северной Европе и англоязычных странах; Каспарова — за работу на Востоке; Цеткин и Герта Штюрм из Германии и Колльяр из Франции — контролировать работу в Центральной и Западной Европе; еще один секретарь, пока не назначенный, должен быть прикреплен к Профинтерну для работы среди женщин в профсоюзах¹⁶⁴. Цеткин, выступая с отчетом по данному вопросу на III конгрессе Коминтерна, подчеркивала, что «существует не отдельная организация женщин-коммунисток, а просто движение, просто организация женщин внутри коммунистической партии рядом с мужчинами-коммунистами»¹⁶⁵. Конгресс поддержал этот принцип в резолюции, подтверждавшей резолюцию конференции женщин «о формах и методах коммунистической работы среди женщин», и в тезисах, содержащих самые разработанные положения, когда-либо принятые Коминтерном, об отношении к женскому движению¹⁶⁶.

Вероятно, престиж Международного женского секретариата в Москве пострадал из-за участия Коллонтай в «рабочей оппозиции» и ее последующей опалы¹⁶⁷. Вскоре после этого она перестала работать в секретариате¹⁶⁸. В связи с IV конгрессом Коминтерна (ноябрь 1922 г.) международная конференция женщин на этот раз не проводилась. Конгресс же принял необычно резкую резолюцию по вопросу о работе секретариата, в которой выражалось сожаление о том, что некоторым партийным организациям недостало чувства долга и они «либо не предприняли шагов для организации женщин-коммунисток в партии, либо не создали партийного аппарата, необходимого для работы среди масс женщин или установления связей с ними»¹⁶⁹. Эти замечания указывали на необходимость реорганизации. Резолюция уполномочила ИККИ назначить одну женщину-секретаря, на усмотрение которой было, очевидно, передано назначение других членов секретариата, и ИККИ назначил на этот пост Цеткин¹⁷⁰. В то время Цеткин находилась на вершине своей славы в Москве. В этом решении подразумевалось сделать Берлин штабом работы Международного женского секретариата в западных странах. Восточный отдел, отвечающий за работу на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, остался в Москве и по решению Оргбюро от 2 января 1923 г. по-

лучил инструкцию поддерживать тесные связи с Восточным отделом ИККИ¹⁷¹.

Эта реорганизация не предотвратила рецидива раздоров между Москвой и Берлином. О предложенном проведении «делегатских встреч», с тех пор как они впервые были одобрены в 1920 г., ничего слышно не было, а формы организации женщин, которые пытались применить германская и другие западные партии, были ориентированы, как оказалось, не на фабричных работниц, а на группы сочувствующих СССР из буржуазных и мелкобуржуазных слоев. В начале 1923 г. Оргбюро повторило свое предложение о проведении «делегатских встреч» и навязало его секретариату в Берлине, не желавшему их устраивать¹⁷². Предложение встретило упорную оппозицию в Германии. Герта Штюром, самый активный член берлинского секретариата, выступила против него в статьях, помещенных в «Ди Коммунистисше фраунинтернационале»¹⁷³. III расширенный пленум ИККИ, состоявшийся в июне 1923 г., образовал комиссию для решения проблем женского движения. Однако Цеткин, назначенная докладчиком по проблеме, стала придерживаться тактики проволочек и доложила, что комиссия не смогла закончить свою работу в срок, так что никакой резолюции принято не было¹⁷⁴.

К тому времени, как в июне 1924 г. собрался V конгресс Коминтерна, усилилась кампания за большевизацию, в частности стремление к проведению «делегатских встреч», и оппозиция утихла. В отчете ИККИ о своей работе, представленном конгрессу, утверждалось, что забастовки 1923 г. вдохнули новую жизнь в женское движение в Германии и что «женский секретариат перешел к политике завоевания женщин-работниц на фабриках»¹⁷⁵. Основные разногласия теперь касались вопроса об участии женщин-коммунисток в непартийных комитетах или группах, занимающихся проблемами, которые представляют интерес для женщин. За участие в них выступал Международный секретариат в Берлине. Коминтерн же относился к этому с недоверием, считая, что тем самым может раствориться партийный характер работы среди женщин, из-за связи с буржуазными группами и их деятельностью. Резолюция конгресса носила неясный и расплывчатый характер. В ней неоднократно приводилось решение об организации по производственному признаку. Это относилось не только к женщинам-работницам (важным делом теперь становилось «завоевание женщин, работающих на фабриках, для партии»), но и к тому, что «работа среди женщин-рабочих обязательно должна продолжаться путем привязывания их к предприятиям, на которых работают их мужья». С другой стороны, было желательно «усилить работу женщин-коммунисток в союзах квартиросъемщиков и т. д., объединяющих массы женщин из пролетариата и мелкой буржуазии». По принципиальным вопросам в резолюции твердо заявлялось, что «создание специальных органов для работы среди женщин имеет своей целью объединение этой партийной

работы»¹⁷⁶. Однако в порядок формирования Международного женского секретариата было внесено существенное изменение: согласно статье 22 нового устава ИККИ, принятого на конгрессе, секретариат назначался уже не международной женской конференцией, как прежде, а ИККИ¹⁷⁷. Тем самым ясно устанавливался его подчиненный статус. После конгресса Президиум ИККИ переизбрал Цеткин и Штюрм в секретариат вместе с Николаевой и представителем Восточного отдела Коминтерна¹⁷⁸. Он также принял решение, которое, по-видимому, не было опубликовано: перевести руководящие органы секретариата из Берлина в Москву¹⁷⁹.

Третья международная женская конференция в отличие от двух предшествующих собралась не до, а после соответствующего конгресса Коминтерна. Ей ничего не оставалось делать, как принять правила, установленные конгрессом, и согласиться на перевод секретариата в Москву¹⁸⁰, делая хорошую мину при плохой игре.

В резолюции «О формах и методах работы коммунистических партий среди женщин-работниц» был полностью принят тезис, выдвинутый советской делегацией, о «делегатских встречах». В ней говорилось: «Опыт, приобретенный Российской Коммунистической Партией после Октябрьской революции, продемонстрировал, что организации делегатских встреч должна быть придана исключительная важность как инструменту установления постоянных отношений между партией и широкими слоями работающих женщин и для расширения и углубления влияния партии на эти слои. Эти делегатские встречи состоят из женщин-представителей, избранных на установленный срок женщинами, занятыми ручным трудом на фабриках, женами рабочих, домашней прислугой, конторщицами торговых и государственных учреждений в городах и женщинами-батрачками, крестьянками из различных общественных классов, мелкими арендаторами и середнячками, женами и вдовами мобилизованных солдат в деревнях»¹⁸¹.

На конференции Герта Штюрм снова высказала точку зрения оппозиции, приведя аргумент, уже известный по другим дискуссиям, возражая против «механического переноса» в западные страны методов, приемлемых для страны диктатуры пролетариата. Остается неясным, какую роль на конференции играла К. Цеткин. Она явно не хотела открытой ссоры с Коминтерном. Однако в статье, написанной несколько позже, она выразила свое согласие с оппозицией, высокомерно отметив, что «делегатские встречи» были «не единственным способом завоевания и большевизации женщин из пролетариата»¹⁸².

Перевод руководящих органов в Москву и кампания за большевизацию не оказали немедленного воздействия на работу женского секретариата. Ни на V расширенном пленуме ИККИ, состоявшемся в марте — апреле 1925 г., ни на конференции организации, проходившей в это же время, данный вопрос не поднимал-

ся. Однако 5—6 апреля 1925 г., когда закрывались заседания расширенного пленума ИККИ, собралась конференция по работе среди женщин, устроенная совместно женским отделом и орготделом секретариата. Клара Цеткин как генеральный секретарь Международного женского секретариата открыла заседание речью, в которой, избегая спорных вопросов, указала на две крайние ошибки. Первая состояла в попытке создания независимых женских коммунистических организаций наряду с партиями (что отражало старую концепцию отдельного женского Интернационала), вторая — в непризнании необходимости каких-либо особых органов для работы среди женщин. В заключение она призвала женские организации заявить: «В этой области мы тоже большевики, понятливые ученики своего учителя, готовые превратить хорошую революционную теорию в хорошую революционную практику».

Николаева, заведующая секцией по работе среди женщин ЦК РКП(б), выступила с отчетом о ее работе. После отдельных замечаний делегатов от Великобритании, Германии, Франции, Италии, Скандинавских стран и Соединенных Штатов была одобрена в основном резолюция, переданная на доработку редакционной комиссии и позже утвержденная Оргбюро ИККИ. Она призывала к большевизации женских секций партий «на основе опыта РКП». Это означало, что женские секции, возглавляемые организатором, ответственным за работу среди женщин (который мог быть как мужчиной, так и женщиной), должны прикрепляться к центральным комитетам партий и всем руководящим органам; что эти организаторы должны отвечать перед всей партией, а не только перед женщинами — членами партии за свою работу; что система «делегатских встреч» должна стать «настоящей школой для классово сознательной организации, воспитания и деятельности женщин-работниц»; что в женских организациях профсоюзов должны создаваться партийные фракции из женщин-коммунисток, подчиненные партийной фракции в профсоюзе, и что к женщинам-надомницам необходимо искать подходы через систему «делегатских встреч» и установить их связь с делегатами, избранными женщинами на фабриках¹⁸³. Однако влияние этого московского начинания на партийную работу среди женщин в Западной Европе, как представляется, было небольшим. Герта Штюرم изобретательно использовала статью, посвященную пятой годовщине выхода в свет женского журнала ВКП(б) «Коммунистка», чтобы подчеркнуть особый характер условий России. «Коммунистке» не нужно быть «органом агитации и пропаганды, каковыми являются или должны быть женские журналы коммунистических партий на Западе», она может заниматься разработкой вопросов политического курса и тем, как привести «широкие массы женщин» к его поддержке, и лишь на второй план отнести «женские вопросы»¹⁸⁴. Несколькими неделями позже Штюرم представила Оргбюро ИККИ мрачный отчет о состоянии дел в женском движении. Ни-

где женщины не составляли более 25% членов партии; в некоторых партиях доля женщин была на таком низком уровне, как 6 или 2%, и большинство среди них составляли домашние хозяйки, а не женщины-работницы¹⁸⁵.

Разногласия достигли своего предела на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале — марте 1926 г. В докладе ИККИ, подготовленном к этому пленуму, в разделе о Международном женском секретариате перечислялись женские непартийные организации, основанные при участии женщин-коммунисток Германии, Великобритании, Италии, Франции, Скандинавских стран и Соединенных Штатов. В нем говорилось, что Коминтерн еще не пришел к принципиальному решению по этим организациям и что решение должно быть принято на расширенном пленуме ИККИ¹⁸⁶. Во время заседаний по инициативе секретариата 8—9 марта 1926 г. была проведена двухдневная конференция по работе среди женщин. Первым пунктом повестки дня была подготовка международной конференции по этому вопросу, которая планировалась в конце мая в Москве. Это не встретило возражений. Основные споры снова развернулись вокруг вопроса о непартийных женских организациях и распространении на них тактики единого фронта. Делегаты от Германии опять проявили себя как упрямые сторонники этого курса¹⁸⁷.

Результат был неопределенным, и, когда на пленарном заседании расширенного пленума ИККИ Куусинен представил свой доклад о работе среди масс, он посвятил большую его часть женскому движению, что было весьма необычно. Он еще раз назвал систему «делегатских встреч» в качестве основы всей работы среди женщин и выразил сожаление, что «руководители партий все еще не принимают всерьез работу среди женщин-работниц». Он привел резолюцию V конгресса, санкционировавшую образование «особых органов для работы среди женщин», но только в той мере, в какой они способствовали «объединению» партийной работы. Создание же общих непартийных женских организаций, что предпочитали западные коммунистические партии, не удовлетворяло этому условию. Он готов был признать, что «некоторые робкие попытки» применения «делегатских встреч» сделаны в Англии и Германии, но «они были далеко не настоящими делегатскими встречами». Гешке, выступая от имени КПГ, признал, что «ни одна секция Коммунистического Интернационала, за исключением советской, не сделала встречи женщин-делегаток установленной частью своего аппарата», но считал, что в некоторых партиях это компенсировалось «более или менее хорошо развитыми непартийными женскими организациями». Штюрм снова возглавила оппозицию: она выступила против «делегатских встреч» как не имеющих «прочного основания» и вызванных к жизни без соответствующей подготовки, но осторожно обошла спорный вопрос о непартийных женских организациях.

Каспарова, заведующая восточным отделом секретариата, при-

шла на помощь Куусинену, снова приведя аргументы в защиту «делегатских встреч», «на которых женщины-работницы должны во всех случаях преобладать». Женские организации, объединенные вокруг непартийных целей и включающие мелкобуржуазные элементы, не отвечали основному требованию; этими «промежуточными» слоями должны были заниматься такие организации, как Межрабпом, МОПР или «Друзья Советской России». Главная же задача Международного женского секретариата заключалась в том, чтобы «работать среди женщин-работниц, организовать как организованных, так и неорганизованных [то есть как тех, кто входил в профсоюз, так и тех, кто в профсоюз не входил] вокруг партии».

Атмосфера дискуссии была, однако, враждебна официальной линии, и Куусинен, отвечая, оказался в обороне. Он снова объяснил, что возражал не против «образования женских организаций для решения особых задач», а только против женских организаций общего характера. Он признал, что по этому вопросу его позиция не вызвала одобрения, и мрачно предположил, что (если его точку зрения отвергнут) необходимо будет разделить функции: Международный женский секретариат возьмет на себя контроль над женскими организациями, предоставив секретариату ИККИ заниматься организацией женских делегаций¹⁸⁸. В принятой резолюции этот спорный вопрос вообще не упоминался и проблема работы среди женщин была отвергнута одним предложением: «С целью вовлечения наиболее активных сил женского пролетариата в постоянную революционную работу надо со всей энергией повсюду применять в соответствующих условиях метод женских делегатских собраний»¹⁸⁹. Однако самое важное решение принял Президиум после расширенного пленума ИККИ. Пришло время установить дисциплину в этом непокорном органе Коминтерна. В апреле 1926 г. Международный женский секретариат был распущен, и его место занял Женский отдел ИККИ¹⁹⁰.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

После II конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ), состоявшегося в июне 1921 г.¹, постепенно отошли в прошлое битвы и дебаты относительно независимого статуса этой организации. Формальный статус КИМа относительно Коминтерна был расплывчатым и не всегда последовательным и определенным². Но в практической работе КИМ, как правило, был подчинен Коминтерну в вопросах идеологической стратегии и политики и сохранил лишь легкий налет прежних амбиций быть «руками и сердцем» всего движения. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре — декабре 1922 г. была принята резолюция, где приветствовалось превращение молодежных лиг из «закрытых, представляющих элиту организаций» в «широкие массовые организации молодых рабочих». Но наряду с этим отмечалось, что «наступление капитала» в форме безработицы, снижения уровня жизни и растущих правительственных репрессий особенно остро отразилось на молодежи; это в свою очередь привело к сокращению численности в молодежных лигах; некоторые из них перешли на нелегальное положение³. Именно в таких довольно неблагоприятных условиях состоялся конгресс КИМа (сразу вслед за IV конгрессом Коминтерна в декабре 1922 г.), в работе которого приняло участие всего 93 представителя с правом голоса от 38 молодежных лиг, входящих в состав КИМа. И хотя больше половины делегатов были зарегистрированы как рабочие, причиной слабости многих из представленных на конгрессе молодежных организаций официально признавалось преобладание в их составе «учеников, конторских служащих и молодых рабочих мелких мастерских»⁴. Необходимость неустанного вовлечения молодых рабочих промышленных предприятий и заводов была, по существу, постоянной на протяжении всей истории существования молодежных лиг.

Изменения в отношении молодежных лиг и компартий после II конгресса еще больше усугубили трудности в их деятельности, анализ которых стал основным содержанием работы III конгресса. В Чехословакии кризис в молодежной лиге привел к прямому вмешательству партии, которая вынуждена была распустить центральный комитет лиги, заменив его временной комиссией. В

Великобритании КИМ неоднократно обращал внимание КПВ на важное значение молодежных организаций; в Германии же «Роте фане» («Красное знамя») обвинили в игнорировании проблем молодежной лиги⁵. Период после II конгресса, в общем, характеризовался сведением на нет революционного энтузиазма и интереса к политике у молодежи. Тем не менее подчеркивалось, что проблема статуса молодежных лиг относительно партий должна быть безотлагательно решена⁶. Лишь впоследствии было признано, что подчинение молодежных лиг партиям и соответственно КИМа Коминтерну вызвало ожесточенное сопротивление в Норвегии и Германии⁷. Шацкий, представляя новый проект программы, большое внимание уделил различиям между коммунистическими молодежными лигами и социалистическими молодежными организациями. Последние основное внимание концентрировали на культурных задачах и лишь пытались уяснить политические проблемы; коммунистические же лиги были заняты непосредственной подготовкой к политической и экономической борьбе. Все это соответственно привело к разным концепциям и пониманию организации и дисциплины: «Мы представляем собой тесно сплоченную централизованную международную организацию, не признающую самостоятельности национальных секций, исходящую из необходимости применения международных директив к конкретным условиям данных стран и безоговорочно подчиняющуюся международным решениям как высшему закону»⁸.

Единственным вопросом, по которому КИМ оставил инициативу за собой и занял более передовую относительно Коминтерна позицию, стал вопрос перехода от работы по территориальному принципу к работе в заводской ячейке в качестве базы организации. В этом вопросе мнения также разошлись и были колебания, но на конгрессе удалось провести единую резолюцию⁹. Комиссия под председательством Дорио представила проект резолюции о борьбе против милитаризма, которая была единодушно принята¹⁰. И наконец, в последний день работы конгресса выступил Зиновьев с докладом о работе IV конгресса Коминтерна. Ключевым моментом в его выступлении было создание цельного представления о Коминтерне как о единой объединяющей мировой партии, частью которой является КИМ: «Патриотизм своей собственной партии, своего рода федерализм, для нас, коммунистов, атавизм времен II Интернационала. Все, что отдает местным патриотизмом, должно быть вырвано с корнем. В новом поколении должно пробудиться новое чувство нового патриотизма, патриотизма Интернационала»¹¹.

Конгресс избрал 18 членов Исполнительного комитета, в число которых вошел китайский делегат, и было зарезервировано одно место (из 6 кандидатов в члены Исполкома) для представителя стран Ближнего Востока (который еще не был определен)¹². С гордостью отмечалось, что Исполком КИМа (ИККИМ) всегда избирался конгрессом; эта процедура впервые была осу-

ществлена Коминтерном при избрании ИККИМ на IV конгрессе¹³.

Месяцы после III конгресса были отмечены безоговорочным сотрудничеством КИМа в общих кампаниях, совместно организованных Коминтерном и Профинтерном, — кампаниях против милитаризма и угрозы войны как следствия рурского кризиса и против империализма и фашизма¹⁴. Делегации КИМа было отказано участвовать в работе конгресса в Гамбурге в мае 1923 г., на котором произошел раскол на II и 2½ Интернационалы, но КИМу удалось все же привлечь в свои ряды часть молодежи из социал-демократических молодежных лиг¹⁵. Так, Коммунистическая молодежная лига Германии, наиболее мощная организация КИМа за пределами Советского Союза, увеличила свою численность и усилилась организационно в течение первых трех кварталов 1923 г. и принимала, правда несколько преждевременные, похвалы в свой адрес за полную готовность к переводу своей деятельности на базу заводских ячеек¹⁶. Но после кризиса в октябре 1923 г.¹⁷ Германская молодежная лига, как и сама Компартия Германии, отчасти утратила свой престиж, что выразилось и в сокращении ее численности, и в падении дисциплины. Во время конгресса лиги в Лейпциге 10—11 мая 1924 г. выявилась широкая оппозиция левого толка. Резолюция, одобряющая решения франкфуртского конгресса КПГ, была принята сравнительно небольшим большинством голосов — 62:42; но когда официальная делегация штаба КИМа в Москве представила текст большой резолюции о задачах лиги, то пункты, определяющие тактику единого фронта, были отвергнуты 56 голосами против 45¹⁸. Но, несмотря на это проявление непокорности, V конгресс Коминтерна в июне — июле 1924 г., оценивая работу КИМа, имел основания отметить «огромный прогресс» и воздать хвалу КИМу за осуществление «реальных шагов на пути трансформации коммунистических молодежных лиг в массовые организации молодых рабочих».

Большой раздел по задачам КИМа со штампованными формулировками содержал параграф о «немедленной борьбе за власть». Он проистекал из ответа Болгарии и Германии осенью 1923 г. и нацеливал на необходимость подготовительной работы в молодежных лигах «под руководством компартии»: «Особенно необходимым является систематическое военное образование и подготовка членов коммунистической молодежной лиги под руководством коммунистической партии»¹⁹. Однако, несмотря на то, что установление более тесных связей между национальными компартиями и национальными молодежными лигами было одной из основных целей, обязательных для КИМа, эта задача отходила на второй план отчасти вследствие возросшего авторитета самого КИМа. В силу того, что руководство Коминтерна над молодежными лигами осуществлялось в основном через КИМ, а не через национальные компартии, и в силу того, что такая практическая власть давала возможность свободно предписывать молодежным

лигам, какие им следует занимать позиции в полемике и дискуссиях в рамках соответствующих национальных партий, зачастую ревнивое соперничество между партией и лигой, возникающее из-за вмешательства КИМа, перевешивало страстные призывы к тесному сотрудничеству.

Когда сразу же после V конгресса Коминтерна (в июне 1924 г.) состоялся IV конгресс КИМа, то его первое заседание было проведено совместно с VI съездом русского комсомола (ВЛКСМ), работа которого проходила в это же время²⁰. Их делегаты, по замыслу, должны были выступать от имени миллиона членов лиг из 52 стран всех пяти континентов²¹. Зиновьев прислал письмо с извинениями по поводу невозможности присутствовать лично, в котором вновь напомнил делегатам конгресса, что опасность войны — это первоочередная забота молодежи²². Мануильский в качестве главного представителя Коминтерна на конгрессе полностью одобрил решения V конгресса, четко определившие политическую линию, которой КИМ должен строго придерживаться²³. Шуллер объявил от имени ИККИМ, что все коммунистические молодежные лиги, за исключением итальянской, оказавшейся под влиянием ультралевого уклониста Бордиги, верно следуют политическому курсу Коминтерна. Давая косвенную оценку последних тревожных событий в Германской молодежной лиге, он торжественно провозгласил, что недавно установленное сотрудничество между русской и германской лигами должно укрепляться и впредь и что в этот процесс должна включиться также молодежная лига Франции, и тогда большевизия примет международные масштабы²⁴.

Резолюция, одобряющая работу ИККИМ за период после последнего конгресса, была выработана совместно русской, германской и французской делегациями²⁵. Она особо подчеркивала значение «острой и неустанной борьбы», ведущейся КИМом «против оппортунистических отклонений и пережитков социал-демократизма в Коминтерне», указывая на Францию, Германию, Норвегию, Швецию, Болгарию и Чехословакию как на страны, где эта борьба проходит особенно остро; в резолюции отмечалось, что «в русском вопросе КИМ и русская молодежная лига решительно встали на сторону старой большевистской гвардии, на сторону подавляющего большинства партии и резко против оппозиции»²⁶. Но в резолюции также осуждались «так называемые ультралевые отклонения» с особой оговоркой в отношении «ошибочных политических и теоретических концепций, которые даже сегодня имеют хождение в Итальянской молодежной лиге, хотя в своей практической работе эта лига действует в полном согласии с директивами КИМа». Эта критическая оценка ультралевых спровоцировала раскол основной части итальянской делегации²⁷.

Все остальные резолюции конгресса были утверждены единодушно, в том числе резолюции о «пропаганде ленинизма», против «буржуазного милитаризма и опасности новых империалистиче-

ских войн», о работе среди крестьянства и по колониальному вопросу²⁸. Работа IV конгресса КИМа, в общем, вполне справедливо была оценена одним из его руководителей, югославским делегатом Вучовичем, когда он писал, что конгресс «объявил о своей полной солидарности с V конгрессом Коминтерна»²⁹. Вассальная приверженность к вышестоящей организации стала отличительной чертой КИМа.

Когда проходил V расширенный пленум ИККИ в марте 1925 г., кампания за большевизацию была в полном разгаре, и Вучович в качестве «спикера» КИМа страстно призывал к распространению ее на молодежные лиги. Однако тот период капиталистического наступления и относительной стабилизации капитализма оказался достаточно неблагоприятным для работы молодежных лиг. Вучович разъяснил, что вплоть до настоящего момента вся история организации делится на два периода, водоразделом же служит основание Коминтерна. В течение первого периода главным была борьба против социал-демократических партий, во втором периоде «главным содержанием работы молодежных лиг стало содействие образованию коммунистических партий во всех странах». И только после того, как компартии окрепнут, молодежные лиги смогут начать привлекать в свои ряды массы молодых рабочих; но даже сейчас очень мало лиг, где большинство составляют рабочие «от станка». Вучович отмечал то пренебрежение молодежными лигами, которые, «особенно в последние несколько лет, имели достаточно печальный опыт работы с рядом партий»³⁰.

После пленума ИККИ в апреле 1925 г. состоялось заседание ИККИМ, в работе которого приняли участие 24 делегата с правом решающего голоса из 15 стран и 21 делегат с совещательным голосом³¹. Бухарин выступил перед делегатами по проблемам марксизма-ленинизма, а Вучович сделал доклад о процессе большевизации, в котором сильнее, чем прежде, подчеркивалась зависимость молодежных лиг от компартий. В тезисах, принятых единогласно, ставилось условие, что все кадровые работники и значительное число рядовых членов молодежных лиг должны быть одновременно и членами партии; в тезисах провозглашалось, что «только мощный партийный костяк, закаленный в духе партийной дисциплины, может обеспечить необходимые взаимоотношения между лигой и партией»³².

Повсеместные попытки вдохнуть свежую струю в деятельность молодежных лиг имели лишь кратковременный успех. Германская коммунистическая молодежная лига представила новые поводы для тревог: так же как и в 1924 г., когда ставка делалась на политику единого фронта и в лиге образовалась серьезная левая оппозиция³³, так и сейчас создалось ультралевое меньшинство по вопросу большевизации. На конференции в мае 1925 г., где Рут Фишер выступала от имени КПГ, политическая линия партии была одобрена большинством в 39 голосов против 8, из которых

7 человек были ультралевые³⁴. На X съезде КППГ в Берлине в июле 1925 г. отмечалось, что центральный комитет лиги стал действовать в полном соответствии с линией партии³⁵. 18 июля 1925 г., немедленно после окончания работы конгресса, по инициативе ИККИМ была назначена совместная конференция КППГ и Германской молодежной лиги. Но в тот момент КППГ была слишком занята своими внутренними проблемами³⁶, чтобы как-либо участвовать в делах «младшего партнера». Половина делегатов, назначенных партией на эту конференцию, и два делегата от молодежной лиги на конференцию не явились. Обе организации обменялись обвинениями (в штампованных выражениях) в адрес друг друга, и конференция наверняка бы закончилась полным провалом, если бы не присутствие представителя ИККИМ из Москвы, которому удалось добиться принятия на конференции тезисов по большевизации КППГ и обязательства КППГ работать с молодежью, а также резолюции по сотрудничеству между партией и молодежной лигой³⁷.

Несколько дней спустя, 21—22 июня 1925 г., делегаты коммунистических молодежных организаций европейских стран встретились на конференции в Берлине. На этой конференции были приняты заявления об угрозе войны и по событиям в Китае и Марокко, открыто сказано о настоящих разногласиях и полемике внутри европейских компартий — в первую очередь в связи с ультралевыми отклонениями в Германии и Польше³⁸. Конференция направила письмо в адрес Англо-русского комитета за единство профсоюзов, которое должно было произвести довольно необычное впечатление на английских членов этой организации. После упоминания о событиях в Марокко и Китае письмо разоблачало политику Великобритании в Европе, направленную на заключение договора о гарантии безопасности «в целях вовлечения Германии и Прибалтийских государств в антисоветский военный союз». В патетических выражениях писалось об опасности войны («чувствуется запах пороха и крови»); содержался призыв к комитету поднять свой голос, «который послужил бы серьезным предупреждением для международной буржуазии», и в заключение выражалась уверенность, что Англо-русский комитет выполнит свой «интернациональный долг»³⁹.

Начиная с 1915 г. один из дней в первой неделе сентября объявлялся Международным днем молодежи, а поскольку традиция противодействия империалистическим войнам была унаследована КИМом от молодежной организации, созданной в знак протеста против войны 1914 г., то было совершенно естественно, что 6 сентября 1925 г. — 10-я годовщина первого Международного дня молодежи должна быть использована для антивоенных воззваний и демонстраций⁴⁰. В декабре 1925 г. КИМ объявил «международную неделю профсоюзов», которая совпала с визитом международной делегации «молодых рабочих» в Советский Со-

юз, что создало удобный предлог для велеречивых призывов к единству профсоюзов и поддержке Англо-русского комитета⁴¹.

Однако, несмотря на подобные страстные манифестации, в целом условия в этот период были довольно неблагоприятными для революционного энтузиазма, и молодежный пыл прежних лет сошел на нет. В докладе ИККИ на VI расширенном пленуме в феврале — марте 1926 г. весьма выразительно характеризовалось ухудшение материального положения молодых рабочих⁴². Формулировки в материалах заседания ИККИМ, состоявшегося сразу же после расширенного пленума ИККИ, носили уже более сдержанный характер. Вучович, выступавший с основным докладом, признал факт неудачных попыток молодежных лиг увеличить свою численность, объяснив это слабостью связей между компартиями и молодежными лигами: в большинстве стран партийный «костяк» в лигах был крайне «незначительным», отсутствовала партийная дисциплина⁴³. Другие делегаты преданно вторили формулировкам вышестоящей организации в таких вопросах, как кампании против войны, лозунги нынешнего времени в отношении колониальных стран в целом и стран Дальнего Востока в особенности. Делегат Германии попытался защитить точку зрения Рут Фишер — последний всплеск открытой оппозиции, — но был тотчас же предупрежден против попыток переноса в Германскую молодежную лигу дискуссии, происходящей в Компартии Советского Союза⁴⁴. В основной резолюции сессии подверглась критике обозначившаяся несостоятельность молодежных лиг в деле создания партийного «костяка» в своем руководстве и улучшения отношений с национальными партиями: их обвинили в попытке придать своим лигам «характер маленьких партий»⁴⁵. Даже в вопросе организации на уровне ячейки, в котором КИМ когда-то взял инициативу в свои руки и шел впереди Коминтерна, молодежные лиги оказались далеко позади⁴⁶.

Молодежные движения повсеместно шли на спад, что нашло отражение в слабости международной организации. Очень правдиво и неподдельно в этом смысле высказывание Ломинадзе на VII съезде русского комсомола в Москве в марте 1926 г.: «Массы молодежи стали отходить от политической борьбы по мере того, как спадала волна революционного движения, и это, товарищи, превратилось в объективное препятствие на пути развития Коммунистического Интернационала Молодежи».

Этот спад изображается как специфическое следствие стабилизации капитализма в 1924 и 1925 гг. и роста «буржуазной контрреволюции»: «...Спало рабочее движение, вместе с ним спало в такой же, даже, может быть, в большей мере юношеское революционное движение... [а с другой стороны, везде усиливалась буржуазная контрреволюция]».

Трудно оценить, в какой степени утрата молодежными лигами какой-либо реальной самостоятельности (окончательно — в 1926 г.) сказалась на сокращении их численности и полном исчезновении бывшего энтузиазма. Но очевидно, что «привязка» лиг к КИМу и — через национальные компартии — к Коминтерну сделала лиги частью единого аппарата за счет серьезного подрыва их живого духа, присущего первоначальному периоду их деятельности.

ПРОГРАММА КОМИНТЕРНА

Всегда было принято считать, что сам Коминтерн, так же как и входящие в него партии, рано или поздно должен выработать программу с изложением принципов, лежащих в основе его создания, целей, которые он ставит во главу своей деятельности. Но этот вопрос конкретно не обсуждался до лета 1922 г., когда 11 июня II расширенный пленум ИККИ назначил комиссию из 33 человек для выработки проекта программы Коминтерна и сотрудничества с компартиями в выработке их программ; делегаты, входящие в эту комиссию, должны были представлять Советский Союз, Германию, Францию, Италию, Чехословакию, США, Японию, а также одну из Скандинавских и одну из Балканских стран. Резолюция ИККИ призывала компартии к незамедлительному созданию комиссий для выработки проектов своих программ¹. На первом заседании комиссии ИККИ 28 июня 1922 г. сразу же резко разошлись мнения относительно характера программы. Радек при поддержке Клары Цеткин настаивал на том, что нужна в первую очередь «программа, рассчитанная на переходный период и обеспечивающая поддержку действий, ведущих к победе пролетариата», — программа достаточно широкая, учитывающая разнообразие условий в различных странах. Бухарин, мыслящий теоретическими категориями, утверждал, что все это — вопросы тактики, вообще не имеющие отношения к программе. Программа должна рассматривать теорию капитализма и империализма, программу-максимум коммунизма, «насуточные требования периода политической диктатуры» и, может быть, отношения между коммунистическими партиями и другими политическими партиями. Этот постановочный раздел программы должен быть общим для программ всех компартий, дополнительно к нему каждая компартия может иметь специальный раздел программы, касающийся предложенных Радеком вопросов тактики. Зиновьев сманеврировал, выразив сомнения в реальной возможности выработки общей программы, но одновременно заявил, что необходимо каким-либо образом обобщить опыт Советской России и мировой революции на данный момент².

Если бы комиссия и продолжила свою работу, она все равно не смогла бы разрубить этот гордиев узел. Когда в ноябре 1922 г.

открылся IV конгресс Коминтерна, его участникам были представлены не согласованные рекомендации по будущей программе, а три варианта проекта программы, написанные Бухариным, Варгой и Талгеймером³, причем два последних резко отличались от первого в главном вопросе: в какой мере программа должна быть «привязана» к основным целям и принципам мировой революции и сколько внимания должно быть в ней уделено (если вообще уделено) требованиям переходного периода к социализму и «частичным» требованиям повседневной деятельности партий, входящих в Коминтерн. Кроме этих трех проектов программы, конгресс получил еще один вариант программы от Болгарской коммунистической партии. Появились и статьи на эту тему, написанные Варгой, Рудашем, Раппапортом и Шмералем⁴. Заседания комиссии вызвали также замечание ЦК ИКП, который отклонил включение в программу тактических вопросов на том основании, что каждая партия должна решать их самостоятельно⁵.

Незамедлительный приговор этим разноречивым документам был вынесен в выступлении Ленина на конгрессе⁶. Большая часть его речи была посвящена анализу НЭПа — вопросу, самым тесным образом связанному с полемикой о политике перехода к социализму в формулировках программы Коминтерна. Характеризуя НЭП как «отступление» от социализма, Ленин следующим образом высказался по поводу представленных проектов программы: «Я лично полагаю, что лучше всего мы поступили бы, если бы мы сейчас обсуждали все программы лишь в общем, так сказать, в первом чтении, и дали бы их отпечатать, но окончательное решение вынесли бы не сейчас, не в настоящем году... Мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления»⁷.

В то время мнение Ленина было непререкаемо, и, когда несколько дней спустя Бухарин выступал с докладом о проекте программы, было уже ясно, что конгресс не будет принимать какого-либо решения и вопрос остается открытым для дискуссии.

Проект программы, представленный Бухариным, состоял из четырех основных разделов: 1) капиталистическое общество; 2) освобождение труда и коммунистическое общество; 3) свержение буржуазии и борьба за коммунизм; 4) путь к диктатуре пролетариата. Основную часть своего выступления Бухарин посвятил анализу первого раздела, особенно страстно утверждая, что НЭП, который возродил «экономическую рациональность» после потрясения «военного коммунизма», является необходимым этапом на пути к социализму. Говоря, по его выражению, об «общих тактических» вопросах, Бухарин выступил с заявлением, подвергшимся серьезной критике, о заключении «военных союзов с буржуазными государствами» и об обязанности коммунистов буржуазных стран, являющихся союзниками пролетарского государства, содействовать победе этих «двух союзников»⁸. Затем он коротко коснулся альтернативных предложений, резко размежевавшись с

позицией тех (он назвал Радека, Шмерала и Варгу, не упомянув Талгеймера, хотя тот разделял их точку зрения), кто хотел внести в программу такие «сиюминутные» тактические требования, как создание единого фронта, правительства рабочих и крестьян и т. п. Варга заявил, что было бы трусостью и малодушием исключать из программы такие вопросы. Но смелость Варги была смелостью оппортуниста.

Во время своего доклада Бухарин трижды употребил так направившийся ему эпитет «оппортунистический» применительно к требованию о включении в программу тактических задач: это, сказал он, означало бы необходимость изменения программы каждые две недели. Он критиковал германский проект программы (опять-таки не упоминая Талгеймера) как чрезмерно конкретный, слишком «европейский» и слишком громоздкий, в отношении же болгарского проекта сделал более общие замечания⁹. К концу доклада стало уже ясно, что обсуждение будет происходить на основе проекта, предложенного Бухариным.

Талгеймер в своем ответном слове подчеркнул те пункты, по которым расходился с Бухариным. Он дал свой анализ империализма, проявив себя при этом твердым последователем теории капиталистического накопления Розы Люксембург¹⁰; эта теория, формально считаясь еще открытой для дискуссий в русской партии, критиковалась Лениным и была отвергнута Бухариным. Талгеймер резко полемизировал с Бухариным по поводу необходимости включения в проект программы требований переходного периода, считая, что без них программа будет иметь «весьма скромную практическую ценность для западных партий». Наиболее пикантным моментом в выступлении Талгеймера была длинная цитата из Ленина, который осенью 1917 г. выступал за необходимость сохранения требований программы-минимум против Бухарина и В. Смирнова, стремившихся свести программу к единственному положению о переходе к социализму¹¹. И наконец, Талгеймер утверждал, что НЭП, будучи прогрессивной мерой в экономических условиях России, в условиях Запада стал бы процессом ретрогрессии и что его полезность вызывает большие сомнения¹². После попытки Кабакчиева защитить болгарский проект программы германская делегация внесла официальное предложение отложить обсуждение программы до следующего конгресса; русская делегация попросила сделать перерыв на 24 часа, с тем чтобы продумать позицию¹³.

После того как через два дня возобновились дискуссии по программе, стало ясно, что русская делегация детально обсуждала не вопрос переноса дискуссии по программе на следующий конгресс, что уже и так было предreshено, а позицию, которую следует занять по отношению к «тактическим», или «переходным», требованиям. Упорство Бухарина в определении как оппортунистического предложения включить эти требования в программу ни к чему не привело; было принято решение отказаться от навя-

зывается Бухариным позиции и согласиться на включение этих «тактических» требований в программу¹⁴. На конгрессе была зачитана декларация, разъясняющая, что в ходе дебатов о требованиях переходного периода создалось неправильное впечатление о наличии «оппозиции принципов» и что включение этих требований в программы национальных партий или отстаивание их в общем разделе программы Коминтерна не должно рассматриваться как «оппортунизм»; от русской делегации декларацию подписали Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек и Бухарин — весьма впечатляющая плеяда¹⁵. Зиновьев по поручению Президиума выдвинул резолюцию, обязывающую все партии, которые еще не приняли проекты программ, сделать это не позже, чем за три месяца до начала следующего конгресса. Резолюция, таким образом, окончательно закрепила принцип, что общий раздел программ должен содержать «теоретическое обоснование всех требований переходного периода и частичных требований», и положила конец попыткам квалифицировать введение этих положений в программу как «оппортунизм».

Бордига упорно заявлял, что итальянская делегация одобряет доклад Бухарина и хотела бы немедленно приступить к принятию программы. Но это заявление было отвергнуто; и, после того как Зиновьев объяснил, что тщательное рассмотрение этих вопросов на данном конгрессе практически невозможно и что поспешная дискуссия была бы не только бессмысленной, но и вредной, резолюция была принята единогласно¹⁶.

На III расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г. в повестку дня вновь включили вопрос о программе. Единственными новыми документами, поступившими за последние шесть месяцев, были проекты программ компартий Японии и Великобритании, да и они не были восприняты достаточно серьезно¹⁷. По данному вопросу выступил лишь Бухарин. В отсутствие Талгеймера он отклонил необходимость возобновления дискуссии по теории накопления Р. Люксембург. В то же время Бухарин упомянул три новых вопроса, ставших весьма значимыми за период после последнего конгресса и которые должны были получить отражение в программе: отношение к религии, отношение к национальности (среди обсуждавшихся на этом пленуме вопросов были «религиозный уклон» Хэглунда и «кампания Шлагетера»¹⁸) и отношение к так называемому «красному империализму». Последняя тема возникла в результате собственного заявления Бухарина во время дебатов по программе на IV конгрессе о заключении «военных союзов с буржуазными государствами». Бухарин оправдывал свою мысль ссылками на советскую поддержку Турции во время Лозаннской конференции и помощь Сунь Ятсену в Китае, что демонстрирует «возможность различных комбинаций, которые могут быть использованы при условии верности общему духу и стратегии пролетарских государств». Он провел аналогию с придуманным Трейнтом «комплиментарным» термином «рабочий империализм»:

подобная терминология была крайне путаной и дезориентирующей. После этого краткого выступления Бухарин внес резолюцию: чтобы все эти темы были отражены в программе, чтобы партиям было предложено представить текущую информацию и свои соображения и чтобы ИККИ назначил небольшую комиссию для поддержания постоянных контактов с партиями и для подготовки окончательного проекта программы с ее последующим обсуждением на V конгрессе Коминтерна в будущем году. Резолюция была принята без дальнейших дебатов¹⁹.

Как только делегаты разъехались, интерес к программе резко снизился²⁰ и оживился лишь с приближением начала работы V конгресса Коминтерна в июне 1924 г. В ходе подготовки к конгрессу были опубликованы сборники документов по программе; но сам факт, что почти все эти документы датировались ноябрем 1922 г., то есть временем работы IV конгресса, показывает, как мало было сделано за прошедший период²¹. В первых числах июня 1924 г. несколько раз заседала комиссия по проекту программы при участии Бухарина, Варги, Талгеймера, Клары Цеткин и др., где опять рассматривалась «мешанина» из старых аргументов без какого-либо видимого изменения позиции. Варга обрушивался на Бухарина, обвиняя его за ссылки на противоречия капитализма в фатализме «а ля Роза Люксембург» и критикуя тезис о сверхимпериализме, ранее выдвинутый Бухариным.

«Теоретически возможно, что в конце концов после нескольких империалистических войн может остаться одно-единственное империалистическое государство, которое будет господствовать над всеми, тем самым поглотив все эти противоречия».

Теперь Бухарин называл этот тезис «чисто научным прогнозом», не имеющим никакого отношения к программе. Талгеймер вновь внес положение о требованиях переходного периода, против чего Бухарин, связанный решением IV конгресса, уже не мог больше возражать. Первое заседание комиссии закончилось тем, что Бухарин пообещал подготовить исправленный проект программы. На этом же или следующем заседании опять возникла дискуссия по вопросу применимости НЭПа в других странах, в поддержку которой активно выступил Бухарин:

«За границей преобладает мнение, что НЭП был введен лишь для того, чтобы удержать власть; так оно и было на самом деле. Но позже мы осознали, что НЭП был нечто большее, чем просто маневр»²².

Когда Бухарин делал свой вклад в проекте программы на V конгрессе Коминтерна, основные противоречия, дебатировавшиеся на IV конгрессе, были сняты. Согласились не развивать дискуссию по теории Розы Люксембург, поскольку она не имеет существенного значения для разрабатываемой программы, но была признана необходимость включения требований переходного

периода. Комиссия приняла поступившее предложение о том, что Бухарин и Талгеймер должны будут в ходе работы конгресса окончательно согласовать проект программы и разослать его для обсуждения во всех национальных партиях. Таким образом, окончательное принятие программы вновь откладывалось до следующего конгресса²³. После объявления об этих подготовительных шагах Бухарину не нужно было говорить что-либо еще. Но накануне V конгресса широкий резонанс вызвала «дискуссионная статья», опубликованная в журнале КПГ и написанная молодым партийным интеллектуалом русского происхождения (псевдоним Борис²⁴), в которой опровергались взгляды Бухарина на крестьянство (неудачная попытка определить различную классовую принадлежность разных категорий крестьянства) и на национализм (поддержка национальных буржуазных партий и буржуазной доктрины национального самоопределения) и осуждалось утверждение Бухарина о «полной принципиальной допустимости союзов между пролетарскими и некоторыми буржуазными государствами против других буржуазных государств», что могло вынудить пролетарские партии поддерживать национальную оборону даже в рамках капиталистических стран. Проект программы Варги объявлялся сугубо «реформистским», состоящим из «пережевывания» положений Гильфердинга и Талгеймера²⁵. Борис не являлся фигурой сколько-нибудь значительной или влиятельной, но он олицетворял собой возникший в КПГ ультралевый уклон — движение протеста во имя марксистских принципов против «оппортунизма» Москвы, — который уже начал вызывать негодование и мрачные предчувствия у руководителей Коминтерна²⁶. Кроме того, сам факт появления этой статьи в германском коммунистическом журнале, редактор которого Корх подозревался в ультралевых взглядах, еще больше усилил эффект этой публикации. Бухарин большую часть своего выступления посвятил опровержению статьи Бориса. Он утверждал, что Коминтерн не может довольствоваться простым (каким бы радикальным он ни был) диагнозом окончательного кризиса капитализма. На последней, катастрофической, стадии, в которую вступил капитализм, могут возникать более мелкие кризисы и подъемы. Все это необходимо учитывать, что в свою очередь делает неизбежным и «частичные требования».

Бухарин обрушился на «деликатную» защиту НЭПа. НЭП не был, как склонны считать многие коммунисты за границей, чем-то таким, за что русская партия должна извиняться и оправдываться; это не вынужденная политическая уступка мелкой буржуазии. Наоборот, это была «единственно правильная экономическая политика пролетариата», политика, которая «обеспечивает рост производительных сил». Это «военный коммунизм» действительно являлся временным политическим маневром, продиктованным необходимостью ведения классовой борьбы против буржуазии. Полная социализация в один прием была невозможна — и

политически, и технически. «Военный коммунизм» не имел никакого отношения к производству: это было не более чем «рационализованное потребление имеющихся в наличии запасов». «Военный коммунизм» возник из «конфликта между экономической рациональностью, иными словами, необходимости какой-либо экономической политики, и условиями и целями прямой политической борьбы». Плановая экономика должна развиваться органично: «В нашем положении развивать плановую экономику возможно лишь по мере создания ее материальной базы». Таким образом, с точки зрения Бухарина (хотя он и не говорил об этом прямо), НЭП оставался единственным выходом на путь планирования²⁷. Талгеймер в основном разделял точку зрения Бухарина, однако считал необходимым «защищать» «военный коммунизм»: без предваряющей стадии «военного коммунизма» НЭП в России был бы невозможен, «так как необходимо было сломить буржуазию до конца и полностью, прежде чем она успела бы адаптироваться к новым условиям и взяла бы на себя руководство рабочим классом»²⁸.

После этих выступлений на пленарном заседании дискуссия по проекту программы не была продолжена, и этот вопрос был вновь отослан в комиссию на доработку. Бухарин представил в комиссию обещанный им исправленный проект²⁹, который был там детально обсужден, и в него было включено более 50 дополнений. Дополненный проект был представлен на последнее пленарное заседание конгресса. Бухарин пояснил, что два места из предыдущих проектов в настоящем варианте опущены. Первый изъятый кусок касался «права на красное вмешательство» для поддержки революции в других странах (при этом, как заметил Бухарин, «исходили не из соображений теоретического характера»); в другом изъятom куске речь шла «о более широкой дискуссии о тактике единого фронта и лозунгах рабоче-крестьянского правительства». Было очевидно, что оба эти вопроса носили дискуссионный характер. По предложению Бухарина небольшой редакционный комитет в составе самого Бухарина, Талгеймера и еще одного члена германской делегации должен был закончить необходимое «техническо-литературное» редактирование текста проекта (программа должна готовиться одновременно на русском и немецком языках и затем переводиться на другие языки), после чего ИККИ должен издать и разослать этот проект и провести обсуждение его в партиях в целях подготовки к окончательному утверждению на следующем конгрессе. Резолюция по этому вопросу была принята без обсуждения³⁰.

Проект программы в редакции V конгресса Коминтерна сохранил основные положения бухаринского проекта от 1922 г. и был включен в резолюцию конгресса³¹. Первая глава осталась без изменений. Вторую главу несколько «осовременили»: в нее включили мимолетные упоминания о «пацифистских иллюзиях» и фашизме. В третью главу, посвященную ниспровержению буржуазии

и переходу к социализму, были включены новые подразделы о «военном коммунизме», «противоборстве экономических форм» и «экономическом союзе рабочих и крестьян»; в двух последних содержался анализ НЭПа, однако без его конкретного упоминания. Вопрос об универсальности НЭПа, по-видимому, остался открытым; признавалось, что, «чем сильнее влияние мелкой частной собственности, тем больше возрастает специфическая притягательность чисто рыночных отношений со всеми вытекающими последствиями». Самые серьезные изменения были внесены в последнюю главу о путях и средствах установления «диктатуры пролетариата». Эту главу дополнили новым разделом о стратегии и тактике в таком остром вопросе, каким был вопрос о «частичных» требованиях. «Отказ от выдвижения частичных требований и переходных лозунгов, — указывалось в проекте, — несовместим с тактическими принципами коммунизма, так как практически обрекает партию на бездействие и отдаляет ее от народных масс». Допускалось право каждой партии формулировать собственные «переходные лозунги» в соответствии с конкретными обстоятельствами. Но «тактика единого фронта и лозунг рабоче-крестьянского правительства» рассматривались как «наиболее важная составная часть тактики коммунистических партий в течение всего революционного периода». При таком легком, «касательном», подходе к острым дискуссионным положениям забрезжила наконец перспектива достижения согласия по основному содержанию проекта³². Однако за четыре года между V и VI конгрессами многое изменилось, и проект программы необходимо было радикально пересмотреть, прежде чем его окончательно утвердили в 1928 г.³³

Одновременно шли дискуссии по программе КИМа с обсуждением тех же вопросов, которые решались в Коминтерне в связи с его программой, но эти дискуссии осложнялись тем обстоятельством, что у КИМа уже была программа, принятая на его I конгрессе в Берлине в 1919 г.³⁴, но теперь она считалась полностью устаревшей. На III конгрессе КИМа в декабре 1922 г. Исполком вынес на рассмотрение проект новой программы, где был пересмотрен статус КИМа относительно Коминтерна и включены новые вопросы, которых вообще не было в старой программе; особо примечательно было включение вопроса о необходимости работы в колониальных и полуколониальных странах³⁵. Но ввиду того что обсуждение программы Коминтерна по настоянию Ленина было отложено до следующего конгресса, КИМ принял такое же решение. Проект программы, подготовленный Исполкомом КИМа, приняли условно для дальнейшего обсуждения в молодежных лигах и передачи его для последующего рассмотрения на сессии бюро, которая должна «принять решение о программе в ее окончательном виде»³⁶. Когда в июне 1923 г. состоялась 4-я сессия бюро КИМа (вслед за сессией расширенного ИККИ), на ней сразу про-

голосовали за то, чтобы во всем следовать старшей организации, приняв единственное решение, как это сделал и ИККИ, о внесении в проект программы дополнительных тем (вопросов) ³⁷. И год спустя позиция оставалась прежней. IV конгресс КИМа был, как и V конгресс Коминтерна, явно неспособен вынести окончательную единую оценку своей программы и принял лишь общую резолюцию, где в принципе одобрялся проект программы в его последней редакции, а Исполком и молодежные лиги приглашались к его дальнейшему «регулярному и интенсивному обсуждению в печати» ³⁸.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

На протяжении всего этого периода секретные военные соглашения составляли прочную основу советско-германских отношений. Поскольку число лиц, посвященных в детали этого сотрудничества, было строго ограничено, а все рабочие записи — во всяком случае, германской стороной — систематически уничтожались, то вся информация по этому сотрудничеству является отрывочной и неполной. Наиболее полная документация относится к сотрудничеству в области авиации, являвшейся, по всей вероятности, наиболее важной сферой данного сотрудничества.

В начале 1924 г. оказался в совершенно катастрофическом положении авиационный завод фирмы «Юнкерс» в Филях, работавший в рамках концессионного соглашения, подписанного Советским правительством¹. Рейхсвер требовал крупного расширения филевского завода и присоединения к «Юнкерсу» другой немецкой фирмы, специализирующейся на выпуске авиационных двигателей (очевидно, речь шла о «Байерише моторенверке»), — проект, который с самого начала вызвал сильную оппозицию со стороны «Юнкерса»². В результате переговоров 5 мая 1924 г. было подписано новое соглашение Зондергруппой Р военного министерства, фирмой «Юнкерс» и советской стороной. По этому соглашению или на его основании рейхсвер обещал «Юнкерсу» дальнейшие субсидии в 8 млн. золотых марок в дополнение к уже выделенным 5 млн. для расширения авиационного завода в Филях; советская сторона обещала разместить крупный заказ на военные самолеты для своих ВВС³. Сокращение объема советских заказов филевскому заводу было в перечне претензий, высказанных Брокдорфом-Ранцау при его встрече с Троцким, состоявшейся месяц спустя⁴. Но вопрос поставок авиационных двигателей оставался по-прежнему очень острым, и в июне 1924 г. Розенгольц пытался убедить руководство фирмы «Байерише моторенверке» в необходимости создания в Советском Союзе нового завода по выпуску двигателей⁵. Отношения между рейхсвером и фирмой «Юнкерс» оставались напряженными, что и проявилось в раздраженном письме Секта к главе фирмы профессору Юнкерсу от 18 августа 1924 г.: «Развитие событий в России подтвердило, что лишь с помощью концентрации всего производства, относящегося к военно-воздушным во-

оружениям, можно обеспечить интересы рейха. И только мощная финансовая база сможет обеспечить жизнеспособность оборонного сектора промышленности России, который необходим нам в интересах нашего перевооружения. Было бы роковой ошибкой с Вашей стороны воображать, что Зондергруппа будет продолжать вкладывать крупные суммы в экономически неэффективное предприятие. Полная модификация методов работы, принятых в России, является настоящей и неизбежной»⁶.

Несмотря на немедленно последовавшую реакцию на это письмо, трения продолжались. К началу 1925 г. завод, на котором в прошлом году работали 1000 немецких и русских рабочих, оказался, как было сказано, «в состоянии почти полного застоя». Кроме того, постоянно поступали жалобы на то, что Советское правительство не выполняет своего обещания по обеспечению жильем немецких рабочих⁷. В мае 1925 г. советская сторона предложила взять в свои руки завод в Филях, оставив за фирмой «Юнкерс» лишь обеспечение в будущем технического содействия и консультаций; и Юнкерс и Фишер, представитель военного министерства Германии, находившийся в тот момент в Москве, были склонны принять это предложение⁸. Но германское правительство со всей определенностью отвергло этот план. Весной 1926 г. фирма «Юнкерс», будучи не в состоянии добиться удовлетворения своих претензий к германскому правительству или — ввиду необычного статуса филевского предприятия — обратиться в судебные инстанции, направила меморандум с изложением своих жалоб депутатам рейхстага и другим влиятельным лицам⁹. После этого дело заглохло. Завод продолжал работать, хотя ничто не свидетельствовало о том, что проблема с выпуском авиационных двигателей решена¹⁰. Зависимость рейхсвера от продукции этого завода постепенно уменьшалась, и в конце концов завод был продан Советскому правительству¹¹.

В 1924 г. наряду с производством по выпуску самолетов устанавливалась и успешно развивалась новая и еще более обещающая сфера сотрудничества между двумя странами. В распоряжение германской стороны был предоставлен крупный аэродром в Липецке (в Центральной России, севернее Воронежа), на котором предусматривалось обучение немецких военных летчиков и испытание новых моделей боевых самолетов. Ни то, ни другое невозможно было проводить на территории Германии по условиям Версальского договора. При аэродроме, безусловно, были созданы также мастерские для выполнения производственных и ремонтно-профилактических работ. Весь этот комплекс полностью принадлежал германской стороне. Вклад русских, по данным германской стороны, состоял лишь в поставках строительных материалов — древесины и камня; все остальное доставлялось из Германии. Тренировки пилотов начались в 1925 г., а в 1926 г. они проходили уже по полной программе, численность постоянного аппарата этого предприятия составляла примерно 60 человек. В течение летнего

сезона сюда прибывало из Германии около 50 пилотов и от 70 до 100 человек технического персонала. Условия секретности поддерживались без особых трудностей. Большая часть материалов поставлялась морем — из Штеттина в Ленинград, чтобы избежать неприятностей при таможенном осмотре на границах. Персонал прибывал по туристским каналам¹². Совершенно очевидной представляется та роль, которую сыграло это «предприятие» в развитии военной авиации Германии. Но советская сторона также не осталась в накладе. Во-первых, русские имели все необходимое, чтобы учиться. «Предприятие» в Липецке оставалось чисто немецким, и советские летчики туда не допускались. Но во всех советских летных школах «с ведома и одобрения правительства Германии бывшие немецкие офицеры, иногда даже специально в этих целях уволенные в запас, работали в качестве инструкторов в частях Красных ВВС»¹³.

По другим аспектам военного сотрудничества сохранилось гораздо меньше информации. На советских заводах производились снаряды для рейхсвера,¹ что вызвало крупный скандал, когда об этом стало известно в декабре 1926 г. Немецкий завод в Москве выпускал 30-миллиметровые пушки как для рейхсвера, так и, по-видимому, для Красной Армии¹⁴. При танковом заводе в Казани была создана танковая школа (на берегу реки Камы, к востоку от Казани), названная «Камой»¹⁵. Она была почти полной копией липецкой школы, но с одной отличительной особенностью — в «Каме» советские офицеры проходили курс обучения бок о бок с немецкими офицерами¹⁶. Работа по созданию завода для выпуска отравляющего газа в городе Троцке Самарской области шла неравномерно и с перебоями. Слухи о советско-германском сотрудничестве в подготовке к производству химического оружия дошли до польского правительства — последовала реакция в виде полуофициального выступления в печати; но Троцкий, выступая 19 мая 1924 г., в довольно правдоподобной форме отверг эти слухи как вымыслы, сославшись при этом на недавнее нападение на советскую торговую делегацию в Берлине¹⁷. В июле 1924 г., как видно из личных записей Красина, соответствующее оборудование «частично уже было отправлено из Германии в Советский Союз, а частично подготовлено к отправке». Но как раз в тот момент никого из русских, имеющих отношение к этому делу, в Берлине не оказалось (кто-то был болен, кто-то уехал в Москву), поэтому некому было проконтролировать отправку груза или хотя бы войти в контакт по этому вопросу с германской стороной¹⁸. К концу 1925 г. завод в Троцке так и не достиг стадии производственной готовности, и в Берлине в связи с этим состоялись крайне напряженные переговоры между двумя сторонами. В середине декабря 1925 г. советские представители отказались от «наметившегося взаимопонимания» в отношении «Берсола» (специально созданная смешанная компания) и предложили вернуться к исходным позициям переговоров, согласованным «до 4 декабря». Но это в свою

очередь отвергли немцы, которые были готовы продолжать переговоры, однако «по психологическим мотивам не на основе, в настоящий момент выдвигаемой русскими»¹⁹. Все доступные для ознакомления материалы не проливают свет на смысл происходящего в этот период. Но зато в них дается представление о последовавшей в первые месяцы 1926 г. активности в этой области, о том, как гайно переправлялись материалы и образцы и проводились испытания. Ясно, что «русско-германская комиссия по производству отравляющих газов» во главе с Мархлевским (который умер в 1925 г.) в это время еще существовала²⁰. Позже, в мае 1926 г., вследствие большого наводнения был серьезно поврежден завод в Троцке²¹, и остается неясным, велись ли там в дальнейшем какие-либо работы. Но к этому времени основное внимание стало уделяться не самому производству материалов, а проблемам подготовки персонала. И точно так же, как филевский завод сначала «дополнили», а потом и совсем заменили липецким «предприятием», а «Казань» в свою очередь — «Камой», так и завод в Троцке был заменен центром по обучению применения химического оружия близ города Саратова, получившим кодовое название «Томка», где плечом к плечу работало ограниченное число немецких и советских офицеров²².

В начале 1926 г. германская сторона внесла новые изменения в организацию этих работ. ГЕФУ, подставная торговая фирма, под прикрытием которой совершались поставки военных материалов, оказалась втянутой не только в скандал, связанный с «Юнкерсом», но и в последующий скандал с Столценбергом, разразившийся по поводу завода в Троцке²³. В декабре 1925 г. Дирксен, глава русской секции МИД, подготовил меморандум, в котором признавалось, что ГЕФУ «не пользуется особой популярностью ни у русской, ни у германской стороны», и ставился вопрос о замене ее какой-либо другой организацией. Это предложение от всего сердца приветствовал Брокдорф-Ранцау в двух меморандумах, представленных в следующем месяце²⁴. Весной 1926 г. ГЕФУ была ликвидирована, и ее заменила новая организация «Виртшафтсконтор» (ВИКО)²⁵. К концу марта 1926 г., в кульминационный момент переговоров²⁶ о советско-германском договоре, Уншлихт, заместитель народного комиссара по военным делам, прибыл в Берлин по договоренности с рейхсвером якобы для обсуждения текущих вопросов. 30 марта 1926 г. Крестинский устроил в его честь завтрак, куда были приглашены Лютер, канцлер Германии, Штреземан, Сект и другие официальные лица. Уншлихт воспользовался случаем и представил далеко идущие предложения о расширении производства запрещенного оружия, в том числе тяжелой артиллерии и отравляющих газов, в Советском Союзе и о создании на его территории центров подготовки для немецких офицеров, причем все это ставилось в прямую зависимость от дальнейшей финансовой поддержки Германии. В своем ответном слове канцлер подтвердил готовность Германии сотрудничать с

Советским Союзом в деле мира, но никак не отреагировал на предложения Уншлихта. Как было зафиксировано в немецком отчете об этой встрече, «русские твердили о вооружениях, а мы продолжали говорить совершенно о другом». Когда Уншлихт заявил, что его предложения уже обсуждались с рейхсвером и теперь ждут лишь одобрения правительства, Сект продолжал хранить невозмутимое молчание, подтверждая тем самым создавшееся впечатление, что рейхсвер был одинок в своих попытках оказать давление на правительство Германии. Встреча закончилась безрезультатно, а выдвинутые предложения, по-видимому, более не обсуждались — по крайней мере в том виде, в котором они были впервые изложены²⁷.

Вероятно, гораздо большее значение, чем вышеназванные предприятия, имел личный обмен информацией и опытом между офицерами и техническими специалистами двух стран. В первое время этот процесс, как утверждалось, носил односторонний характер: офицеры Красной Армии присутствовали на самых первых военных учениях и маневрах, проводившихся в Германии, и даже принимали участие в «секретной подготовке генерального штаба» в министерстве в Берлине. Начиная с 1925 г. офицеры рейхсвера, одетые в штатскую одежду или же иногда под видом «делегаций немецких рабочих-коммунистов», начали приглашаться в Советский Союз для участия в проведении наиболее важных военных учений²⁸. В июле 1925 г. Берлин проинформировал Брокдорфа-Ранцау о том, что группа немецких офицеров в штатском посетит в следующем месяце военные учения Красной Армии, а осенью советские офицеры под видом болгарских граждан посетят район маневров рейхсвера. В записке к Шуберту Брокдорф-Ранцау выразил опасения по поводу возможных нарушений условий секретности, но вместе с тем согласился, что обмен визитами мог бы «содействовать политическим отношениям между двумя странами», добавив в силу своей обычной озабоченности польским вопросом, что этот обмен ничего не даст в продвижении часто упоминаемого вопроса об «общей военной цели»²⁹. Впоследствии немецкие визитеры докладывали, что им оказывалось «максимальное содействие во всем, а также обеспечивался беспрепятственный допуск ко всем военным установкам и операциям»³⁰.

Лейтмотивом недовольства немцев было то, что немецкие офицеры могли в меньшей степени вникнуть в работу Красной Армии, чем советские офицеры — в работу рейхсвера³¹. И это нельзя отнести за счет чисто националистических немецких предубеждений или уверенности в том, что в данных вопросах и в данное время русские должны почти всему учиться, а немцы — почти всему учить. Один из немецких непосредственных участников этого обмена оставил, разумеется, одностороннее, но отнюдь не ложное представление о тех колебаниях и различного рода «трудных вопросах», которые были характерны для советско-германских отношений того времени. «Практика показывает, — писал он, — что

международные соглашения при самом тщательном формулировании их условий всегда остаются открытыми для свободной интерпретации. Вскоре мы обнаружили, что Советская Россия, избегая нарушать их де-юре, склонна де-факто по мере возможности уходить от выполнения своих обязательств, настаивая в то же время на строгом их выполнении другой стороной. Это открытие относилось к начальному этапу отношений и неоднократно подтверждалось в последующие годы.

Таким образом, русские вели переговоры, будучи «себе на уме». Кроме того, тот факт, что побежденная в первой мировой войне Германия оказалась победителем их собственной страны, также являлся своего рода психологическим препятствием. Признание культурного и технического отставания — временного, с точки зрения Советов — Востока от Запада создавало еще один источник национальной обиды. И, наконец, в русском продолжал жить скрытый страх, что с ним не будут обращаться на основе равенства и поэтому в конце концов обязательно „надуют”»³².

Эти проблемы исключали все, что можно назвать «отношениями чистосердечной дружбы». Обе стороны — и политически и морально — внутренне были готовы к отступлению от договорных условий. Обе стороны время от времени осознавали возможную альтернативу противостоянию с Западом. Но ни одна из сторон никогда не забывала о практических преимуществах, которые предоставляет военное сотрудничество их стран; и та роль, которую сыграло это сотрудничество в 20-е годы в деле создания и укрепления рейхсвера и Красной Армии, в значительной мере оправдывала политику сотрудничества. Во имя этой верховной цели можно было бы пожертвовать в случае необходимости и большим.

ЛЕНИНСКИЕ ШКОЛЫ

В резолюции V конгресса Коминтерна (июнь — июль 1924 г.), проникнутой идеей, что смерть Ленина накладывает на Коминтерн обязательство «расширять и углублять пропаганду марксистско-ленинской теории», было сформулировано предложение о том, чтобы все ведущие компартии посылали в Москву на длительное время своих членов, с тем чтобы они посвятили себя исключительно изучению теории и практики марксизма-ленинизма; предлагалось также, чтобы каждая партия создала в своей стране «центральную партийную школу» и «широчайшие начальные партийные курсы»¹. Таким образом, была заложена трехзвенная система партийного образования: центральная школа для национальных представителей всех стран в Москве, центральная школа для каждой партии в национальном центре (оба вида школ предназначались в основном для подготовки будущих лидеров компартий) и первичные (низовые) курсы на местах для рядовых членов партии².

План создания международных курсов марксизма-ленинизма в Москве осуществлялся медленно. В декабре 1924 г. Агитпром ИККИ предварительно объявил, сколько мест предполагается выделить ведущим компартиям: из планируемых на тот момент 40 мест по 6 предназначалось компартиям Великобритании и Франции, 7 — Германии, по 5 — Италии, Чехословакии и США, по 3 — Индии и Египта³. На V расширенном заседании ИККИ в марте — апреле 1925 г. Бела Кун говорил уже о курсах в Москве в расчете на 50—70 человек, а в резолюции по пропаганде был одобрен план создания международных партийных курсов в Москве с осени этого года⁴. Два месяца спустя, на VII конгрессе КПВ, Белл, один из британских делегатов на заседании ИККИ, подробно характеризовал этот план. В соответствии с ним в «Ленинский Университет в Москве» (это сегодняшнее название, которого нет в документах того времени, где назывались «школа» или «курсы») должны были прибыть 50—60 студентов из ведущих компартий для подготовки к руководящей партийной работе; срок обучения — 18 месяцев, открытие намечалось на октябрь 1925 г.⁵ Но на пути реализации этих амбициозных проектов встали значительно более серьезные, чем предполагалось, препятствия. Оказа-

лось невозможным подыскать в Москве за короткий срок квалифицированных преподавателей трех «мировых языков», которые были бы в наименьшей степени «подкованы» в вопросах теории и практики марксизма. В августе 1925 г. было объявлено, что из-за объективных трудностей, связанных с «подбором удовлетворяющих требованиям преподавателей и подготовкой учебного материала», открытие курсов отложено; VI пленуму ИККИ, состоявшемуся в феврале — марте 1926 г., не оставалось ничего другого, как одобрить «меры, принятые ИККИ, для открытия международных ленинских курсов»⁶. Курсы, как отмечалось, открылись в мае 1926 г.⁷ Но некоторые из числа направленных на курсы не сумели прибыть вовремя, некоторые, как выяснилось, не имели достаточной подготовки, не была также подготовлена и программа обучения. Обучение началось лишь 1 октября 1926 г., когда были наконец сформированы одна русская, одна английская, одна французская и две немецкие группы, хотя само предприятие в целом пребывало в неопределенном и временном состоянии⁸.

Что же касается национальных партийных школ, то ФКП была первой партией, открывшей национальные партийные курсы в пригороде Парижа — Бобиньи; они действовали с 20 ноября 1924 г. по 20 января 1925 г., и это была настоящая дневная школа, где проводились три семинара в день по теории и практике⁹.

На заседаниях не возбранялось рассматривать и текущие вопросы; с самого начала было объявлено, что школа занимает резко отрицательную позицию в отношении Монэ, Розмера и Делегарде¹⁰. К сожалению, партийная школа в Бобиньи открылась в момент острой антикоммунистической кампании во Франции, получившей, по утверждениям, поддержку со стороны Остина Чемберлена во время его визита к Эррио 5 декабря 1924 г.¹¹ 6 декабря в школу ворвалась полиция, шесть иностранцев и несколько французов без документов были арестованы, книги и бумаги конфискованы. Но два дня спустя школа все-таки сумела возобновить работу; из 72 человек осталось 54; этот курс был доведен до конца¹². На тот момент это был уникальный опыт. На V расширенном пленуме ИККИ в марте 1925 г. Бела Кун, возглавлявший тогда Агитпроп, доложил собравшимся, что английская, немецкая, итальянская, американская и чехословацкая компартии получили инструкции, в соответствии с которыми они в течение года должны создать такие школы в своих странах¹³. Но в тот период национальные партийные школы переживали те же трудности, что и ленинская школа в Москве: отсутствие квалифицированных преподавателей, к тому же неприятности с полицией и нехватка средств. В мае 1925 г. Агитпроп объявил, что национальные партийные школы не будут финансироваться Коминтерном и должны субсидироваться за счет средств национальной компартии; и хотя впоследствии это положение отчасти изменилось, тем не менее про-

блема финансов оставалась фактором, лимитирующим дальнейшее развитие этих школ¹⁴.

Что же касается других центральных партийных школ, то о них сохранились весьма скудные и поверхностные сведения. Известно, что осенью 1924 г. на II съезде Компартии Чехословакии было принято смелое решение создать 4 партийные школы: одну — на чешском и словацком языках, одну — на немецком языке в Праге, одну — на венгерском языке в Кошице и одну — на русском языке в Ужгороде. Как сообщалось, первые две должны были вот-вот открыться, но не хватало преподавательского персонала, третья начала действовать, но сразу же была запрещена полицией¹⁵. В общем же, все сообщения о партийных школах грешили излишним оптимизмом, поскольку первая центральная партийная школа Чехословакии объявила — после неоднократных отсрочек — о своем открытии лишь в марте 1926 г.¹⁶ В мае 1925 г. на VII съезде КПВ Белл говорил о предложении открыть британскую центральную партшколу на 20 студентов, которая, однако, представляла собой «полную неизвестность»¹⁷. В октябре 1925 г. в Москве с удовлетворением констатировали факт ее открытия¹⁸. Но она вполне могла прекратить свое существование после арестов партийных лидеров — во всяком случае, в феврале 1926 г. о партшколе продолжали говорить как о факте будущего¹⁹. Еще одну центральную партшколу образовала ФКП в период с 9 ноября 1925 г. по 1 января 1926 г. Она находилась в Клиши, была меньше, чем школа прошлой зимой в Бобиньи, насчитывала лишь 30 студентов, но, как считалось, имела более высокий уровень преподавания²⁰. Зимой 1925/26 г. была организована центральная школа норвежской компартии, ее шестинедельная программа была предназначена для высших партийных кадров компартии²¹. Как это ни странно, но КПГ в этот период не сделала каких-либо шагов по организации центральной партшколы, удовлетворившись двумя центральными «ленинскими кружками», которые «ни в малейшей степени не отвечали требованиям центральной школы»²². В Германии же Коммунистическая лига молодежи организовала в сентябре 1925 г. ленинскую школу с пятидневной программой для 31 человека, деятельность которой прошла вполне успешно²³, вторая школа (участвовало 35 человек) работала в начале 1926 г.²⁴.

Но еще меньше было зарегистрировано вновь созданных первичных низовых партийных курсов для рядовых членов партии. ФКП одновременно объявила о создании первой центральной партийной школы в ноябре 1924 г. и вечерней партшколы, организованной партийной федерацией Сены²⁵, но сведения о других подобных школах, даже если они и существовали, не публиковались. Лучшее всего дела обстояли у КПВ, которая в феврале 1926 г. организовала, по ее данным, 90 школ для 800 слушателей — в основном это были вечерние партийные школы. Подобные школы существовали во Франции, США, Норвегии, Голландии и Авст-

рии, но отмечалось, что такие крупные компартии, как германская и чехословацкая, «отставали в этом вопросе от других»²⁶. Итальянская компартия пыталась избежать полицейских преследований, организовав подобные школам курсы ленинизма²⁷. Но недостаток в средствах и — в еще большей степени — недостаток в квалифицированных кадрах преподавателей оставались в тот период главными препятствиями на пути сколько-нибудь широкого развития сети партийных школ под эгидой Коминтерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 37. Политика на Востоке

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
2. Там же, гл. 34.
3. Там же, гл. 33.
4. Иркутский секретариат, названный «особым отделом при Дальневосточном секретариате Коминтерна», был образован Сибирским бюро партии («Северная Азия», 1928, № 2 (20), с. 81, особенно подчеркивала его работу среди монголов). Позже Шумяцкий представил отчет о прибытии в Иркутск Чан Тайлея и еще одного китайского коммуниста для организации Китайской секции секретариата; Чан направился в Москву для участия в III конгрессе Коминтерна в июне — июле 1921 г. («Революционный Восток», 1928, № 4—5, с. 213—216). «Периодическая печать СССР, 1917—1949: Библиографический указатель» (1958) перечисляет 7 номеров ежемесячного «Бюллетеня Дальневосточного секретариата Коммунистического Интернационала», опубликованных в Иркутске в 1921 г., и 2 номера — в 1923 г.; ни один из них не оказался доступным. Одно из редких современных упоминаний об этом недолго существовавшем секретариате см. ниже.
5. «Деятельность Исполнительного комитета и Президиума Коммунистического Интернационала», 1922, с. 13—14.
6. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34. Чан Тайлей был, очевидно, одним из его организаторов.
7. Указана приблизительная дата, так как только два следующих номера бюллетеня появились в 1922 г. (см. прим. 4); с начала 1922 г. о нем не упоминается.
8. «Новый Восток», 1922, № 2, с. 71.
9. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.
10. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 419, 634.
11. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.
12. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 994—997. Первый доклад этого отдела см.: «Bericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, 15. Dezember 1922 bis 15. Mai 1923». 1923, S. 9; видимо, он был разделен на секции Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и в основном занят сбором информации.
13. «Bericht vom 3. Kongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 220—221. Общая резолюция по работе на Востоке (ibid., S. 279—283) подтвердила этот вывод.
14. «Compte-rendu du Conseil International des Syndicates Rouges pour la période du 15 juillet 1920 à juillet 1921», 1921, p. 26, 66—67.
15. Речь Лозовского в Москве 22 июня 1921 г. была опубликована в качестве вступления к официальному отчету о конгрессе («Первый Международный Конгресс Революционных Профессиональных и Производственных Союзов», 1921, с. 10).
16. «Resolutionen, Statuten, Manifeste und Aufrufe des Ersten Internationalen Kongresses der Roten Fach- und Industrie-Verbände». Bremen (n. d. [1929]), S. 79—80.

17. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 2 (13), 1922, S. 147—148; No. 3 (14), 1922, S. 214—216. Лозовский заявил, что «значение съезда народов Дальнего Востока и специальной профсоюзной секции, которая работала на конгрессе, было огромным в смысле сближения Профинтерна с рабочими организациями Дальнего Востока» («Труд», 22 февраля 1922 г.).

18. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 3, (14), S. 231; 1922, No. 4 (15), p. 318—319. Несколько месяцев спустя некто Ма Мо-То был назначен представителем Профинтерна в восточных странах (ibid., No. 12 (23), 1922, S. 903).

19. О МПК см. выше, гл. 36.

20. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 10 (21), 1922, S. 674; «3-я Международная Конференция Революционных Транспортников», 1923, с. 13—14.

21. «Бюллетень II Конгресса Красного Интернационала Профсоюзов», с. 148.

22. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 324. В немецком тексте («Thesen und Resolutionen des IV. Weltkongresses der KPI», 1923, S. 51) речь идет о «созыве» конференции, а в русском тексте о «встрече» на ней.

23. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 103.

24. Там же, с. 114.

25. «3-я Международная Конференция Революционных Транспортников», 1923, с. 7; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 12 (23), 1922, S. 889.

26. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 117—118.

27. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.

28. О предыдущей карьере Нгуен Ай Куока см.: *G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français*, 1948, p. 397; *D. Lancaster. The Emancipation of French Indo-China*, 1961, p. 79—80. Утверждают, что он родился в Аннаме в 1890 г. и поселился во Франции накануне первой мировой войны. В 1919 г. он стал пропагандистом освобождения Индокитая и вступил во Французскую социалистическую партию; он присутствовал на съезде в Туре в 1920 г. и стал членом ФКП первого состава. Его заметили на I и II съездах ФКП в 1921 и 1922 гг., на которых он выступал за не очень популярную в то время колониальную эмансипацию («L'Humanité», décembre 30, 1921; octobre 17, 1922). В 1923 г. он приехал в Москву в качестве студента Коммунистического университета трудящихся Востока и был делегатом учредительного съезда Крестьянского Интернационала в октябре этого же года («Международство...», гл. 8). Приблизительно в это же время он опубликовал в Париже памфлет «Процесс французской колонизации: колониальные нравы», посвященный злоупотреблениям и жестокостям французской колониальной администрации; памфлет не датирован, но его содержание свидетельствует о том, что он был написан во второй половине 1923 г.

29. «L'Humanité», octobre 17, 1922.

30. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 605—606.

31. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 324—325.

32. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 102.

33. Там же, с. 114.

34. «Bericht über die 3. Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 82—83.

35. *В. И. Ленин. Соч.*, т. 27, с. 399.

36. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 237.

37. «Коммунистическая Революция», 1923, № 13—14 (52—53), с. 23—28; принято считать, что «Политикус» — псевдоним Чичерина.

38. См. ниже, гл. 40.

39. В конце 1921 г. в первом номере журнала «Новый Восток» («Большевистская революция...», т. 3, гл. 26) уже было предложено следующее определение: «Восток — это не только угнетенный Азиатский континент; Восток — это весь колониальный мир, мир угнетенных народов Азии, Африки и Южной Америки, другими словами, та часть мира, эксплуатацией которой капиталистические общества Европы и Соединенных Штатов поддерживают свое могущество» («Новый Восток», 1921, № 1, с. 9).

40. «Большевистская революция...», т. 1, Приложение Б.
41. Там же, т. 2, Приложение В.
42. Там же, т. 3, гл. 26.
43. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 40—41.
44. «Коммунистическая Революция», 1923, № 13—14 (52—53); об этой статье см. выше, прим. 37.
45. «Междущарствие...», гл. 8.
46. «Крестьянский Интернационал», 1924, № 1, с. 85—97.
47. «Правда», 1 июня 1924 г.
48. «3e Congrès National: Adresses et Résolutions», 1924, p. 66—74.
49. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 97.
50. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), I, S. 15.
51. Ibid., S. 15—16.
52. Ibid., S. 29.
53. Ibid., S. 150—151 (Рой), 237 (Нгуен Ай Куок), 379—381 (Катаяма), 384—385 (Смун).
54. Ibid., S. 694.
55. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 396, 410—411.
56. О докладе Мануильского см. выше, гл. 27.
57. См. выше, гл. 27.
58. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 638—641.
59. Ibid., S. 685—689.
60. Ibid., S. 690—691. На последовавшем сразу за этим III конгрессе Профинтерна отмечалось, что «работа сторонников Профинтерна [в Великобритании] в настоящее время ограничена в основном европейской территорией Англии» («Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), II, S. 384—385).
61. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 1000—1002.
62. См. выше, гл. 27.
63. См. выше, гл. 27.
64. «Правда», 18 июня 1924 г.; «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 1048—1050. Текст в книге «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала» (1925, т. 2, с. 214—216) ошибочно объединяет этот призыв с протестом конгресса против казни китайских профсоюзных лидеров в Ханькоу (см. ниже, гл. 40), который был первоначально опубликован в газете «Правда» 24 июня 1924 г.
65. «Die Beschlüsse des IV Kongresses der Kommunistischen Jugendinternationale», 1924, S. 64—69.
66. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès» (n. d. [1924]), p. 131—132. Во время работы III конгресса Восточный отдел Профинтерна состоял из трех сотрудников, включая его руководителя; к IV конгрессу, в 1928 г., их число увеличилось до восьми («L'ISR au Travail, 1924—1928», 1928, p. 84).
67. Отсрочка была объяснена на III конгрессе Профинтерна в июле 1924 г. с помощью не совсем удачного довода о том, что японское землетрясение временно снизило опасность войны на Тихом океане («Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), S. 306).
68. «Международное рабочее движение», 1924, № 9 (55), с. 15.
69. Утверждение Лозовского о том, что организация конференции в Кантоне представляла собой «колоссальное усилие» со стороны Профинтерна («Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), S. 32), трудно увязать с его полным молчанием по этому поводу в коротких абзацах, посвященных «колониальным странам», его основного доклада V конгрессу Коминтерна («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 85); и в статье, написанной им в преддверии III конгресса Профинтерна («Большевик», 1924, № 5—6, с. 33). Отсутствие каких-либо записей о подобных приготовлениях и недостаток знаний в Москве отчетов конфе-

рениции до тех пор, пока она фактически не завершилась, дает повод думать, что организация была в основном лояльной. Доклад Исполнительного бюро III конгрессу Профинтерна признавал, что подготовка конференции «выявила значительные препятствия, с которыми сталкивается Профинтерн в своей организационной работе на Ближнем и Дальнем Востоке» («L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès» (п. д. [1924]), p. 133).

70. См. ниже.

71. Информация о конференции взята из отчетов Геллера на III конгрессе Профинтерна 21 июля 1924 г.; статья Геллера в: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 7—8 (42—43), 1924, S. 53—54, Войтинского в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 116, 1924, S. 1509—1510, и в: «Коммунистический Интернационал», 1924, № 7 (36), с. 207—214. Геллер не мог присутствовать на конференции; в 1924 г. поездка из Кантона в Москву занимала четыре или пять недель. Отчет Войтинского показывает, что он знал больше подробностей и что он посетил Кантон в июне 1924 г. (см. ниже, гл. 40); его присутствие на конференции, следовательно, можно предположить с большей степенью вероятности, хотя прямых подтверждений нет.

72. Их появление на конференции было чем-то необычным, так как в то время Филиппины привлекали лишь небольшое внимание Москвы; поскольку из-за капиталистического развития и преобладающего капиталистического сознания, привнесенного Соединенными Штатами, даже тактика единого фронта там не практиковалась, сотрудничество рабочей партии с националистическими партиями не стояло на повестке дня. Там не было коммунистической партии («Новый Восток», № 12, с. 89—104). В то же время на V конгрессе Коминтерна Катаяма представил Филиппины «благоприятным полем для коммунистической пропаганды» и поздравил американскую партию с началом подобной работы («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (п. д.), II, S. 654).

73. Текст манифеста был опубликован в качестве приложения к статье Войтинского (см. выше, прим. 71).

74. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (п. д.), II, S. 624.

75. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (п. д.), S. 310.

76. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 141. Формулировка резолюции показывает, что Кантонское бюро не было создано как орган Профинтерна или МПК транспортных рабочих. Геллер назвал его «восточным бюро транспортных рабочих» («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 7—8 (42—43), S. 54); однако это не было официальным названием или статусом.

77. «Protokoll über den Dritten Kongress der Gewerkschaftsinternationale» (п. д.), S. 32. Двумя годами позже Геллер признался, что эти надежды не оправдались: «Настоящего развития это дело не получило, главным образом потому, что национальная база в отдельных странах была недостаточно крепкой» («IV сессия Центрального Совета Красного Интернационала Профсоюзов», 1926, с. 85).

78. М. Вельтман (Павлович). Перед угрозой большевистских войн, второе изд., 1924, с. 64—65; первое издание найти не удалось.

79. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 97, 1924, S. 1252.

80. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-я сессия», 1924, с. 64; см. выше, гл. 29.

81. «Постановления ЦИК Союза ССР», 1924, с. 3—4.

82. Об этом съезде см. выше, гл. 36.

83. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 388.

84. «International Press Correspondence», No. 90, 1924, p. 1045.

85. Об этом договоре см. ниже, гл. 42.

86. «Правда», 30 января 1925 г.

87. См. выше, гл. 30.

88. «Известия», 4 февраля 1925 г.

89. «СССР: ЦИК 2-го созыва, 3-я сессия», 1925, с. 10.

90. «Постановления», 1925, с. 6.

91. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 98.
92. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 33—34, 44—45; высказывания В. И. Ленина см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26, гл. 37 этой книги.
93. «Расширенный пленум...», с. 305—307.
94. «Exécutif Élargi de l'Internationale Communiste», 1925, p. 228; в русском издании эта ремарка не появилась.
95. «Крестьянский Интернационал», 1925, № 3—5, с. 168—170 (последующие номера этого журнала выходили с рубрикой «Восток и колонии»). «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 100, 1925, S. 1358—1359.
96. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. 12, с. 137—138.
97. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 133—152; в речи Сталин не именовал Университет его официальным названием, а упоминал его как «университет народов Востока», подчеркивая, таким образом, его национальные, а не социальные задачи.
98. «Conférence Internationale du Travail: Septième Session», 1925, Geneva, II, p. 837.
99. Фрунзе посвятил длинное исследование военным аспектам войны в Марокко (М. Фрунзе. Собр. соч., 1926, т. 2, с. 203—282); 11 июня 1925 г. Зиновьев в своей речи сослался на события в Марокко и Китае (в этой последовательности) как на свидетельство: «Подлинная мировая революция, а не главным образом европейская революция воспламеняется на наших глазах» («Известия», 16 июня 1925 г. с подзаголовком «Марокко и Китай. Репетиция грядущих битв»).
100. «Международное рабочее движение», 1926, № 1, с. 12—13. «Крестьянский Интернационал» (1925, № 6—7, с. 47—53) поместил статью «О национально-освободительном движении в Китае и его влиянии на народные массы Азии». О пекинской лиге против империализма и московском обществе «Руки прочь от Китая», созданных ранее, см. гл. 40.
101. См. гл. 35.
102. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 231.
103. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. 12, с. 343.
104. «Правда», 18 октября 1925 г.; статья была датирована 1 октября 1925 г. и также появилась в «Коммунистическом Интернационале», № 10, 1925, с. 7—13 (следующий номер этого журнала содержал стостраничный раздел, озаглавленный «Восток и колонии»).
105. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 651.
106. «Правда», 2 февраля 1926 г.
107. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 30, 1926, S. 437.
108. О речах представителей Китайской компартии и Гоминьдана см. гл. 40.
109. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 14.
110. Там же, с. 279.
111. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 551—552, 558—559.
112. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 462, 509; по версии «Internationale Presse-Korrespondenz» (1926, No. 52, S. 735), Рой предложил, чтобы «резолуции по другим колониальным странам были переданы в Президиум для более тщательных формулировок»; если это так, по-видимому, Президиум не выпустил их. О резолюции по Китаю см. гл. 40.
113. О резолюции по реорганизации ИККИ в последующей резолюции Президиума см. ниже, гл. 43.
114. Процентные соотношения подсчитаны: А. Baykov. Soviet Foreign Trade, 1946, p. 68; на основе таблиц в: «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1917—1937», 1939, с. 19—31.
115. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.
116. «Собрание узаконений», 1922, № 24, ст. 258; тариф с некоторыми изменениями был распространен на Дальневосточный регион, но не на другие азиатские границы, в сентябре 1923 г. («Собрание узаконений», 1923, № 83, ст. 803).

117. «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1917—1937», 1939, с. 6.
118. О дате см. ниже, прим. 127. «Таймс» от 1 января 1923 г. опубликовала приписываемое Политбюро решение от 25 ноября 1922 г. об образовании палаты; хотя фальшивость этого документа очевидна, он показывает, что решение было принято до конца 1922 г. О более ранней истории палаты см.: «Торговля России с Востоком», № 1—2, 1926, с. 4—6 (это был официальный орган палаты).
119. Там же, с. 5.
120. «Собрание узаконений», 1923, № 88, ст. 861; № 101, ст. 1016.
121. «СССР: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», тт. 1—2, 1928, № 14, с. 20—26.
122. Об этом соглашении см. гл. 26.
123. G. Hilger. Wir und der Kreml, 1955, S. 175—176.
124. О торговле Германии с Верхней Монголией см. гл. 41.
125. «Энциклопедия советского экспорта» (Berlin, 1924, I, S. 29), см. также: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32; Л. В. Красин (Внешняя торговля СССР, 1924, с. 26—29) также излагает эти принципы, добавляя, однако, что одна из трудностей их открытого применения заключается в том, что капиталистические страны потребуют таких же привилегий или основ для соглашения о режиме наибольшего благоприятствования.
126. «Собрание законов», 1924, № 10, ст. 100, 101. Торговля с каспийскими портами Персии также выиграла от этого тарифа.
127. «Российско-восточная торговая палата: год работы», 1924. Речь Чичерина была также опубликована в: «China Weekly Review», 1924, 1 March, p. 28.
128. «Торговля России с Востоком», 1925, № 8—9, с. 4.
129. Там же, 1926, № 3—4, с. 7—8.
130. «Новый Восток», 1926, № 13—14, с. 210, 211; «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1925, № 21, с. 30.
131. «Торговля России с Востоком», 1926, № 5—6, с. 1—2. «Новый Восток» (1926, № 13—14, с. 211) дает общую сумму внешней торговли в Нижнем Новгороде в 1925 г. в 16 млн. долларов, из которых 11 млн. приходилось на торговлю с Персией; по-видимому, иракские торговцы в первый раз появились на этой ярмарке (там же, с. 214).
132. Там же, с. 211.
133. Там же, с. 212—214.
134. Там же, с. 214—215, 218.
135. Там же, с. 211.
136. По данным издания, опубликованного Наркомвнешторгом в 1925 г., и подтвержденным в «Вестнике финансов» (1925, № 11—12, с. 287), в 1923—1924 гг. на разных границах было задержано контрабандных товаров на сумму 8,6 млн. рублей; учитывая, что в то время объем контрабандной торговли оценивался в 10 раз больше, чем стоимость задержанных товаров, объем контрабандной торговли достигал 16% легальной внешней торговли. Троцкий в своей статье в сентябре 1925 г. писал о контрабанде товарами мелочной торговли, «которая в настоящее время выкачивает из страны миллионы рублей в золотой валюте» («Правда», 22 сентября 1925 г.); об этой статье см. выше, «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 10. Если такие условия преобладали на границах, где предположительно существовал строгий контроль, то едва ли точный статистический учет практиковался на других границах.
137. «Торговля России с Востоком», 1925, № 5—7, с. 16 (цифры за 1923—1924 гг.); там же, 1926, № 8—10, с. 35—42 (цифры за 1924—1926 гг.). Явно ошибочная цифра импорта из Монголии в 1924—1925 гг., появившаяся в результате смещения тонн и рублей в итоговой сумме, была исправлена на основе сверки с таблицами из «Нового Востока», 1926, № 13—14, с. 210, 216.
138. Проценты рассчитаны в: А. Baykov. Soviet Foreign Trade, p. 68, по источнику, приведенному в прим. 114; «Торговля России с Востоком» (1925, № 8—10, с. 3) приводит более высокие оценки товарооборота — 13% за 1913 г. и 15% за 1924—1925 гг.
139. «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства», 1925, № 26, с. 32.

140. «Торговля России с Востоком», 1926, № 1—2, с. 49; позже в том же году были выданы лицензии на импорт персидских товаров для Бакинской ярмарки, так как было понятно, что персидские торговцы купят советских товаров на сумму, равную объему импортированных (там же, 1926, № 3—4, с. 8).

141. *Н. Архипов*. СССР по районам: Среднеазиатские республики, 1927, с. 133—134; см. также «Торговля России с Востоком», 1926, № 5—6, с. 1 (где ссылаются на «отношения так называемых потребительских товаров») и № 10—12, 1926 (где это определяется как «третий период» советской торговли с восточными странами — период «сбалансированной торговли»).

142. Там же, № 1—2, 1926, с. 3.

143. Там же, № 10—11, 1926, с. 4.

144. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

Глава 38. Ближний Восток

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.

2. Там же.

3. «Известия», 25 декабря 1923 г.

4. «Новый Восток», 1927, № 16—17, с. 123.

5. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 58.

6. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (п. д.), II, S. 625, 633, 708.

7. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (п. д.), S. 299—301.

8. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 432.

9. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-я сессия», 1924, с. 74.

10. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 6, с. 44—48; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 129, S. 1882; позже список возрос до 18 подсудимых и 177 лет тюрьмы («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, р. 432).

11. Сообщение о подписании и текст соглашения появились в «Известиях» 23 декабря 1925 г.

12. Текст см.: «СССР: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», т. 3, 1932, № 129, с. 5—6; «League of Nations: Treaty Series», v. 157, 1935, р. 354—357. Соглашение было зарегистрировано в Лиге Наций только 15 февраля 1935 г.

13. «Правда», 24 декабря 1925 г.; статья Ирандуста (то есть Ротштейна) в том же номере делала акцент на желании Советского правительства заключать подобные договоры с другими странами.

14. «Известия», 24 декабря 1925 г.

15. «Новый Восток», 1926, № 15, с. 153—168.

16. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 29, 1926, S. 419—421. Поздравительная передовая статья в «Известиях» 16 марта 1926 г. была посвящена пятой годовщине советско-турецкого договора 1921 г. («Большевистская революция...», т. 3, гл. 27).

17. «Правда», 14 мая 1926 г.; статья была подписана *Ирандуст* (Ротштейн). Текст турецко-персидского соглашения от 22 апреля 1926 г. см.: «League of Nations: Treaty Series», v. 106, 1930—1931, р. 248—267.

18. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 355—356.

19. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», 1928, S. 45.

20. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 15—16.

21. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.

22. Там же; в этот период советская торговля с Персией была больше, чем с любой другой азиатской страной (статистику см. в гл. 37).

23. Об этом ультиматуме см.: «Международное...», гл. 6; в нем была заметно отражена деятельность советского полпреда в Тегеране Шумяцкого.

24. «Новый Восток», 1924, № 5, с. 101—103.

25. Там же, 1924, № 6, с. XV; Шумяцкий в интервью в октябре 1924 г. указал на борьбу против феодальных областей на юге как на более важный фактор в обстановке в стране («Известия», 21 октября 1924 г.). По контрасту с политикой централизации прогрессивного правительства децентралистские тенденции «феодально-земельной аристократии» способствовали целям империализма: «поддерживать окраины против центра, феодалов против подлинных сторонников централизации и буржуазно-демократического прогресса, националистов — такова программа англичан» («Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, с. 105).

26. «Известия», 11 апреля 1924 г.

27. «Международная жизнь», 1926, № 2, с. 26.

28. «Новый Восток», 1922, № 1, с. 153; № 2, с. 568—574.

29. «Bericht über die Tätigkeit der Executive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 59.

30. «Die Beschlüsse des IV. Kongresses der KJI», 1924, S. 66.

31. По данным обстоятельного повествования в книге Г. Агабекова «ОГПУ: русский секретный террор» (1931, с. 75), восстание в Хорасане против центрального правительства в 1925 г. было поддержано резидентом ОГПУ в Ашхабаде; однако Москва препятствовала проведению этой политики, хотя формально, по видимому, вето на нее не накладывала.

32. «Известия» 3 ноября 1925 г. объявляли о ниспровержении монархии и о назначении Резы «временным главой государства».

33. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, с. 105—115; в заявление, приводимое в книге: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs* (1930, II, p. 729—730), о том, что Ротштейн предупреждал Резу не стремиться к занятию трона, трудно поверить, поскольку вряд ли этот вопрос вставал в то время, когда Ротштейн был полпредом в Тегеране.

34. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 12, с. 26. «Правда» 31 октября 1925 г. сообщила об аресте 20 персидских коммунистов и назвала его «водой на мельницу персидской реакции»; по данным «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress» (1925, S. 439) персидская коммунистическая партия была «сломана» зимой 1925/26 г.

35. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 167, S. 2496—2497.

36. «Известия», 16 июня 1925 г.; «Правда», 29 декабря 1925 г.

37. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 358.

38. «СССР: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», т. III, 1927, № 136, с. 50—55.

39. «Правда», 23 марта 1926 г.; доказательств о подписании конвенции не найдено.

40. «Новый Восток», 1926, № 12, с. XXII—XXIV.

41. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 318.

42. «Новый Восток», 1926, № 15, с. 1—16.

43. Там же, № 15, с. 35—63; другие статьи, написанные им в тот период, см.: «Международная жизнь», 1926, № 2, с. 5—51; «Мировое хозяйство и мировая политика», № 2, 1926, с. 59—87.

44. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32. Нет никакой достоверной информации, на основе которой можно было бы судить о составе партии на ранних этапах ее деятельности (она, очевидно, была очень немногочисленной): по данным представителя Коминтерна, который работал в то время в Египте, ее членами были в основном иностранцы («Революционный Восток», 1934, № 5, с. 65).

45. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 13, S. 87—89.

46. «Bericht über die Tätigkeit der Executive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 59—60. Указанная в источнике дата — 1923 г., по-видимому, опечатка (следует читать — 1924 г.), однако она не была исправлена в «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 453, где 1923 г. появляется как год уничтожения партии; правильная дата приводится в: «Программные документы коммунистических партий Востока», 1934, с. 159.

47. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 144; год спустя, в мае 1925 г., Сталин сказал, что «в странах, вроде Египта и Китая», где буржуазия уже расколота,

коммунисты должны действовать в направлении «революционного блока рабочих и мелкой буржуазии» (т. 7, с. 146—147); однако эти слова ничего не значили для Египта.

48. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 649.

49. Ibid., S. 625.

50. «Новый Восток», 1925, № 7, с. 76.

51. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 137, S. 1812—1813; 1924, No. 152, S. 2068. О следующем письме ИККИ египетской коммунистической партии см.: «Правда», 22 ноября 1924 г.

52. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 159, S. 2169—2170.

53. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 165, S. 2261—2262.

54. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 453.

55. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 41, S. 561—562.

56. «Историк-марксист», 1927, № 6, с. 175—178.

57. «Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale», 1921, S. 198—204, 210—211; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 129. По-видимому, резолюция Мережина не была опубликована.

58. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 94, S. 1212.

59. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 2—3, S. 166—167; 1922, No. 10, S. 237—238; «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 447. По-видимому, в 1924 г. коммунисты контролировали профсоюз железнодорожников, состоящий из 3000 человек, в который, в отличие от других профсоюзов, входили как арабы, так и евреи («Коммунистический Интернационал», 1924, № 4, с. 423).

60. По случаю визита Бальфура в Палестину весной 1925 г. Центральный Комитет Палестинской партии выпустил декларацию, в которой Бальфур объявлялся символом «империалистического надувательства», а декларация Бальфура — наградой за услуги, оказанные «еврейскими финансовыми магнатами» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 59, S. 799—800).

61. «Коммунистический Интернационал», 1924, № 4, с. 416—417.

62. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 35, S. 482—483. Уверенность в том, что британская политика в Палестине в 1925 г. начала отходить от своей проеврейской направленности и становилась более благоприятной по отношению к арабам, была выражена в статье в «Международная летопись», 1925, № 10—11, с. 117—119, и в докладе ИККИ в феврале 1926 г. («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 359).

63. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 76, S. 1216—1217.

64. «Новый Восток», 1922, № 1, с. 67—78.

65. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 57, 1924, S. 692.

66. См. гл. 31.

67. А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, 1929, с. 147, 359.

68. «Новый Восток», 1925, № 7, с. 49—76.

69. В. Потемкин (ред.). История дипломатии, 1945, т. 3, с. 301.

70. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 158, S. 2372.

71. «СССР: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», 1928, т. IV, № 156, с. 14—15.

72. «Известия», 20 декабря 1923 г. Интервью такого же содержания с Раскольниковым, бывшим советским полпредом в Кабуле, и афганским представителем в Москве появились в этой же газете 23 и 25 декабря.

73. «Известия», 6 марта 1924 г.

74. Кратко об этом восстании, в котором, по официальной версии, индийское правительство не только сохраняло скрупулезный нейтралитет, но и воздержалось от оказания афганскому правительству помощи в преодолении его внутреннего кризиса, см.: «Survey of International Affairs, 1925», ed. A. J. Toynbee, I, 1927, p. 567—568.

75. «Годовой отчет народного комиссариата по иностранным делам за 1924 г. III Съезду Советов СССР», 1925, с. 94.

76. «Новый Восток», 1926, № 13—14, с. 218.

77. Информацию по прессе тех времен см. в: «Survey of International

Affairs, 1925», I, 1927, p. 546; в 1924 г. афганское правительство владело двумя самолетами, купленными у индийского правительства, которые управлялись германскими пилотами (ibid., I, p. 569).

78. «Известия», 17 января 1925 г.

79. Ключников и Сабанин. Международная политика, т. III, ч. I, 1928, с. 339—340.

Глава 39. Южная Азия

1. К. Трояновской. Восток и революция, 1918, с. 29.

2. Об этом манифесте см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.

3. В. И. Ленин. Соч., т. 26, с. 428.

4. Там же, т. 27, с. 293, 415, 416.

5. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 317.

6. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.

7. Это была тема книги Роя («India in Transition». Geneva [в действительности: Berlin], 1922) и базис теории «деколонизации», подвергшейся яростной критике на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г.

8. Об этом эпизоде, в отношении которого, видимо, нет советских опубликованных источников, см.: G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India, 1959, p. 33—34, 36—37.

9. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30, 32.

10. Взято из воспоминаний Роя в: G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India, 1959, p. 34—35.

11. Ibid., p. 37, 367—369.

12. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1921, No. 8, S. 86—88. В тексте призыва нет подтверждения заявлению, приведенному в: G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India, 1959, p. 368, из индийского источника, что он пригласил ВИКП «присоединиться к новому великому мировому движению интернациональной солидарности».

13. Об оптимистической оценке конгресса Эвелиной Рой см.: «Labour Monthly», No. 2, 1922, p. 354—355.

14. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 531—532.

15. Это письмо, которое было перехвачено полицией, приводится в: G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India, 1959, p. 46. Концепция соединения легальной и нелегальной партий была заимствована из практики Соединенных Штатов того времени.

16. О документах, относящихся к этому периоду, см.: Ibid., p. 48—50, 53—58. Оценка Роем конгресса появилась в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 39, S. 281—282.

17. «International Press-Correspondence», 1923, No. 8, p. 126—127.

18. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 834.

19. G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India, 1959, p. 60.

20. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 48, S. 378.

21. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 130—131; текст доклада, по-видимому, был сокращен.

22. G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India, 1959, p. 65.

23. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 13, S. 260—261. «Открытое письмо было написано 21 марта 1924 г. О следующем письме Роя Макдональду см.: Ibid., 1924, No. 68, S. 836—838.

24. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 98.

25. «Bericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Kongress», 1924, S. 61—62.

26. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 620, 632.

27. Об этом споре см. выше, гл. 37.

28. Первая достоверная информация о ее создании поступила из «программы», датированной 17 июня 1925 г., подписанной в городе Канпуре секретарем

партии Сатией Бахтой и опубликованной во французском партийном журнале «Cahiers du Bolchevisme», 1925, No. 26, p. 1749—1751; ей предшествовало редакционное примечание, выдвигающее «все извинения по положениям теории, выдвинутой нашей молодой братской партией». Считалось, что в то время партия насчитывала только 250 членов; наиболее интересным пассажем в ее программе было заявление, в котором говорилось, что сделаны предложения о присоединении к III Интернационалу и об отправлении делегатов в Москву, однако «индийское правительство враждебно по отношению к III Интернационалу и приговорило к наказаниям нескольких коммунистов за связи с ним».

29. См. гл. 26.

30. *G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India*, 1959, p. 74.

31. Об этой резолюции, которая не была опубликована, и о речи Фостера см. гл. 30.

32. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4, с. 64—66.

33. «Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB», 1924, p. 21.

34. *G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India*, 1959, p. 368—369.

35. «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 84, 96.

36. *Ibid.*, p. 77—78; среди тех, к кому она должна была обеспечить подход, был Судзуки из Японии (см. гл. 42).

37. См. гл. 28; Датт был евроазиатского происхождения.

38. Достаточно полный отчет о конференции, сделанный одним из представителей КПВ, см. в: «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 80—89. Согласно значительно более позднему неподтвержденному отчету (приводимому в: *G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India*, 1959, p. 76), «была принята резолюция о том, что задача формирования партии в Индии должна быть осуществлена британской коммунистической партией»; это было не результатом, но, вероятно, формальным завершением. Письмо от 25 сентября 1925 г., адресованное КПВ, в котором, как говорят, Колониальное бюро Коминтерна определило будущее положение Роя в индийском движении (*Ibid.*, p. 76), обнаружить не удалось. Однако 26 сентября 1926 г. Крестингер написал Макманусу из КПВ, информируя его о том, что образована секция для ведения работы среди индийских крестьян, и запрашивались имена ведущих людей в аграрном движении Хинду, которых можно было бы пригласить на работу в Международный аграрный институт; («Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 104); это означает, что к тому времени КПВ была признана в Москве как нормальный канал связи по индийским делам.

39. *G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India*, 1959, p. 80.

40. См., например, «Призыв к британским рабочим», который фактически представлял собой нападки на британскую лейбористскую партию, в: «Cahiers du Bolchevisme», 1925, No. 27, p. 1817—1823; подобный, хотя и не идентичный, манифест в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 132, S. 1932—1933; дальнейший манифест такого же типа: *Ibid.*, 1926, No. 17, S. 238—239.

41. *Ibid.*, 1925, No. 130, S. 1905—1906; 1926, No. 27 S. 393—394.

42. См. гл. 39.

43. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 347; подозрение не рассеялось окончательно отчетом об этом, помещенным в официальном публикации Индийского бюро общественной информации («India in 1925—1926», 1926, p. 196—197); более поздний доклад ИККИ назвал ее «псевдокоммунистической партией», образованной «очень подозрительными элементами» («Die Komintern von dem 6. Weltkongress», 1928, S. 535).

44. *G. Overstreet and M. Windmiller. Communism in India*, 1959, p. 77—79.

45. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 1, с. 77—79.

46. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1926, No. 1, S. 71—72; «Международная солидарность трудящихся, 1924—1927», 1959, с. 171—173.

47. Об оценке ее Роем см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 27, S. 394—395.

48. О комиссии см. гл. 37; о резолюции см. гл. 40.

49. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.

50. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 10, S. 114.

51. *J. T. Blumberger. Le Communisme aux Indes Neerlandaises* [в переводе

с голландского на французский], 1929, р. 42—43. О численности ИКП и Сарекат райат см. гл. 39.

52. О Дарсоно, который представлял ИКП на III конгрессе Коминтерна в 1921 г., см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

53. *J. T. Blumberger. Le Communisme aux Indes Neerlandaises*, р. 42—45.

54. *Ibid.*, р. 46; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 10, S. 114.

55. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), I, S. 384—385.

56. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, с. 144.

57. *J. T. Blumberger. Le Communisme aux Indes Neerlandaises*, р. 47.

58. *Ibid.*, р. 66—68. Эта работа содержит мало полезной информации, зато раскрывает официальную позицию Дании.

59. Это мнение взято из: *S. Dingley. The Peasants' Movement in Indonesia*. Berlin (n. d. [1926]), р. 43; автор, который, несмотря на свой псевдоним, по-видимому, был индонезийцем, явно находился под воздействием бухаринской школы в Коминтерне, отождествившей в 1925 г. поворот против ультралевых с поддержкой крестьянства (см. гл. 37); брошюра была выпущена Крестинтерном.

60. «Коммунистический Интернационал», 1922, № 2, с. 149.

61. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 2, S. 149.

62. См. выше, гл. 37.

63. *S. Dingley. The Peasants' Movement in Indonesia*, р. 40.

64. См. гл. 37.

65. Официальный доклад нидерландского правительства 1927 г. цитируется в: «Survey of International Affairs, 1926», 1928, р. 452—453.

66. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 27, S. 393; *J. T. Blumberger. Le Communisme aux Indes Neerlandaises*. Официальный доклад, процитированный в предыдущей сноске, называет съезд конференцией ИКП.

67. *Ibid.*, р. 57. О профсоюзах в других отраслях см.: *Ibid.*, р. 63.

68. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, с. 146.

69. Там же, 1925, № 4, с. 66—76; *S. Dingley. The Peasants' Movement in Indonesia*, р. 44; полный текст резолюции не был опубликован.

70. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 5, с. 164; официальный доклад, процитированный в гл. 39, дает общую численность членов ИКП и Сарекат райат на конец 1924 г. как 1140 и 31124 человека. По данным: *S. Dingley. The Peasants' Movement in Indonesia*, р. 40, Сарекат райат «на вершине своего развития» в первой половине 1925 г., насчитывала 100 тыс. членов; однако эти данные завышены в пользу Сарекат райат.

71. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 170, 1925, S. 2527—2528.

72. *Ibid.*, 1925, No. 135, S. 1975.

73. Отырывочную информацию по этому вопросу см.: *Ibid.*, 1925, No. 139, S. 2035; 1926, No. 23, S. 336—337.

74. *Ibid.*, 1925, No. 38, S. 582—583. В результате беспорядков в январе и феврале 1925 г. около 30 человек, по-видимому, было убито, 130 ранено и 300 заключено в тюрьму («Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, с. 145).

75. «Правда», 31 октября 1925 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 150, S. 2225—2226; *J. T. Blumberger. Le Communisme aux Indes Neerlandaises*, р. 61. В указанных источниках 17 декабря 1925 г. называется как дата «официального приказа»; однако на самом деле аресты были произведены раньше. О других репрессивных мерах см.: *Ibid.*, р. 61—64; *S. Dingley. The Peasants' Movement in Indonesia*, р. 44—46. В период 1923—1926 гг. 3000 человек, по-видимому, были посажены в тюрьму за участие в рабочих волнениях («Die Komintern von dem 6. Weltkongress», 1928, S. 541) — это не преувеличенная оценка.

76. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 12, с. 39.

77. Официальный доклад цитируется в гл. 39; *S. Dingley. The Peasants' Movement in Indonesia*, р. 57, говорит не только об «уклоне влево», но и о «сильных анархистских уклонах» со стороны части товарищей, которые «читали работы Бакунина вместо работ Маркса».

78. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 333.

Глава 40. Революционный Китай

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
2. «Социализм в одной стране...», гл. 40. Статья Виленского, в которой выражались симпатии к У Пэйфу, появилась в «Известиях» примерно 28 ноября 1923 г.
3. Об этих назначениях см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
4. Сообщение об отъезде Карахана и интервью, в котором были сформулированы задачи миссии, см. в: «Известия», 3 августа 1923 г. Статья была опубликована на следующий день.
5. «Известия», 5 октября 1923 г.
6. О Карахане в Харбине и Мукдене см.: «Известия», 17 и 25 августа 1923 г.; «China Weekly Review» (Shanghai), 25 August 1923, p. 446. О сабле с драгоценностями см.: Устрялов. Под знаком революции, 1927. с. 160.
7. «Известия», 7 сентября 1924 г.
8. L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, p. 634. Письмо датировано 8 сентября 1923 г. и написано на английском языке. Русский перевод, хранящийся в архиве, опубликован в: «Советско-китайские отношения. Документы и материалы. 1917—1957 гг.» М., 1959, с. 66. Копии переписки Карахана с Сунь Ятсеном были переданы Л. Фишером в библиотеку Йельского университета. Одновременно были переданы копии писем Чичерина.
9. «China Year Book», 1928, Tientsin, p. 1320. Резюме русской версии см.: «Новый Восток», 1924, № VI, с. 300.
10. Письма Суня и Карахана из архива Фишера в: A. S. Whiting. Soviet Policies in China, 1917—1924. 1954, p. 243—244. О миссии Чан Кайши в Москву см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
11. «China Year Book. 1924—1925», Tientsin (n. d.), p. 866.
12. О предшествовавшей истории вопросов см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
13. Об этом интервью см. выше, прим. 4.
14. «Известия», 25 сентября 1923 г.
15. «China Year Book. 1924—1925», p. 866—867; «Известия», 24 и 31 октября 1923 г., 11 и 13 ноября 1923 г., 10 января 1924 г.
16. А. Ивин. Китай и Советский Союз. М., 1924, с. 123—130; «Советско-китайские отношения. 1917—1957», 1959, с. 67—73.
17. А. Ивин. Китай и Советский Союз, с. 114—115; «China Year Book. 1924—1925», p. 876. В статье, опубликованной в журнале Наркоминдела «Международная жизнь» (1924, № 1, с. 33), содержались следующие формулировки: «СССР не претендует на политические права в зоне КВЖД», и «это не более чем экономическое использование КВЖД, одинаково необходимое и России, и Китаю».
18. А. Ивин. Китай и Советский Союз, с. 117; «China Year Book. 1924—1925», p. 877—878.
19. А. Ивин. Китай и Советский Союз, с. 117—122.
20. См. далее, гл. 41.
21. Влияние этого на советскую позицию на Дальнем Востоке в оптимистических тонах обсуждалось на страницах газеты «Известия», 10 февраля 1923 г.
22. По вопросу о том, как впервые стало ясно, что I конгресс ГМД в Кантоне в январе 1924 г. заложил основу советско-гоминьдановского союза, см. гл. 37—40.
23. «Известия», 29 февраля 1924 г.
24. «Известия», 1 марта 1924 г. Статья подписана Виленским.
25. «China Weekly Review» (Shanghai), 22 March, 1924, p. 1926; «Известия», 16 марта и 13 апреля 1924 г.
26. «China Year Book, 1924—1925», Tientsin, p. 880—883.
27. «Известия», 16 марта 1924 г.
28. Это сообщение Веллингтона Ку (Гу Вэйцзюнь), данное им спустя 15 лет и приведенное в книге У (А. К. Уи. China and the Soviet Union, 1949, p. 152—155), нуждается в перепроверке. Согласно К. Фьюзу (K. Fuse. Soviet Policy in the Orient. Peking, 1927, p. 210), решающим фактором было соперни-

чество Ку и Вана. О давлении правительств Америки и Японии, а также Франции см.: *R. T. Pollard. China's Foreign Relations. 1917—1931.* N. Y., 1933, p. 186.

29. Об этих трех нотах см.: *А. Ивин. Китай и Советский Союз*, с. 131—136. Ультиматум от 16 марта 1924 г. и ответ Вана были опубликованы в «Известиях» 18 марта 1924 г. Протест Чичерина, направленный китайскому представителю в Москве, см. там же, 21 марта 1924 г.

30. «China Year Book. 1924—1925», p. 880.

31. *Ibid.*, p. 885—887.

32. «Foreign Relations of the United States», 1924, p. 487—488. Оно было опубликовано в пекинской прессе одновременно с пояснительным комментарием («Советско-американские отношения. 1917—1933». 1934, с. 54—55). Интервью Карахана, в котором выражался протест по поводу вмешательства Америки и Франции, появилось в газете «Известия» 15 мая 1924 г.

33. «Правда», 1 июня 1924 г.

34. Полный текст договора со всеми декларациями и соглашением по КВЖД см. «Собрание законов», 1925, № 18, ст. 131; № 19, ст. 132; «League of Nations». Treaty Series, XXXVII, 1925, p. 175—201.

35. «Известия», 1 июня 1924 г.; «Russian Review» (Washington), 1 July, 1924, p. 16—17.

36. Нота Карахана (Нота Народного комиссариата иностранных дел СССР китайскому Министерству иностранных дел об учреждении посольств и обмене дипломатическими представителями) в качестве архивного материала была опубликована в сборнике: «Советско-китайские отношения. 1917—1957». М., 1959, с. 93. Недатированный ответ Веллингтона Ку (Гу Вэйцзюня) см.: «Известия», 16 июля 1924 г.

37. «China Weekly Review», 9 August, 1924, p. 344.

38. «Известия», 17 июля 1924 г.; о деталях см.: *K. Fuse. Soviet Policy in the Orient*, p. 217—276.

39. *А. Ивин. Китай и Советский Союз*, с. 142—143; «Новый Восток», 1924, № 6, с. 16—18.

40. «Известия», 24 и 26 июля 1924 г.; о других акциях Лиги см.: там же, 30 июля 1924 г. «Правда» 23 августа 1924 г. опубликовала послание Лиги Троцкому. Троцкий в своей речи выразил возмущение в связи с арестом и осуждением китайских солдат по настоянию британского посланника в Пекине.

41. «Foreign Relations of the United States», 1924, v. 1, p. 462.

42. Состав делегации на конференцию был объявлен в начале июля 1924 г. Сообщение о том, что начало конференции откладывается на неопределенное время, было опубликовано позднее («China Weekly Review», 5 July, 1924, p. 166; 19 July, 1924, p. 238).

43. См. выше, гл. 40.

44. «СССР: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», 1930, № 214, с. 118—123. Оригинал на английском языке см.: «Собрание законов», 1927, № 32, с. 172. Отвечая 5 октября 1924 г. на протест китайского правительства по поводу сепаратного соглашения с Чжан Цзолинем, Карахан заявил, что он информировал Ку 13 июня 1924 г., что если пекинское правительство не в состоянии выполнить полностью соглашение, им подписанное, он вынужден будет вступить в прямые переговоры с Чжаном. Он повторил это 10 августа 1924 г. («Russian Review», November 1, 1924, p. 176.) [В советско-китайском соглашении от 20 сентября 1924 г. предусматривалась возможность дальнейшего сокращения срока передачи Китаю прав на дорогу. См.: «Советско-китайские отношения. 1917—1957», с. 95. — *Ред.*]

45. Эта политика, находившаяся в русле прежних попыток вести дела с У Пэйфу (см. выше, гл. 35), не подразумевала каких-либо фундаментальных перемен в отношении к китайским милитаристам; V конгресс Коминтерна в июне 1924 г. в обращении «К братским народам стран Востока и колоний» заклимил У Пэйфу и Чжан Цзолиня как «империалистических агентов».

46. Эти идеи в своей окончательной форме были изложены Сунь Ятсеном в серии лекций, прочитанных им в последние годы жизни. С 27 января по 24 апреля 1924 г. он прочел 12 лекций по принципам «Национализм» и «Демократия» и 4 по принципу «Народное благоденствие» (серия осталась неза-

вершенной). В английском переводе см.: *L. S. Hsu (ed.). Sun Yat-sen: His Political and Social Ideals*. Los Angeles, 1933, p. 163—491; *Sun Min Chu Y. Shanghai*, 1927. Хорошо документированную статью «Влияние дружеского соглашения между Кантоном и Москвой на политическую философию Сунь Ятсена» см. в: «*Chinese Social and Political Science Review*». Peking, 1934, —VIII, p. 96—145, 177—209, 341—388.

47. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 476. О том, как Радек характеризовал КПК в ноябре 1922 г., см. выше, гл. 36.

48. «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока». М., 1922, с. 181. О некоторых подробностях см.: «Историк-марксист», 1939, № 5—6, с. 154.

49. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

50. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 28, с. 7073—7074.

51. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 1 (24), S. 71; *Ch'en Kung-po. The Communist Movement in China*. Columbia University. East Asian Institute, 1960, p. 79.

52. «Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959, с. 81.

53. «3-я международная конференция революционных транспортников», 1923, с. 7, 21.

54. Об этих событиях, о колебаниях в русской партии см. выше, гл. 36.

55. «Стратегия и тактика Коминтерна», под редакцией Г. Кара-Мурзы и П. Мифа. М., 1934, с. 112. О том, что в Москве в то время особых надежд на рабочее движение не было, свидетельствует статья, опубликованная в журнале Профинтерна: «Рабочее движение в Китае все еще остается молодым и не может поэтому рассматриваться как серьезный пролетарский фактор, однако за ним великое будущее» («*Die Rote Gewerkschaftsinternationale*», 1923, No. 1, S. 73). Материалы этого времени характеризуют рабочее движение в Китае как менее развитое, чем в Индии (*Л. Хеллер. Профсоюзы на Востоке*, 1923, с. 18). В феврале 1923 г. в профинтерновском журнале «*Die Rote Gewerkschaftsinternationale*» (No. 2 (25), S. 166) суньятсеновская политика обличалась как создающая иллюзии среди рабочих. Подобные нападки далее не повторялись.

56. «A Brief History of the Chinese Communist Party». В этой книге, очевидно написанной по-русски в 1926 г. на основе китайских источников, инцидент 7 февраля 1923 г. характеризовался как «поражение» и источник «путаницы» в КПК («*Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China*», 1956, p. 65—70). После исключения Чэнь Дусю из партии за «меньшевистские взгляды», потерю веры в пролетариат снова вернулись к данному инциденту (*ibid.*, p. 87). Инцидент упоминался в связи с обвинениями гоминьдановцами в адрес КПК в декабре 1923 г. (см. выше, гл. 40); гоминьдановцы заявляли, что КПК в силу общей слабости ищет пути использования Гоминьдана в интересах своей политики. Позднее «7 февраля» характеризовалось как первое проявление серьезной политической борьбы китайского рабочего класса («*Проблемы Китая*», 1929, № 1, с. 4).

57. «Стратегия и тактика Коминтерна», с. 114—116. Директивы, по-видимому, своевременно не были опубликованы.

58. «*Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China*», p. 86—87. Чэнь Дусю, по имеющимся сведениям, защищал первую линию, возможно, под влиянием Маринга, который выступал как представитель Коминтерна. Чжан Готао был за вторую линию, но источники, свидетельствующие об этом, подготовлены спустя 30 лет после событий и до некоторой степени сомнительны.

59. Манифест съезда в английском переводе см.: *C. Brandt, B. J. Schwartz and J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism*, 1959, p. 71—72. Перевод материала из журнала «Сяндао чжоубао», 1923, № 30, с. 228. Сообщение о конгрессе, помещенное в «*Brief History of Chinese Communist Party*» и написанное в 1926 г., см. также в: «*Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China*», p. 66—69.

60. П. Миф (*P. Mif. Heroic China* N. Y., 1937, p. 23) напоминает об этой неудаче в своем обвинении КПК.

61. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers», p. 432. Только в феврале 1925 г. она стала именоваться Коммунистическим союзом молодежи (ibid., p. 495).

62. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistische Jugendinternationale», 1923, S. 124—125, 220. Заявление, что 50% членов союза — студенческая молодежь, основано на непроверенных данных. III конгресс КИМа (декабрь 1922 г.) принял резолюцию, которая предписывала Китайской лиге трансформироваться в популярную массовую организацию (ibid., S. 279—280). Заявление Интернационала Молодежи, по имеющимся данным, появилось в Китае в 1923 или 1924 г. («From Third to Fourth: A Report on the Activities of the YCI», 1924, p. 83).

63. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 88; цитата из враждебного источника, но, видимо, точная.

64. Ibid., p. 64. Первые точные данные относятся к январю 1925 г. Тогда в партии было 994 члена, в молодежном союзе — 2365 (ibid., p. 90). Чэнь Дусю признавал в 1922 г., что молодежный союз является более авторитетным, чем партия («Правда», 31 октября 1922 г.). О данных на последующие годы см. выше, гл. 40.

65. Датировано по: N. Mitarevsky. World Wide Soviet Plots. Tientsin (n. d. [1927]), p. 1330; но встает вопрос о подлинности документов, якобы захваченных в советском посольстве в Пекине в апреле 1927 г. Оригиналы не найдены. Опубликовано небольшое количество факсимиле; большинство русских документов оцениваются на основе переводов с китайского или японского. Допускается, что многие русские документы в целом были подделаны. В то же время известно, что масса документов попала в руки участников налета. Невовобразимо, что кто-то ловко и терпеливо изготовил большое количество документов, в конечном счете опубликовал, особенно если учесть, что многие из них просто не в состоянии были изготовить документы с целью обвинения Советского Союза в экспансии и провоцирования борьбы против западных держав. Наиболее поздний и сбалансированный анализ подлинности документов в: «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers», p. 8—37.

66. О письме см. выше, гл. 40. Различия между функциями партии и правительства были тогда еще не совсем ясны, тем более в районах, удаленных от центра. Сунь Ятсен, как известно, в телеграмме в Москву «благодарил дружественное московское правительство и партию» «за направление Бородина» («Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers», p. 148). Действительно, официальных сообщений о его статусе не публиковалось, но были серьезные предположения, что это официальное партийное назначение. Доказательства этого есть. Во всяком случае, впоследствии Бородин характеризовался как «представитель Коминтерна» (см. далее, гл. 40). Подчинялся ли Бородин Карахану? Как только у последнего такие намерения появлялись, Бородин сразу же заявлял о своей независимости. Представляется несерьезным заявление в «China Year Book» (1928, p. 1321), что Сунь Ятсен «писал Карахану в Пекин с просьбой направить ему представителя». Назначение Бородина предшествовало прибытию Карахана в Пекин и, возможно, даже назначению самого Карахана в Пекин.

67. N. Mitarevsky. World Wide Soviet Plots, p. 130—131. Основная часть доклада — подлинник, и его можно цитировать. Л. Фишер (L. Fisher. The Soviets in World Affairs, 1930, p. 636) пишет, что основной целью Сунь Ятсена ко времени прибытия Бородина в Кантон было «организовать северную экспедицию с целью разгрома У Пэйфу». Эти представления, видимо, подсказаны письмом Чичерина Сунь Ятсену от 4 декабря 1923 г.: «Вся китайская нация должна видеть отличие ГМД, популярной организованной массовой партии, от милитаристских диктатур различных китайских партий. Угнетенные народы, такие, как монгольский народ, тибетцы, различные народности Западного Китая, должны ясно знать, что Гоминьдан поддерживает их право на самоопределение» (цит. по: A. S. Whiting. Soviet Policies in China, 1917—1924, 1954, p. 246; информация взята из архива Фишера). В начале января 1924 г. было объявлено решение Сунь Ятсена «о мобилизации его войск на северную экспедицию». Англоязычная пресса иронически прокомментировала данное сообщение: «Бумажная кантон-

ская армия начала поход против бумажного Пекина» («China Weekly Review», January 12, 1924, p. 252; January 19, 1924, p. 268).

68. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 144—145; *Tang Leangli*. The Inner History of the Chinese Revolution, 1930, p. 163.

69. *L. Fisher*. The Soviets in World Affairs, p. 636—637; Н. Митареvский (*N. Mitarevsky*). World Wide Soviet Plots, p. 137—138) ошибочно датирует речь 13 ноября 1924 г.

70. Л. Фишер (*L. Fisher*. The Soviets in World Affairs, v. II, p. 636—638) приводит ряд данных об этих дискуссиях, ссылаясь на самого Бородин (об обстоятельствах, в которых Бородин рассказывал историю своих экспериментов в Китае, см.: *L. Fisher*. Men and Politics, 1941, p. 135). Карахан в письме к Сунь Ятсену накануне съезда (оно датировано 7 января 1924 г.) придавал важное значение «решению о принятии декрета о земле» (*L. Fisher*. The Soviets in the World Affairs, p. 635—636).

71. «Новый Восток», 1927, № 8, с. 26. Дата решения не уточняется, но заявляется, что оно имело место одновременно с решением о реорганизации партии.

72. *L. Fisher*. The Soviets in World Affairs, p. 635.

73. В речи от 1 декабря 1923 г. он говорил, что, «если мы желаем победы нашей революции, мы должны учиться методам организации и обучения у русских», и что он попросил Бородина, специалиста по этим делам, «быть советником нашей партии по обучению наших товарищей» («Chinese Social and Political Science Review», Peking, XX, 1936, p. 102).

74. Перевод комментария Сунь Ятсена: *C. Brandt, B. J. Schwartz and J. K. Fairbank*. A Documentary History of Chinese Communism, p. 72—73; по вопросу о «петиции» см.: *ibid.*, p. 494.

75. Из дневника Чан Кайши, см.: «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», 1956, p. 148.

76. Сунь Ятсен заявил, что программа «была подготовлена Бородиным по моей просьбе» и «просмотрена мною», что оригинал был подготовлен на английском языке и переведен Ляо Чжункаем на китайский язык и что «Чэнь Дусю в этом участия не принимал» (*C. Brandt, B. J. Schwartz and J. K. Fairbank*. A Documentary History of Chinese Communism, p. 72). Манифест, по словам Бородина, сказанным несколько лет спустя, был подготовлен им и комиссией из четырех гоминьдановцев, включая Ван Цзинвэя от левого крыла партии и Ху Ханьминя — от правого (*L. Fisher*. The Soviets in World Affairs, p. 640). Согласно одному из источников (*Tang Leangli*. The Inner History of the Chinese Revolution, p. 166, note 1), манифест был подготовлен Ван Цзинвэем при помощи Бородина, который тщетно пытался включить в текст «доктрину классовой борьбы и принцип конфискации без компенсации». Этот источник обычно возвышает роль Ван Цзинвэя. О заявлении Вана, что «реорганизация нашей партии» осуществлена «по предложению Бородина», см.: *B. J. Schwartz*. Chinese Communism and the Rise of Mao. Harvard, 1951, p. 50.

77. См. выше, гл. 40.

78. «Открытое письмо» Чэнь Дусю членам КПК от 10 декабря 1929 г. было приведено в: «The Militant», N. Y., III, No. 33, November 15, 1930; No. 34, February 1, 1931. Не упоминается, что версия в журнале «The Militant» напечатана с сокращением, однако она отличается рядом тезисов от документа, опубликованного в: «Бюллетень оппозиции», Париж, № 15—16, 1930, с. 20—23.

79. Отчеты и документы съезда имеются на китайском языке: «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 575—576; резюме: *ibid.*, p. 145—149.

80. Protokoll: Fünftter Kongress der Kommunistischen Internationale (n. d.), II. S. 702.

81. На английском языке см.: *L. S. Hsu (ed.)*. Sun Yatsen: His Political and Social Ideals, Los Angeles, 1933, p. 120—141; *T. C. Woo*. The Kuomintang and the Future of Chinese Revolution, 1928, p. 258—269, здесь пропущен ряд частей.

82. Перевод в книге: *A. N. Holcombe. The Chinese Revolution. Harvard, 1930, p. 356—370.* выполнен по тексту 1929 г.
83. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», v. II, S. 702.
84. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 149; *Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution, 1930, p. 178—179.*
85. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 149.
86. *E. Snow. Red Star over China, 1937, p. 156.*
87. Телеграмма Карахана не была зачитана. Ответ Суня на телеграмму см.: «Советско-китайские отношения. 1917—1957», с. 77.
88. Там же, с. 78—79. О письме Чичерина см. выше, гл. 40.
89. Этот вывод был предложен китайским делегатом на V конгрессе Коминтерна, состоявшемся шесть месяцев спустя («Протоколы: 5-й Конгресс Коминтерна», с. 702). Войтинский в статье о конгрессе, написанной в бравурном стиле, отмечал, что обнаружил деление ГМД на правых, в основном из купцов, которые выступают против Севера, и левых, во главе которых — коммунисты, наши товарищи, которые хотят создать «действительно национально-революционную партию», базирующуюся на рабочих и крестьянах; Сунь Ятсен выдвинул свои решения — усиливать левое крыло («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 117, 1924, S. 1523—1524).
90. Об этой миссии см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34. Два абзаца из дневников Чан Кайши относительно неблагоприятного впечатления цитируются по: «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 498—499, note 29. Требуется дальнейшее исследование дневников, чтобы показать, насколько эти записи характерны или исключительны. Историю о докладе, сделанном Чан Кайши после своего возвращения, см. далее, гл. 40.
91. Источники, характеризующие события и составляющие большую коллекцию дневников и писем Чан Кайши до конца 1926 г., опубликованы примерно в 1936 г. («Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 150—151, 571). Части письма Чан Кайши от 14 марта 1924 г. появились в переводе: *H. K. Tong. Chiang Kaishek, 2nd ed. 1953, p. 544—545*, где доклад Чан Кайши Сунь Ятсену в неблагоприятном для Советского Союза духе упоминается как выкраный коммунистами; ни один из этих материалов не публиковался в 1-м издании работы, в 1937 г.
92. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 150; *H. K. Tong. Chiang Kaishek. Shanghai, 1937, p. 77.*
93. *L. Fisher. The Soviets in World Affairs, v. II, p. 640.*
94. См. выше, гл. 40.
95. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 8 (41), S. 418—420. Международная федерация порвала отношения с Профинтерном в июне 1923 г. (см. выше, гл. 36); не найдены свидетельства контактов международной федерации с Китайской федерацией железнодорожников.
96. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.) v. II, S. 703; текст протеста опубликован в: «Правда», 25 июня 1924 г.; «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), S. 308.
97. См. выше, гл. 37.
98. «Коммунистический Интернационал» (№ 11, 1925, с. 98) характеризовал кантонскую конференцию как рубежную в истории двух периодов.
99. О подобных начинаниях в крестьянском движении см. ниже, гл. 40.
100. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
101. *Chen Kungpo. The Communist Movement in China. Columbia University, 1960, p. 100.* II съезд КПК в 1921 г. признал «автономию» трех территорий и выразил желание вновь объединить их в составе «единой китайской республики на принципах федерации» (ibid., p. 121, 126); в сентябре 1922 г. имели место изменения — партийный журнал выступил против подчинения Монголии Китаю и опубликовал призыв в защиту свободы монгольского народа («Сяндао чжоу-

- бао», 27 сентября 1922 г.; цитируется по книге: *Шурендыб*. Народная Революция в Монголии, 1956, с. 111).
102. Архив Л. Фишера в: A. S. Whiting. Soviet Policies in China. 1917—1924. 1954, p. 247. Ответ Карахана не найден.
103. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», v. II, S. 703.
104. Об этом написал Войтинский в статье, посвященной памяти Сунь Ятсена, цит. по: «Правда», 15 марта 1925 г.
105. Манифест цитируется по: В. Виленский. Где корни предательства Чан Кайши, 1927, с. 49—51.
106. См. выше, гл. 40.
107. О письме см.: «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 90, note 56.
108. Ibid., p. 89, note 48; p. 90, note 56.
109. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», v. II, S. 624.
110. «Проблемы Китая», 1929, № 5; этот пример приводится как доказательство независимости КПК.
111. «Коммунистический Интернационал», 1924, № 7 (36), с. 196.
112. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 152. Тан Линли в книге «Создание современного Китая» (*Tang Leangli. Foundations of Modern China*, 1928, p. 169) сообщает, что совет первоначально состоял из 9 членов и 3 кандидатов; в его же книге «Внутренняя история китайской революции» (*Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution*, 1930, p. 184) названы 7 членов, включая одного коммуниста — Тань Пиншаня. Заявление Т. С. У в книге «Гоминьдан и будущее Китайской революции» (*T. C. Woo. The Kuomintang and the Future of the Chinese Revolution*, 1928, p. 103—104), что совет состоял из 9 членов Постоянного комитета и 6 других, кооптированных, возможно, относится к периоду после кончины Сунь Ятсена.
113. «Documents on Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», p. 152, note 71.
114. М. Рой (*M. N. Roy. Revolution and Counter-revolution in China*. Calcutta, 1946, p. 382) не упоминает о сессии 15 августа 1924 г., но дает очень колоритное описание забастовок и демонстраций в Кантоне в конце августа 1924 г. за и против коммунистов, после которых Сунь Фо (сын Сунь Ятсена) и другие гоминьдановцы отбыли в Шанхай.
115. «China Weekly Review», Shanghai, June 21, 1924, p. 82, 100.
116. «Documents...», p. 154; *Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution*, p. 185—186.
117. Тексты всех трех документов см.: А. Ивин. Китай и Советский Союз, 1924, с. 137—140; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 120, S. 1585. Согласно последующему протесту в адрес Лиги Наций («Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 127, S. 1688), Макдональд на телеграмму не ответил.
118. «Известия», 3 и 4 сентября 1924 г.; А. Ивин. Китай и Советский Союз, 1924, с. 140—141.
119. «Правда», 29 августа 1924 г.; K. Fuse. Soviet Policy in the Orient. Peking, 1927, p. 279—280.
120. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 117, 1924, S. 1526, 1538.
121. См. выше, гл. 28.
122. «Правда» и «Известия», 6 сентября 1924 г.
123. Собрание 17 сентября 1924 г. образовало временное бюро и приняло решение направить представителя в Китай («Правда», 18 сентября 1924 г.). Постоянный комитет был назначен через несколько дней (там же, 1 октября 1924 г.).
124. «Известия», 23 сентября 1924 г.; «Правда», 29 сентября 1924 г.
125. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 9—10 (44—45), 1924, S. 144.
126. «Крестьянский Интернационал», № 7—9, 1924, с. 158—159.
127. «Documents...», p. 154, note 76; Л. Шарман (*L. Sharman. Sun Yatsen: His Life and Its Meaning*, 1934, p. 300) описывает визит советского корабля.

Сунь Ятсен направил приветственную телеграмму экипажу корабля, в которой говорил о «весьма тесных» связях между СССР и Китайской Республикой и о том, что он «ведет борьбу за революцию в Китае и во всем мире» («Советско-китайские отношения. 1917—1957», с. 99).

128. «Documents...», р. 155—156. Чан Кайши приписал себе исключительную роль в этой операции, которая представлялась Сунь Ятсеном как подготовка к северной экспедиции. Другие считали, что роль Чан Кайши была не столь выдающейся. Сообщение Бородина 14 октября 1924 г. на собрании революционного комитета, который планировал операцию (*ibid.*, р. 171—173), вероятно, подлинник. Наиболее интересно то, что выясняется полное доверие Бородина к Чан Кайши.

129. Л. Троцкий. Запад и Восток, 1924, с. 30.

130. «Новый Восток», 1924, № 6, с. 14—15.

131. А. Ивин. Китай и Советский Союз, с. 29.

132. В 1923 г., в период между тем, когда У Пэйфу возвел Цао Куня на президентский пост в Пекине, и приездом Бородина в Кантон Сунь Ятсен заявил в интервью для прессы, что «у него и генерала Чжана один и тот же враг», и предложил Чжану и всем, «кто желает оказать поддержку мне, сотрудничеству в борьбе за свержение Пекина» («New York Times», July 22, 1923; процитировано по книге: L. Sharman. Sun Yatsen: His Life and Its Meaning, p. 252). Контакты были установлены не раньше, чем в марте 1924 г., когда С. У и Го Тайчжи, представленные как «секретарь Сунь Ятсена и помощник секретаря по иностранным делам», нанесли визит в Мукден («China Weekly Review», April 5, 1924, p. 201).

133. «Sun Yatsen: His Political and Social Ideals», Los Angeles, 1934, p. 142—145.

134. См. выше, гл. 40.

135. K. Fuse. Soviet Policy in the Orient, p. 199—201. К. Фюз ссылается на хорошо информированный японский источник. Автор пишет о деликатном характере отношений Советов с Фыном, «имевших неясные формы в течение определенного времени до и после переворота в октябре 1924 г.» (*ibid.*, p. 322). Другой автор заявляет, что он пользовался советской помощью со времени октябрьского переворота 1924 г. (L. Fisher. The Soviets in World Affairs, p. 650).

136. Журналиста, склонного хорошо относиться к Фын Юйсяну из-за приверженности последнего христианству, карьера Фына все же побудила «вспомнить его циничное определение независимого человека, как человека, от которого нельзя зависеть» (A. N. Holcombe. The Spirit of the Chinese Revolution. New York, 1930, p. 95); более приятный отзыв о нем см.: Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution, p. 342—344.

137. Об отчетах того времени по поводу захвата Фыном Пекина см.: «China Weekly Review», 1930, p. 362—371.

138. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 33.

139. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 145, 1924, S. 1953.

140. К заявлению, что Сунь Ятсен получил приглашение от лидеров национальных армий и Дуань Цижуя, нужно подходить осторожно. Источник («Documents...», p. 319) ненадежный, и Дуань до конца ноября 1924 г. еще не был президентом.

141. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 156, 1924, S. 2114; «Sun Yatsen: His Political and Social Ideals», p. 146—153.

142. «New York Times», December 1, 1924; цит. по книге: L. Sharman. Sun Yatsen: His Life and Its Meaning, p. 304. Эта речь, в которой отразились японофильские и паназиятские настроения, была включена Ху Ханьминем в «Собрание трудов Президента», опубликованное в Шанхае в 1930 г. («Collected Works of the President», ed. by Hu Hanmin, p. 539—549). КПК критиковала Суня за его визит в Японию и пропаганду взглядов о союзе с Японией («Проблемы Китая», 1929, № 6). Русский коммунистический автор писал о визите Суня как о «результате политики японского правительства, в то время стремившегося опираться на все решительно силы в Китае против англо-американских империалистов» («Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 92).

143. «Documents...», p. 320—321. Последующие заявления Фын Юйсяна, а также его недостоверная автобиография, опубликованная спустя 20 лет, являются наиболее обстоятельными источниками.

144. L. Fisher. The Soviets in World Affairs, p. 649—650. Только во власти Бородина было начать переговоры с Фын Юйсяном, в то время заявившим, что они предпринимаются согласно желанию Сунь Ятсена и что письмо с предложением провести встречу было написано генералу Ван Цзинвэем.

145. Против вхождения коммунистов в ГМД активно выступал во второй половине 1924 г. Пэн Шучжи, позднее один из лидеров правой оппозиции в КПК. Он аргументировал свою точку зрения тем, что почти вся китайская буржуазия контрреволюционна и только пролетариат может быть лидером революции, даже на современной «национальной» стадии (см. по этому вопросу: B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 61—62).

146. Отрицательное отношение КПК к поездке Сунь Ятсена на Север впоследствии критиковалось официальными теоретиками партии как одно из «противоречий» в ее политике («Пути мировой революции», 1927, с. 419). Спустя несколько лет Цай Хэсэнь, один из последовательных критиков, защищал свою позицию как «чрезмерно жесткую, но в основном правильную» («Проблемы Китая», № 1, 1929, с. 6). Оппозиция в разной степени была в ЦК КПК в Шанхае.

147. «Documents...», p. 577. По китайским (видимо, ненадежным) источникам, документ датируется ноябрем 1924 г. По японской версии, включенной в «Историю китайского коммунизма» (C. Brandt, B. I. Schwartz and J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism, 1952, p. 74—77), он относится к IV съезду КПК (январь 1925 г.). Ошибка, вероятно, произошла из-за того, что в китайском оригинале документ характеризуется как «четвертый манифест КПК о текущей ситуации».

148. «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», 1928, S. 48—49. Кроме этой тщательно подобранной цитаты, резолюций съезда достать не удалось.

149. «Sun Yatsen: His political and Social Ideals», p. 43.

150. «Известия», 14 марта 1925 г. Было также опубликовано в: «New York Times», May 24, 1925.

151. «Правда», 14 марта 1925 г.

152. Цит. по: «Communism, Nationalism and Soviet Advisers in China», 1956, p. 159; из «Сяндао чжоубао», 1925, № 107, с. 890.

153. «Правда», 14 марта 1925 г. Телеграмма Сталина была включена в издание: И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 50—51.

154. «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 5, 44.

155. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 3.

156. См. ниже, гл. 40.

157. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 146—147. В первоначальном тексте, опубликованном в «Правде» 22 мая 1925 г., читаем: такая «рабоче-крестьянская партия, как Гоминьдан», но данная специфическая характеристика далее была выкинута. Сталина более интересовало в то время умиротворение русского крестьянства («Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5), чем то, что происходило в Китае, и формулировки Сталина могли отражать его озабоченность. Но иллюзия относительно характера Гоминьдана была свойственна не только Сталину. Троцкий в своем меморандуме от 9 июня 1927 г., хранящемся сейчас в архиве Троцкого, сравнил Гоминьдан с партией русских эсеров до того времени, когда они попытались установить господство над пролетариатом, оставаясь «нашей партией» для крестьянства.

158. «Documents...», p. 158—160. Согласно позднейшим сообщениям, 124 члена правой группировки ГМД были исключены в то время из Гоминьдана («China Year Book», 1928, p. 1324—1325).

159. Советские сообщения об этом движении см. в: «Новый Восток», 1925, № 15, с. 103—110.

160. О расстрелах и бойкоте см.: «Новый Восток», 1926, № 15, с. 278—279, 100 тыс. китайских рабочих вынуждены были покинуть Гонконг («China Year Book», 1928, p. 1328).

161. См. выше, с. 20—21, 72—73.

162. H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, 1938, p. 74. Согласно подсчетам тех лет, в Китае насчитывалось 5 млн. работников, которые подходили под характеристику «рабочие». Из них 1,5 млн. эксплуатировались на фабриках, транспорте или коях и могли быть организованы; из них 300 тыс. или более — в текстильной промышленности, 120 тыс. — в табачной, 100—120 тыс. на транспорте, 200—300 тыс. — на коях и 200 тыс. — в тяжелой промышленности («Новый Восток», 1926, № XIII—XIV, с. 17—19).
163. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 84, 1925, S. 1166—1167. О I конгрессе см. выше, гл. 40. По Геллеру, Всекитайская федерация профсоюзов была создана на II съезде («Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 100).
164. «IV сессия Центрального Совета Красного Интернационала Профсоюзов». М., 1926, с. 89.
165. «Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 100.
166. Согласно «China Year Book» (1928, p. 1326—1327), Ли был деятелем, прошедшим подготовку в Москве, и это определило отношение к нему Бородин. Согласно Брандту (C. Brandt. Stalin's Failure in China. Harvard, 1958, p. 37), он был среди меньшинства на III съезде КПК в июне 1923 г., которое выступало за организацию рабочего класса отдельно от Гоминьдана (см. выше, гл. 40).
167. Описание этого периода см. в: «Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 87—90. В сообщении, опубликованном в журнале «Проблемы востоковедения» (1960, № 2, с. 91—104), использованы китайские источники, но сама картина, безусловно, несколько идеализирована.
168. H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, p. 72; C. Brandt. Stalin's Failure in China, p. 62. Автобиографический фрагмент Пэн Бая см. в: «Иностранная литература», 1932, № 2—3, с. 88—103. Это перевод с китайского, и в нем сообщается о раннем этапе борьбы. Пэн Бай за участие в первомайской демонстрации 1921 г. был уволен со службы в департаменте образования в Хайфине и включился в работу по организации крестьянских союзов в Хайфине. В сентябре 1922 г. в союзе насчитывалось 200 членов, и он рос быстрыми темпами. Землевладельцы со своей стороны организовали контрорганизацию в форме союза «налогоплательщиков».
169. Перевод из китайского источника в книге: Ch'en Kungpo. The Communist Movement in China. Columbia University, 1960, p. 120; версия его в: C. Brandt, B. J. Schwartz and J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism, p. 63—65; перевод с японского со многими сокращениями.
170. «China Weekly Review», Shanghai, August 9, 1924, p. 338.
171. Ibid., May 5, 1925, p. 205.
172. «Новый Восток», 1927, № 18, с. 30—31; «Крестьянский Интернационал», 1926, № 3—5, с. 171.
173. См. выше, с. 82—83.
174. «Новый Восток», № XVIII, 1927, с. 27; «Крестьянский Интернационал», № 1—2, 1926, с. 114.
175. Там же, № 3—5, 1926, с. 171—172.
176. E. Snow. Red Star over China, p. 157. Мао оставался в Хунани несколько месяцев и затем уехал в Кантон.
177. А. Ивин. Красные пики, 1927.
178. «Правда», 18 и 21 июня 1925 г.
179. Там же, 31 июля 1925 г.
180. H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, p. 93.
181. «Правда», 21 апреля 1926 г. Эта конференция также упоминалась в открытом письме Гоминьдану и его крестьянской секции, направленном 30 апреля Крестинтерном («Крестьянский Интернационал», № 3—5, 1926, с. 181).
182. «Правда», 7 июня 1925 г.
183. «Известия», 12 июня 1925 г.
184. «Die Jugend-Internationale», 1927, No. 5, S. 29.
185. W. Münzenberg. Solidarität, 1931, S. 458—461. О Международной рабочей помощи см. ниже., гл. 44.
186. См. ниже, гл. 44.

187. «Report of the Fifty-Seventh Annual Trades Union Congress», 1925, p. 487—489, 570.

188. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.

189. «Правда», 11 марта 1926 г.

190. Существует два варианта письма. Первый — в переводе на китайский с русского опубликован в собрании документов, захваченных в 1927 г. («Documents...», p. 176), и на английском языке (*N. Mitarevsky. World Wide Soviet Plots. Peking, 1927, p. 162*). В этом варианте письмо адресовано Галину (Блюхеру) и датировано 26 июня 1925 г. Второй вариант включен в сборник документов Чан Кайши 1936 г. («Documents...», p. 27, 176); это — письмо в адрес Военного совета Гоминьдана от 1 июля 1925 г. Они идентичны, за исключением фразы о необходимости назначить «большое число русских советников». Она присутствует в первом варианте. Не исключено, что Чан Кайши написал эти два письма сам, а может быть, речь идет о сознательной фальсификации публикаторами с пропагандистскими целями.

191. См. выше, с. 74.

192. «Documents...», p. 163; статья в «International Press Correspondence» (1926, No. 21, p. 329—330, не публиковалась в немецком издании) описывает его как «прямо напоминающего советскую систему».

193. Накануне отъезда на Север в ноябре 1924 г. Сунь Ятсен выдвинул Ху Ханьмина на пост генералиссимуса вооруженных сил (прежде этот пост принадлежал ему), несмотря на то что Ху, как и Сунь, не был военным. Ху сохранил этот почетный титул и пост.

194. «Documents...», p. 205.

195. 7 членов Военного совета, перечисленные там же (p. 183—184), были одновременно членами Политического совета; Чан Кайши, который, по-видимому, являлся членом Военного совета, в Политсовет тогда не входил. Там был Рогачев, но, очевидно, как советник. Согласно списку в: *J. C. Huston. Sun Yatsen, the Kuomintang and the Russian-Chinese Political Alliance*, Сунь Фо и Т. В. Сун, являясь членами Политсовета, в Военный совет не входили. Но к этим спискам нужно относиться осторожно.

196. «Documents...», p. 208, и источники, там приводимые.

197. *Ibid.*, p. 183—184; элемент недоверия, вызываемый всеми документами этого сборника, особенно относится к тем, которые подчеркивают роль советских советников.

198. *Ibid.*, p. 197—199. Относительно Кисанько в советских источниках информации нет, возможно, это псевдоним. Лю (*F. F. Liu. A Military History of Modern China. Princeton, 1956, p. 23*) отождествляет его с Бубновым, однако это — мистика. О Бубнове см. ниже, прим. 356.

199. «Documents...», p. 202—204.

200. *Ibid.*, p. 181.

201. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1924, S. 334; эти официальные данные предпочтительнее заявления в «brief History of the Chinese Communist Party» («Documents...», p. 74) о том, что численность КПК поднялась с 1 тыс. до 10 тыс., а Молодежной лиги — с 2 тыс. до 10 тыс. за шесть месяцев с мая 1925 г. Журнал «Коммунистический Интернационал» (№ 11 (48), 1925, с. 93) писал, что еженедельник КПК, до мая 1925 г. имевший тираж 5 тыс. экземпляров, увеличил его до 20 тыс. и что он перепечатывался в Хайфине и Ханькоу.

202. «Protokoll des 6. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1928, No. 1, S. 80.

203. *П. Миф. Китайская коммунистическая партия в критические дни, 1928, с. 53—54.*

204. Историки раннего периода партии обращали внимание на негативные аспекты данного феномена и высказывали мнение, что «нельзя ждать хороших результатов, если партия будет расти так же стремительно, ибо дело руководства, безусловно, не поспевает за таким темпом роста» («Documents...», p. 74—75).

205. «Настоящим ядром» партии оставался Шанхай. Одна из немногих классификаций состава партии по территориальному признаку показывает, что на Шанхай приходилось 1200 членов КПК и 1500 — Коммунистической лиги моло-

дежи, на Кантон — 600 коммунистов, на Пекин — 300 («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 334).

206. «Documents...», p. 184—185.

207. «China Year Book», 1928, p. 1329. Сообщение, что Бородин «занял место советника», основано на недоразумении. Назначение Бородина относится к декабрю 1923 г.

208. *F. Snow. Red Star Over China*, p. 157.

209. О Ляо Чжункае см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

210. «Documents...», p. 165—166, 187, Кисанько здесь говорил о репрессиях в поддержку гонимой забастовки; в статье, автором которой был глава Восточной секции Профинтерна, расправа рассматривалась как «звено в подготовке к империалистической интервенции» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 126, S. 1825). О 2 млн. долларов см.: «Новый Восток», 1927, № XVIII, с. 21.

211. Это допускается в: *L. Fisher. The Soviets in World Affairs*, p. 645—646, что может быть принято за версию Бородина. Согласно докладу бывшего чиновника американского консульства (*J. C. Huston. Sun Yatsen, the Kuomintang and the Russian-Chinese Political Alliance*, p. 94—95), Ху Ханьминя лично выражал недовольство Ляо Чжункаем, который (несомненно, как министр финансов) предложил отменить пост генералиссимуса. Официальную версию изложил Ван Цзинвэй на II съезде ГМД и прямо заявил, что слухи о причастности Ху Ханьминя к убийству Ляо «оказались ложными и лишены основания», но к русскому переводу речи Вана есть сноска, что данная точка зрения не разделялась другими членами ГМД («Новый Восток», 1927, № XVIII, с. 21).

212. «Documents...», p. 165; Фьюз (*K. Fuse. Soviet Policy in the Orient*, p. 335) не рассуждает об ответственности Ху за убийство Ляо, но говорит, что Чан Кайши умудрился выпроводить Ху в Россию. Ху приехал во Владивосток 1 октября 1925 г. («Правда», 2 октября 1925 г.) и 18 октября — в Москву. На следующий день он был принят Караханом (там же, 20 октября 1925 г.), затем отпущен со своего поста в Пекине.

213. «Documents...», p. 170.

214. «Новый Восток», 1925, № X—XI. О национальных армиях см.: «Большевик», 1926, № 4, с. 54—57.

215. *M. N. Roy. Revolution and Counter-Revolution in China*. Calcutta, 1946, p. 403.

216. «Documents...», p. 365—366. Комиссия Политбюро в докладе от марта 1926 г. рекомендовала ГМД и КПК вести «общую политико-воспитательную и организационную работу с целью превращения их в действительную силу национально-революционного движения, независимо от влияния каких-либо лиц».

217. *Ibid.*, p. 519, note 69; «Коммунистический Интернационал», № 4, 1926, с. 19.

218. Информация об этой миссии — из китайских источников или китайской версии русских источников, захваченных в 1927 г., а также из воспоминаний Фын Юсяня, опубликованных в 1930 и 1944 гг. («Documents...», p. 321—323, 336—359). Все детали, связанные с данными источниками, нуждаются в перепроверке, но основные моменты представляются правильными.

219. «China Weekly Review», May 16, 1925, p. 299—300. Иностранцы, как говорят, не подпускались к трассе Улан-Батор — Калчан, когда по ней транспортировались грузы.

220. Японская пресса позднее сообщала о предполагаемом секретном соглашении, подписанном в Пекине Бородиным и Фын Юсянем (11 марта 1925 г.) и предусматривавшем, между прочим, ежемесячную субсидию Фыну в сумме 100 тыс. золотых рублей («Japan Chronical», Kobe, December 3, 1925, p. 714). Неясно, почему такое соглашение, если оно существовало, подписывал Бородин.

221. Другой доклад касался «проникновения японского капитала» на территорию, контролируемую Фыном, и основания в Калгане отделения китайско-японского банка. Несколько позднее сообщалось о направлении 15 китайских офицеров для обучения в военной академии в Токио («Japan Chronical», September 10, 1925, p. 309).

222. «Documents...», p. 338.

223. «China Year Book», 1926—1927, p. 1098—1099.

224. «Documents...», p. 91.
225. «Коммунистический Интернационал» (№ 11, 1925, с. 84) называет пиком движения «последние дни июля и начало августа».
226. «Новый Восток», 1926, № XII, с. 7—12.
227. Отчет Лепсе, главы делегации, см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 143, 1925, S. 2098—2099; в середине сентября делегация отбыла в Японию.
228. Резонно предположить, что решение было принято по совету Бородина, на которого оказал давление ГМД, но свидетельств, проливающих свет на данную проблему, нет.
229. См. выше, гл. 30; о ситуации в Марокко см. выше, гл. 31.
230. «Коммунистический Интернационал», № 11, 1925, с. 88—89. То, что эта статья (упоминающая об интервенции КПК, а не Коминтерна) представляет собой диагноз, на основе которого действовал Коминтерн, подтверждается повторением нескольких фраз из нее в речи Зиновьева (см. следующую сноску).
231. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», 1926, с. 651—652.
232. «Documents...», p. 91—92.
233. «Международная солидарность трудящихся, 1924—1927», 1959, с. 125—127. Письмо в свое время не публиковалось.
234. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 135, S. 1978.
235. «Documents...», p. 324. В сообщении, помещенном в: «Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 89—90, не упоминается об аресте Ли Лисаня, но утверждается, не слишком правдоподобно, что этот поворот не отразился на движении. В обращении Центрального совета Профинтерна к рабочим всего мира от имени китайского пролетариата Чжан Цзолинь обвинялся за то, что действовал как «наемник иностранного империализма» и, «безусловно, не без согласия пекинского правительства» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 136, 1925, S. 1988—1989).
236. Первые публикации появились в июле 1925 г. под названием «Национальная революция и Гоминьдан Китая» («Documents...», p. 206). Говорят, что Дай Цзитао был одним из первых китайских коммунистов, но почти сразу вышел из партии «после резкого упрека Сунь Ятсена» и «позднее стал главным буржуазным идеологом ГМД» (*H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, p. 60).
237. «Documents...», p. 207. Делегат КПК в докладе на VII расширенном пленуме ИККИ в Москве (ноябрь 1926 г.) назвал Дай Цзитао «инициатором» мартовских (1926 г.) событий, тогда как Чан Кайши действовал лишь как его орудие («Пути мировой революции», 1927, № 1, с. 405—406). В принятой резолюции рекомендовалась «систематическая и направленная борьба с правым крылом ГМД и идеологией Дай Цзитао» («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 677). Чэнь Дусю в открытом письме (10 декабря 1929 г.) характеризовал статьи Дай Цзитао «не случайными», а как «показатель попыток усиления буржуазии с целью обуздания пролетариата и поворота на контрреволюционный путь». Государственный переворот 20 марта 1926 г. он характеризовал как прошедшей на принципах Дай Цзитао.
238. Первые краткие сообщения о заседаниях касаются решения «сохранять тесные связи с левым крылом ГМД и одновременно вести энергичную борьбу против правого крыла, которое уже стало частью реакционной группировки» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 145, 1925, S. 2156). Согласно докладу VI расширенного пленума ИККИ (февраль 1926 г.), комитет «решил везде проводить ясное организационное деление между КПК и ГМД, характеризовать отношение партии к ГМД как политический блок, а не тесный союз, как прежде» («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 334—335); если решение и было таким, оно было сознательно затемнено в последующих сообщениях. Следующее заседание расширенного пленума ЦК КПК в июле 1926 г. подвело итоги решениям от октября 1925 г. — «оставаться в ГМД и бороться с правыми, но не занимать место самого блока левых», а также «попытаться добиться большей независимости нашей собственной партии». Последнее положение было осторожно дополнено: «Мы по-прежнему признаем развитие ГМД и наше участие в руководстве

работой Гоминьдана как предпосылки победоносной китайской революции» («Documents...», р. 279). Согласно сообщению Чэнь Дусю на V съезде партии (апрель 1927 г.), резолюция предложена была им (он допускал, что это было ошибкой) и принята расширенным пленумом ЦК КПК (октябрь 1925 г.); в ней говорилось, что КПК должна вести борьбу против взглядов Дай Цзитао, объединиться с левыми в Гоминьдане для сопротивления правым и одновременно готовиться к отделению ГМД от партии; эта загадочная фраза предназначалась, видимо, для того, чтобы намекнуть — ответственность за раскол будет возложена на Гоминьдан («Большевик», 1927, № 23—24, с. 100—101; отчет о докладе Чэнь Дусю, сопровождаемый резкой критикой, позднее был перепечатан в книге: *П. Миф. Китайская Коммунистическая партия в критические дни*, 1928; краткий отчет обходит спорные вопросы, см.: «Правда», 15 мая 1927 г.). В открытом письме (10 декабря 1929 г.) Чэнь писал, что в октябре 1925 г. он был за немедленный выход из Гоминьдана, но верх взял коминтерновский представитель (им был, как говорил Чэнь Дусю, Бородин). Это единственное упоминание о том, что присутствовал представитель Коминтерна, может быть связано с событиями, происходившими за сценой, но на эту запоздалую попытку самооправдаться вряд ли можно полагаться. Документ этот приведен в «Documents...», р. 234—237, и предположительно отнесен составителями к этому пленуму, хотя, видимо, подлинник более похож на текст, представленный по этому или какому-то другому случаю, чем на окончательную резолюцию; она не предусматривает выхода из Гоминьдана, но рекомендует, пока не станет совершенно необходимо, членам КПК не вступать в Гоминьдан и не участвовать в его работе.

239. Единственной достоверной записью этих резолюций являются обстоятельные выдержки (несомненно, аккуратно подобранные), зачитанные на VIII расширенном пленуме ИККИ в мае 1927 г. в Москве («Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», 1928, S. 49—50). См. также («Documents...», р. 100—103, 122—124) резолюции, без указания даты их принятия, по партийному строительству и пропаганде, предположительно отнесенные составителями к октябрьскому пленуму 1925 г.

240. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11 (48), с. 94; цитируемые обороты не представляют собой прямую выдержку.

241. А. Ивин. Красные пики. М., 1927, с. 135—142; это, возможно, письмо, включенное из китайского источника («Documents...», р. 135—142) и датированное там 10 октября 1925 г.

242. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 335.

243. E. Snow. Red Star Over China, 1937, р. 157.

244. См. письмо от 11 июля 1925 г., приписываемое Карахану: *N. Mitarevsky. World Wide Soviet Plots*. Tientsin, 1927, р. 158.

245. «Правда», 17 октября 1925 г. Сообщение сопровождалось фотографией Фын Юйсяна, которая, как говорили, была дана им корреспонденту «Правды» в Калгане для Ульяновой (сестры Ленина).

246. Согласно материалам в «Documents...» (р. 352), Фын поддерживал контакт с двумя наиболее важными генералами Сунь Чуанфаном и Го Сунлинем, но выступление Сунь Чуанфана было для него неожиданностью. Другой источник сообщает, что Фын выступил на стороне национального движения и обвинял «империалистов и их приспешников» в то время, когда командиры 2-й и 3-й национальных армий продемонстрировали более сдержанную позицию («Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 101). Но это писалось в момент, когда в Москве все еще поддерживались большие надежды Фына.

247. Там же, с. 90—93. Резолюция не публиковалась, поэтому приведенные отрывки не являются прямой цитатой.

248. «Новый Восток», 1926, № XII, с. 13—14. Полный текст недоступен.

249. В докладе, приписываемом советскому военному атташе в Пекине (*N. Mitarevsky. World Wide Soviet Plots*, р. 31), говорится о «наших успешных переговорах с Го Сунлинем» и утверждается, что его уход от Фына был под-
сказан советскими агентами; по другому документу из того же источника, Фын Юйсян «обсуждал переход Го Сунлиня» с советским советником за 10 дней до его осуществления («Documents...», р. 352). О манифесте от 20 октября 1925 г. см.: *ibid.*, р. 25, note 93. «Новый Восток» (1926, № XII, с. 15) считает, что Го

претендовал на положение Чжан Цзолия. Но это мнение отпало после его поражения.

250. «Documents...», p. 325.

251. Согласно мнению Фьюза (*K. Fuse. Soviet Policy in the Orient*, p. 315), У Пэйфу в этот момент спешно телеграфировал Чжан Цзолию, что фактически означало предложение примирения перед общим новым врагом. Англоязычная пресса Китая немало рассуждала о возможном «возврате» У Пэйфу («*China Weekly Review*», November 28, 1925, p. 315—316).

252. «Правда», 13 ноября 1925.

253. «*Japan Chronicle*», December 3, 1925, p. 717.

254. «Правда», 2 декабря 1925 г.

255. *K. Fuse. Soviet Policy in the Orient*, p. 218—219; *Voitinsky in: «Internationale Presse-Korrespondenz»*, No. 34, 1926, S. 472; *T'ang Sheng-chih*, *ibid.*, No. 17, 1926, p. 237. О позиции Фын Юйяна см.: «Documents...», p. 326—327. И. Войтинский и Тан Шэнчи порицали его «колебания» и «слишком осторожную позицию», неспособность поддержать националистические требования об отставке Дуань Цижуя. В последующей статье Войтинский слабо защищал Фына за отсрочку свержения Дуань Цижуя и провозглашение политической программы до его победы над Чжаном, но допускал, что его позиция интерпретировалась империалистами как «политическая хитрость», приводившая в уныние его последователей («Коммунистический Интернационал», № 4 (53), 1926, с. 19—21).

256. «Правда», 8 декабря 1925 г.; «Известия», 9—10 декабря 1925 г. В статье, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 12 (49), 1925, с. 28), говорится о «распаде мукденской контрреволюционной клики».

257. «*Japan Chronicle*», December 17, 1925, p. 793. Сталин (Соч., т. 7, с. 294) в своей речи на XIV съезде партии (18 декабря 1925 г.) также допускал возможность поражения Чжан Цзолия.

258. «Известия», 12 и 13 декабря 1925 г. Согласно одному сообщению, японские солдаты «наводнили чжанцзолиневскую армию» («Новый Восток», 1926, № XII).

259. «Правда» и «Известия», 24 декабря 1925 г.

260. «Documents...», p. 328.

261. «Известия», 10 сентября 1925 г.

262. «Коммунистический Интернационал», № 12 (49), 1925, с. 30—31.

263. *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, p. 90—91. Автор ссылается на памфлет Ли Чжилуна. В соответствии с Тан Линли (*Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution*, p. 213—214), «конфликты происходили в различных армиях». Ф. Лю (*F. F. Liu. A Military History of Modern China* Princeton, 1956, p. 22—23) пишет о трениях, но датирует их значительно более поздним временем.

264. «Documents...», p. 210.

265. *Ibid.*, p. 238—244. Если на документе дата — ноябрь 25, 1925 г. — это подлинный документ. Свидетельств о последующей публикации документа нет. Но в партийном журнале «Сяндао чжоубао» от 3 декабря 1925 г. в аналогичном ключе была опубликована статья Чэнь Дусю «Что представляют собой правые и левые в Гоминьдане?»

266. «Documents...», p. 211—212.

267. См. гл. 40.

268. «Documents...», p. 212. Часть первой версии речи, опубликованной в 1926 г., с выражением особого отношения к Бородину, позже была опущена.

269. *Ibid.*, p. 214. См. также: *K. Fuse. Soviet Policy in the Orient*, p. 338. Автор приводит речь Чан Кайши от 6 января 1926 г. в военной академии, в которой Чан Кайши характеризует коммунизм как существенную часть суньятсеновского учения о трех народных принципах. Тан Линли, однако, считает, что статья в журнале академии появилась раньше и датируется 5 декабря 1925 г. (*Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution*, p. 232—233).

270. «*Internationale Presse-Korrespondenz*», No. 25, 1926, S. 360—361.

271. «Documents...», p. 213. Подробнее о коммунистической фракции: *ibid.*, p. 507, note 25. В соответствии с другим источником, было 278 делегатов, 168 принадлежало к «левому и коммунистическому крылу», 65 — к центру,

- 45 — к правым («Коммунистический Интернационал», № 8, 1927, с. 9—10).
272. «Новый Восток», 1927, № XVIII, с. 4—26. Короткий отчет о съезде был опубликован на китайском языке.
273. «Крестьянский Интернационал», № 3—5, 1926, с. 169—173.
274. «Новый Восток», 1927, № XVIII, с. 26—39.
275. В русском переводе резолюцию см.: А. Ивин. Красные пики, с. 144—147. Сокращенный английский текст в книге: Т. С. Woo. The Kuomintang and the Future of the Chinese Revolution, 1928, p. 194—195.
276. Ibid., p. 196—198.
277. Ibid., p. 199—200.
278. «XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 579—580.
279. «Большевик», № 4, 1926, с. 58—59.
280. «Documents...», p. 213.
281. «Правда», 26 января 1926 г.
282. Т. С. Woo. The Kuomintang and the Future of the Chinese Revolution, p. 170.
283. О позиции коммунистов см. выступление Чжан Готао в журнале «Сяндао чжоубао», 20 февраля 1926 г., цит. по: «Documents...», p. 213.
284. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 21, S. 330.
285. «Documents...», p. 214.
286. Ibid. В соответствии с позднейшими источниками Дай свое избрание объяснял поддержкой Чана. В своем дневнике, опубликованном в 1936 г., Чан Кайши зафиксировал беседу с Сунь Фо 11 января 1926 г., в которой Чан допускал, что он предпочел бы отложить решение об исключении шишаньцев (ibid., p. 215). См. также: М. Н. Roy. Revolution and Counter-Revolution in China. Calcutta, 1946, p. 394. Автор приводит список семи членов Постоянного комитета (он называет его Политбюро), из которых только один Тань Пиншань был коммунистом. Но этот источник часто неточен в деталях.
287. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, S. 300—361; «Большевик», 1926, 28 февраля, с. 57—60.
288. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 34, S. 471—473.
289. Этот акцент был сделан в хорошо информированной и сбалансированной статье в журнале «Большевик», 1926, № 4, с. 49—63; статья Войтинского о политике Китая, написанная, видимо, в январе—феврале 1926 г. и опубликованная в журнале «Коммунистический Интернационал», 1926, № 4 (53), с. 5—23, едва упоминает о Кантоне и совсем не рассматривает его как фактор первостепенного значения. Из 18 статей по китайской теме в «Internationale Presse-Korrespondenz» за первые три месяца 1926 г. 9 были посвящены отношениям с Чжан Цзолинем и только 2 — отношениям с Кантоном.
290. «China Year Book, 1926—1927». Tientsin (n. d.), p. 1099—1101; R. J. Pollard. China's Foreign Relations. 1927—1931. New York, 1933, p. 198—204.
291. «China Weekly Review», 1926, January 9, p. 174—175. «Japan Chronicle», January 14, 1926, p. 40.
292. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 17, 1926, S. 334.
293. См. выше, гл. 40.
294. «Известия», 8 и 10 октября 1925 г.
295. Радек считал случившееся симптомом ужесточения конфликта между СССР и империалистическими державами со времени «движения 30 мая» и высказал мнение, что Великобритания способствовала восстановлению отношений между Чжан Цзолинем и У. Пэйфу («Правда», 30 января 1926 г.).
296. 13 января 1926 г. поверенный в делах СССР в Берлине запросил германское правительство о возможности помощи германского консула в Харбине, чтобы предотвратить эту угрозу («Auswärtiges Amt», 1841/419227—8).
297. «Известия», 22 января 1926 г.; «China Year Book, 1926—1927», p. 1102—1103.
298. В. Ключников и А. Сабанин. Международная политика, с. 336—337; впервые опубликовано в «Правде» и «Известиях» 24 января 1926 г. Карахан направил 23 января 1926 г. ноту пекинскому правительству и Чжан Цзолиню («China Year Book, 1926—1927», p. 1104—1106).
299. «Правда», 24 января 1926 г.

300. См. ниже, гл. 42.
301. «Известия», 27 января 1926 г.
302. «Известия», 30 января 1926 г.; позже, 4 февраля 1926 г., Исполнительное бюро Профинтерна обратилось с протестом к рабочим всего мира, назвав Чжан Цзолиня «китайским Колчаком» за его нападения на профсоюзы и КВЖД («Международное рабочее движение», № 5, 1926, с. 24).
303. «Правда», 29 января 1926 г.
304. «Известия», 5 февраля 1926 г.; общество «Руки прочь от Китая» также опубликовало заявление, осудив «клеветнические измышления» в связи с событиями на КВЖД («Правда», 11 февраля 1926 г.).
305. L. Fisher. The Soviets in World Affairs, p. 648—650; «China Year Book», p. 1336.
306. «Documents...», p. 480, note 94.
307. Наиболее осведомленный источник, содержащий сведения об участниках совещания: K. Fuse. Soviet Policy in the Orient, p. 219—220. О совещании сообщала японская пресса («Japan Chronicle», April 15, 1926, p. 444; этот же источник ошибочно датирует совещание мартом). Евгений Чэнь сказал американскому консульскому чиновнику, что «Бородин выехал в Пекин для участия в совещании 17 представителей III Интернационала, ранее прибывших из Москвы, чтобы ознакомиться с реальной китайской ситуацией» (J. C. Huston. Sun Yatsen, the Kuomintang and the Russian-Chinese Political Alliance, p. 132—133). Но число 17 — это или ошибка, или заблуждение, и вряд ли шла речь о коминтерновском мероприятии. Приблизительная дата была зафиксирована последующей поездкой Кубяка в Шанхай и Кантон: он приехал в Кантон 13 марта 1926 г. Это было не первое подобное совещание. 28 апреля «Известия» опубликовали сообщение из Хабаровска о том, что Кубяк и Гамарник вернулись туда днем раньше из поездки в Пекин («где они обсуждали с Караханом дела, представляющие интерес для Дальневосточного региона и Маньчжурии») и Мукден, где они нанесли визит Чжан Цзолиню. Это дополнительное свидетельство пристального внимания партии к событиям в Северном Китае.
308. «Правда», 2 марта 1926 г. Фотография демонстрации имеется в книге: K. Fuse. Soviet Policy in the Orient, p. 369.
309. «Правда», 11 марта 1926 г.
310. «Известия», 24 марта 1926 г.; «Documents...», p. 330.
311. «Новый Восток», 1926, № 13—14, с. 1—16. «Развитие крестьянского движения в провинциях Шаньдун, Хунань, Гуанду, — писал Радек, — показало возможности и резервы национального движения» («Правда», 30 мая 1926 г.).
312. Радек, который опекал его в Москве, вспоминал в письме от 8—12 июля 1928 г. эти детали (Архив Троцкого, т. 1887). «Правда» 19 ноября 1925 г. опубликовала статью Ху Ханьминя, который писал, что «китайская революция — часть мировой революции, так же как отдельные части неотделимы от всего тела».
313. «Правда», 22 ноября 1925 г.; «Новый Восток», 1925, № 10—11, с. 367—369; «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.
314. «Правда», 1 января 1926 г.
315. См. ниже, гл. 44.
316. «Крестьянский Интернационал», № 1—2, 1926, с. 122—123; фотографию президиума собрания от 15 февраля 1926 г. с Ху Ханьминем, сидящим справа от Домбала, см.: там же, 1926, № 3—5, с. 170.
317. «VI расширенный пленум ИККИ», 1927, с. 2; замечания Бухарина см.: «Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», 1928, S. 8—9.
318. «VI расширенный пленум ИККИ», с. 8 Ху Ханьминь выступил также на митинге, организованном обществом «Руки прочь от Китая» по случаю первой годовщины со дня смерти Сунь Ятсена, 12 марта 1926 г. На заседании председательствовал Иоффе, выступали Троцкий, Радек и другие. Ху закончил речь следующими словами: «Да здравствует союз китайского народа с трудящимися массами мира! Да здравствует мировая революция!» («Правда», 14 марта 1926 г.).
319. См. выше, гл. 37.
320. «VI расширенный пленум ИККИ», с. 13—14.

321. См. ниже, гл. 40.

322. «VI расширенный пленум ИККИ», с. 186—188. Текст протеста см. также в: *«Internationale Presse-Korrespondenz»*, 1926, No. 37, S. 516. Так называемая «блокада» была установлена 21 февраля 1926 г., когда порты Кантон и Хуанпу были закрыты таможенными властями в ответ на захват груза забастовочным комитетом. Через четыре дня она была прекращена (после освобождения груза) (*A. J. Toynbee (ed.). Survey of International Affairs*, 1926, p. 287).

323. «VI расширенный пленум ИККИ», с. 280—281.

324. Там же, с. 509. Рой был председателем комиссии. Браун и Войтинский — секретарями. Комиссия образовала подкомиссии по французским колониям и Китаю («Правда», 1926, 19 и 20 февраля). Сведений о других членах комиссии и подкомиссий нет.

325. Здесь впервые появилась известная в коминтерновской литературе четырехчастная классификация ГМД. Она соответствовала традиционному четырехчастному делению китайского общества на шэньши, крестьян, торговцев и ремесленников. Было обращено большее внимание на реальности, чем у Сталина, который определял Гоминьдан как крестьянский элемент в этом союзе, но меньшее, чем у марксистской ортодоксии, — это послужило почвой для последующих нападок оппозиции на эту классификацию.

326. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 619—623.

327. В позднейшей литературе делалась ссылка на некое решение о принятии Гоминьдана в Коминтерн как «сочувствующей партии». Бухарин вроде полагал, что Зиновьев поддерживал эту меру во время VI расширенного пленума ИККИ (*«Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum»*, 1928, S. 138). Троцкий, очевидно, датируя этот случай временем после «20 марта» 1926 г., заявлял, что решение о приеме Гоминьдана в Коминтерн было принято в Политбюро и он единственный был против (*«Бюллетень оппозиции»* (Париж), 1930, № 15—16, с. 8). Но если решение и было принято, то оно, очевидно, не было осуществлено. Вместе с тем приветственная речь Ху Ханьминя VI расширенному пленуму ИККИ в феврале 1926 г. и подобная же речь гоминьдановского делегата VII расширенному пленуму ИККИ (ноябрь 1926 г.) не содержали ничего о членстве ГМД в Коминтерне; теоретическое замечание гоминьдановского делегата, что «Гоминьдан выполнит свою историческую роль под руководством Коминтерна», вряд ли может быть свидетельством о приеме.

328. «IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 87—90, 136—140.

329. «Международное рабочее движение», 1926, № 13, с. 7; «Международная солидарность трудящихся, 1924—1927», 1959, с. 186.

330. «VI расширенный пленум ИККИ», с. 462, 597. Вторая речь относится к 24 марта 1926 г. ежегодником *«China Year Book»*, 1928, p. 1341. В этот день речь, которая не имеет отношения к событиям в Кантоне, была напечатана в «Правде».

331. Обзор прессы по этому вопросу см.: *A. J. Toynbee (ed.). Survey of International Affairs*, 1926, p. 253—254.

332. «Известия», 21 марта 1926 г.

333. «Documents...», p. 30.

334. «Коммунистический Интернационал», № 4, 1926, с. 17.

335. «Documents...», p. 329, 363—364 (это протест Пекинского комитета КПК о разрыве отношений с 1-й национальной армией). В «Очерках истории Китая в новейшее время» (М., 1959, с. 144). Ли Дачжао называется организатором демонстрации 18 марта 1926 г.

336. Сообщение о дискуссии 25 марта 1926 г. и ходе ее обсуждения на Политбюро имеется в Архиве Троцкого, т. 870. В статье Троцкого в «Бюллетене оппозиции» (1929, № 3—4, с. 1—5) приводится отрывок из резолюции о КВЖД, где отмечалось, что она «разработана комиссией» и одобрена на Политбюро в апреле 1926 г., это может быть только ошибочной датировкой собрания от 25 марта.

337. Резолюция по КВЖД также отмечает, что «отдельные органы» повинны в некоторых недопустимых приемах великодержавности. Вопрос этот был,

очевидно, поставлен в связи с тяжелым впечатлением, произведенным «ультиматумом» Чичерина от 22 января 1926 г. (см. выше, гл. 40).

338. Обмен взаимными обвинениями по поводу этого предложения произошел между Троцким и Бухариным на VIII расширенном пленуме ИККИ в мае 1927 г. Троцкий назвал «фривольными и абсурдными» заявления, будто он предлагал капитулировать по вопросу КВЖД. Бухарин утверждал, что предложение Троцкого не ограничивалось повторением старой формулы и что он желал избавиться от КВЖД как от неудобного препятствия. Допускалось, что предложение было сделано и отвергнуто на Политбюро неофициально и не было включено в документы («Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», 1928, S. 40, 142).

339. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 33.

340. Карахан обвинялся в разжигании беспорядков в Пекине в ноябре 1925 г., более настойчиво обвинение было повторено в феврале и марте 1926 г. Корреспондент «Правды» 4 апреля 1925 г. сообщал из Пекина о кампании в прессе против Карахана.

341. См. ниже, гл. 40.

342. «Documents...», p. 184.

343. См. выше, гл. 40.

344. Эти решения приводятся только в: *H. K. Tong. Chiang Kaishek, v. I, 1937, p. 88—89.*

345. О визите Бородин см. выше, гл. 40. В воспоминаниях Чан Кайши отмечается, что у него была встреча с Бородиным накануне отъезда последнего («Documents...», p. 508), но содержание беседы не приводится. Это свидетельствует о том, что никакие крупные изменения политики не обсуждались. Мнение Фишера (*L. Fisher. The Soviets in World Affairs, v. II, p. 648—650*), что Бородин уже тогда поддерживал планы северной экспедиции и отправился на Север, чтобы уговорить Фын Юйсяна оказать поддержку этим планам, представляется несостоятельным. Из трех причин изменения своего мнения, выдвинутых Бородиным (см. ниже, гл. 40), первая начинает действовать в апреле 1926 г., а третья более убедительна и правдоподобна для апреля, чем для января. Наибольшая трудность в том, что более ранняя дата вынуждает нас предположить, что Бородин три месяца активно и тайно проводил политику, неприемлемую для Москвы. Но это не в его характере, и, хотя позже он был отстранен, подобное обвинение никогда не выдвигалось против него. Тогдашний иностранный журналист в Китае относил изменение позиции Бородина ко времени его возвращения в апреле (*G. Sokolovsky. The Tinder Box of Asia, 1932, p. 336*).

346. В соответствии с левогоминьдановскими источниками, во время отсутствия Бородина «его подчиненные советники в Военном совете... открыто принимали сторону коммунистов», и в результате накалялись отношения между ними и Чан Кайши (*Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution, 1930, p. 242*). Предположение, что Бородин был отозван из Кантона, так как его тесные отношения с Чан Кайши и Ван Цзинвэем смущали китайских коммунистов, вряд ли правдоподобно.

347. *J. C. Huston. Sun Yatsen, the Kuomintang and the Russian-Chinese Political Alliance, p. 114.*

348. «Новый Восток», 1926, № 12, с. 18. Иностранное сообщество в Китае того времени придерживалось следующей точки зрения на этот проект: «Северная экспедиция была на устах каждого со времени создания правительства. Это была часть суньятсеновской генеральной схемы объединения Китая, и она стала лозунгом партии. Но, поскольку исполнительные органы Гоминьдана крайне бездеятельны, им бы лучше не браться за это» («China Weekly Review», April 3, 1926, p. 120).

349. *L. Fisher. Men and Politics, 1941, p. 136.*

350. П. Муф. Китайская Коммунистическая партия в критические дни, 1928, с. 13.

351. Со времени отъезда Ху Ханьминя Ван Цзинвэй благодаря поддержке левых и КПК стал наиболее известным лидером в ГМД. Личное честолюбие и ревность к Ван Цзинвэю также заставляли Чан Кайши искать поддержку у правых (*H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, 1938, p. 104*).

352. Основанием для этого обвинения могло быть заявление в: *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, p. 112, о том, что некоторые советники «вызвали недовольство Чана, поскольку хотели предоставлять советы и материальную помощь в одинаковой мере всем армиям, а не только Чану». Согласно Степанову («Documents...», p. 258), Чан «сделал выговор Кисанько за предоставление помощи Юньнани и Гуанси»: это было сделано тайно и привело к подозрению, что Кисанько «не одобряет северной экспедиции».

353. Сравни с записями в дневнике Чан Кайши, опубликованном в 1936 г. («Documents...», p. 215—217). Документ был получен от советского агента (*ibid.*, p. 245—247) и не мог быть написан Кисанько, ибо автор его не был военным. Документ составлен в туманных и общих терминах, акцент в нем сделан на компрометирующих моментах, чего обычно избегали советские обозреватели (выдающаяся роль советских советников, зависимость ГМД и национального правительства от «нашего политического руководства», «наших гарантий» и т. д.), и носит все признаки подделки. Впервые опубликован в одном из пропагандистских памфлетов, изданных на английском языке в 1927 г.

354. *Ibid.*, p. 220.

355. См. выше, с. 107.

356. О прибытии сообщается в дневнике Чан Кайши («Documents...», p. 509, note 76); в дневниковой записи за 10 марта 1926 г. уже отмечались приготовления к встрече, которая, очевидно, рассматривалась как важная. Упоминается только Кубяк — он был главой миссии. Заявление Троцкого («Бюллетень оппозиции», 1930, № 15—16, с. 8), что Бубнов был с визитом в Кантоне, который «совпал с мартовским переворотом Чан Кайши», породило предположение, что Бубнов также был членом миссии. Это невозможно. Бубнов был членом ЦК партии и возглавлял ПУР; если бы он был в составе делегации, то по рангу — выше Кубяка. Рой позднее вспоминал, что Бубнов после «краткого визита в Китай» возвратился в Москву с предложением поддержать северную экспедицию (*R. North. Moscow and Chinese Communists. Stanford. 1953, p. 90*). Троцкий в приведенном отрывке предполагает, что Бубнов «заставил коммунистов подчиниться и успокоиться». Вероятнее всего предположить, что Бубнов посетил Кантон после того, как известие о перевороте 20 марта дошло до Москвы, и после апрельского заседания Политбюро, то есть в мае или июне 1926 г., когда северная экспедиция стала неизбежной.

357. Гоминьдановский источник, цитируемый в «Documents...» (p. 509, note 76), обвиняет Кубяка в провоцировании инцидента 20 марта. Это само по себе абсурдно. Но возможно, что это новое свидетельство оппозиции Москвы его сокровенному плану было последней каплей, которая спровоцировала Чан Кайши на выступление. Нечто подобное, будто рассказанное Евгением Чэнем, вошло в книгу: *J. C. Huston. Sun Yatsen, the Kuomintang and the Russian-Chinese Political Alliance*, p. 132—133.

358. Ли Чжилун, которого считали ответственным за весь инцидент, не подвергался преследованиям; он написал отчет под названием «Причины и последствия отставки Ван Цзинвэя», где говорится, что инцидент был подстроен Чан Кайши для оправдания переворота (*H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, 1938, p. 106*; копия хранится в Гуверовской библиотеке, Стэнфорд).

359. Источниками для освещения событий этих дней являются некоторые записи в дневниках Чан Кайши («Documents...», p. 220—224) и два доклада Степанова (советского генерала и предположительно старшего советника, возглавлявшего группу после отъезда Кисанько и Рогачева), написанные спустя несколько дней или недель (*ibid.*, p. 248—265). Материал, кажется, достоверен. О переговорах с Соловьевым сообщают оба источника.

360. «Documents...», p. 220—221.

361. В предполагаемом отчете советского военного атташе в Пекине от 3 июня 1926 г., захваченном в 1927 г. и имеющемся только в японском переводе, указывается на план Ван Цзинвэя сразу же после 20 марта сформировать античанкайшистский союз и, используя этот союз для нажима, заставить Чан Кайши не принимать требований антикоммунистической фракции Гоминьдана, но, добавлено там, «мы сочли это нецелесообразным» (*ibid.*, p. 267—268). Таинственная ремарка, что «товарищ Куйбышев поддерживает эту мысль», вос-

принимается как ошибка переводчика, который слышал о Куйбышеве, а не Кубяке; но предположение о плане Ван Цзинвэя, сначала поддержанном Кубяком, но затем отвергнутом по советской рекомендации, основывается на туманных аргументах (Куйбышев — это Кисанько. — *Ред.*).

362. Ibid., p. 223—224. Тан Линли не видит разницы между Тянь Янькаем, Чан Кайши и Т. В. Сунем; он пишет, что их объединяет «неопределенность политической окраски» (*Tang Lingli. The Inner History of the Chinese Revolution, 1930, p. 334*).

363. «China Year Book», 1928, p. 805. В одном из своих докладов военному атташе в Пекине зимой 1925/26 г. Кисанько жаловался на отсутствие постоянных курьеров и военного шифра: единственный секретный шифр, который фактически не был им, находился в офисе Бородина, но шифровальщик «часто направляет телеграммы, не кодируя» («Documents...», p. 199). Трудности в коммуникациях были связаны с военными действиями на Севере. «China Weekly Review» 27 марта 1926 г. сообщала, что железнодорожная связь между Шанхаем и Тяньцзинем отсутствует в течение пяти месяцев. В результате гонконгской забастовки связь с Кантоном оказалась особенно сложной.

364. «China Weekly Review» впервые о перевороте сообщила 3 апреля 1926 г. в своей информации из Кантона от 24 марта, утверждая, что Чан Кайши «преуспел в освобождении Кантона от всех антикрасных». В другой статье того же выпуска под заголовком «Яркая перспектива в Кантоне» сообщалось об аресте и изгнании «русских представителей при гоминьдановском правительстве». В номере от 10 апреля 1926 г. было первое связное сообщение о случившемся от китайского корреспондента в Кантоне от 1 апреля 1926 г. «Таймс» 24 марта, ссылаясь на Гонконг, без подробностей сообщала, что кантонское правительство «смело попыталось поставить экстремистов под свой контроль с целью ускорить решение вопроса о бойкоте Гонконга». Передовая от 24 марта «Беспорядок в Китае» мрачно отмечала, что «недавние события в Кантоне... могут также свидетельствовать о негативном отношении к контролю русских коммунистических авантюристов», но в основном речь шла о военной обстановке на Севере.

365. Статья перепечатана в журнале «Internationale Presse-Korrespondenz», No 53, 1926, S. 737—738.

366. «Documents...», p. 223.

367. Например, это не упоминалось в развернутой резолюции по китайскому вопросу, принятой VII расширенным пленумом ИККИ (ноябрь 1926 г.).

368. Основными источниками по апрельской дискуссии (1926 г.) являются два более поздних замечания Сталина (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 1, с. 20—21, 24, 155). В первом случае предложение о выходе из ГМД приписывалось Зиновьеву. Во втором — «оппозиции», Троцкий не упоминался. Троцкий зафиксировал появление Бубнова, но о своем участии ничего не сказал («Бюллетень оппозиции», 1930, № 15—16, с. 20). Везде Троцкий упоминал, что выдвигал свое предложение о выходе «в 1925 г., одновременно с тезисами о КВЖД» (*L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution. New York, 1932, p. 19*). Эти тезисы заслушивались на Политбюро 25 марта 1926 г. или вскоре после этого. Недостаточность последующих ссылок на эту дискуссию, ремарка Бухарина на VIII расширенном пленуме ИККИ (май 1927 г.), что после переворота 20 марта 1926 г. «товарищи Зиновьев и Троцкий заседали в Политбюро и несут такую же ответственность, как и все остальные из нас за решения, принимавшиеся в то время» («Die Chinesische Frage auf dem 8. Plenum», 1928, S. 10), дают возможность предположить, что вопрос не вызывал слишком серьезных возражений. И только после «измены» Чан Кайши коммунистам летом 1927 г. оппозиция и особенно Троцкий начали усиленно претендовать на то, что систематически были против союза с ГМД. Некоторые члены партии были вообще против вступления коммунистов в Гомиьдан («Большевистская революция...», т. 3, гл. 34), и может быть, Троцкий или Зиновьев были среди них. Но эта политика не вызвала официального протеста, и любые возражения против нее забыты за последующие три года. Троцкий был непоследователен в своих воспоминаниях. В неопубликованном меморандуме от 27 сентября 1926 г., содержащемся в Архиве Троцкого (т. 3008), он описывает участие КПК в Гомиьдане как «совершенно правильное» для периода до 1925 г., когда она только «готовила себя к *независимой*

политической деятельности». В письме от 10 декабря 1930 г. он заявлял, что «с самого начала, то есть с 1923 г.», был категорически против участия (*L. Trolsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 19; ср.: «Бюллетень оппозиции», 1931, № 19, с. 27, где это отношение приписывалось «оппозиции 1923 г. за исключением Радека и некоторых его друзей»).

369. «Крестьянский Интернационал», 1926, № 3—5, с. 179—183.

370. «Documents...», p. 221—222.

371. *Ibid.*, p. 254—265. Даты нет, но она может быть установлена по косвенным данным — документ начинается замечанием, что Пекин оставлен национальной армией под натиском сил Чжан Цзолиня 15 апреля 1926 г. При этом отмечается, что так сообщила «сегодняшняя кантонская пресса». Доклад Степанова подготовлен ранее, возможно, в конце марта («Documents...», p. 248—253).

372. *Ibid.*, p. 261.

373. *Ibid.*, p. 259.

374. *Ibid.*, p. 220.

375. *Ibid.*, p. 257—258, 261.

376. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 53, 1926, S. 738.

377. «Documents...», p. 333; «Известия» 11 апреля 1926 г. сообщила о низложении Дуань Цижуя в статье «Бескровная революция в Пекине».

378. *Ibid.*, 22 апреля 1926 г. в предполагаемом письме от У к Чжану говорится, что «Фын Юйсян — предатель и находится в тесных отношениях с русскими», но, согласно статье Тань Пиншаня в «Коммунистическом Интернационале» (1926, № 4, с. 18), У и Чжан не смогли договориться, так как не пришли к компромиссу по Пекину.

379. Намеки на желание У Пэйфу двинуться в южном направлении появились, как говорят, в китайской прессе примерно в феврале 1926 г. Британия предполагала оказать поддержку («Большевик», № 4, 1926, с. 60). Но первое продвижение в Хунань состоялось в начале апреля.

380. «Известия», 16 апреля 1926 г.

381. *R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1919—1931*, p. 204. Корреспонденция, видимо, не была опубликована, но обмен нотами между советским генконсулом (от 9 и 11 апреля) и департаментом по иностранным делам Чжан Цзолиня (от 12 апреля) вылился в заключение соглашения с Серебряковым.

382. «Известия», 10 апреля 1926 г. В послании из Харбина сообщалось об интервью с Серебряковым от 6 апреля — возможно, это дата его прибытия — и о том, что 8 апреля его тепло принял Чжан Цзолинь.

383. Там же, 18 апреля 1926 г.; «Japan Chronicle» (Kobe), April 15, 1926, p. 442; *K. Fuse. Soviet Policy in the Orient. Peking*, 1927, p. 374.

384. Заявление было подытожено в «Известиях» 24 апреля 1926 г. и прозвучало в тот же день в речи Литвинова в Университете трудящихся Китая («СССР: ЦИК 3-го созыва, 2-я сессия», 1926, с. 1064—1065).

385. «Известия», 3 апреля 1926 г.

386. Об этих передвижениях см.: «Documents...», p. 330—331. О поездке Бородина через Улан-Батор см.: *L. Fisher. The Soviets in World Affairs, 1930*, v. II, p. 651—652.

387. «Правда», 11 мая 1926 г.

388. Ху Ханьминь, приняв участие в собрании, посвященном годовщине смерти Сунь Ятсена, 12 марта 1926 г., на следующий день уехал из Москвы и прибыл во Владивосток 25 марта 1926 г. («Правда», 26 марта 1926 г.).

389. Дата зафиксирована в дневнике Чан Кайши, процитированном в: «Documents...», p. 227.

390. *Ibid.*, p. 262.

391. «Правда», 30 апреля 1926 г. Не ясно, идентичен ли данный документ (приписанный «Правдой» «Политбюро» ГМД) «циркулярной телеграмме» (осудившей шианьскую конференцию в Шанхае), которая была издана Чан Кайши и которая датируется — видимо, на основании его дневника — 4 апреля 1926 г. («Documents...», p. 223).

392. Л. Фишер (*L. Fisher. The Soviets in World Affairs, 1930*, v. II, p. 652) ссылается на эти увольнения как на «второй переворот 25 апреля»; это явное преувеличение, заимствованное у Бородина. Поворот Чан Кайши против правых

впоследствии приписывался «волнениям среди рабочих и крестьян и недовольству среди лучших подразделений армии» в результате переворота 20 мая («Коммунистический Интернационал», 1927, № 11 (85), с. 5), но это не было подтверждено ни одним свидетельством.

393. Заявление трех членов ЦК ВПК(6), посетивших Китай весной 1927 г., что Бородин после переворота 20 марта 1926 г. был за выход из ГМД (*L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*, p. 406—407), и подобное заявление относительно Вейтинского (*ibid.*, p. 454), почти определенно основаны на недоразумении. Бородин хотел «применять наступательную тактику» для усиления союза с левыми гоминьдановцами с целью контрнаступления против правых. «Мы должны сами произвести свое 20 марта», — говорилось в докладе Чэнь Дусю на V съезде партии (*П. Муф. Китайская Коммунистическая партия в критические дни, 1928*, с. 37). Позиция Чана создавала иллюзию, что это осуществимо.

394. Данные из дневника Чана цитируются в: «Documents...», p. 227.

395. Эти причины перечислил Бородин в разговоре с Фишером (*L. Fisher. The Soviets in World Affairs, 1930*, p. 648). Карахан, как говорят, также был против разрыва с Чан Кайши (*ibid.*, p. 653).

396. «Documents...», p. 230.

397. «Documents...», p. 228—229. Резолюция впервые была опубликована год спустя; перевод см. в: *T. C. Woo. The Kuomintang and the Future of the Chinese Revolution, 1928*, p. 175—177. В книге также дан очерк вопроса об общей резолюции об отношениях между партиями.

398. «Documents...», p. 229, 512, note 102.

399. *Ibid.*, p. 230, 266—267, 512, note 106; *Tang Leangli. The Inner History of the Chinese Revolution*, p. 247. Автор сообщал, что Ху Ханьминь снова примкнул к правым сразу после своего возвращения из Москвы.

400. *C. Brandt. Stalin's Failure in China, 1958*, p. 82.

401. «Documents...», p. 229—230.

402. *Ibid.*, p. 268.

403. *Ibid.*, p. 230.

404. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 10, с. 155 (комментарии Сталина см. выше).

405. Не позднее 4 августа 1924 г. в предполагаемом докладе Китайской комиссии ИККИ («Documents...», p. 512, note 108) перечислялись возражения против экспедиции; но подлинность документа не установлена.

406. См. гл. 40.

407. «Большевик», 1927, № 23—24, с. 101. Чэнь Дусю представил позднее два отчета об этих событиях — первый, цитируемый в книге, в своем докладе V съезду КПК в июне 1927 г. (см. с. 303, прим. 237); второй — в своем письме от 10 декабря 1929 г., после выхода из партии (см. гл. 39). Во втором отчете Чэнь утверждает, что в один из дней после 20 марта 1926 г. он писал в Коминтерн о своем личном мнении, сводившемся к необходимости отказа от членства в Гоминьдане и замене внешнего союзника, и резкой критике этого мнения со стороны Бухарина, опубликованной в одной из статей газеты «Правда». Подобной статьи не оказалось; но «Правда» опубликовала 12 июня 1926 г. резолюцию Ленинградской партийной организации по докладу Бухарина (и, вероятно, составленную им же); в ней говорилось, что в связи с «временным спадом» в развитии китайской революции КПК «должна удесятерить свои усилия для подготовки масс к новому революционному подъему, сохраняя в то же время организационные связи с Гоминьданом». Согласно докладу Степанова в первой половине апреля 1926 г., Чэнь в то время согласился с политикой примирения, а ЦК партии принял резолюции о необходимости «всемерно использовать Чан Кайши»; однако представители ЦК в Кантоне все еще считали, что «если коммунистам и левым гоминьдановцам придется противостоять Чан Кайши в Кантоне, то он будет отчужден и изолирован» («Documents...», p. 255, 264). Значительно позже предполагалось, что партийная организация Гуандуна поддерживала отстранение Чан Кайши, захват руководства Гоминьдана коммунистами и изгнание правых (*ibid.*, p. 225—226). Могут обсуждаться любые сумасбродные планы, однако источники их сомнительны.

408. «Сяндао чжоубао», 23 апреля 1926 г., с. 1413—1415 (цит. в: «Documents...», р. 221).

409. «Правда», 30 апреля 1926 г.

410. Единственная запись о решении содержалась в выступлении Зиновьева на пленуме ЦК ВКП(б) и Центральной Контрольной Комиссии 19 июля 1926 г.; в Архиве Троцкого (т. 886) она известна как Заявление к стенограмме Объединенного пленума ЦК и ЦКК; Троцкого на пленуме не было, он был в Берлине; сделанная через несколько недель после самого события и в условиях, содействующих возникновению прямых сомнений, эта запись, видимо, соответствует действительности. В записи нет ничего о позициях участников пленума.

411. «Сяндао чжоубао», 9 июня 1926 г., с. 1525—1526, 1526—1532. Цитата из письма Чэня, приведенная в книге: *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, 1938, p. 114—115, — не очень точно отражает суть вопроса. Ссылка в книге: *L. Trotsky. The Real Situation in Russia*, 1928, p. 150, на письмо Чэня от 4 июля (!) 1926 г. (о том, что «суньятсенизм является «общей верой» рабочих и буржуазии в национальном движении») вообще не на эту тему.

412. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 8 (82), с. 11—12; видимо, рабочее законодательство не действовало в Кантоне, и профсоюзы теоретически были все еще нелегальны (там же, 1928, № 11, с. 4).

413. «Проблемы Китая», 1929, № 1, с. 10.

414. *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, 1938, p. 121.

415. Чэнь сообщал об этом эпизоде в письме от 10 декабря 1929 г.; имя «делегата Интернационала» не названо. Но это не мог быть Войтинский, который упомянут отдельно в следующем параграфе письма (под именем У Тин-кон) как глава Дальбюро Коминтерна. Вполне возможно, что речь идет о Бородине. Бородин также назывался тогда «представителем Интернационала» («Бюллетень оппозиции», 1980, № 15—16, с. 20).

416. «China Weekly Review», 1926, April, p. 210.

417. См. выше, с. 127. В то время циркулировали слухи, что У вел переговоры о займе от Гонконга в 10 млн. долларов для борьбы против национального правительства («Documents...», p. 512, note 106).

418. Хильгер, который, возможно, более тесно, чем другие иностранцы, был связан с НКИД, сообщил о столкновении между Чичериным, выступавшим за «развитие и углубление» революции в Китае, и Литвиновым, готовым «продать Китай Англии» (*G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 112). Если это действительно имело место, то, очевидно, в 1926 или 1927 г. В то время лишь однажды велись поиски понимания с Великобританией за счет китайской революции — когда шли переговоры о прекращении гонконгской забастовки.

419. *L. Fisher. The Soviets in World Affairs*, v. II, p. 645. Среди документов, якобы захваченных в советском посольстве в Пекине в 1927 г., был доклад китайской комиссии Политбюро РКП(б) от 4 августа 1926 г., рекомендовавшей, помимо прочего, урегулирование гонконгской забастовки («China Year Book», 1928, p. 805).

Глава 41. Внешняя Монголия

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

2. Там же, т. 1, гл. 11.

3. *И. Майский. Современная Монголия*. Иркутск, 1921, с. 331.

4. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

5. «Революционный Восток», № IV—V, 1928, с. 361; возможно, под декретом имеется в виду закон, описанный в: *А. Калинин. Революционная Монголия* (без даты [1925]), с. 78.

6. Слово «арат», или «арад», в монгольском языке означает «народ» (или «простой народ»), и словом «араты» в Монголии называли в ту пору тех, кого нужно было отличать от князей и лам. Большинство из них было пастухами, хотя данное слово и не имело такого значения. В русских работах монгольское слово «араты» трактуется как «крестьяне» и среди аратов нередко выделяют аратов-бедняков, аратов-средняков и зажиточных аратов.

7. И. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. Москва, 1957, с. 189.

8. В докладе на III съезде Монгольской народной партии (с. 49) говорилось о трех провинциях, однако, по выступлению министра внутренних дел (там же, с. 67), провал был всеобщим. О выборах 1924 г. см. ниже, с. 145.

9. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 90—91; о дальнейших просьбах прислать советских военных инструкторов см. там же, с. 96. Как говорил сам Ринчино на III съезде партии в августе 1924 г., он впервые посетил Москву в 1920 г. в составе первой монгольской делегации («Большевистская революция...», т. 3, гл. 33), затем он работал в Монгольско-тибетской секции секретариата Коминтерна в Иркутске и позднее вернулся во Внешнюю Монголию с инструкциями данной организации («III съезд Монгольской народной партии», с. 17—18, 201—211). О бесплодной попытке организовать монгольское войсковое соединение с помощью русских инструкторов в 1913—1914 гг. см.: *G. Friters. Outer Mongolia and its International Position*, 1949, p. 92—93.

10. См. выше, гл. 40.

11. «Известия», 2 ноября 1923 г. В номере от 28 ноября 1923 г. содержался детальный рассказ о назначении старого чиновника Цэрэн-Дорджи, который служил при многих режимах и ни с одним не поссорился; его основным соперником был Данзан, бывший министр финансов и ныне главнокомандующий вооруженными силами (см. ниже, гл. 40).

12. Там же, 12 января 1924 г.

13. «China Year Book, 1924—1925», p. 582.

14. «Известия», 19 января 1924 г.

15. «North China Herald», Shanghai, March 15, 1924; Цит. по: *G. M. Friters. Outer Mongolia and its International Position*, p. 127.

16. См. выше, гл. 40.

17. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 33.

18. *В. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР*, 1956, с. 140; среди документов, представленных на просмотр комиссии, был текст английской конституции.

19. Этот текст воспроизводился в конституции, принятой в ноябре 1924 г. («Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 239—240; *А. Калининков. Революционная Монголия*, с. 77—78), где данный декрет назван «актом перехода Монголии от теократической монархии к демократической республике», который, как говорят, не встретил сопротивления среди населения. О переносе печати Богдо-гэгэна сообщалось в «Ургинской газете» от 28 мая 1924 г.; решение об учреждении республики было принято Президиумом ЦК партии 3 июня 1924 г. и передано на утверждение ЦК (там же, 4 июня 1924 г.); затем, 7 июня того же года, оно было утверждено пленумом ЦК партии, получило форму официального декрета ЦК и правительства от 16 июня 1924 г. и опубликовано 25 июня 1924 г. (*Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР*, с. 115—116).

20. *И. Майский. Современная Монголия*, с. 16 (данные по провинции, как о численности китайцев, так и русских, имеют оценочный характер, поскольку переписи не проводилось). Из 100 тыс. китайцев лишь около 5 тыс. занимались сельским хозяйством и осели в этой стране, около 75 тыс. занимались торговлей, не жили здесь постоянно и обычно через несколько лет возвращались в Китай. Из 5 тыс. русских, приехавших сюда преимущественно после 1911 г., 4 тыс. были «людьми торгового класса», которые прибыли в эти края из Бийска или Кяхты с целью устроиться здесь на жительство (*И. Майский. Современная Монголия*, с. 70—72, 88). Из городского населения 64% составляли китайцы и русские (там же, с. 108). К 1925 г. население Монголии, говорят, возросло до 615 978 человек («Крестьянский Интернационал», № 3—5, 1926, с. 97); к концу 20-х годов оно, согласно оценке, составляло 840 тыс. человек, из них 760 тыс. монголов, 50 тыс. китайцев и 30 тыс. русских («Сибирская Советская Энциклопедия», т. 3, 1932, с. 512).

21. *И. Майский. Современная Монголия*, с. 121—122; автор взял эти данные из переписи 1918 г.; похоже, что этими же данными пользовался и И. Златкин

(Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 204), когда говорил о том, что в 1926 г. церковно-феодалным священнослужителям принадлежала почти четверть поголовья скота в стране.

22. В 1924 г. 12 тыс. аратских хозяйств арендовали скот в монастырях (там же, с. 209—210).

23. Согласно данным переписи 1918 г., мужское население делилось следующим образом: ламы и монахи — 44,6%, свободные араты — 26,2, бывшие крепостные — 16,5, дворяне — 5,6, князья — 0,1, прочие — 7% (И. Майский. Современная Монголия, с. 29); утверждалось, что в 1928 г. доля лам и монахов среди мужского населения сократилась до 36% («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 493).

24. И. Майский. Современная Монголия, с. 310.

25. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 33.

26. «Die Jugend-Internationale», 1923, No. 9, S. 285; 1925, No. 3, S. 35—36.

27. «Internationale Jugend-Korrespondenz», 1921, No. 37, S. 4—5.

28. «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока», 1922, с. 290; «Правда», 31 января 1922 г. (в то время МРСМ объединял в своих рядах всего 300 человек).

29. «Правда», 5 февраля 1922 г.

30. «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока», с. 305; четыре делегата съезда из монголов были неграмотными (там же, с. 293).

31. «Die Jugend-Internationale», No. 9, 1923, S. 286; несколько лет спустя один из китайских путешественников счел необходимым отметить позитивный вклад ревсомола в рост грамотности и национального самосознания, знаний и инициативы среди молодых монголов (*Ma Ho-t'ien*. Chinese Agent in Mongolia. Baltimore, 1949, p. 107—108).

32. Это нашло свое выражение, в частности, в резолюции I съезда революционных организаций Дальнего Востока.

33. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

34. Однако на протяжении всех 20-х годов МРСМ оставался лишь «сочувствующей организацией» в рядах КИМа и монгольский ревсомол даже называли «единственной некоммунистической молодежной организацией в составе КИМа» («Die Jugend-Internationale», 1927, No. 7, S. 38; 1927, No. 12, S. 40).

35. А. Калинин. Революционная Монголия, с. 88—90.

36. «Bericht vom 3. Kongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 221, 281.

37. Полный текст программы не удалось найти; приведенный отрывок взят из книги «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии» (1925, с. 16). Об отношении КИМа см.: «Die Jugend-Internationale», 1923, No. 9, S. 285—286.

38. «III съезд Монгольской народной партии» (без даты), с. 30, 33.

39. Там же, с. 37.

40. «Die Beschlüsse des IV. Kongresses der KJI», 1924, S. 64.

41. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», 1925, с. 72.

42. «Новый Восток», № XII, 1926, с. 186.

43. «III съезд Монгольской народной партии», с. XVIII.

44. Там же, с. XVI; полный текст данной платформы достать не удалось, и поэтому остается гадать, составлялась она на монгольском или на русском языке.

45. «III съезд Монгольской народной партии», с. XVI—XVII.

46. Там же, с. 32.

47. «Северная Азия», № 2, 1928, с. 84.

48. «III съезд Монгольской народной партии», с. 33—34.

49. Решение о приеме Монгольской народной партии в Коминтерн на правах сочувствующей партии, по-видимому, не публиковалось, но можно определенно утверждать, что ее приняли в Коминтерн на III конгрессе, в июне — июле 1921 г., когда двум делегатам от Внешней Монголии был предоставлен такой же «совещательный» статус, как делегатам от Туркестана, Хорезма и Бухары («Protokoll des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1921, S. 148,

1070). Два делегата от Монгольской народной партии, ошибочно названные представителями «Монгольской коммунистической партии», были в заключительные дни работы конгресса избраны в состав ИККИ, но не смогли присутствовать на его первом заседании 13 июля 1921 г. («Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума КИ», 1922, с. 5—8). На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. единственный монгольский представитель вновь имел только совещательный голос, поскольку «партия еще не вступила в Коммунистический Интернационал» («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 367). В stenogramмах V конгресса в июне—июле 1924 г. содержатся противоречивые высказывания о статусе представителей Внешней Монголии («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, II, с. 246, 282). Монгольский делегат был избран в комиссию по национальному и колониальному вопросу (там же, 252).

50. Оба этих документа цитируются в книге «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии» (1925, с. 15—16). Из приведенных цитат ни одна не встречается в опубликованных документах Коминтерна. Заключение доклада опущено в приведенном отрывке и цитируется в: «Новый Восток», № X—XI, 1925, с. 205—206, где слово «революционная» в названии партии — анахронизм.

51. «III съезд Монгольской народной партии», с. 1—2.

52. Там же. Сравнительно хорошим типографским оборудованием в Урге в то время располагала только типография в помещении советской миссии, хотя решение о создании гостипографии при ЦК МНП было принято еще в июле 1921 г. (Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 98).

53. «III съезд Монгольской народной партии», с. 2—3.

54. Ринчино помогал составлять отчетный доклад съезду («III съезд Монгольской народной партии», предисловие), это может частично объяснить значение, придаваемое его выступлениям.

55. «III съезд Монгольской народной партии», с. 3—7.

56. Там же, с. 8.

57. Там же, с. 27—28.

58. Там же, с. 38.

59. Там же, с. 39—46; любопытно сопоставить эти шесть пунктов программы партии с их изложением, приведенным в книге: А. Каллиников. Революционная Монголия, с. 86. Подлинник брошюры с докладом не доступен, не ясно, появился он на русском или на монгольском языке.

60. «III съезд Монгольской народной партии», с. 36. Отчет необычно откровенен по поводу заседаний: «Заседание проходит очень тоскливо, выступающие повторяются, обсуждение носит рутинный характер» (там же, с. 56).

61. Там же, с. 31—32, 46—48.

62. Там же, с. 34—35, 51—56.

63. Материалы об этом инциденте см.: «III съезд Монгольской народной партии», с. 60—62, 73—74.

64. «Новый Восток», 1926, № XII, с. 188; владения Богдо-гэгэна не входили в хошуны, которые подчинялись князьям; ими управляла так называемая *шабинская* администрация (И. Майский. Современная Монголия, с. 271).

65. В 1924 г. ревсомол насчитывал 4 тыс. членов, из них 90% составляли араты; в союзе было 300 женщин (А. Каллиников. Революционная Монголия, с. 88—90). «Ургинская газета» от 28 мая 1924 г. сообщала о лекции, прочитанной 24 мая Эренбургом для членов ревсомола, о природе капитализма. Присутствовали 45 слушателей; Эренбург был советским «инструктором», присланным из Москвы, чтобы возглавить работу орготдела Монгольской народной партии. Через год он был «отстранен» («III съезд Монгольской народной партии», с. 28).

66. «III съезд Монгольской народной партии», с. 37; Гомбоджап, как говорилось, «только что возвратился на родину из Москвы, где он прошел курс обучения в Университете трудящихся Востока» (там же, с. 8).

67. В январе 1922 г. на проходившем в Москве I съезде трудящихся Дальнего Востока Бунин-Нэмху называли просто монгольским делегатом, не упоминая

о его деятельности в ревсомоле («The First Congress of Toilers of the Far East», Hamburg, 1922, p. 150—151); на одной из никак не датированных фотографий, опубликованных в журнале «Новый Восток» (1926, № XII, с. 191), он присутствует среди членов ЦК МНРП.

68. «III съезд Монгольской народной партии», с. 107—108; прежде Бунин-Нэмху поддерживал обособление ревсомола в отдельную левую партию (там же, с. 195).

69. Там же, с. 112—114.

70. По более поздним данным, ревсомолу надоели постоянные «тактические зигзаги» Ринчино («Северная Азия», № 2, 1928, с. 90).

71. «III съезд Монгольской народной партии», с. 74.

72. 4—31 августа 1924 г. состоялись 23 заседания съезда; в документах заседания нумеровались, но не датировались.

73. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

74. «III съезд Монгольской народной партии», с. 164, 167—170.

75. Перипетии 18-го заседания съезда освещены в книге «III съезд Монгольской народной партии» полнее, чем других заседаний (с. 159—194).

76. Там же, с. 208—213.

77. Там же, с. 222—225.

78. И. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 191.

79. Официального протокола о переименовании партии не найдено, однако отмечается изменение названия партии в официальных документах после III съезда.

80. Цит. по: Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 124; однако данная резолюция не включена в книгу «III съезд Монгольской народной партии».

81. См. выше, гл. 37.

82. Год спустя так было оценено значение III съезда партии: «В прошлом году стало ясно, что в рядах нашей партии находились элементы, выступающие за возрождение капитализма на основе частной собственности. Их возглавлял Данзан. В результате произошел раскол партии на правых и левых. На III съезде правые во главе с Данзаном попытались навязать партии свой курс, но были разбиты; одержавшие победу левые твердо решили придерживаться классового подхода и стали ориентироваться исключительно на средних и бедных аратов» («Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», 1925, с. 14).

83. Первые сообщения о III съезде МРСМ см.: «Ургинская газета», 13 сентября 1924 г. (так датирован номер, в действительности опечатанный 16 сентября 1924 г.); последующие номера газеты с сообщениями о съезде достать не удалось.

84. См. выше, гл. 41.

85. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого Хурулдана», 1925, с. 181; подробности территориально-административного деления республики тех лет, сведения о провинциях (аймаках), землях (хошунах), районах (сумунах) и деревнях (багах) см.: И. Майский. Современная Монголия, с. 267—274.

86. «III съезд Монгольской народной партии», с. 67—68: Ринчино охарактеризовал результаты выборов на периферии как «поражение феодалов на 90 процентов» (там же, с. 73).

87. Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 128.

88. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 1—3.

89. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 19; «Ургинская газета», 7 ноября 1924 г.

90. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 16—18; А. Каллиников. Революционная Монголия, с. 95—96.

91. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 239—249; Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 141.

92. См. выше, гл. 41.

93. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 6.

94. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 249—260.

95. Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 139.
96. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. XIV.
97. «Известия», 12 марта 1925 г. и 6 марта 1925 г. Карахан официально уведомил пекинское правительство о завершении вывода войск из Внешней Монголии. О ранее проходившем выводе войск см. в книге: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
98. В. Виленский. Современная Монголия, 1925, с. IV.
99. Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 125.
100. Сравни с цифрами, приведенными в журнале «Новый Восток», 1926, № XII, с. 185.
101. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 22, 35.
102. С полным текстом программы ознакомиться не удалось; отрывки из нее см. в журнале «Новый Восток», 1925, № X—XI, с. 207—210; «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 46. Говорят, что Ринчино защищал панмонгольское движение 1919 г., в котором он сам участвовал, как «демократическое».
103. См. выше, гл. 41.
104. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 266—268.
105. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 266—268.
106. Там же, с. 269; Ринчино как бы предвидел, что Сталин в 1926 г. перечислит пять «каналов», или «приводных ремней», через которые осуществляется диктатура пролетариата: профсоюзы, советы, кооперативы, комсомол и партия (И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 32—35). Правда, эта идея не была новой: еще в 1923 г. Сталин уже называл семь «приводных ремней», соединяющих партию с рабочим классом («Большевистская революция...», т. 1, гл. 9).
107. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 270—272.
108. «Известия», 19 декабря 1924 г.
109. «Известия Улан-Батор-Хото», 23 июня 1925 г.
110. Из 5527 членов профсоюзов в 1928 г. 3458 были китайцами и 335 — русскими; специальная русская секция упоминалась в «Известиях Улан-Батор-Хото», 23 февраля 1926 г.
111. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 2—4, 102, 5—6.
112. Там же, с. 13, 17.
113. Там же, с. 23—24.
114. Там же, с. 22, 34, 41.
115. Там же, с. 56, 73.
116. Там же, с. 85.
117. См. выше, гл. 41.
118. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 44—53. Сообщалось, что первые проекты программ партии Монголии и Танну-Тувы были одобрены Восточным отделом ИККИ («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 333), однако неясно, на какой стадии это произошло.
119. «Известия Улан-Батор-Хото», 5 декабря 1925 г.; первая «Всемонгольская конференция женщин» состоялась в конце 1925 г. («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 68).
120. «Известия Улан-Батор-Хото», 20 октября 1925 г.
121. «Die Jugend-Internationale», 1926, No 6, S. 47.
122. После съезда Нацов писал в журнале КИМа о том, что «союз проводит свою работу в идеологически-политическом контакте с партией» (ibid., 1925, No. 3, S. 37); в этой же статье руководящими принципами организации союза назывались демократический централизм и строгая дисциплина. Через год в том же журнале утверждалось, что «Монгольский революционный союз молодежи работает под политическим руководством Народно-революционной партии» (ibid., 1927, No. 7, S. 38).
123. Ibid.

124. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 505.
125. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 8—9.
126. Там же, с. 93, 98; статья в журнале «Новый Восток» дает наглядную картину перевоспитания солдат Монгольской народной армии инструкторами политотделов: «Молодой монгол, неуклюжий, полный предрассудков, с косой на голове и бурханчиками на шее при вступлении в армию, возвращается домой совершенно новым человеком, грамотным и сознательным, с расширенным горизонтом и реформаторским пылом» («Новый Восток», 1926, № XII, с. 185).
127. См. выше, гл. 41.
128. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 163, 200. И. Майский в книге «Современная Монголия» (Иркутск, 1921, с. 276) приводит следующие цифры, характеризующие общую численность аппарата министерств разного профиля при Богдо-гэгэне в 1920 г.: в министерстве юстиции — 57 человек; в министерстве финансов — 43; в министерстве иностранных дел и в министерстве внутренних дел — по 41 в каждом; в военном министерстве — 40 человек. Таким образом, весь центральный правительственный аппарат насчитывал примерно 200—300 человек.
129. В конце 1926 г. русские все еще наводняли штаб-квартиру местной секретной полиции (*Ma Ho-t'ien. Chinese Agent in Mongolia*, p. 68).
130. И. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 210; на первой сессии Великого хурала в ноябре 1924 г. делегат одной из провинций сообщил, что «князья и ламы нашей провинции стали благосклонно относиться к правительству и лояльно выполняют все обязанности, которые выпадают на их долю» («Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 189).
131. И. Майский. Современная Монголия, с. 93—94; о Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республике см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.
132. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 205—207.
133. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 78.
134. Ринчино знал о том, что многие относились к нему, как к буряту, с предубеждением («III съезд Монгольской народной партии», с. 209); об участии Ринчино в составлении конституции мы уже говорили выше.
135. «Ургинская газета», 31 мая 1924 г.
136. Один из делегатов, когда назвали Амагаева, сказал, что «никто его не видел, но все о нем слышали... и что поэтому следует утвердить его кандидатуру» («Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 275).
137. «Известия Улан-Батор-Хото», 8 февраля 1925 г.
138. См. выше, гл. 41.
139. J. Korostovets. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik, 1926, S. 342.
140. А. Каллиников. Революционная Монголия, с. 80; первая государственная начальная школа в Урге была открыта в октябре 1921 г. (Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 98).
141. «III съезд Монгольской народной партии», с. 69.
142. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 80.
143. «Новый Восток», № XII, 1926, с. 185; № XV, 1926, с. 176.
144. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 164; говорят, что реформа была предпринята по инициативе издававшейся на русском языке «Ургинской газеты».
145. Там же, с. 186; «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 86.
146. Богослужение, которое проводил лама в тюрьме, дало повод для в чем-то грубой, но откровенной антирелигиозной пропаганды в газете, издававшейся на русском языке: «Заключенные надеются, что молитва изгонит духа зла из тюремного здания... так что им станет тепло без печей, светло без окон и сытно без хлеба. Конечно, дух, охраняющий тюрьму, не займется уничтожением живых существ — насекомых и блох, но возможно, что после вознесения мо-

литв они умерят свой аппетит» («Известия Улан-Батор-Хото», 14 октября 1925 г.).

147. Там же, 23 февраля 1926 г.

148. «III съезд Монгольской народной партии», с. 111.

149. Там же, с. 95; решение о создании военного госпиталя было принято в августе 1921 г. (*Б. Ширендыб*. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 100), однако, похоже, тогда оно не было осуществлено.

150. «III съезд Монгольской народной партии», с. 103—204.

151. «Известия Улан-Батор-Хото», 1 февраля 1925 г.

152. *Б. Ширендыб*. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 93.

153. «III съезд Монгольской народной партии», с. 69; «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 62—67.

154. «Новый Восток», № XIII—XIV, 1926, с. 234; в 1919 г. во Внешней Монголии функционировали 12 крупных китайских торговых концернов с годовым оборотом порядка 10 млн. рублей (*И. Майский*. Современная Монголия, с. 169).

155. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», 1925, с. 154; как отмечалось в печати, китайские ростовщики давали ссуды «монгольским аристократам» в сотни тысяч долларов и затем перекладывали эти долги в порядке круговой поруки на все население хошунов («Новый Восток», № XII, 1926, с. 187).

156. Там же, № XIII—XIV, 1926, с. 465; *Б. Ширендыб*. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 96. Организация, которая являлась отделением Дальгосторга, начала функционировать осенью 1923 г.

157. «Новый Восток», № XII, 1926, с. 187.

158. «III съезд Монгольской народной партии», с. 11; в сентябре 1924 г. власти официально признали, что одна китайская фирма умудрилась только в одной провинции собрать половину старых долгов провинции на общую сумму в 260 тыс. ланов серебра (*Б. Ширендыб*. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 123). В конституцию было включено очередное напоминание об аннулировании долгов.

159. *И. Златкин*. Очерки новой и новейшей истории Монголии, 1957, с. 201. В 1923—1924 гг. советский экспорт во Внешнюю Монголию оценивался в 1,5 млн. рублей, а советский импорт из Внешней Монголии — в 1,97 млн.; в 1924—1925 гг. эти цифры составили соответственно 2769 тыс. и 3583 тыс. рублей («Новый Восток», № XIII—XIV, 1926, с. 465).

160. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 218.

161. *И. Майский*. Современная Монголия. Иркутск, 1921. Эта работа как раз является отчетом о работе миссии.

162. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 82; «Крестьянский Интернационал», № 3—5, 1926, с. 103.

163. «III съезд Монгольской народной партии», с. 9.

164. Там же, с. 31, 91.

165. Там же, с. 117.

166. Там же, с. 198—201.

167. Там же, с. 202—207.

168. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 185, 219, 222; в 1926 г. среди 786 работников штатов значились 361 русский, 257 монголов, 95 бурят-монголов и 73 прочих («Foreign Affairs», IX, No. 3, April 1931, p. 512).

169. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 236—237.

170. Там же, с. 218—219.

171. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 83, 94; один из немцев, посещавших Монголию в 1927—1928 гг., отмечал, что Монценкооп в то время возглавлял «бывший казачий старшина из бурят» и что в штатах данной организации преобладали русские и буряты, хотя монголы уже начинали заменять русских («Ost-Europa», IV, No. 3, 1928, S. 161).

172. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 80—82; «Крестьянский Интернационал», № 3—5, 1926, с. 103, где общий оборот

Монценкоопа в 1924 г. оценивался в 16 млн. долларов и его «чистая прибыль» — в 533 876 долларов; в 1925 г., по данным того же источника, на советские торговые организации приходилось 7% монгольской торговли, на Монценкооп — 27%, остальная часть торгового оборота Монголии приходилась на частный (преимущественно представленный китайцами) сектор.

173. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 88.

174. *И. Златкин*. Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 201.

175. «*Skhidnii Svit*», No. 3 (9), 1929, p. 104.

176. *Ma Ho-l'ien*. Chinese Agent in Mongolia, p. 75.

177. «Новый Восток», № XII—XIII, 1926, с. 465.

178. *Ma Ho-l'ien*. Chinese Agent in Mongolia, p. 76.

179. «Советская Азия», № 3—4, 1932, с. 160.

180. *И. Златкин*. Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 201; кроме шерсти, среди основных статей монгольского экспорта значились кожи и меха, а среди остальных статей импорта — чай, текстильные и металлические изделия.

181. «*Foreign Affairs*», IX, No. 3, April 1931, p. 515.

182. *И. Майский*. Современная Монголия, с. 177—180, 209—211.

183. Объявление об открытии банка публиковалось в «Ургинской газете» 31 мая 1924 г.

184. «*Ost-Europa*», IV, No. 3, 1928, S. 154—156. «Новый Восток», № XIII—XIV, 1926, с. 234—236; «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 141; см. также: *И. Златкин*. Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 200, где автор пишет о «необходимости оказания Советским Союзом организационной и финансовой помощи».

185. «Известия Улан-Батор-Хото», 4 июня 1925 г.

186. Лан — это монгольский и русский эквивалент китайского ляна, или унции (равной примерно $1\frac{1}{3}$ английской унции). В то время стоимость лана серебра оценивалась приблизительно в 1,45 доллара, или в 1,43 золотого рубля («Новый Восток», № 1, 1922, с. 177).

187. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 142; о соглашении 1921 г. см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

188. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 142—143; машинное оборудование было в конечном счете заказано в Германии (там же, с. 145).

189. Там же, с. 158.

190. «Новый Восток», № XIII—XIV, 1926, с. 235; *И. Златкин*. Очерки новой и новейшей истории Монголии, 1957, с. 200—201. О первом выпуске банкнот сообщила газета «Известия Улан-Батор-Хото» в номере за 9 декабря 1925 г.; текст указа публиковался в той же газете, в номере за 16 декабря 1925 г.

191. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 96.

192. «Новый Восток», № XIII—XIV, 1926, с. 235—236.

193. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 141—142, 157—158; среди целей банка на III съезде партии тремя месяцами раньше оптимистически называлось желание «прийти на помощь населению, нуждающемуся в дешевом кредите» («III съезд Монгольской народной партии», с. 117).

194. *И. Златкин*. Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 201.

195. «Известия Улан-Батор-Хото», 5 декабря 1925 г.

196. «Известия», 5 июня 1927 г.; «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 143; по данным журнала «Новый Восток» (№ XV, 1926, с. 170), вплоть до 1925 г. бюджет в Монголии «не имел особого практического значения».

197. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 142; закон от 9 ноября 1923 г. предусматривал суровые наказания за сокрытие скота (*Б. Ширендыб*. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 93).

198. «III съезд Монгольской народной партии», с. 122, 138; таможенная служба была организована с момента предоставления автономии Монголии в 1911 г.; примерно треть таможенных сборов приходилась на внутреннюю торговлю.

199. Там же, с. 118; «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 214.

200. Там же, с. 45—46.

201. «III съезд Монгольской народной партии», с. 128—129; через несколько лет один китайский путешественник жаловался, напротив, на то, что китайских торговцев здесь терроризируют (*Ma Ho-t'ien. Chinese Agent in Mongolia*, p. 19—20).

202. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 137.

203. Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 97.

204. Там же, с. 101.

205. Там же, с. 153; по данным, опубликованным в сборнике «III съезд Монгольской народной партии», с. 126, Экономический совет первоначально хотел создать под названием «Госплан».

206. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 217, 227—228, 230, 234.

207. Там же, с. 118, 120; строительство электростанции, предназначенной для освещения Урги, было почти закончено осенью 1925 г. («Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 81).

208. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 210.

209. «Известия», 8 июня 1927 г.; наиболее подробные данные о бюджете монгольского государства в те годы приведены в: «Новый Восток», 1926, № 15, с. 172 (в мексиканских долларах):

	1923	1924	1925	1926
<i>Доходы</i>	3 671 000	6 625 000	8 298 000	12 380 000
<i>Расходы</i>	3 594 000	5 957 000	7 437 000	11 057 000

Данные за 1926 г. названы «предварительными».

210. Там же, с. 174.

211. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 80; в 1926 г. таможенные поступления составляли всего 37% доходов, но являлись их крупнейшей статьей, за которой шли поступления от государственных монополий (в основном монополии на вино-водочную продукцию) и поступления от государственных предприятий торговли и промышленности, включая прибыли с государственных средств, вложенных в Монценкооп («Новый Восток», № XV, 1926, с. 173).

212. И. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 203; после 1926 г. пастухи и скотоводы, владевшие менее чем 5 бодо (бодо — это условная единица учета скота, включавшая в себя либо 1 быка, корову или лошадь, либо 7 овец, либо 14 коз, либо 0,5 верблюда), освобождались от уплаты налога на содержание скота (там же, с. 204).

213. Там же, с. 205.

214. И. Майский. Современная Монголия, с. 228—230. Автор полагал, что, «несмотря на суровость климата и сухость почвы, земледелие в Монголии может давать довольно благоприятные результаты, однако при неперенном условии искусственного орошения», и в итоге приходил к выводу, что «у Автономной (Внешней) Монголии нет земледельческого будущего» (там же, с. 230).

215. Там же, с. 227.

216. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 201.

217. И. Майский. Современная Монголия, с. 226—227.

218. Там же, с. 229.

219. «Ost-Europa», IV, No. 3, 1928, S. 159.

220. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.

221. «III съезд Монгольской народной партии», с. 118—119.

222. Там же, с. 125.

223. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 183, 189, 191, 196—197; однако доходы от земледелия в провинции Кобдо в 1924 г. оценивались в 100 250 ланов (там же, с. 212).
224. «Известия Улан-Батор-Хото», 29 января 1925 г.
225. «Плановое хозяйство», № 6, 1936, с. 176.
226. Там же, с. 181.
227. «III съезд Монгольской народной партии», с. 31; почтовая служба связывала в 20-е годы Ургу только с Алтанбулаком, пограничным монгольским городом, отделенным от Кяхты рекой (там же, с. 88); на первой сессии Великого хурала в ноябре 1924 г. ставился вопрос об улучшении уртонской службы («Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 71—72).
228. G. M. Friters. *Outer Mongolia and its International Position*. Baltimore, 1949, p. 88—89. По И. Майскому (Современная Монголия, с. 172), во Внешней Монголии в 1919—1920 гг. существовали три телеграфные линии, включая линию Кяхта — Урга — Калган; однако остается неизвестным, продолжали ли действовать эти линии в 1924 г.
229. «Собрание законов», 1925, № 20, ст. 135; «СССР: сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», I—II, 1928, № 97, с. 283—285.
230. «III съезд Монгольской народной партии», с. 88.
231. *Ma Ho-t'ien*. Chinese Agent in Mongolia, p. 70.
232. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», 1925, с. 81, 90.
233. Далеко идущие планы обычно камуфлировались (см., например, статью в журнале «Торговля России с Востоком», 1923, № 1, с. 23—27). Записка, имевшая касательство к докладу Политбюро, датированному 25 марта 1926 г. (см. выше, с. 111), затрагивала этот же вопрос. В ней, в частности, говорилось: «При первой же возможности предусмотреть строительство железнодорожной линии от Верхнеудинска через Ургу до Калгана» («The Trotsky archives», t. 870). Вместе с тем широко освещавшееся в прессе того времени некое соглашение о прокладке советско-монгольской железной дороги (подробности об этом см. в: «China Year Book, 1926—1927», Tientsin (n. d.), p. 800) было, конечно, фальшивкой. Первая монгольская железная дорога была построена только после 1945 г.
234. «Известия Улан-Батор-Хото», 31 мая 1925 г.; 10 «юнкерсов» были заказаны монгольским правительством в Ленинграде (*J. Korostovets*. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik, 1926, S. 342); о первом полете из Москвы в Пекин через Монголию было предварительно объявлено на заседании Президиума ВЦИК 1 июня 1925 г., а репортажи об успешных этапах этого полета публиковались в газете «Известия» 3 июня 1925 г. и в последующие дни.
235. «Известия Улан-Батор-Хото», 4 июля 1925 г.
236. Объявления публиковались в «Известиях Улан-Батор-Хото» на протяжении декабря 1925 г.
237. *Ma Ho-t'ien*. Chinese Agent in Mongolia, p. 139.
238. «III съезд Монгольской народной партии», с. 20—21, 83—84.
239. Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 112; текст этой резолюции не публиковался в книге «III съезд Монгольской народной партии».
240. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва: 3 сессия», 1925, с. 55.
241. Цит. по: «China Year Book, 1928». Tientsin (n. d.), p. 380. Дата монгольской ноты не указана; китайская нота датируется 28 марта 1925 г.
242. «Новая Монголия: Протоколы первого Великого хурулдана», с. 243.
243. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 77.
244. «China Year Book, 1928», p. 379.
245. Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 109.
246. «III съезд Монгольской народной партии», с. 24—25.
247. «Известия», 20 ноября 1924 г.; «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 25.

248. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», 1925, с. 80; на съезде об этом говорилось в докладе министерства национальной экономики, а не министерства иностранных дел.

249. Об этой делегации писали мало, и основным источником при освещении ее деятельности служит российский резидент в Берлине С. М. Вольф, к услугам которого как переводчика и толкователя фактов прибегала делегация («Journal of the Royal Central Asian Society», XXXII, 1945, p. 289—298). Переписка, датированная маем 1926 г. и хранящаяся в немецких архивах, имеет отношение к материалам этого журнала. Сампилоу, как сообщалось, в то время вел переговоры о закупках следующей партии германских товаров стоимостью в 20 тыс. долларов, однако русские пытались склонить монголов к покупке русских товаров. Те отказывались, отдавая предпочтение германской продукции («Auswärtiges Amt», 4829/242310—314, 242320). Построенная в значительной мере на фактах статья Сампилоу о Внешней Монголии (которая называлась им «Северной Монголией») была опубликована в: «Ost-Europa», I, 1925—1926, No. 2, S. 392—410.

250. «Journal of the Royal Central Asian Society», XXXII, 1945, p. 295—296.

251. «Известия», 17 февраля 1926 г.; «Правда», 18 февраля 1926 г.

252. «III съезд Монгольской народной партии», с. 24—25.

253. «Известия», 10 апреля 1926 г.; о делегации Гоминьдана на VI конгрессе ИККИ см. выше, гл. 37.

254. На это указывал, в частности, Ма Хэтянь (*Ma Ho-t'ien*. Chinese Agent in Mongolia. p. 115); он говорил, что многие руководители Монгольской народной партии, включая председателя ЦК Дамба-Дорджи, были объявлены «правыми» и «сторонниками союза с Китаем», а точнее с Гоминьданом, «чтобы ограничить власть русских». Ма Хэтянь говорил также о влиянии, которым пользовались у монголов Гоминьдан и Фын Юйсян (*ibid.*, p. 45, 69). Данный источник, видимо, преувеличивает силу этого движения, которой оно тем не менее, несомненно, обладало.

255. «Революционный Восток», № II, 1927, с. 59; А. Каллиников («Революционная Монголия», с. 90) называл Пекин «центром монгольской реакции» и указывал на присутствие там бывших феодалов и князей как из Внешней, так и из Внутренней Монголии.

256. «Новый Восток», № VIII—IX, 1925, с. 201—202, 204.

257. «Известия Улан-Батор-Хото», 18 ноября 1925 г.; «Новый Восток», № XII, 1926, с. 190.

258. «Japan Chronicle», Kobe, December 24, 1925, p. 840.

259. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 47; на съезде присутствовал делегат от Внутренней Монголии (там же, с. 9); по имеющимся сведениям (*J. Korostovets. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik*, 1926, S. 343), делегатом на этом съезде был представитель Фын Юйсяна.

260. «Известия Улан-Батор-Хото», 14 октября 1925 г.

261. Там же, 18 ноября 1925 г.; «Новый Восток», № XII, 1926, с. 191—192.

262. Текст манифеста см. там же, с. 192—195.

263. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

264. Н. А. Шойжелов (*Нацон*). Тувинская Народная Республика. М., 1930, с. 42—43.

265. Там же, с. 43—46. На первый взгляд может показаться странным, что, если протоколы монгольской партии велись на русском языке, то протоколы съездов танну-тувинской партии — на монгольском. Дело в том, что большинство населения Танну-Тувы говорило на тюркском диалекте, но не имело письменности, значительное меньшинство говорило на монгольском языке и 2% населения могло писать на монгольском. Когда в 1925 г. один советский советник при правительстве Танну-Тувы поместил в местной газете «Красный пахарь», которая издавалась на русском языке, заметку на тувинском языке, набранную русским шрифтом, это сочли первым вариантом тувинской письменности («Известия Улан-Батор-Хото», 8 июня 1925 г.).

266. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 512.

267. «Правда», 22 июля 1927 г.

268. «Малая Советская Энциклопедия», т. VIII, 1930, с. 986.

269. «Известия», 14 июня 1925 г.
270. «III съезд Монгольской народной партии», с. 84.
271. Об этом говорил министр иностранных дел Монголии в своем выступлении на III съезде Монгольской народной партии в августе 1924 г. (там же, с. 84—85). В записке, приколотой к тексту данного выступления, его положения характеризовались как «односторонние и ошибочные».
272. А. Каллиников. Революционная Монголия, с. 94.
273. О поездке данной комиссии говорил монгольский министр иностранных дел, выступая на III съезде Монгольской народной партии («III съезд Монгольской народной партии», с. 85), о ней же говорил Васильев в своем приветствии съезду (там же, с. 6). В газете «Известия» от 14 июня 1925 г. упоминались, однако, советская и монгольская делегации, а не «смешанная комиссия».
274. А. Каллиников. Революционная Монголия, с. 94—95; «Skhidnii Svit», No. 3 (9), 1929, p. 101. В последнем случае автор ссылался на 15 августа 1924 г. как на дату признания Танну-Тувы Монголией.
275. Н. А. Шойжелов (Нацов). Тувинская Народная Республика, с. 46; могло оказаться существенным то, что отчеты этого съезда, в отличие от II, IV и V, видимо, оказались недоступны этому автору или не использовались им, поскольку представляется невероятным, чтобы съезд целиком обошел такой жгучий и первостепенный вопрос, как статут Танну-Тувы в отношении Монгольской Республики.
276. «Известия», 14 июня 1925 г.; А. Каллиников. Революционная Монголия, с. 95.
277. Н. А. Шойжелов (Нацов). Тувинская Народная Республика, с. 87—88; там цитируются письма от 1 января 1925 г., написанное Дондуком, председателем регионального партийного комитета, бывшим ламой и бывшим главой правительства; от 21 февраля 1925 г., написанное Далхасурином, бывшим принцем и руководителем местной администрации; и от 19 февраля 1919 г., написанное двумя другими местными чиновниками.
278. «Четвертый съезд Монгольской народно-революционной партии», с. 47—48, 77.
279. «Международная жизнь», № 4, 1926, с. 80.
280. Договор, составленный на монгольском языке, вкратце излагается в журнале: «Skhidnii Svit», No. 3 (9), 1929, p. 114; о переговорах в Москве в 1925 г. см.: G. Cleinow. New-Siberien, 1928, p. 98.
281. Н. А. Шойжелов (Нацов). Тувинская Народная Республика, с. 46—49.
282. Там же, с. 61—65; полный текст письма данной партии Крестинтерну, датированного осенью 1925 г., опубликован в: «Крестынский Интернационал», 1926, № 1—2, с. 123—125. Сообщалось, что приветствие Крестинтерну в октябре 1925 г. направлял также Великий хурал Танну-Тувы («Правда», 31 октября 1925 г.).
283. Н. А. Шойжелов (Нацов). Тувинская Народная Республика, с. 66—67.
284. В 1924—1925 гг. в Танну-Туве существовали только четыре школы, в которых обучалось 60 школьников («Большая Советская Энциклопедия», т. 4, 1947, с. 115).
285. Н. А. Шойжелов (Нацов). Тувинская Народная Республика, 1930, с. 47—49. В то время сообщалось о трениях между танну-тувинскими кооперативами и основными советскими торговыми организациями — «Сибгосторгом» и Торгово-Промышленным банком, однако все они продолжали действовать, и российские кооперативы, которые обслуживали русское население, служили примером для тувинских кооперативов («Новый Восток», № XXIII—XXIV, 1928, с. 170—172).
286. Там же, с. 50.
287. Такие собрания созывались ежегодно с 1923 г., однако подробных протоколов на них, насколько известно, не велось.
288. «Новый Восток», 1928, № XXXIII—XXIV, с. 1795—100.
289. Такие изменения частично диктовались различными условиями в Монголии и Танну-Туве, но в основном, по-видимому, были обусловлены сменой внутриполитического курса в Советском Союзе в 1925 г., который заключался

в умиротворении зажиточных крестьян и в отказе от проведения классовой борьбы в деревне.

290. «Skhidnii Svit», No. 3 (9), 1929, p. 112; в поездке 1924 г. в Танну-Туву советская делегация, в частности, ставила перед собой задачу изучить положение 12 тыс. поселенцев («Известия», 14 июня 1925 г.). В «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress» (1928, S. 568) о русских говорится как о членах «самоуправляемой колонии русских рабочих». При Богдо-гэгэне во Внешней Монголии до 1921 г. китайские поселения в основных городах имели свою полицию и свои суды; русская колония в Урге также пользовалась самоуправлением (И. Майский. Современная Монголия, с. 75, 94). И позже русские продолжали пользоваться правами на некоторую автономию.

Глава 42. Япония и Корея

1. Гаймушо Оа-Киоку: Ни-ссо Кошоши (Gaimusho Oa-Kyoku: Ni-Sso Koshoshi), 1942, с. 86. Эта работа первоначально была издана для ограниченного пользования, поскольку основывается на документах из архива министерства иностранных дел.

2. «Новый Восток», № IV, 1923, с. XXV.

3. Там же, с. XXVI; «Известия», 28 октября 1923 г.

4. «Russian Review», Washington, February 1, 1924, p. 221.

5. «China Weekly Review», March 8, 1924, p. 39. Текст ноты от 13 февраля 1924 г. по поводу статуса японских официальных лиц см.: «Russian Review», April 1, 1924, p. 301.

6. «Japan Chronicle», February 28, 1924, p. 297.

7. Гаймушо Оа-Киоку: Ни-ссо Кошоши, с. 87.

8. Текст инструкций был опубликован в: «Japan Chronicle», Kobe, February 28, 1924, p. 296.

9. «Известия», 2 марта 1924 г.; China Weekly Review, Shanghai, March 8, 1924, p. 60.

10. Гаймушо Оа-Киоку: Ни-ссо Кошоши, с. 87—88.

11. «Известия», 24 апреля 1924 г.

12. Гаймушо Оа-Киоку: Ни-ссо Кошоши, с. 88—89.

13. Партия Сейикай (Seiyukai), которой принадлежали основные посты в предыдущем правительстве, поддерживалась группой Мицуи, партия Кэнсэйкай поддерживалась группой Мицубиси; но попытки найти различия во внешней политике, проводимой этими партиями, спекулятивны.

14. «Известия», 12 июня 1924 г.

15. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.

16. «Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 92. О визите Сунь Ятсена в Японию см. гл. 40.

17. V. Conolly. Soviet Trade from the Pacific to the Levant, 1935, p. 133—137.

18. «Собрание узаконений», 1923, № 36, ст. 378.

19. «Russia Review», October 1, 1923, p. 5—6.

20. «Торговля России с Востоком», № 1, 1923, с. 4—6.

21. «Новый Восток», № X—XI, 1925, с. 288—289. Строительство последней из четырех железнодорожных линий от Таонаньфу до Цицикара названо «нечестным соперничеством» с КВЖД. См. также: K. Fuse. Soviet Policy in the Orient. Peking, 1927, p. 368. Общий обзор данного вопроса см. в: C. A. Macartney (ed.). Survey of International Affairs, 1925, 1928, p. 350—356.

22. «Russian Review», July 15, 1924, p. 37.

23. «Japan Chronicle», June 26, 1924, p. 893, 917.

24. K. Yoshizawa. Gaiko Roku-Junen, 1958, p. 74.

25. «Russian Review», September 1, 1924, p. 95; заявление вызвало ответ японского правительства, рассчитанный на примирение. В ответе японское правительство заявило, что оно не требует для Японии «специальных и исключительных предпочтительных прав» (Ibid., September 15, 1924, p. 113).

26. «China Weekly Review», August 9, 1924, p. 343—344; August 16, 1924, p. 382; «Japan Chronicle», August 7, 1924.
27. Ibid., August 14, 1924, p. 240—241. Каменев на партийной встрече в Москве 22 августа 1924 г. заявил, что переговоры «уже находятся на такой стадии, когда единственным крупным нерешенным вопросом являются условия, на которых будут предоставлены концессии на Сахалине» (*Л. Каменев. Статьи и речи*, т. XI, 1929, с. 13).
28. Меморандум вошел в приложения к договору от 20 января 1925 г. (см. ниже, гл. 42).
29. «Правда», 10 октября 1924 г.
30. «СССР: Центральный исполнительный комитет 2 созыва: 2 сессия», 1924, с. 76.
31. «Russian Review», December 15, 1924, p. 232—233.
32. *А. И. Рыков. Статьи и речи*, т. III, 1929, с. 336.
33. «Japan Chronicle», January 1, 1925, p. 12.
34. Текст договора см.: «СССР: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», III, 1932, № 130, с. 7—18; League of Nations: Treaty Series, XXXIV, 1925, p. 32—53.
35. Это заявление явно было рассчитано на то, чтобы успокоить недовольство Китая, вытекающее из признания Портсмутского мирного договора, то есть согласия СССР на право империалистических держав распоряжаться территориями Китая («Новый Восток», № VII, 1926, с. 45).
36. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11, т. 3, гл. 34.
37. «Известия», 22, 25, 27 января 1925 г.; о статье Стеклова «Большевизация Азии» см. выше, гл. 37.
38. Nihon Gaiko Nempyo narabi ni Shuyo Monjo, 1955, II, 70—71; «Известия» 18 февраля 1925 г. поместили сообщение об официальных торжествах в Токио.
39. «Japan Chronicle», March 5, 1925, p. 296; «China Weekly Review», April 4, 1925, p. 121—122. В апреле 1924 г. Гото проехал по Маньчжурии и в интервью агентству РОСТА в Харбине высказался в таком же духе («Известия Улан-Батор-Хото», 7 мая 1925 г.).
40. *М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 48.
41. «Мировая политика в 1924 году», под ред. Ф. Ротштейна, 1925, с. 23—24.
42. «Japan Chronicle», April 9, 1925, p. 476.
43. Детальный отчет об эвакуации см.: «Северная Азия», № 4, 1927, с. 44—54; последние японские воинские подразделения покинули остров 14 мая 1925 г.
44. «Новый Восток», 1926, № VII, с. 44.
45. О предоставлении и аннулировании этой концессии см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29; «Междуцарствие...», гл. 10.
46. Копп приехал в Харбин и дал интервью для прессы 17 апреля 1925 г.; свои верительные грамоты он вручил в Токио 6 мая 1925 г. («Japan Chronicle», April 23, 1925, p. 532; May 14, 1925, p. 609). Японский посол в Москве Танака вручил верительные грамоты 14 июля 1925 г. (Ibid., July 23, 1925, p. 121).
47. По слухам, циркулировавшим в Токио, Копп на партийном собрании в Харбине заявил, что советско-японский договор был только клочком бумаги (Gaimusho Oa-Kyoku: Ni-Sso Koshoshi, p. 102). Его, обоснованно или необоснованно, подозревали в передаче в Москву сообщения о том, что Япония после землетрясения больше не может считаться могущественной державой (*K. Fuse. Soviet Policy in the Orient. Peking*, 1927, с. 371); эти слухи болезненно волновали в то время японские официальные круги.
48. См. выше, гл. 40.
49. «Новый Восток», 1926, № XV, с. 284.
50. См. выше, гл. 32.
51. По сообщению японского обозревателя в Москве, в то время «упорно ходили разговоры о возрождении японо-британского альянса» (*K. Fuse. Soviet Policy in the Orient*, 1927, p. 367).
52. «Japan Chronicle», May 21, 1925, p. 665.
53. «Japan Chronicle», May 28, 1925, p. 672—673; о Фын Юйсяне и его отношении к Советскому Союзу см. выше, гл. 40.

54. См. выше, гл. 40.
55. K. Fuse. *Soviet Policy in the Orient*, 1927, p. 368.
56. «Japan Chronicle», September 17, 1925, p. 367; визит советской профсоюзной делегации в Японию в сентябре 1925 г. явился еще одним фактором взаимного раздражения.
57. «Известия», 13 октября 1925 г.
58. См. выше, с. 000—000.
59. «Japan Chronicle», December 17, 1925, p. 803; с советской стороны документы подписали Дзержинский и Литвинов. Через две недели в Москве открылась советско-японская конференция по рыболовству (Ibid., January 7, 1926, p. 23); это была еще одна болевая точка в советско-японских отношениях.
60. Nihon Gaiko Nempyo narabi ni Shuyo Monjo, 1955, II, 83; коммунике о заявлении Коппа было передано японской прессе («Japan Chronicle», December 24, 1925, p. 815).
61. См. выше, гл. 40.
62. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 294.
63. См. выше, гл. 40.
64. «Survey of International Affairs», p. 503; текст речи Сидехары на японском языке см.: Nihon Gaiko Nempyo narabi ni Shuyo Monjo, 1955, II, 83—88.
65. «The Times», January 25, 1926.
66. По сообщению германского посла в Токио от 28 января 1926 г., японский министр иностранных дел заверил советского представителя Коппа в том, что японское правительство не одобряет действий Чжан Сюэляна и предприняло шаги, чтобы обуздать его. Копп все еще опасался, что японские военные власти (имеющие более тесные связи с Чжан Сюэляном) возмут ситуацию в свои руки, но он был настроен не столь пессимистично, как Карахан в Пекине (Auswärtiges Amt, 2860/556678—9).
67. См. выше, гл. 40.
68. «СССР: Центральный исполнительный комитет 3 созыва: 2 сессия», 1926, с. 1065.
69. См. выше, гл. 40.
70. «Japan Chronicle», May 20, 1926, p. 584; «Правда», 26 мая 1926 г.
71. Г. Беседовский. На путях к Термидору. Париж, 1931, т. II, с. 18—19. Беседовский пишет, что инструкции он получил лично от Сталина; они сопровождались рядом сенсационных замечаний, которые могут быть подлинными, но в них можно и сомневаться. Инструкции основывались на докладе Политбюро 24 марта 1926 г.
72. A. Baykov. *Soviet Foreign Trade*. Princeton, 1946, Appendix, Table VII.
73. «Экономическая жизнь», 2 июля 1925 г.; перепечатано в: Л. Красин. Вопросы внешней торговли, 1928, с. 340—343.
74. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34.
75. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 61, 1924, S. 735—736. На расширенном Исполкоме Коминтерна в июне 1923 г. Зиновьев призвал к созданию легальной рабоче-крестьянской партии (по образцу Американской рабочей партии), которая стала бы заменой нелегальной коммунистической партии. Против этого предложения выступил японский делегат Арахата, заявивший, что это потребует поддержки «активных элементов рабочего класса», хотя «эти элементы равнодушны к политике и неопытны, а их политический горизонт чрезвычайно ограничен» («Расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 30—31, 82). В резолюции по японскому вопросу, принятой сессией, выражался протест только против преследования коммунистов и содержался призыв к японским рабочим не поддаваться правительственной пропаганде (там же, с. 316—317).
76. «Bericht über der Tätigkeit der Exekutiv der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 65—66.
77. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», II, S. 653.
78. Ibid., II, S. 1029, 1063.
79. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.

80. Этот вывод был развит в одной из статей книги «Современная Япония», под ред. П. Мифа и Г. Войтинского, 1934, с. 94—151.
81. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 44.
82. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 153, S. 2291—2292; Лозовский в следующем году привел такие данные: 240 тыс. членов профсоюзов из 4,5 млн. промышленных рабочих («IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 96). Эти данные были подтверждены Содомэй в октябре 1925 г., однако было добавлено, что даже большинство членов профсоюзов «зачарованы показным принципом гармонии» («Japan Chronicle», October 22, 1925, p. 525).
83. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 51, S. 706—707; статьи в книге: «Современная Япония», 1934, I, с. 113; Х. Т. Эйду. Япония от первой до второй мировой войны, с. 106. В этих работах сближение в то время между «социалистами-реформистами» и буржуазией относится к последствиям землетрясения.
84. «Japan Chronicle», May 1, 1924, p. 296—197; Судзуки выступил на конференции с речью, где жаловался на то, что японское законодательство ограничивает право рабочих на создание объединений, и предложил принять резолюцию, которая была раскритикована делегатом японского правительства и по которой не было принято никаких мер («Conférence Internationale du Travail: Sixième Session», Geneva, 1924, I, p. 151—152; II, p. 540—543).
85. «Japan Chronicle», October 23, 1924, p. 573.
86. Ibid., December 25, 1924, p. 856.
87. «Правда», 8 октября 1924 г.
88. R. Scalapino. Democracy and the Party Movement in Pre-War Japan. Berkeley, 1953, p. 327.
89. Yamamoto Katsunosuke and Arita Mitsuo. Nihon Kyosanshugi Undo Shi, 1950, p. 73; R. Swearingen and P. Langer. Red Flag in Japan. Harvard, 1952, p. 21.
90. Перевод этого текста с японского см.: Х. Еудин и Р. Норт. Soviet Russian and the East. Stanford, 1957, p. 334—335.
91. По сообщению «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 464, «коммунистическая группа» была образована в январе 1925 г. Она представляла «революционную часть» рабочего движения, однако ее «сектантский характер» проявлялся в стремлении отделить профсоюзы от политических партий. Подтверждением этому стала ее деятельность в Шанхае и ряд независимых акций в Японии.
92. «Japan Chronicle», February 26, 1925, p. 261.
93. Ibid., April 2, 1925, p. 217.
94. «Gendai Rono Undoshi Nempyo», 1961 («Хронология современного рабочего движения»); «Japan Chronicle», April 2, 1925, p. 448.
95. Нет данных о том, что японскую сторону представляли те же лица, что и на встрече в январе. Есть сведения, что Сано присутствовал на сессиях ИККИ, Профинтерна и КИМа в Москве в июне 1925 г. (Yamamoto Katsunosuke and Arita Mitsuo. Nihon Kyosanshugi Undo Shi, 1950, p. 76). Но в 1925 г. этих сессий в Москве не было, и здесь, по-видимому, перепутаны годы, поскольку в 1924 г. Сано действительно был в Москве на V конгрессе Коминтерна (Y. Noguchi. Musan Undo Sotoshi Den, 1931, p. 136—137). См. также: R. Scalapino. Democracy and the Party Movement in Pre-War Japan, p. 335—336; автор не указывает источника, из которого он взял сведения о том, что Сано был в Москве, когда произошел раскол между Содомэй и Хёгикай (то есть в мае 1925 г.).
96. Х. Еудин и Р. Норт. Soviet Russian and the East. Stanford, 1957, p. 335. Цитата дается не дословно, чтобы прояснить смысл высказывания.
97. См. выше, гл. 36.
98. Gendai Rono Undoshi Nempyo, 1961; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 113, S. 1568; 1926, No. 51, S. 706—707; Х. Т. Эйду. Япония от первой до второй мировой войны, с. 106—107.

99. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 11 (58), 1925, S. 293—294. В Токио 18 июля 1925 г. состоялся массовый митинг с целью организации национальной лиги безработных. Была сделана попытка смягчить экстремизм Хёгикай: в прессе прозвучало, что ее платформа «практически такая же», как и платформа Содомэй, и включает такие пункты, как «признание парламентаризма» и «организация пролетарской партии» («Japan Chronicle», July 30, 1925, p. 144).
100. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 113, S. 1568.
101. R. Scalapino. Democracy and the Party Movement in Pre-War Japan, p. 327. По данным, приведенным в журнале «Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 136, это число несколько ниже.
102. См. выше, гл. 42.
103. «Conférence Internationale du Travail: Septième Session», v. 1, p. LXIV.
104. В сообщении «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 113, S. 1567—1568, не раскрывается имя «члена президиума японского совета профсоюзов», но им не мог быть никто иной, кроме Судзуки. В журнале «Коммунистический Интернационал», № 11 (48), 1925, с. 175—177, цитируется определение Судзуки, данное японской прессой, — «японский Гомперс». В статье оценивается приписываемый ему план созыва паназиатской профсоюзной конференции и Азиатского Интернационала как вариант осуществления «старого японского лозунга: Азия — для азиатов».
105. «IV сессия Центрального союза Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 94, 97—99. Признается престиж МОТ среди японских рабочих (там же, с. 101).
106. R. Swearingen and P. Langer. Red Flag in Japan. Harvard, 1952, p. 21.
107. В докладе, принятом на сессии Исполкома Профинтерна, состоявшейся в марте — апреле 1926 г., содержалась следующая фраза: «Во время событий в Шанхае, которые всколыхнули рабочее движение в странах Тихоокеанского региона, были установлены более тесные отношения с японским революционным профсоюзным движением, представленным федерацией Хёгикай» («Международное рабочее движение», № 11—12 (52—53), 1926, с. 21).
108. R. Swearingen and P. Langer. Red Flag in Japan, p. 21—22.
109. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 12. В работе приводятся стчеты о четырех заседаниях Президиума ИККИ в августе — декабре 1925 г., на которых обсуждался раскол в японских профсоюзах и вопрос об организации рабочей партии.
110. «Современная Япония», с. 115; R. Scalapino. Democracy and the Party Movement in Pre-War Japan, p. 326.
111. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 11 (58), 1925, S. 295—296.
112. «Japan Chronicle», September 24, 1925; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 6 (65), June 1926, S. 446—449.
113. Watanabe Masanosuke. Sayuko Rodo Kumiai no Soshiki to Seisaku, 1931, p. 428. В работе сказано, что он на 9 дней был заключен в тюрьму, пока делегация не уехала.
114. «Japan Chronicle», October 1, 1925, p. 428—430; «Известия», 27, 29 сентября 1925 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 136, S. 2000; 1925, No. 143, S. 2099; текст протеста см.: ibid., 1925, No. 138, S. 2023.
115. «Japan Chronicle», October 29, 1925, p. 567.
116. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 158, S. 2380.
117. R. Swearingen and P. Langer. Red Flag in Japan, p. 23.
118. R. Scalapino. Democracy and the Party Movement in Pre-War Japan, p. 330.
119. «Коммунистический Интернационал», № 9 (58), 1926, с. 121; Х. Т. Эйбус. Япония от первой до второй мировой войны, с. 107—108. Текст декларации и программы см.: «Japan Chronicle», December 10, 1925, p. 742—743.
120. Ibid., December 10, 1925, p. 743.
121. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 6 (65), 1926, S. 447.
122. «Коммунистический Интернационал», № 9 (58), 1926, с. 124—125. По сведениям «Japan Chronicle» (March 11, 1926, p. 296), новая партия объявила о своей поддержке парламентских методов борьбы и уважении «тысячелетней

истории и традиций японской нации», а также о своем отказе от «теорий и деятельности, существующих в других странах».

123. «IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 96—97.

124. «Коммунистический Интернационал», № 9 (58), 1926, с. 123—124.

125. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 552; «Мировое хозяйство и мировая политика», № 3, 1926, с. 30—31. По данным Геллера, похожий проект годом раньше провалился из-за несогласия китайских представителей («IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 83—84). Судзуки опять подозревался в намерении создать «паназиатский интернационал» («Труд», 24 апреля 1926 г.).

126. «Правда», 27 апреля 1926 г.; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 6 (65), 1926, S. 446—449.

127. См. выше, гл. 32.

128. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), VII, S. 654.

129. «Крестьянский Интернационал», № 6—7, 1926, с. 103.

130. «Правда», 2 марта 1924 г.

131. «Die Beschlüsse des IV. Kongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1924, S. 64.

132. «Крестьянский Интернационал», № 6—7, 1925, с. 98—103.

133. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 520—523.

134. Заявление в книге: Г. Беседовский. На путях к Термидору. Париж, 1931, II, с. 20, о том, что в Корею больше коммунистических групп, чем «во всей Японии, включая Тайвань», возможно, основывалось на чрезмерной обеспокоенности японской полиции. Беседовский был поверенным в делах СССР в Токио.

Глава 43. Организация

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23.

2. См. выше, гл. 27.

3. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

4. Там же, гл. 30 и 31.

5. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 995—997.

6. «Правда», 7 декабря 1922 г.

7. Доклады об их работе были включены в доклад ИККИ на V конгрессе («Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV bis V. Weltkongress», 1924, S. 96—100).

8. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 23, S. 520—521. Вводная статья первоначального варианта устава была опущена в этом проекте, как предполагают, по соображениям, что принятие программы конгрессом сделало бы эту статью излишней; когда принятие программы было отложено, вводная статья была восстановлена в уставе.

9. Протоколы заседаний комиссии не были опубликованы, за исключением одного — об обсуждении вопросов организации ячеек (см. ниже, гл. 43), помещенного в: «How to Organize the Communist Party» (CPGB, n. d.) вместе со списком членов комиссии, число которых превышало 50 — согласно заявлению Пятницкого, сделанному позднее («Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 106); комиссия состояла из «почти ста» членов и была слишком раздутой, чтобы вести эффективную работу.

10. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 982—989; о России см. выше, гл. 28.

11. «Thesen und Resolutionen des V. Weltkongress der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 81—88; «Пятый конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, т. II, с. 87—93. Текст, опубликованный в книге: «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 46—51, включает новые поправки, принятые VI конгрессом в 1928 г.

12. «Правда», 9 июля 1924 г.

13. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 1021; «Правда», 9 июля 1924 г.

14. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8, 9.

15. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923; S. 808; в докладе на III расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г. она называлась «Организационной комиссией», при этом добавлялось, что «по понятным причинам комиссия может подробно отчитываться только перед Президиумом ИККИ» («Bericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, 15 Dezember — 15 Mai 1923», 1923, S. 10), — намек на то, что она была связана с нелегальной работой.

16. В Оргбюро, назначенное ИККИ 6 декабря 1922 г., входили 5 членов секретариата (см. ниже), а также Нейрат, Хёрнле, Шуллер и Сафаров («Правда», 7 декабря 1922 г.); согласно утверждениям А. Тивеля и М. Хеймо в: «10 лет Коминтерна», 1929, с. 316, после IV конгресса Оргбюро состояло из 7 членов: Коларова, Пятницкого, Куусинена, Макмануса, Террачини, Шуллера и Суварина.

17. Первым признаком разделения была схема, прилагавшаяся к докладу ИККИ на III расширенном пленуме в июне 1923 г. («Bericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, 15 Dezember 1922 — 15 Mai 1923»), где обозначены и Оргбюро, и Организационный отдел; однако, согласно «Bericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 98, в действительности отдел был создан «только в декабре 1923 г.»

18. «Правда», 9 июля 1924 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 57, S. 614 (8 июня — опечатка, правильно — 8 июля). Оргбюро, избранное на V и VI объединенных пленумах ИККИ в апреле 1925 г. и марте 1926 г., было сокращено до 12 человек (А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, 1929, с. 328).

19. Следующие данные о количестве заседаний органов Коминтерна приблизительно показывают уровень их активности; более частые или редкие заседания показывают возрастание роли того или иного органа (расширенные пленумы ИККИ, которые фактически могут считаться конгрессами в малых масштабах, сюда не включены). Между II и III конгрессами ИККИ собирался 34 раза, «внутреннее бюро» («Большевистская революция...», т. 3, гл. 30) — 39 раз. Между III и IV конгрессами ИККИ собирался 28 раз, Президиум (который заменил «внутреннее бюро») — 81 раз. Между IV и V конгрессами ИККИ собирался 17 раз, Президиум — 58, секретариат — 143, Оргбюро — 36 раз; между V конгрессом и декабрем 1926 г. (когда секретариат и Оргбюро были упразднены и связаны в «политический секретариат») секретариат собирался 71 раз, Оргбюро — 35 раз.

20. См. выше, гл. 43.

21. «Коммунистический Интернационал», № 5—6, 1924, кол. 162. Ни точных функций Оргбюро и Орготдела ИККИ, ни четкого водораздела между ними не указывалось в опубликованных документах, но некоторый свет на эту проблему пролил примерный устав компартий, выработанный в 1926 г. В нем предусматривалось, что Оргбюро партии уполномочивается вырабатывать политику и давать директивы по вопросам организации и что оно подотчетно только Центральному Комитету; а Орготдел имеет дело с местными партийными организациями и фракциями и обеспечивает выполнение решений Оргбюро, будучи подотчетен секретариату ЦК партии («Zweite Organisationskonferenz des EKKI», 1926, S. 108—114); некоторые, хотя и не все, партии имели оба органа и составили четкое представление о различиях в их функциях.

22. Об этих конференциях см. ниже, гл. 43.

23. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 428—438; о развитии «Ленинских школ» в Москве и в национальных партиях см. Приложение Б.

24. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 107, 1924, S. 1381—1382.

25. Конференция, созванная Отделом информации во время V расширенного пленума ИККИ в марте 1925 г., настаивала на необходимости создания секторов информации во всех партиях («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 56—57).

26. Ibid., S. 11—14.

27. Имели место периодические изменения в организации этих отделов. В решении Президиума от 24 марта 1926 г. («Правда», 4 апреля 1926 г.) упоминаются Агитпроп, отделы организационный, издательский и связей ИККИ, а также кооперативный сектор и международный женский секретариат; профсоюзный сектор не упоминался, возможно, вместо него тогда действовала «постоянная профсоюзная комиссия» («Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36).
28. О генезисе этого органа см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.
29. «Protokoll des III. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1921, S. 1044.
30. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 985.
31. «Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума Коммунистического Интернационала», 1923, с. 14—15.
32. См. выше, гл. 43.
33. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 985.
34. См. русский текст: «Правда», 25 июля 1924 г. и «Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, т. II, с. 92. Немецкий текст в: «Thesen und Resolutionen des V. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 87; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 119, S. 1571; здесь не упоминается первая функция (рассмотрение жалоб на органы ИККИ); то, что эта функция, позже упраздненная, содержалась в уставе, принятом на V конгрессе, подтверждает «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 85.
35. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 1022.
36. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 85—86.
37. Ibid.
38. Ibid., S. 31—32.
39. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23, 25.
40. «Bericht des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», 1920, S. 31.
41. Об Эмбер-Дро, стоявшем во главе этого секретариата, см. выше, гл. 28; в марте 1926 г. Латинский секретариат был разделен на две части (см. ниже, гл. 43), и Эмбер-Дро, возможно, руководил обеими секциями.
42. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 995.
43. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom VI. bis V. Weltkongress», 1924, S. 101. Здесь перечисляются все, кто работал в этом качестве в промежутке между IV и V конгрессами; значительное их число показывает, что назначения не были постоянными. Намного больше докладов (123) было сделано по Германии: Радек, Хёрнле и позже Цеткин, а также двое замещающих работали в качестве «докладчиков» по Германии.
44. На VI расширенном пленуме ИККИ в марте 1926 г. Зиновьев выразил сожаление, что зарубежные партии не посылают никого, кроме «людей типа Каца», для работы в Москве («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 53—54); о Каце см. выше, гл. 31.
45. Об этой резолюции см. выше, гл. 30.
46. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 78.
47. На XIV съезде ВКП(б) Скрыпник выразил сожаление, что, в то время как Президиум ИККИ собирался часто, а расширенный пленум ИККИ — время от времени, обычные заседания ИККИ перестали созываться («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 685).
48. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 68, S. 1071; русский текст см. в: «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 656—655. Немецкое слово «Ländersekretariate» было переведено на русский как «секционные секретариаты»; партии обычно называли секциями Коминтерна; однако позже немецкий термин вошел в общее употреб-

ление в русской интерпретации (А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, с. 365).

49. Решения Президиума, принятые 17 и 24 марта 1926 г., были опубликованы в «Правде» 4 апреля 1926 г. и в «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 55, S. 794; постоянная профсоюзная комиссия ИККИ (см. выше, гл. 36) была образована тогда же.

50. P. Scheffer. 7 Years in Soviet Russia (Engl. transl.), 1931, p. 219. В 1926 г. Организационный отдел состоял из 11 ответственных работников и 5 инструкторов, а в Восточный отдел входили «20 рабочих из восьми стран Востока» («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 36, 331).

51. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 28.

52. Там же, гл. 31; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 223; «Protokoll des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1921, S. 1045.

53. Об ответственности Оргбюро за нелегальную работу см. выше, прим. 11; решение, разумеется, не было опубликовано.

54. «Bericht der Exekutive der KI, 15 Dezember 1922 — 15 Mai 1923», 1923, S. 8—9; «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 107.

55. С 1926 г. те же обозначения употреблялись в отношении «Organization for the Maintenance of Supplies» — английской организации для борьбы с забастовками, которая приобрела известность во время всеобщей забастовки в мае 1926 г. (см. выше, гл. 31). Гешке употреблял данное обозначение в этом смысле на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале 1926 г. («Шестой расширенный пленум исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 491).

56. По Германии см.: «Междуцарствие...», гл. 9; по Болгарии см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 31; в случае с Эстонией (см. гл. 30) и Польшей (гл. 28, 31) это представляется сомнительным.

57. «Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума ИК Коммунистического Интернационала», 1923, с. 15.

58. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 106—107; комиссия заседала 34 раза в период между IV и V конгрессами.

59. «International Press Correspondence», 1924, No. 57, p. 614; этот пункт не был включен в немецкое издание.

60. R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 442; утверждение (ibid., p. 505), что в середине или к концу 20-х годов «почти двенадцатая часть членов партий прямо финансировалась из России», является сильным преувеличением.

61. «Bericht über die Verhandlungen des III. (8) Parteitags der KPD», 1923, S. 65.

62. Humbert-Droz archives, O141, O423.

63. Ibid., 0013; «М», через которого передавались средства, как предполагалось, был Мирон-Абрамов; он еще раз упоминается как источник средств (ibid., 0074). 1 февраля 1924 г. (ibid., 0419) в дополнение к 50 тыс. лир для издания журнала были запрошены 30 тыс. на нужды Терзини и 370 тыс. на расходы по выборам.

64. Письмо, помеченное «Париж, декабрь 1927 г.», из Архива Троцкого (т. 1059), не имеет адресата, кроме вступительного «дорогие товарищи»; предполагают, что оно было адресовано троцкистской оппозиции. Можно оправдать содержащиеся в нем некоторые преувеличения; однако косвенные свидетельства указывают на изменение отношений, в том числе финансовых, между Коминтерном и партиями ко времени V конгресса в 1924 г. Международная контрольная комиссия, сначала назначенная на конгрессе, как утверждают, привела финансовые дела Коминтерна в порядок, заменив отдельные бюджеты отделов общим бюджетом («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 99—100).

65. Среди партийных бумаг, изъятых полицией при налете на штаб-квартиру Компартии Великобритании в октябре 1925 г., был набросок письма Беннету, представителю Коминтерна, с просьбой как можно скорее направить средства для покрытия расходов: «Мы были вынуждены вести сложную работу, которая

потребовала расходов, не предусмотренных с самого начала» («Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 61—63). В письме Британского бюро Профинтерна Лозовскому в январе 1924 г. содержалась жалоба на нехватку средств (ibid., p. 55—56).

66. Г. Беседовский. На путях к Термидору. Париж, 1931, т. I, с. 241; т. II, с. 20.

67. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 17, S. 212—215.

68. См. ниже, гл. 43.

69. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 121.

70. Ibid., S. 111—143.

71. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 30.

72. Установки см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 34, S. 514—516; V расширенный пленум ИККИ принял резолюцию, которая одобряла выводы конференции Агитпропа и подчеркивала обязанности партий по проведению этой работы («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 521—523).

73. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 69, S. 934.

74. Это была резолюция, которую Ленин критиковал как «почти целиком русскую, то есть все взято из условий России».

75. «Международствие...», гл. 9.

76. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 150—153.

77. См. выше, гл. 36.

78. Об обсуждении этих различий см.: «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 100; «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской Коммунистической Партии», 1953, с. 239—240.

79. См. выше, гл. 43.

80. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 204—207.

81. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

82. R. Schüller et al. Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale, II, 1929, S. 247; об альтернативной германской резолюции, которая была отвергнута, см.: ibid., III, 1930, S. 35—36.

83. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 302.

84. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

85. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 76.

86. R. Schüller et al. Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale, III, 1930, S. 34.

87. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 94, 97, 105—110.

88. Ibid., S. 252, 255.

89. «Resolutions and Theses Adopted by the Fourth Bureau Session of the YCI». Berlin, 1923, p. 43—44.

90. Ibid., p. 45—50.

91. Ibid., p. 52.

92. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, S. 265—268.

93. «Die Internationale», VI, 1923, No. 19, S. 548—553.

94. «Международствие...», гл. 9.

95. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», 1924, S. 114—119; члены КПГ (левой), в том числе Маслов, Рут Фишер и Сельман, сначала голосовали против указания о двух месяцах, но позже приняли резолюцию и инструкцию в целом (ibid., S. 82). В тексте, опубликованном в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 24, S. 261—262, не содержалось последних параграфов резолюции и отсутствовала инструкция — возможно, из-за недостатка места; и этот сокращенный вариант был вновь опубликован в: «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 144—147.

96. «Bericht über die Verhandlungen des IX. Parteitags der KPD», 1924, S. 37, 56.

97. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 63.

98. Ibid., S. 24.

99. «III Congrès National: Adresses et Résolutions», 1924, p. 32.

100. «Bulletin Communiste», No. 14, 1924, p. 337—339.
101. «How to Organize the Communist Party (CPGB)» (n. d.), p. 15, 29—30.
102. «Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB», p. 44—45.
103. «Communist Review», V, 1924, No. 2, p. 54—55.
104. «From Third to Fourth: a Report on the Activities of the YCI». Stockholm, 1924, p. 25.
105. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 454.
106. См. выше, гл. 43.
107. О дискуссии рассказывается в: «How to Organize the Communist Party», p. 9—43; французский вариант был опубликован под названием «Les Questions d'Organisation au Ve Congres de l'IC», 1925. Но не обнаружено соответствующих публикаций на немецком или русском языках.
108. Об уставе см. выше, гл. 43.
109. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 984.
110. Ibid., II, S. 989—997.
111. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 404, 426—428; более позднее утверждение, что делегация КИМа на V конгрессе Коминтерна выступила против признания уличных ячеек («Die Jugend-Internationale», 1926, No. 9, S. 21), не подтверждается материалами конгресса.
112. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 457; эта часть текста не была включена в немецкий вариант резолюции (см. ниже, гл. 45, прим. 19).
113. «How to Organize the Communist Party», p. 114—117; опубликованное письмо (ibid., p. 109—113), как предполагают, было адресовано Компартии Великобритании. Подобная резолюция была принята в отношении ФКП («Les Questions d'Organisation au Ve Congres de l'IC», 1925, p. 89—92).
114. «Die Beschlüsse des IV. Weltkongresses der Kommunistischen Jugend-Internationale», 1924, S. 7, 13—20; докладчик в своем выступлении назвал утверждение Коминтерна о ячейках как организационной основы «крупным достижением Коммунистического Интернационала Молодежи» («Die Jugend-Internationale», No. 11—12, 1924, S. 341—342).
115. Почти год спустя Исполнительное бюро КИМа признало, что «работа ячеек и построенных на их базе местных организаций повсеместно несовершенна» и малоэффективна («Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 154—156).
116. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 117, 1925, S. 1628; об этой резолюции Оргбюро ИККИ от 14 июля 1925 г. см. ниже, с. 000.
117. Официальный специалист по истории Компартии Греции пишет, что «реорганизация партии на основе ячеек проходила с большими трудностями, так как у партии были слабые связи с фабричными рабочими» (Х. Кабакишев и др. Коммунистические партии Балканских стран, 1930, с. 186); не все представители партии были так откровенны.
118. «Bericht über die Verhandlungen der X. Parteitags der KPD», 1925, S. 120—123.
119. Humbert-Droz archives, 0064.
120. «Bulletin Communiste», No. 39, 1924, p. 924—927; полосы этого журнала зимой 1924/25 г. были полны сообщений секретарей местных организаций о ходе процесса реорганизации на вверенных им территориях. На конференции Оргбюро в декабре 1924 г. в Москве французский делегат предоставил полный энтузиазма отчет о функционировании новой организационной системы на парижских фабриках, где собрания в ячейках проводились еженедельно или ежемесячно, а бюро ячеек — «почти ежедневно» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 17, 1925, S. 202—203). В резолюции IV съезда ФКП в январе 1925 г. вновь указывалось на необходимость «завершить» реорганизацию, однако конечный срок был установлен до 1 апреля 1925 г. (ibid., No. 19, 1925, S. 254—255).
121. Ibid., No. 169, 1924, S. 2324—2325; поводом была встреча с Поллитом и Беннетом как представителями Оргбюро Компартии Великобритании (ibid., No. 20, 1925, S. 265—267).

122. Увещающая статья Пятницкого, его выступление на Оргбюро, доклад организационного сектора и примерный устав были опубликованы в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 71, 1925, S. 197—200, 205—215.

123. «Правда», 6 января 1925 г.

124. Зиновьев высказал это соображение на V расширенном пленуме ИККИ в марте 1925 г. («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 62); в докладе исполкома Компартии Великобритании на VI съезде партии в мае 1924 г. уже утверждалось, что «чрезмерная концентрация на плане организации» вела к «снижению политической активности партии» («Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB», 1924, p. 45).

125. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 17—20, 23—24. Этот небольшой том содержит краткую запись о ходе конференции и текст принятых на ней резолюций; более полную информацию о заседаниях см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 40, 1925, S. 597—607; No. 45, 1925, S. 645—658.

126. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 45, 1925, S. 21—23.

127. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 10—11.

128. Ibid., S. 45—46.

129. Ibid., S. 48, 50; делегат КПГ также пожаловался на «пылкость» Германского союза молодежи (ibid., S. 34).

130. Ibid., S. 70.

131. Ibid., S. 111—113, где говорится, что резолюция была одобрена на расширенном пленуме ИККИ. Тем не менее она не упоминается в опубликованных документах расширенного пленума ИККИ; а во французском варианте публикации о заседаниях конференции по организационным вопросам («La Reorganisation des Partis Communistes; Rapports et Discussions de la Conference d'Organisation de l'IC», 1925) просто констатируется, что она была одобрена Оргбюро ИККИ 4 мая 1925 г. (вместе с другими резолюциями конференции).

132. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 113—124, где говорится, что резолюция была утверждена Оргбюро 4 мая 1925 г., но ничего не сказано о ее происхождении; в ней, несомненно, были учтены возражения, высказанные на конференции зарубежными делегациями.

133. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 98.

134. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 117, 1925, S. 1627—1632; остальная часть этой публикации (S. 1633—1670) содержала доклады, статьи и другие материалы, представленные в Оргбюро по этому вопросу.

135. О 1 апреля 1925 г. см. выше, прим. 121.

136. «Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 107; этот положительный опыт был подтвержден годом позже («Zweite Organisationskonferenz des EKKI», 1926, S. 9). Однако цифра в 2500 ячеек, отмеченная 1 марта 1925 г., была наивысшим достижением; после этого энтузиазм спал и количество ячеек уменьшилось («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress 1928», S. 16).

137. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 34.

138. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 90.

139. «Bericht über die Verhandlungen des X. Parteitags der KPD», 1925, S. 120—123.

140. «Zweite Organisationskonferenz des EKKI», S. 8.

141. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 41; все чехословацкие делегаты на конференции в марте 1925 г. утверждали, что сильные социал-демократические традиции являются препятствием для организации ячеек («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 40, 1925, S. 602—603, 606—607). О цифрах по 1925—1927 гг. (1922 в первой колонке явно опечатка — правильно 1925) см.: «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 252.

142. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 19, 160.

143. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской Коммунистической партии», с. 239—240.

144. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 45; «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 185.

145. «KPP: Uchwoly i Rezolucje», I, 1953, с. 256—257.

146. Ibid., II, 1955, S. 126, 328—329.
147. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 57; это подтверждается в: «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 177—178, где отмечена слабая работа в сельской местности.
148. «Report of the Seventh Congress of the CPGB» (n. d.), p. 148—149, 201; цифра 68 уже была названа в Москве («Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 54). Письмо с инструкциями от 22 апреля 1925 г. от Оргбюро ИККИ Оргбюро Компартии Великобритании по вопросу организации ячеек было опубликовано в: «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 5—8.
149. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 54—55.
150. Ibid., S. 81—82.
151. «Daily Worker» (Chicago), September 19, 1925.
152. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 23, S. 340—341; 1926, No. 56, S. 806.
153. «Zweite Organisationskonferenz des ЕККИ», S. 10.
154. См. выше, гл. 32.
155. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 117, 1925, S. 1628; об этой резолюции см. выше, гл. 43.
156. См. выше, гл. 31.
157. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 4, 1926, S. 50—51. О более ранней переписке ИККИ непосредственно после конгресса см.: Ibid., 1925, No. 128, S. 1871—1873.
158. «Die Jugend-Internationale», 1925, No. 2, S. 1—10.
159. См. выше, гл. 31.
160. «Ve Congrès National du Parti Communiste Français», 1927, p. 11.
161. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 50, 79. О письме «двухсот пятидесяти» см. выше, гл. 31; соответствующий отрывок процитирован в: A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français, 1931, p. 175.
162. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 159, S. 2397—2398.
163. Ibid., 1926, No. 4, S. 62—64; «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 22.
164. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 153, S. 2300—2302.
165. Ibid., 1925, No. 117, S. 1628—1632; об этом заседании Оргбюро см. выше, гл. 43.
166. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 165, 1925, S. 2472, 2483—2484; о решении заседания по вопросу о фракциях в кооперативах см. ниже, гл. 44, прим. 150.
167. «Известия Центрального Комитета ВКП(б)», № 5 (126), 8 февраля 1927 г., с. 4; например, письмо партячейки ленинградского Путиловского завода на завод Круппа в Берлине было опубликовано в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 4, 1926, S. 66—68.
168. «Zweite Organisationskonferenz des ЕККИ», S. 5—7; эта брошюра содержит краткий отчет Пятницкого о конференции и принятые на ней резолюции. О конференции вкратце сообщалось в «Правде» 18 февраля 1926 г. и более полно в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 60, S. 845—876; 1926, No. 65, S. 945—991.
169. «Zweite Organisationskonferenz des ЕККИ», S. 8—9; в более позднем отчете в «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 147, цифры по Великобритании были сокращены до 847 человек и 161 ячейки. В соответствии с докладом Ульбрихта в декабре 1925 г. на Оргбюро ИККИ, в Компартии Великобритании так и не уяснили различия между ячейками, которые были базовыми партийными органами и рассматривали все вопросы партийной работы, и фракциями, которые лишь проводили политику партии во внепартийных учреждениях и рассматривали только вопросы, связанные с этими учреждениями («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 165, S. 2464). Путаница между «ячейками» и «фракциями» существовала длительное время и была ликвидирована на VIII конгрессе КИМа в декабре 1922 г.: «когда термин „ячейка“ был впервые публично использован, он употреблялся исключительно в контексте идеи коммунистических групп действия во враждебных организациях. Первые ячейки

появились в профсоюзах, кооперативных и спортивных организациях. Это понятие совсем другое, и его необходимо отличать от идеи фабричной ячейки. Первый тип ячейки должен называться „фракцией”» («Bericht vom. 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 77); однако один из германских делегатов возразил, что вопрос о том, называть ли подразделение фракцией или ячейкой, «не был так важен» (ibid., S. 97). Различие между ячейками и фракциями было вновь подчеркнуто на конференции по организационным вопросам в марте 1925 г. («Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», S. 96—97); см. также письмо Орготдела от 26 сентября 1925 г. («Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 18—19), где ячейки названы, как тогда было принято, «ядрами».

170. «Zweite Organisationskonferenz des EKKI», S. 8, 16—17.

171. Ibid., p. 33—76; резолюция также есть в: «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 572—577.

172. См. выше, гл. 43.

173. «Zweite Organisationskonferenz des EKKI», S. 91—119.

174. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 554. Бордига единственный открыто выступил с критикой принципа организации на базе ячеек из соображений, что это разъединяло рабочих и интеллигенцию («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 112).

175. «Beschlüsse und Resolutionen des Plenums des Exekutiv-Komitees der KZI, März 1926», 1926, S. 10—12.

Глава 44. Массовые организации

1. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 203, 210.

2. «XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 678.

3. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 439.

4. Там же, с. 486.

5. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 571.

6. Текст устава см. в: «Resolutionen, Manifeste, Statuten und Aufrufe des ersten Kongresses der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), S. 70—76; текст устава, помещенный в книге «Десять лет Профинтерна в резолюциях» (1930, с. 272—276), включает в себя поправки, принятые на II конгрессе в 1922 г., но не более поздние, которые, по всей видимости, формально поправками не считались.

7. Нормы представительства как на конгресс, так и в Центральный Комитет были закреплены в статьях 4 и 5 пересмотренного Устава, утвержденного на II конгрессе в 1922 г. («Beschlüsse und Resolutionen des 2. Internationalen Kongresses der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 47).

8. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

9. «Beschlüsse und Resolutionen des 2. Internationalen Kongresses der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 47—48; Советская Россия имела трех представителей, а Германия, Франция, Великобритания, Италия, Соединенные Штаты, Скандинавские страны, Польша, Австралия, Балканские страны, Чехословакия, Испания и страны Востока — по одному. Список 13 избранных представителей см. в «Бюллетене II конгресса Красного Интернационала Профсоюзов», 1922, с. 157.

10. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès» (n. d. [1924]), p. 380—381.

11. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), S. 333.

12. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», p. 381. Томский в это время был в опале («Большевистская революция...», т. 2, гл. 19).

13. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 12 (23), 1922, S. 903; информацию об отделах, из которых состоял секретариат, см.: Ibid., No. 4 (15), 1922, S. 318; «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», p. 381.

14. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
15. Уставы 1921 и 1922 гг. см. выше, прим. 6. Текст пересмотренного устава см. в кн.: «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 272—276, здесь первоначальная формулировка приводится в сноске — возможно, как указание на то, что изменение было внесено исключительно под давлением ВКТ; это единственный случай, когда первоначальная формулировка дается в сноске к измененному тексту.
16. «L'Œcivit  de l'ISR: Rapport pour le III  Congr s», p. 119—120.
17. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 379.
18. «Protokoll  ber den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», S. 26—28.
19. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», с. 217.
20. А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, 1929, с. 111, 145.
21. См., например, материалы V конгресса в: «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, т. 2, с. 259—260.
22. О Восточном бюро см. выше, гл. 37.
23. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 4 (15), 1922, S. 315.
24. «L'Activit  de l'ISR: Rapport pour le III  Congr s», p. 403—406.
25. «Международное рабочее движение», № 15, 1925, с. 22.
26. См. выше, гл. 28.
27. Полный отчет о деятельности этого бюро находится в: «L'Activit  de l'ISR: Rapport pour le III  Congr s», p. 398—403.
28. См. выше, гл. 28.
29. «IV сессия Центрального Совета Красного Интернационала Профсоюзов», 1926, с. 15.
30. «Международное рабочее движение», № 31, 8 сентября 1923 г., с. 4; № 9 (55), 1 марта 1924 г., с. 9; о вступлении «Бельгийских рыцарей труда» в Профинтерн в октябре 1923 г. см. выше, гл. 36.
31. «Bericht  ber die 3. Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 18.
32. Ibid., S. 65.
33. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
34. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 327—328.
35. W. M nzenberg. Solidarit t, 1931, S. 164—166, 194.
36. Ibid., S. 235—238.
37. Ibid., S. 167—169; о деталях оказания помощи см.: Ibid., S. 238—269.
38. «Thesen und Resolutionen des V. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 158—159.
39. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 139.
40. W. M nzenberg. Solidarit t, 1931, S. 169—173.
41. Коммюнике от 27 июля 1925 г. с этой информацией приводится в: «Международная солидарность трудящихся 1924—1927 гг.», 1959, с. 107—108.
42. Многочисленные документы кампании и материалы конгресса приводятся в: W. M nzenberg. F nf Jahre Internationale Arbeitshilfe, 1926, S. 104—120; id. Solidarit t, 1931, S. 173—183, 269—270; речь Кука в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 129, 1925, S. 1890—1981. Современные оценки: Ibid., 1925, No. 136, S. 1989.
43. Программу и устав см.: W. M nzenberg. F nf Jahre Internationale Arbeitshilfe, 1926, S. 20—22, 31—33.
44. «Zweite Organisationskonferenz des EKKI», 1926, S. 106.
45. «Известия», 30 октября 1924 г.
46. «Second Congress of the Labour and Socialist International» (n. d. [1925]), p. 100.
47. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 196.
48. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 110, 1926, S. 1862—1863.
49. В августе 1925 г. делегация «британской секции Межрабпома» посетила Советский Союз и совершила инспекционную поездку по ряду объектов — от детского дома в Казани до сельскохозяйственных предприятий на Урале, управляемых трестом «Трактормежрабпом»; ее прибытие освещалось в «Правде»

(14 августа 1925 г.), а отчет о работе был издан брошюрой («The Work of the Workers International Relief in the USSR», 1925). Рассказ Фрица Платтена о его приезде в 1924 г. с 20 шведскими семьями для организации совхоза на 6000 десятинах в Сибири при содействии Межрабпома см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 92, 1925, S. 1253—1254.

50. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 106.

51. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 128, 1925, S. 1874.

52. Данные приводятся по: «Правда», 17 марта 1926 г.

53. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30. В Британии организация называлась «Международная помощь узникам классовой войны», в США она была известна под названием «Совет защиты труда», в Польше, по странному стечению обстоятельств, — «Польский политический красный крест».

54. «Правда», 16 и 19 декабря 1922 г.

55. «Ten Years of International Red Aid». Moscow (n. d. [1932]), p. 13—15, 100—102.

56. «Правда», 17 марта 1926 г.

57. «Ten Years of International Red Aid», p. 112.

58. «Правда», 2 февраля 1924 г.

59. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 460—462; материалы о деятельности МОПР до 1924 г.: «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», S. 89—93.

60. Материалы конференции: «Правда», 15, 16, 18 июля 1924 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 97, 1924, S. 1260—1261; резолюции: «Ten Years of International Red Aid», p. 15—16, 34—36, 56—59, 156—157.

61. «Правда», 19 июля 1924 г.

62. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 421.

63. «Правда», 2 декабря 1924 г.

64. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 445—446, 578—579.

65. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 73, S. 983.

66. «Крестьянский Интернационал», № 3—5, 1925, с. 167.

67. «Правда», 19 мая 1925 г. В этом же номере сообщалось о заседании германской секции МОПР в Берлине, на котором присутствовало 250 делегатов из них были членами КПГ.

68. A. Brandt. Der Tsheka-Prozess, 1925, S. 56.

69. «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 107.

70. «Междущаствие...», гл. 8.

71. См. выше, гл. 27.

72. «Крестьянский Интернационал», № 1—2, 1925, с. 3—6. В последующей литературе учредительный конгресс, состоявшийся в октябре 1923 г., обычно назывался «конференцией», и Международный крестьянский совет, а не сам Крестьянский Интернационал, назывался самостоятельным органом (в книге: А. Тивель и Т. Хеймо. 10 лет Коминтерна, 1929, с. 368, он упоминается как Международный крестьянский совет (Крестьянский Интернационал); пересмотр терминологии указывает на снижение первоначально завышенных ожиданий).

73. Об этом отчете см. выше, гл. 30.

74. Крестьянские секции были образованы в коммунистических организациях молодежи во Франции, Италии и Мексике («Крестьянский Интернационал», № 1—2, 1926, с. 91—96).

75. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 336—337, 342—343.

76. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 505.

77. В журнале «Крестьянский Интернационал», № 3—5, 1925, был опубликован краткий отчет о пленуме (с. 5—14), два основных доклада (с. 15—66) и резолюции (с. 160—171); отчеты о работе пленума были помещены в: «Правда», 10—12, 14, 18 апреля 1925 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 72, 1925, S. 1394—1395.

78. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 331.

79. «Крестьянский Интернационал», 1925, № 6—7, с. 120—122, 127—133; 1925, № 8—9, с. 5—9.
80. «Правда», 9 октября 1925 г.
81. Там же, 27 августа 1925 г.; запрос, по всей вероятности, остался без ответа.
82. Там же, 27 сентября 1925 г.
83. Там же, 1, 3, 7 октября 1925 г.
84. Там же, 7 октября 1925 г.; 14 марта 1926 г.
85. «Шестой расширенный пленум Коммунистического Интернационала», 1927, с. 53.
86. «Коминтерн: хозяйство, политика и рабочее движение 1924—27», 1928, с. 59—60; ядро организации, очевидно, составлял Сельскохозяйственный Союз СССР, насчитывающий 18—20 млн. членов, и Сельский Господар Украины, насчитывающий 2 млн. членов.
87. В отчете ИККИ V конгрессу Коминтерна (июль 1924 г.) совету был посвящен абзац («Bericht über die Tätigkeit der Executive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», S. 94—95); в соответствующих отчетах ИККИ от февраля и ноября 1926 г. о нем не упоминалось. На XV партконференции ВКП(б) в октябре—ноябре 1926 г. Скрыпник отмечал, что Крестинтерн «до сих пор играл очень маленькую роль, он лишь в известной степени себя проявлял отдельными действиями» («XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 85).
88. «Междущаствие...», гл. 8.
89. «Правда», 26 августа 1925 г.
90. «Крестьянский Интернационал», 1925, № 10, с. 92—96.
91. «Аграрные проблемы», 1927, № 1, с. 174—178; краткий отчет о церемонии появился в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 73, 1926, S. 1166.
92. О всеобщем см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23; о Подвойском см. там же.
93. Об образовании Спортинтерна Подвойский написал в «Правде» 15 октября 1924 г.; о работе польской конференции 1921 г. см.: «Internationale Jugend-Korrespondenz», No. 7, 1923, S. 11.
94. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 204—205.
95. Ibid., S. 196.
96. Эту конференцию впоследствии называли его «фактическим образованием» (Ibid., S. 204).
97. «Die Jugend-Internationale», No. 7, 1923, S. 216; «Bericht der Executive der KI 15. Dezember 1922 — 15. Mai 1923», S. 7.
98. «Малая энциклопедия по международному профдвижению», 1927, кол. 676, датирует вступление чехословацкой организации в Спортинтерн октябрём 1922 г.
99. Об этом конгрессе см. ниже, гл. 45.
100. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 191—206.
101. В своем ответе на дискуссии Михалец утверждал, что вторая конференция Спортинтерна одобрила эти идеи и что Подвойский не возражал (Ibid., S. 216); на III конгрессе КИМа Подвойский дал отпор предложениям Михалеца, но в более мягких выражениях, чем другие советские делегаты (Ibid., S. 214—215). II конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1920 г., принял резолюцию в поддержку эсперанто («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 1000), и Всемирный союз пролетарских эсперантистов еще несколько лет активно работал («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 28, 1925, S. 1873—1874). Интернационал пролетарских свободных мыслей был создан в 1925 г. (Ibid., No. 160, 1925, S. 2411; No. 2, 1926, S. 22—23), он принимал в свои ряды тех, кто не входил в компартии («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 159); некоторое время его руководящие органы находились в Вене (А. Тивель и М. Хейлю. 10 лет Коминтерна, с. 372).
102. Эта концепция ясно отражала точку зрения Пролеткульта, которую в Советской России выражал Богданов и которая в октябре 1920 г. была объяв-

лена еретической (см. т. 1, гл. 2); данное обстоятельство тем более делало ее подозрительной в глазах советских делегатов.

103. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 204.

104. Ibid., S. 198—199.

105. Ibid., S. 205.

106. Ibid., S. 277—279.

107. «Resolutions and Theses Adopted by the Fourth Bureau Session of the YCI». Berlin, 1923, p. 83—95.

108. «Малая энциклопедия по международному профдвижению», 1927, **кол. 626**; *Е. Шелагинова. Шесть лет Коминтерна*, 1925, с. 73.

109. «Ve Congres National du Parti Communiste Français», 1927, p. 576.

110. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), v. II, S. 1030.

111. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 459—460.

112. «Die Beschlüsse des IV. Kongresses der Kommunistischen Jugendinternationale», 1924, S. 80; вариант резолюции на русском языке опубликован в: «Коммунистический Интернационал в документах», с. 453—459.

113. «Die Beschlüsse des IV. Kongresses der KJI», 1924, S. 73.

114. «Bericht über die Tätigkeit der Executive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 93, в сообщении о проведении конгресса в сентябре 1924 г. говорилось также, что он будет «первым настоящим всемирным конгрессом» Спортинтерна.

115. «Правда», 15, 23 октября 1924 г.; «Die Jugend-Internationale», No. 2, 1924, S. 51; No. 3, 1924, S. 90; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 151, 1924, S. 2046—2047.

116. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 97, 1924, S. 1258—1259; Ibid., No. 151, 1924, S. 2046—2047; «Правда», 11 октября 1924 г.; в 1928 г. упоминалось о существовании секций только в Советском Союзе, Чехословакии, Норвегии, Франции, Аргентине, Швеции и Уругвае (*А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна*, с. 368).

117. «Die Jugend-Internationale», No. 7, 1923, S. 216.

118. В Германии секции созданы не были; в апреле 1925 г. Подвойский утверждал, что в германских рабочих организациях, входящих в Люцернский интернационал (общая численность членов которой составляла 1,5 млн. человек), насчитывается 300 тыс. сторонников Спортинтерна и «более полумиллиона сторонников во всем мире» («Beilage zur Jugend-Internationale», No. 8—9, 1925, S. 5).

119. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 138.

120. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), S. 375—377.

121. «Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 211—225.

122. «Beilage zur Jugend-Internationale», No. 8—9, 1925, S. 5—6; о речи Подвойского в этом отчете сообщалось очень кратко, и она вообще не упоминалась в отчете о работе Исполкома КИМа в «Правде». На совместной конференции КПГ и Германской лиги молодых коммунистов 18 июля 1925 г. было решено, что рабочие спортивные организации должны «находиться в основном под влиянием молодежной лиги» («Bericht über die Verhandlungen des X. Parteitags der KPD», 1926, S. 742). Делегирование власти партий молодежной лиге, судя по всему, было проведено всеми основными заинтересованными партиями.

123. Об участии СССР в комитете по здравоохранению Лиги Наций см. выше, гл. 33.

124. «Правда», 10 июля 1925 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 113, 1925, S. 1572—1573.

125. «V съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи», 1926, с. 291—293, 313, 326—327.

126. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 150, 1925, S. 2235—2236.

127. Ibid., No. 161, 1925, S. 2423—2424.

128. «XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 678.

129. «Правда», 25 мая 1926 г.
130. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 81, 1926, S. 1300—1301.
131. «Protokoll des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1921, S. 951—955; резолюции и тезисы в окончательном виде содержатся в: «Beschlüsse und Resolutionen des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1921, S. 87—92.
132. E. Var'yash. Die Internationale Genossenschaftsbewegung und das Sowetgenossenschaftswesen (перевод на немецкий с русского, Москва, 1929), S. 36—37.
133. «Коминтерн: хозяйство, политика и рабочее движение, 1924—27», 1928, с. 117.
134. Мещеряков доложил о конференции IV конгрессу Коминтерна («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 704—709), текст резолюции, очевидно, опубликован не был.
135. Ibid., S. 709—712; здесь содержится проект резолюции, предложенный конгрессу; предположительно, именно он был принят, хотя окончательный текст обнаружить не удалось.
136. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
137. E. Var'yash. Die Internationale Genossenschaftsbewegung und das Sowetgenossenschaftswesen (перевод на немецкий с русского, Москва, 1929), S. 41—42; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 9—10 (44—45), 1924, S. 93—94.
138. См. выше, гл. 36.
139. «Расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 292—296.
140. «Bulletin du Ve Congrès de l'Internationale Communiste» (Moscow), No. 21, 1924, p. 4; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 78, 1924, S. 961—962; No. 84, 1924, S. 1063.
141. «Thesen und Resolutionen des V. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 137—139.
142. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 90, 1924, S. 1133—1134.
143. Решение об участии в нем было принято секцией ИККИ по работе в кооперативах 17 июля 1924 г. и было создано бюро для его организации («Правда», 19 июля 1924 г.).
144. Советские оценки конгресса, данные ему в то время, см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 121, 1924, S. 1603—1610; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 9—10 (44—45), 1924, S. 92—96; No. 12 (59), 1925, S. 348—349; «Крестьянский Интернационал», 1924, № 7—9, с. 154—158.
145. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 163, 1924, S. 2237—2238; среди документов, захваченных британской полицией в помещении руководящих органов КПВ в 1925 г., был циркуляр на 11 страницах секции ИККИ по работе в кооперативах от мая 1925 г. о деятельности в них и инструкция от 8 мая 1925 г. об участии в конференциях кооперативов («Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 42—45).
146. В это время отмечалось, что члены КПГ «довольно неохотно работают в кооперативах» и образовали в них очень мало секций, поскольку «центральное руководство кооперативов строго запретило ведение в кооперативах коммунистической пропаганды» («Der Organizadorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 89); британские и французские коммунисты, судя по всему, были склонны подчиниться этому запрету, хотя Французская национальная федерация революционных кооперативов обратилась к Национальной федерации потребительских кооперативов с просьбой участвовать в кампании против войны в Марокко («L'Humanité», juli 5, 1925).
147. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 73—74.
148. Ibid., S. 39, 74.
149. Советские отчеты о работе Центрального комитета МКА см. в: «Правда», 8, 9 октября 1925 г.; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale Genossenschaftsbewegung und das Sowetgenossenschaftswesen» (перевод с русского на немецкий, М., 1929), S. 67—68.
150. На заседании оргсекции ИККИ в декабре 1925 г. представитель кооперативов выражал сожаление по поводу того, что, несмотря на директивы Комин-

терна, слишком незначительное число членов партии вступало в кооперативы и создавалось слишком незначительное количество коммунистических фракций в них, а партии обращали на них слишком мало внимания: «Политическая линия в работе с кооперативами отсутствует» (*Internationale Presse-Korrespondenz*, No. 165, 1925, S. 2472).

151. *Ibid.*, No. 11, 1926, S. 141.

152. Появилось также издание на немецком языке под названием «*Die Genossenschaft im Klassenkampf*».

153. «*Internationale Presse-Korrespondenz*», No. 17, 1926, S. 242—243

154. Материалы о работе конференции см. в: «*Internationale Presse-Korrespondenz*», No. 58, 1926, S. 821—832; *Ibid.*, No. 73, 1926, S. 1167—1168.

155. *Ibid.*, No. 78, 1926, S. 1246.

156. «*Большевистская революция...*», т. 3, гл. 36; документы социалистической конференции женщин 1915 г. см.: *O. H. Gankin and H. H. Fisher. The Bolschevisk and the World War*. Stanford, 1940, p. 286—301.

157. «Отчет первой международной конференции коммунисток», 1921, с. 17, 21—22.

158. Там же, с. 90—93; статья о работе партии среди женщин в 1919—1925 гг. классифицирует «делегатские встречи» как «одну из самых распространенных форм работы среди женщин» и приводит инструкцию Центрального Комитета партии, в которой они описываются как «проводники влияния РКП(б) на широкие массы работниц, крестьянок и трудящихся женщин Востока» («Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, с. 179—180).

159. «Отчет международной конференции коммунисток», 1921, с. 95—96; «Правда» от 7 августа 1920 г. сообщила о назначении редакционной комиссии при завершении конференции, но не упомянула К. Цеткин.

160. «Второй конгресс Коминтерна», 1934, с. XIV, 451.

161. Первая публикация этих тезисов была обнаружена в журнале «Коммунистический Интернационал», 1920, № 15, кол. 3453—3472; этот вариант воспроизводится в кн.: «Второй конгресс Коминтерна», 1934, с. 673—686. Еще один вариант на русском языке, одинаковый по содержанию, но уступающий в стиле, появился в книге: «Отчет первой международной конференции коммунисток», 1921, с. 99—123 (как объяснялось в предисловии, подготовка этого тома задержалась из-за смерти Инессы Арманд). Если редакционная комиссия вела работу на немецком языке, то это, очевидно, были различные переводы необнаруженного немецкого текста на русский язык.

162. Эти детали взяты из отчета А. Коллонтай второй международной конференции, состоявшейся в июне 1921 г. («Правда», 12 июля 1921 г.), и из ее более поздней статьи в журнале Коминтерна («Коммунистический Интернационал», 1921, № 19, кол. 5097—5100).

163. О ней сообщалось в «Правде» от 11—17 июня 1921 г.

164. Статья А. Коллонтай в: «Коммунистический Интернационал», 1921, № 19, кол. 5097—5100.

165. «*Protokoll des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale*», 1921, S. 916—917.

166. Тезисы и резолюцию см. в книге: «Коммунистический интернационал в документах», 1933, с. 242—256. После конгресса ИККИ 13 июля 1921 г. утвердил назначение 5 из 6 секретарей, выдвинутых на предшествовавшей конференции женщин; шестой секретарь, Лилина, вошла в состав секретариата на основании более позднего решения Президиума ИККИ от 20 сентября 1921 г., принятого после одобрения Центрального Комитета РКП(б) («Деятельность Исполнительного комитета и Президиума ИК Коммунистического Интернационала», 1922, с. II, 220).

167. «*Большевистская революция...*», т. 1, гл. 8.

168. Ее последнее появление в качестве представителя женского секретариата зафиксировано на заседании расширенного пленума ИККИ в феврале 1922 г. («Правда», 25 февраля 1922 г.).

169. «*Thesen und Resolutionen des IV. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale*», 1923, S. 64—65.

170. «Правда», 7 декабря 1922 г.

171. «Bericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale», 15 Decem-ber 1922 — 15 Mai 1923. 1923, S. 15.
172. Это утверждал О. Куусинен на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале — марте 1926 г. («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 503); О. Куусинен, не принимая во внимание решение 1920 г., посчитал, что тогда это предложение было выдвинуто впервые.
173. О. Куусинен отметил и это на том же пленуме (см. прим. 172); полный комплект журнала получить не удалось.
174. «Расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 207.
175. «Bericht über die Tätigkeit der Executive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress», 1924, S. 86; работа среди женщин в других партиях была признана слабой.
176. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 449—453; резолюция на конгрессе не обсуждалась, и, очевидно, не существует записей обсуждения в оргкомиссии, предложившей проект резолюции.
177. Об уставе см. выше, гл. 42—43.
178. «Правда», 9 июля 1924 г.; в 1924 г. восточная секция женского секретариата направила в Китай организатора («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 68).
179. См. прим. 182.
180. «Правда», 11 июля 1924 г.; в день открытия конференции там были помещены статьи К. Цеткин, Г. Штюрм и Николаевой, и кратко сообщалось о конференции в номерах от 12, 15, 16, 18, 20 июля 1924 г.; более полные сообщения см. в трех специальных номерах: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 106, 1924; No. 109, 1924; No. 110, 1924.
181. Ibid., No. 110, 1924, S. 1419; «How to Organize Communist Party» (CPGB, n. d.), p. 121—130. Эта резолюция не была включена в номер «Die Kommunistische Fraueninternationale», посвященный работе конференции (см. прим. 182).
182. «Die Kommunistische Fraueninternationale», IV, No. 7, 1924, S. 9, 14—15; решение о переводе секретариата в Москву см.: Ibid., S. 32.
183. Отчет о работе конференции и текст резолюции см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 101, 1925, S. 1371—1383. Резолюция опубликована также в: «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 139—143; Она была официально одобрена Оргбюро 4 мая 1925 г. Отдельная конференция, посвященная проблемам работы среди женщин Востока, открылась докладом Николаевой («Правда», 14 апреля 1925 г.).
184. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 100, 1925, S. 1368.
185. «International Press Correspondence», No. 63, 1925, p. 883—885.
186. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1925, S. 63.
187. Полный отчет об этом заседании был опубликован в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 74, 1926, S. 1169—1184; вскоре опубликованную статью Гертты Штюрм см. Ibid., No. 75, 1926, S. 1200—1202.
188. Доклад О. Куусинена, материалы дискуссии и заключительные замечания О. Куусинена см. в: «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 485—504.
189. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 571.
190. «Tätigkeitsbericht der Executive der Kommunistischen Internationale», Februar — November 1926. 1926, S. 32.

Глава 45. Коммунистический Интернационал Молодежи

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
2. В резолюции III конгресса Коминтерна было дано определение КИМа «как составной части Коминтерна» (там же, т. 3, гл. 30). В докладе ИККИ на V конгрессе в июне 1924 г. КИМ был причислен в качестве союзной к ряду таких организаций, как МРП, МОПР, Крестинтерн и пр., в качестве вспомога-

тельной международной организации («Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV. bis V. Weltkongress, 1924, S. 79—83); в докладе на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале 1926 г., в который не были включены вспомогательные организации, КИМ был назван в одном ряду с иностранными партиями в главе «Секции Коминтерна в капиталистических странах» («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 319—328, 370); в докладе ИККИ на VI конгрессе в 1928 г. («Die Komintern vor dem 6. Weltkongress») КИМ не упоминался; он самоопределил свой статус, принятый в 1928 г., как «секция Коммунистического Интернационала» («The Young Communist International: Between the IV and V Congresses», 1928, p. 233), и был включен в качестве таковой отдельно от других вспомогательных организаций в кн.: А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, с. 345. С другой стороны, по индексу «Internationale Presse-Korrespondenz» КИМ постоянно относился к числу массовых (вспомогательных) организаций.

3. «Коммунистический Интернационал в документах», 1938, с. 333—334.

4. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 76, 184; в таблице (ibid., S. 289) общее число делегатов указывается 91 человек (41 — рабочие, 7 — крестьяне, 15 — служащие и 29 — интеллигенция, что составляет в целом 92 человека). R. Schüller at al. Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale, III, 1930, S. 29—30, говорит о существовании в то время 54 коммунистических молодежных лиг общей численностью в 750 тыс. человек, но считает эту цифру «очень завышенной»; соответствующая цифра на 1920 г. была 800 тыс. человек («Большевистская революция...», т. 3, гл. 30).

5. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 24.

6. Ibid., S. 68—70.

7. R. Schüller et al. Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale, III, 1930, S. 12; на III конгрессе КИМа делегат Норвегии отставил требование норвежской молодежной лиги занимать — вопреки приказам из Москвы — нейтральную позицию во внутренней дискуссии норвежской компартии («Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 24, 34, 229).

8. Ibid., S. 174.

9. См. выше, гл. 43.

10. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 264—270.

11. Ibid., S. 240.

12. Ibid., S. 229—230.

13. «Правда», 20 декабря 1922 г.

14. «From third to fourth: a report on the activities of the YCI», 1929, p. 39.

15. Ibid., p. 70—72.

16. «Die Jugend-Internationale», No. 9, 1923, S. 278—279; No. 2, 1923, S. 51—52; позже было признано, что практически не было никакого прогресса в реорганизации лиги на базе первичной ячейки вплоть до окончания IV конгресса КИМа в июле 1924 г. («Die Jugend-Internationale», No. 10, 1925, S. 233—235).

17. В период между октябрём 1923 г. и июлем 1924 г. численность сократилась с 70 тыс. до 40 тыс. («Third to Fourth: a Report on the Activities of the YCI», 1924, p. 39), число ячеек сократилось с 500 в октябре 1923 г. до 150 на середину 1924 г., хотя на IV конгрессе КИМа в июле 1924 г. еще называлась официальная цифра — 300 («Die Jugend-Internationale», No. 11—12, 1924, S. 341, 343). Уменьшение общей численности продолжалось до конца 1924 г. («Bericht über die Verhandlungen des X. Parteitags der KPD», 1926, S. 80—81); в 1925 г. насчитывалось лишь около 25 тыс. («Die Jugend-Internationale», No. 10, 1925, S. 232—233).

18. Ibid., No. 10, 1924, S. 312—313; эта статья Шуллера смягчала остроту дискуссии.

19. Тексты этой резолюции на русском и немецком языках («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 452—459; «Thesen und Resolutionen des V. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 146—153), так же как и профсоюзная резолюция (см. выше, гл. 36), дают картину

некоторых странных расхождений. Так, 11 разделов в русском варианте резолюции сведены до 9 в немецком варианте текста, из которого изъят раздел 5 (русского текста), содержащий текст о вышеупомянутом прогрессе КИМа, а раздел 9 (русского текста) с отдельным параграфом о «безотлагательной борьбе за власть» преобразован в подраздел [(7) (d)] в немецком варианте резолюции; фраза же о «военном образовании и подготовке», упоминавшаяся выше, осталась в немецком тексте, но отсутствует в русском. По поводу прочих расхождений см. гл. 43 (первичная организация, ячейка) и гл. 44 (спорт). Некоторые отклонения могут быть объяснены вполне правдоподобно, другие имеют чисто случайный, непреднамеренный характер.

20. Конгресс КИМа проходил с 15 по 25 июля 1924 г., и газета «Правда» регулярно освещала ход его работы, так же как и «Die Jugend-Internationale», No. 11—12, 1924, S. 335—353.

21. «Коммунистический Интернационал», № 7, 1924, кол. 41—43.

22. «Правда», 15 июля 1924 г.

23. Там же, 16 июля 1924 г.

24. Там же, 19 июля 1924 г., «Die Jugend-Internationale», No. 11—12, 1924, S. 340.

25. Ibid., No. 11—12, S. 253; текст резолюции: «Die Beschlüsse des IV. Kongresses der KJI», 1924, S. 5—10.

26. В официальном письме от 20 марта 1924 г. всем молодежным лигам, входящим в КИМ, ИККИМ давал разъяснения по всем вопросам, поднятым в русской компартии, и призывал к поддержке «старой большевистской гвардии»; «Правда», подытоживая это письмо в номере от 1 апреля 1924 г., сообщала, что центральные комитеты ведущих европейских молодежных лиг уже выразили свою поддержку позиции ИККИМ и Центрального Комитета русской компартии. Текст письма в: «Die Jugend-Internationale», No. 7, 1924, S. 212—214.

27. «Правда», 26 июля 1924 г.

28. «Die Beschlüsse des IV. Kongresses der KJI», 1924, S. 11—12. 35—46, 47—58, 64—69.

29. «Коммунистический Интернационал», № 7 (36), 1924, кол. 45. Шуллер использовал те же формулировки и дополнил их, подчеркнув, что конгресс «поставил перед КИМом четкую задачу большевизации» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 115, 1924, S. 1499—1500); но термин «большевизация» был еще недостаточно широко принят, чтобы использовать его в тексте резолюций конгресса.

30. «Расширенный пленум ИККИ», 1925, с. 145—147, 151.

31. Заседание проходило 9—13 апреля 1925 г., его работа в общих чертах освещалась на страницах «Правды», а более полно в: «Beilage zur Jugend-Internationale», 1925, No. 8—9.

32. R. Schüller et al. Geschichte der Kommunistischen Jugend-Internationale, III, 1930, S. 190.

33. См. выше, гл. 45.

34. «Die Jugend-Internationale», No. 10, 1925, S. 232—233.

35. Ibid., No. 11—12, 1925, S. 268—271.

36. См. выше, гл. 31.

37. Рабочие материалы и текст тезисов и резолюции см.: «Bericht über die Verhandlungen des X. Parteitags der KPD», 1926, S. 719—744. Тогда практически было покончено с ультралевой оппозицией в германской лиге; в октябре 1925 г. конгресс лиги проголосовал за линию Коминтерна.

38. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 125, 1925, S. 1809—1818; «Die Jugend-Internationale», No. 11—12, 1925, S. 266—268; «The Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses», 1928, p. 63.

39. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 128, 1925, S. 1863.

40. Прокламации ИККИМ см.: Ibid., 1925, No. 125, S. 1799—1800.

41. Ibid., 1925, No. 16, S. 2425—2432.

42. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, p. 319.

43. Доклад Вучовича был напечатан под заголовком «Die Lage der Arbeiterjugend und die nächsten Aufgaben der KJI as Beilage zur Jugend-Internationale», No. 9, 1926.

44. Общие сообщения об этом заседании см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 32, 1926, S. 454; No. 50, 1926, S. 700; No. 51, 1926, S. 710—711.
45. «Beschlüsse und Resolutionen des Plenums des Exekutiv-Komitees der KJI», 1926, S. 6.
46. Резолюцию заседания по первичной организации (ячейке) см. выше, гл. 43.
47. «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 263—264.

Глава 46. Программа Коминтерна

1. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 49, 1922, S. 365.
2. Отчет о заседании 28 июня 1922 г. был направлен партиям 4 июля 1922 г. и хранится в архиве Эмбер-Дро (документ № 0359). Отчетов о последующих заседаниях не обнаружено.
3. Проект Бухарина в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 222, 1922, S. 1581—1588 (или: *Н. Бухарин*. Атака, 1924, с. 285—503). Проекты Варги и Талгеймера в: «Коммунистический Интернационал», № 22, 1922, кол. 6141—6162; в этом же номере помещена временная программа КПГ, которая была подготовлена партийной комиссией по выработке программы на основе тезисов Талгеймера.
4. Эти статьи были опубликованы в: «Коммунистический Интернационал», № 22, 1922, кол. 5867—5904.
5. Этот протест, который, очевидно, не был опубликован, упоминался Н. Бухариным в выступлении на конгрессе («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 422); не ясно, являлся ли «доклад», упоминаемый в том же абзаце как разосланный партиям, неопубликованным докладом комиссии или просто отчетом о ее заседаниях.
6. Эту речь см. в: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
7. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 281.
8. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
9. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 404—424.
10. Роза Люксембург в работе «Накопление капитала» доказывала, что Марксово заключение о крахе капитализма, основанное на гипотезе о повсеместно капиталистическом мире, было неполным, так как капитализм мог продолжать сохранять себя лишь до тех пор, пока некапиталистические части мира были еще открыты для эксплуатации; когда же эта возможность исчезнет, крах будет неизбежным. Н. Бухарин на расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г. критиковал люксембургянство за посылку, что «научное доказательство краха капитализма возможно только с помощью этой теории» («Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 244). Ортодоксальная большевистская критика этого положения сводилась к тому, что оно носило фаталистский характер и, следовательно, потенциально меньшевистский, поскольку предполагало неизбежность краха капитализма и не учитывало роль пролетариата и его партии и необходимость союза рабочих и крестьян и колониальных народов.
11. Цитату, приведенную Талгеймером, см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 372—373, 311—312.
12. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 427—440.
13. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 441—448.
14. Как позднее заявлял Суварин («Bulletin Communiste», No. 8, 1925, p. 118), Н. Бухарин был направлен Лениным, который, возможно, отчасти руководствовался своей оценкой Октября 1917 г., а отчасти сильным в тот период желанием учесть взгляды иностранных делегаций («Большевистская революция...», т. 3, гл. 31).
15. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 542.

16. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 542—543.

17. Японская программа путанно повторяла отвергнутый проект Бухарина и добавляла к нему набор особых «переходных» требований японской партии («Materialen zur Frage des Programms der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 274—278); не ясно, была ли одобренная на VI съезде КПВ в мае 1924 г. британская программа («Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB», 1924, p. 35—41) и опубликованная в: «Communist Review», V, No. 2, 1924, p. 79—103, представлена в 1923 г. или являлась более поздней попыткой.

18. О Хэглунде см. выше, гл. 28; о кампании Шлагетера см. «Международствие...», гл. 7.

19. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 243—248, 317; статью Трейнта о «рабочем империализме» см.: «Bulletin Communiste», No. 15, 1923, p. 155.

20. В соответствии с замечанием в «Коммунистическом Интернационале в документах», 1933, с. 1, «дискуссия протекала очень вяло (за исключением России)». Даже среди русских лидеров заинтересованность в программе Коминтерна проявлял только Н. Бухарин. Рязанов бросил обидный упрек в безразличии к программе Коминтерна XIV партийному съезду в декабре 1925 г.: «Никто из вас не слышал, никто не знает этого» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 690).

21. «Materialen zur Frage des Programms der Kommunistischen Internationale», 1924; «Le Programme de l'Internationale Communiste: Projets présentés a la Discussion du Ve Congrès Mondial», 1924; соответствующее русское издание не обнаружено. Книга «Атака», в которой Н. Бухарин переиздал свой проект 1922 г., снабжена предисловием, датированным маем 1924 г.

22. «Bulletin du Ve Congrès de l'Internationale Communiste», No. 2, 1924, p. 2—3; No. 5, 1924, p. 2. Не обнаружено никаких других отчетов об этих заседаниях. Отчеты, очевидно, фрагментарны и, возможно, проводились другие заседания.

23. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 511—512.

24. См. выше, гл. 28.

25. «Die Internationale», VII, No. 10—11, 1924, S. 328—348.

26. См. выше, гл. 28.

27. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 512—530; позиция Бухарина по вопросу о природе НЭПа предвосхищала спор с Зиновьевым в следующем году.

28. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 576.

29. Этот проект не был опубликован, но в Нью-Йоркской публичной библиотеке хранится его копия (без последней страницы).

30. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), II, S. 1007—1008; резолюция помещена также в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 119, 1924, S. 1569; «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, с. 66. Отчет о дискуссиях в комиссии не был опубликован; какая-то их часть, очевидно, получила отражение в статье Талгеймера от 30 июня 1924 г., напечатанной в: «Большевик», № 7—8, 1924, с. 14—20; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 99, 1924, S. 1276—1278.

31. Ibid., No. 136, 1924, S. 1796—1810; «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, с. 66—68.

32. См. статью Талгеймера в: «Большевик», № 10, 1924, с. 12—18, критикующую проект и утверждающую, что только русская и германская партии приняли участие в дискуссии.

33. Резолюция о реорганизации ИККИ, принятая на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале—марте 1926 г. (см. выше, гл. 43), включала решение учредить «авторитетную постоянную комиссию» для руководства дискуссиями по программе в ходе подготовки VI конгресса, который, как тогда рассчитывали, должен был открыться в феврале—марте 1927 г.

34. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

35. «Bericht vom 3. Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 168.
36. Ibid., S. 270.
37. «Resolutions and Theses Adopted by the Fourth Bureau Session of the YCI». Berlin, 1923, p. 17—18.
38. «Die Beschlüsse des IV. Kongresses der KJI», 1924, S. 63.

Приложение А. Советско-германское военное сотрудничество

1. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.
2. Письма от 29 февраля 1924 г. Юнкерса военному руководству были опубликованы в: «Die Pfälzische Post», October 11, 1928; авиамоторы в то время закупались Советским Союзом в Германии («Auswärtiges Amt», 9524/671391—2).
3. Впервые это соглашение было предано огласке в марте 1927 г. в памфлете СДПГ «Sowjetgranaten», переведенном в книге «The Russian Face of Germany» (1932, p. 178—204). Эта книга, несмотря на журналистский стиль, неточности и ошибки в деталях, была первой серьезной попыткой собрать и опубликовать обширную информацию о советско-германском военном сотрудничестве. Детали соглашения взяты из письма Секта 18 августа 1924 г. (см. прим. 6; более позднее заявление Секта в апреле 1926 г. см.: «Auswärtiges Amt», 6698/105414—6).
4. Запись этого разговора см. выше, гл. 26.
5. «Auswärtiges Amt», 4564/162746.
6. Письмо Секта было опубликовано в: «Vorwärts», October 12, 1928.
7. «Правда», 23 марта 1923 г. содержит один из редких опубликованных советских источников об этих сделках.
8. «Auswärtiges Amt», 4564/162784, 162796—7.
9. Более подробную информацию об этом деле, прямо не связанном с германо-советскими отношениями, можно найти в архивах (особенно меморандум Секта в: «Auswärtiges Amt», 6698/105414—6); упоминания об этом см. также: C. F. Melville. *The Russian Face of Germany*, 1932, p. 71—73. Это оказалось одной из причин разоблачений в рейхстаге в декабре 1926 г., речь о которых пойдет в соответствующем томе.
10. Заявление Гилднера см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32. В работе: G. Hilger. *Wir und der Kreml*, 1955, S. 196, он говорит о «небезосновательных утверждениях, что его фирма (то есть «Юнкерс») была виновной в нарушении контракта, так как не смогла, вопреки взятым на себя обязательствам, наладить производство авиамоторов». «Правда» 23 марта 1926 г. писала, что «фабрика практически полностью не смогла наладить выпуск моторов».
11. Согласно C. F. Melville. *The Russian Face of Germany*, 1932, p. 77, фабрика «стала собственностью Советского правительства в какое-то время — очевидно, не позднее 1926 г.»; Кестринг в устном заявлении 1948 г. указывает дату продажи — 1929 г. («Les Relations Germano-Sovietiques», ed. J.-B. Duroselle, 1954, p. 197). Ф. Л. Карстен («Survey», No. 44—45, 1962, p. 122) со ссылкой на архив Секта утверждает, что это произошло в 1927 г.
12. В статье генерала Шпейделя («Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», Stuttgart, I, 1953, S. 17—45) дается полная характеристика Липецка; Шпейдель был тесно связан с подготовкой летного состава. Он не упоминает о фабрике Юнкерса и в меньшей степени знаком с другими аспектами германо-советского военного сотрудничества; некоторые рассуждения на эту тему, содержащиеся в статье, неправильны. Но его отчет о Липецке, возможно, достоверен.
13. «Auswärtiges Amt», 4564/163630; о становлении советских ВВС см. настоящую работу, т. 2, гл. 23.
14. Устное заявление Кестринга в 1948 г. воспроизводит Дж. Кастеллан в: «Les Relations Germano-Sovietiques», ed. J.-B. Duroselle, 1954, p. 157—158.
15. В соответствии с меморандумом германского МИД от 12 июля 1926 г. «создание танкового училища в Казани... находится в состоянии подготовки; в последующем меморандуме от 9 февраля 1927 г. об училище упоминается как

об уже действующем на тех же основаниях, что и в Липецке («Auswärtiges Amt», 4564/163631, 163486). В докладе Бромберга танковое училище упоминается как «почти законченное» («Auswärtiges Amt», 9480/276186).

16. «Les Relations Germano-Soviétiques», 1954, p. 180—182; информация была получена из позднейшего сообщения польской разведки, но была подтверждена Кестрингом, добавившим, что немецкие офицеры в «Каме» носили советскую военную форму.

17. Троцкий сказал: «Что касается немецкой помощи, то я должен признать, что нам не следует от нее отказываться (смех). Но нам хорошо известно, что германское правительство предпочитает вести химическую войну против нашей торговой делегации, а не объединить немецкую технику с материальными ресурсами СССР и, тем самым, обогатить немецкий народ и помочь нам быстро взобраться по лестнице экономического строительства» («Правда», 20 мая 1924 г.); речь упоминается в книге: V. N. Ipatieff. The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 397.

18. Записка Красина Троцкому от 12 июля 1924 г. находится в Архиве Троцкого (т. 829).

19. «Auswärtiges Amt», 4564/162858—9. Это представляется лучшим доступным источником по данному вопросу, но многое остается неясным.

20. C. F. Melville. The Russian Face of Germany, 1932, p. 180—185.

21. V. N. Ipatieff. The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 423.

22. «Томка» начала функционировать в начале лета 1928 г. (доклад Бломберга в: «Auswärtiges Amt», 9480/27618); по мнению Кестринга, ежегодно в «Томку» отправлялось не более четырех или пяти немецких офицеров («Les Relations Germano-Soviétiques», p. 187).

23. На это намекалось в памфлете СДПГ «Sowjetgranaten», 1927 (C. F. Melville. The Russian Face of Germany, 1932, p. 184).

24. «Auswärtiges Amt», 4564/162663, 162667—75; в архиве Секта содержится упоминание о встрече в советском посольстве в Берлине 30 января 1926 г., на которой обсуждалось будущее ГЕФУ («Survey», No. 44—45, October 1962, p. 122, note 26).

25. C. F. Melville. The Russian Face of Germany, 1932, p. 191—192; письмо из военного министерства относительно этих изменений было опубликовано в: «Die Pfälzische Post», October 16, 1928.

26. См. выше, гл. 32.

27. Отчет об этой встрече см.: «Auswärtiges Amt», 4564/162694—9; Шуберт, докладывая об этом Брокдорф-Ранцау, доказывал, что, хотя предложения Уншлихта содержали много потенциальных преимуществ, ущерб, возможный в случае раскрытия каких-либо данных о советско-германском сотрудничестве в этих областях, был очень значителен (ibid., 4564/162703—8). Ответ Брокдорфа-Ранцау не обнаружен, но он, по всей видимости, был возмущен непрекращающимися попытками рейхсвера вести переговоры за его спиной. В работе: G. Hilger. Wir und der Kreml, 1955, S. 195, автор замечает отсутствие каких-либо результатов после зондажа Уншлихта.

28. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», Stuttgart, I, 1953, S. 35—36.

29. «Auswärtiges Amt», 4562/155661, 155702—4.

30. Ibid., 4564/162821.

31. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», Stuttgart, I, 1953, S. 36.

32. Ibid., I, S. 34—35; Кестринг также говорит о чрезмерных требованиях и постоянных подозрениях русских о том, что «их партнеры скрывают от них самые свежие результаты их работы» («Les Relations Germano-Soviétiques», 1954, p. 189).

Приложение Б. Ленинские школы

1. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 428—438.

2. Идея партийных школ, разумеется, была не новой. О русских партийных школах см. выше, т. 2, гл. 19; Компартия Польши в 1922 г. предложила организовать партшколу («KPP: Uchwały i Rezolucje», I, 1953, p. 175). Но это была

- первая попытка систематизировать имеющийся опыт в рамках Коминтерна; подробнее исследование проблемы см.: «Ein Jahr Arbeit und Kampf» 1926, S. 45—49.
3. Сообщение, направленное КПВ, было опубликовано в: «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 22—23.
  4. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 172; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 522.
  5. «Report of the Seventh Congress of the CPGB» (n. d.), p. 124—128. В письме Агитпропа КПВ от 25 июня 1925 г. число предполагаемых участников увеличилось до 5 человек от Англии и до 3 от доминионов и давалось заверение, что «бюджет этой школы теперь окончательно утвержден» («Communist Papers», Cmd. 2862, 1926, p. 29).
  6. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 49; «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 31; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 68, 1926, S. 1071.
  7. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 37 (111), с. 25.
  8. «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale», Februar — November 1926 (1926), S. 30; в соответствии с: R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 509—510, вне Москвы было создано секретное подразделение для обучения нелегальной работе.
  9. «L'Humanité», novembre 15, 1924.
  10. Ibid., décembre 2, 1924.
  11. Об этом визите см. выше, гл. 26.
  12. «L'Humanité», décembre 7, 8, 10, 1924; «Cahiers du Bolchevisme», No. 9, 1925, p. 620—621; No. 29, 1925, p. 1961—1967 (самый полный из доступных отчетов); «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 34, 1925, S. 502—504.
  13. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 171—172.
  14. «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 27, 30, 63.
  15. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 66, 1926, S. 1004—1005.
  16. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 46; в отчете о центральных партийных школах в журнале «Коммунистический Интернационал», 1926, № 6 (64), с. 49—53, упоминается только одна чехословацкая школа.
  17. «Report of the Seventh Congress of the CPGB» (n. d.), p. 125, 128.
  18. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 156, 1925, S. 2351—2352.
  19. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 47.
  20. «Cahiers du Bolchevisme», No. 41, 1926, p. 558; «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 46; «Коммунистический Интернационал», 1926, № 6 (64), с. 50.
  21. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 46.
  22. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 156, 1925, S. 2352; «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 46.
  23. «Die Jugend-Internationale», No. 4, December 1925 — Januar 1926, S. 40—44.
  24. Ibid., No. 6, Februar 1926, S. 37—38.
  25. «L'Humanité», novembre 15, décembre 6, 1924.
  26. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 47.
  27. Ibid., S. 147.

Э. КАРР
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

8

**СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ СТРАНЕ
1924—1926**

Том 3

Часть 2

Художник *Ю. Н. Егоров*

Технический редактор *Л. Н. Шупейко*

Корректор *Т. А. Шустина*

Сдано в набор 15.09.89 г. Подписано в печать 26.12.89 г.
Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,18. Уч.-изд. л. 27,82. Кр.-оттиски 27,82
Изд. № 24/44510

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по печати
119847, Zubovskiy bulvar, 17

